ISSN 2304–4748

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 10

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2026

УДК 94:327(476)

Зборнік уключае навуковыя артыкулы, якія характарызуюць працэсы фарміравання дзяржаўнасці ў народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы, узаемаадносіны беларускага этнаса з рознымі народамі і дзяржавамі ў розныя гістарычныя эпохі. У іх паказана роля і месца Беларусі ў міжнародна-палітычных працэсах, якія адбываліся ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе, выяўлены ўплыў разнастайных фактараў на сацыяльна-культурныя і дзяржаўна-палітычныя працэсы ў Беларусі і ў краінах еўразійскай прасторы.

Выданне адрасавана прафесійным гісторыкам, настаўнікам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй.

Зборнік выдадзены ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй пры ўдзеле выдавецтва.

Зборнік выдадзены пры падтрымцы Філіяла ЗАСТ “Белнафтастрах” у Гомелі.

Рэдакцыйная калегія:

М. М. Мязга (галоўны рэдактар),
С. А. Чаропка (намеснік галоўнага рэдактара),
М. А. Арцюшка, А. М. Дуброўка, С. Б. Жыхараў, А. М. Кротаў,
С. М. Ражкова, Д. М. Талочка, А. П. Шыляеў

Рэцэнзенты:

кандыдат гістарычных навук С. В. Целепень,
кандыдат гістарычных навук Г. А. Аляксейчанка

© Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны», 2026

ЗМЕСТ

Алейнікаў Я. Д., Міхедзька В. А.	“Калі хочам дзяржаву ўнукам мы пакінуць...”: палеміка вакол уніі Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай у другой палове XVI стагоддзя	6
Есис В. А.	Церемониальное оружие в дипломатических отношениях ВКЛ XVI века: к вопросу изучения традиции *stocco pontificio.*	10
Барсук Е. Е.	Художественные образы прошлого белорусов в конце XVI–XVII веке как фактор формирования исторической памяти...	14
Хроленок Е. В.	Стародубские церкви, монастыри и их землевладение (XVI – первая половина XVII века)	20
Садовникова К. Н.	Институциональная эволюция и кризис государственности Речи Посполитой: от шляхетской демократии к конституционной монархии (1569–1795)	25
Юргенсон В. А.	Скарбовая ординация от 24 марта 1658 года из радзивилловского фонда Национального исторического архива	29
Гужалоўскі А. А.	Ганна Паўліна Ябланоўская з Сапегаў – калекцыянер эпохі Асветы	34
Черепко С. А.	Военная реформа в ВКЛ 1788–1792 годов	38
Корзюк А. А.	Государственное устройство и международное положение Речи Посполитой в содержании учебного пособия «История Беларуси в контексте Всемирной истории»	43
Веремейчик А. Е.	Структура продаж и покупок дворянских земель на территории Беларуси (1861–1914 годах)	48
Киселев А. А.	Изменения в структуре виленской городской полиции в первой четверти XIX века	52
Жихарев С. Б.	Проект концессии и технические условия строительства Бердичево-Брестского участка Киево-Брестской железной дороги	58
Міхедзька В. А.	Праблемы этнанацыянальнай ідэнтыфікацыі славянскага насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя	63
Хавкин Б. Л.	Александр Парвус между Российской и Германской империями	66
Дашкевіч А. Г.	Беларусь у геапалітычных планах Польшчы (1918–1920 гады).	73
Мязга М. М.	Інтарэсы Расіі ва ўмовах станаўлення Версальскай сістэмы ў сучаснай расійскай гістарыяграфіі	77
Дубровко Е. Н.	Джеймс Хедлэм-Морли о Польше в 1919 году	85
Романов В. В.	Самоопределение народов Центральной и Восточной Европы после окончания Первой мировой войны: оценки американских экспертов	92

Бароўская В. М. Дзейнасць Польбюро ЦК КП(б)Б па рэалізацыі ўмоў Рыжскага дагавора ў 1921–1939 гадах 97

Брянцев М. В. Международная политика СССР в представлениях населения (по материалам ГАООМО) 101

Елизаров С. А. Белорусско-российская граница 1920–1921 годов: позиции и планы сторон 106

Шрамук Е. П. Изменения задач рабоче-крестьянской инспекции Западной области РСФСР в 1922 году 111

Вабішчэвіч А. М. Ваяводскія ўпраўленні на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гады: структура і функцыянаванне (на прыкладзе Палескага ваяводства) 115

Самосюк Н. В. Православное духовенство Полесского воеводства в контексте военно-политических событий первой четверти XX века.. 120

Шевченко К. В. Население белорусского Западного Полесья как объект этнокультурной политики Польской Республики в 1920–1930-е годы 124

Гавриловец Л. В. Ключевые аспекты польско-германского соглашения 1934 года 128

Денисов С. И. Лига Наций как институт международного миротворчества в межвоенный период: успехи и провалы 133

Довгялло М. С. Роль Малой Антанты в условиях Версальско-Вашингтонской системы 137

Казмерчук М. А. Экономическое положение евреев в условиях экономической дискриминационной политики Польши в 1930-е годы на примере Пружанского повета 141

Горны А. С. Праблема адаптацыі/неадаптацыі актывістаў беларускага нацыянальнага руху да паўсядзённага жыцця ў міжваеннай Заходняй Беларусі 146

Рожкова С. Н. Литературные связи между Беларусью и Германией в годы Веймарской республики в белорусской историографии 151

Веремеев С. Ф. Византийский обряд в Пинском диоцезе: история и современность 155

Никитенкова Л. П. Роль и место Польши в системе европейских межгосударственных отношений в конце 1930-х годов 160

Меньковский В. И. Советская модернизация 1930-х годов в трактовке И. Дойчера и Р. Дэниелса 165

Романовский С. М. Модернизационные процессы в полесской деревне в 1930-х годах по материалам полесской сельскохозяйственной палаты 169

Толочко Д. М. Беженцы из Польши на территории Беларуси осенью 1939 года в советской и современной отечественной историографии.. 174

Рожкова С. Н., Старосотников С. Н. Подготовка Японии к войне на Тихом океане 178

Приступа Н. Н. Чехословацкие национальные социалисты на пути к трансформации послевоенной политической системы Чехословакии (1939–1945) 182

Скрябина Л. С. Человек и война: о настроениях и поведении солдат и офицеров вермахта 188

Дубровко Е. Н., Лапицкий А. С. Деятельность А. А. Громыко и проблема распространения программы ленд-лиза на СССР 192

Герасименко В. В., Мезга Н. Н. Польский вопрос в советской внешней политике в контексте Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 195

Сальков А. П. Разработка начальной идеи болгаро-югославского союзного договора (январь 1945 – июнь 1946 года) 201

Снапковский В. Е. О взаимодействии и координации деятельности делегаций СССР, УССР И БССР в ООН 206

Козік Л. А. Сусветны кангрэс інтэлектуалаў у абарону міру 1948 года ў Вроцлаве як пачатак пасляваеннага руху прыхільнікаў міру 212

Ковяко И. И. Sic parvis magna: развитие источниковой базы германских исследований в Великобритании и США после Второй мировой войны 217

Королик М. В. Проблема индо-пакистанского урегулирования в середине 1960-х годов во внешней политике Чехословакии 221

Казак О. Г. Вопрос организации польскоязычного образования в Новогрудке в контексте взаимоотношений Беларуси и Польши (1997–1998 годы) 226

УДК 94(476)«15»+32.019.5

Я. Д. Алейнікаў, В. А. Міхедзька
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

“КАЛІ ХОЧАМ ДЗЯРЖАВУ ЎНУКАМ МЫ ПАКІНУЦЬ...”: ПАЛЕМІКА ВАКОЛ УНІІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА З ПОЛЬШЧАЙ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI СТАГОДДЗЯ

У артыкуле разглядаецца грамадска-палітычная палеміка сярэдзіны XVI ст. паміж прыхільнікамі розных мадэляў уніі Вялікага княства Літоўскага і Польскага каралеўства. На фоне цяжкай вайны з Масквой і заняпаду дынастыі Гедзімінавічаў актывізаваліся дыскусіі аб будучым дзяржаўным ладзе. Аналізуюцца аргументы польскага боку (С. Ажахоўскі, П. Скарга), якія абгрунтоўвалі неабходнасць інкарпарацыі ВКЛ і дамінавання польскіх "свабод". Проціпастаўляюцца погляды літоўскіх мысліцеляў (А. Ратундус, А. Волан), якія адстойвалі раўнапраўны саюз і суверэнныя правы княства. Асобна вылучаюцца ўмераныя пазіцыі (А. Ф. Маджэўскі, М. Стрыйкоўскі) адносна цэнтралізацыі і агульнасці лёсу. Паказана, як гэтая палеміка спрыяла пошуку кампрамісу, замацаванага Люблінскай уніяй.

Пачатак 60-х гадоў XVI ст. адзначыўся для Вялікага княства Літоўскага збегам складаных і цяжкавырашальных праблем. Цяжкая вайна з Маскоўскай дзяржавай, спусташэнне і захоп ёю велізарных тэрыторый на ўсходзе краіны спалучыліся з ужо відавочным на той час канцом старажытнай дынастыі Гедзімінавічаў, што з часоў Крэўскай уніі злучала Вялікае княства Літоўскае і Польскае каралеўства. “Палітычныя народы” абедзьвюх дзяржаў шукалі магчымасці для працягу саюзных адносін, маючы пры гэтым адрознае бачанне іх сутнасці і характару. Польскія сенатары ўжо ад самага пачатку самастойнага панавання Жыгімонта II Аўгуста у якасці адзінаасобнага манарха патрабавалі ад яго інкарпарацыі Вяліка княства Літоўскага ў склад Польскага каралеўства, спасылаючыся на літару акта Крэўскай уніі. 13 сакавіка 1564 г. на варшаўскім сейме кароль Жыгімонт II Аўгуст перадаў Кароне Каралеўства Польскага на вечныя часы свае і сваіх патэнцыйных сыноў спадчынныя правы на Вялікае княства Літоўскае. Мэтай гэтага акта кароль абвяшчаў пазбаўленне ад апошніх перашкодаў на шляху зліцця абодвух палітычных народаў у “адзінае цела” [1, s. 180]. Пры гэтым, аднак, палітычная эліта Вялікага княства Літоўскага не ішла так далёка ў сваім бачанні будучых адносін з Польшчай. Літоўскія паслы не з’явіліся на падпісанне прынятага на сейме “Зацвярджэння хады справы ўніі” [1, s. 181]. Адрознае бачанне будучага саюза і перад усім статуса Вялікага княства Літоўскага ў складзе будучай “Рэчы Паспалітай з гэтых народаў злучанай” выявілася ў напружанай палеміцы на старонках грамадска-палітычнай літаратуры.

Выразнае адлюстраванне поглядаў польскай палітычнай эліты на Вялікае княства Літоўскае і характар будучай уніі змешчана ў творы вядомага польскага грамадска-палітычнага і рэлігійнага дзеяча Станіслава Ажахоўскага “Quincunx” (тут – “Піраміда”), надрукаваным у Кракаве ў 1564 г. На старонках выдання С. Ажахоўскі падае Польшчу як прыклад і ўзор дзяржаўнага ўладкавання, – каралеўства, якое складаецца з пяці элементаў, сярод якіх дамінуе Царква, а вера, святар, алтар і кароль маюць аднолькавае значэнне. Кароль і шляхта ўтвараюць свабодны саюз, заснаваны на законах, якія кароль не можа парушаць. Шляхціц павінен удзельнічаць у паспалітым рушэнні і плаціць падымнае, але не мае ніякіх іншых абавязацельстваў перад каралём. Цяжкае становішча, у якім апынулася Вялікае княства, з пункту гледжання С. Ажахоўскага, не часовая з’ява, а ўласцівасць краіны нават у часы яе росквіту. “Прыгнечаныя” літвіны павінны прагнуць злучэння з Польшчай, каб дабіцца атрымання польскіх “свабод”: “Вольнасцю сваёй зраблю цябе, нявольніка, свабодным...”. Лад ВКЛ С. Ажахоўскі атаясамлівае з

Маскоўскім царствам і нават Асманскай імперыяй і падкрэслівае, што літвіны маюць вялікага князя не па сваёй волі, што ад яго рашэнняў не маюць аніякай прававой абароны па прычыне адсутнасці прыродных свабод. Палякі жа маюць свае прыродныя вольнасці, самі абіраюць караля, які ім прысягае на вернасць [2, с. 148-150].

Па меркаванні І. Саверчанкі, у сукупнасці погляды С. Ажахоўскага уяўляюць канцэпцыю "вольнага каралеўства і нявольнага княства". Вольная Польшча з грамадзянскай роўнасцю жыхароў супрацьпастаўляецца ВКЛ, для якога ўласцівы самаўладдзе і дэспатыя, а ўсе жыхары княства – няшчасныя жабракі. Кожны літвін залежыць ад кагосьці больш заможнага. Ніхто з літоўскага народу памерамі сваіх праў не зможа параўнацца нават з самым бедным палякам. С.Ажахоўскі настойваў на тым, што вялікі князь павінен дабраахвотна далучыць літоўскія землі да Польшчы. Сістэма дзяржаўных інстытуцый і заканадаўства павінна быць цалкам злучана з польскай: "Нявольная Літва не можа быць задзіночанай з вольнаю Польшчай, калі не будзе мець аднолькавай з ёй формы кіравання" [3, с. 148–150].

Фактычным адказам на адлюстраванае пастановамі польскіх сеймаў бачанне будучай уніі стаўся надрукаваны ў Брэсце ў 1564 г. першы вядомы на сёння твор грамадска-палітычнай думкі Вялікага княства Літоўскага – "Размова Паляка з Літвінам". Аўтарам гэтага выдадзенага ананімна твору, як мяркуецца, з'яўляўся Аўгусцін Ратундус-Мялескі, каралеўскі сакратар і віленскі войт, удзельнік распрацоўкі II-га і III-га Статутаў Вялікага княства Літоўскага. "Размова ...", як і змешчаны разам з ім верш А. Волана "Да палякаў і да ліцвінаў", аспрэчвала аргументы С. Ажахоўскага на карысць інкарпарацыі Вялікага княства Літоўскага ў склад Польскага каралеўства. Ратундус падкрэсліваў мужнасць літвінаў, іх адданасць роднаму краю, адзначаў упартасць у абароне ад нападаў маскавітаў і татар, як і тое, што палякам разам з літоўцамі нярэдка даводзілася стаяць разам на полі боя. Паміж тым узгадваецца і перамога Гедзіміна над Уладзіславам Лакеткам як сімвал таго, што літвіны здольныя адстойваць свае дзяржаву і свабоду. Аўтар адзначаў, што толькі ў вольнай краіне могуць нарадзіцца годныя і высокародныя грамадзяне, здольныя на ахвяраванне сваім жыццём, прыкладам якіх служыць Канстанцін Астрожскі. Такія фактары палітычнага і сацыяльна-культурнага жыцця як анархія, разбэшчанасць, абыякавасць, карупцыя, якія прыводзяць да заняпаду Вялікага княства Літоўскага, насамрэч былі прывезены з Польшчы. Сукупнасць адзначаных абставін прывяла да тэрытарыяльнага зменшання краіны ("праз тое Полацк загінуў"), а ў будучыні магло прывесці да ztраты дзяржаўнасці. У сваёй рабоце Ратундус падрабязна разглядаў гісторыю Вялікага княства, яго перамогі і дасягненні, робячы акцэнт на генезісе літоўскай шляхты (nobilitas generis), якая набыла свае маральныя абавязкі і вольнасці ад продкаў і з'яўляецца носьбітам стабільнасці і росквіту княства. Гаспадаром дзяржавы, на думку аўтара твору, павінен быць спадчынны манарх, які абавязаны захоўваць дынастычны аўтарытэт, замацаваны пачуццём адказнасці перад дзяржавай, перад сваімі продкамі і нашчадкамі, з чым цудоўна спраўляюцца прадстаўнікі роду Ягайлавічаў. Нягледзячы на дрэнны ўплыў Польшчы на жыццё Княства, аўтар не жадаў разрыву з ёй, выступаў за раўнапраўны саюз з палякамі: "Мы не жадаем, злучыўшыся з вамі, страціць нашай здаўна ўпарадкаванай і дагледжанай дзяржавы". Польскі бок ён заклікаў не дамагацца інкарпарацыі літоўскай дзяржавы, а дапамагчы ў барацьбе з Масквою [3, с. 74–81].

Да "Размовы... " быў дададзены паэтычны твор "Do Polakow i Litwinow" ("Да палякаў і да ліцвінаў"), які належаў пяру Андрэя Валяна, на той час сакратара Мікалая Радзівіла Рудага. У ім аўтар зрабіў акцэнт на важнасці гарманічнага і раўнапраўнага суіснавання продкаў абодвух народаў. Волан быў перакананы, што падмуркам іх моцы былі ўзаемная пашана, супольнае вырашэнне дзяржаўных пытанняў і адзінства пад уладай агульнага манарха. Паводле яго думкі, менавіта такія саюзы забяспечваюць росквіт краіны, бо "раўнапраўныя бакі заўсёды знойдуць шлях да згоды". Ён

папярэджваў, што палітыка прыгнёту, хлусні і крывадушнасці непазбежна разбурае адзінства. На думку творцы, пыха палякаў шкодзіць не толькі саюзу, але і вядзе да ўнутранага крызісу ў самой Польшчы. Аднак ён падкрэсліваў, што віна за разлад ляжыць не на ўсім польскім народзе, а на асобных дзеячах Кароны, якія мэтанакіравана сеялі варожасць. Адным з галоўных ворагам саюза ён лічыў С. Ажахоўскага, які распаўсюджваў міфы пра нібыта "прыгнечанае" становішча ліцвінаў ва ўласнай дзяржаве і навязваў ідэю "вызвалення" праз далучэнне да Польшчы: "Вядзе Паляк зацята ганьбу на Ліцвіна / І не хоча мець яго за годнага сына сваёй маткі, / Піша пра яго Quincunx-ы і дзіўныя вымыслы, / Якія са слабой галавы так неразумна выйшлі" [4, с. 115]. У фінале Волан заклікаў палякаў імкнуцца да сапраўднай грамадзянскай свабоды, а не да анархічнага свавольства, якое ён параўноўваў з распуснасцю. Завяршаецца твор заклікам да абодвух народаў аб'яднацца дзеля захавання моцнай дзяржавы для будучых пакаленняў, паколькі менавіта маральны заняпад і разлад станавіліся прычынай гібелі вялікіх царстваў [5, с. 516–517].

Яшчэ адным актыўным прыхільнікам інкарпарацыі з'яўляўся польскі тэолаг і пісьменнік Пётр Скарга. У свайё кнізе "Аб адзінстве царквы Божай" Скарга заклікаў русінаў і літвінаў павярнуцца да фларэнційскіх пагадненняў, раіў каталіцкім святарам праводзіць сустрэчы з праваслаўным біскупствам, апекавацца асветніцкай справай, займацца перакладам рэлігійнай літаратуры для мясковых асоб, прапагандаваць царкоўную згоду і шкоднасць усходняй "схізмы" [6, с. 52]. Царкоўная ўнія павінна была стаць гарантам грамадскай і палітычнай стабільнасці ў Рэчы Паспалітай. Палітычныя погляды святар дэкларавaў у "Сеймавых прамовах", дзе адстойваў ідэю аб тым, што грамадства для свайго станоўчага развіцця павінна падзяляцца на кіруючыя і падпарадкаваныя класы. Тэолаг выступаў за моцную каралеўскую ўладу і лічыў, што прававая і маёмасная дыферэнцыяцыя з'яўляецца справай натуральнай і ад таго справядлівай. Дзяржава павінна быць строга цэнтралізаванай і ўніфікаванай: "Айчына, як адзінае цела, не церпіць падзелаў. Яна злучылася з розных членаў: з палякаў, з літоўцаў, з русінаў, з прусаў, з інфлянтаў, са жмудзінаў, і зраслася ў адно цела". Усе некаталікі, на думку Скаргі, з'яўляюцца таму слупамі анархізму і эксплуатацыі сялянства. Асабліва негатыўнае стаўленне ён меў да антытрынітарыяў праз іх ідэю сацыяльнай роўнасці і крытыку традыцыйных дзяржаўных інстытутаў. Сцвярджаў, што пратэстантызм – сродак раскладання маральных нормаў. Скарга падкрэсліваў, што рэлігійная талеранцыя не ўласціва народам Рэчы Паспалітай і прыйшла з Германіі, што ў краінах, дзе пануюць ідэі пратэстантызма і праваслаўе, адбываюцца пастаянныя прыцясненні каталікоў. Паміж тым, не гледзячы на тое, што творца ставіў царкву вышэй за дзяржаву, у творах Скаргі прысутнічае думка, што нават у выпадку адступніцтва кіруючых асоб ад каталіцкага веравызнання, народ павінен падпарадкоўвацца іх загадам і не пярэчыць існуючай палітычнай мадэлі [2, с. 37–38, 50–51, 185–186, 439–443].

Больш памяркоўныя погляды меў Анджэй Фрыч Маджэўскі, сакратар Жыгімонта II Аўгуста і і палітычны пісьменнік. У сваім трактаце "De Republica emendanda" ("Аб выпраўленні Рэчы Паспалітай"), выдадзенай у 1577 г. у Лоску, ён не вылучаў ВКЛ у якасці аўтаномнай часткі дзяржавы і адпаведна з чым не вядзе пра яго асобнай гаворкі. Тым не менш трактат набыў папулярнасць і ў колах беларускіх інтэлектуалаў, з ім былі азнаёмлены Андрэй Волан і Сымон Будны. Маджэўскі з'яўляўся прыхільнікам цэнтралізаванай і ўніфікаванай дзяржавы, што ўяўляла бы сабой сімбіёз манархіі, арыстакратыі і палітыі. Галоўнымі ўласцівасцямі такога ладу павінны быць сацыяльная справядлівасць і вяршэнства закона. Філосаф адмаўляў эксплуататарскі характар дзяржавы, імкнуўся да стварэння грамадства ўсеагульнага шчасця і радасці, выступаў супраць абсалютнай улады манарха і грамадскай няспрaвядлівасці, якая супярэчыць чалавечай прыродзе. У творы падкрэсліваецца натуральная прага чалавека да актыўнага ўдзелу ў палітычным жыцці краіны. Рэч Паспалітая ва ўяўленні Маджэўскага гэта адзіны жывы арганізм, часткі якога няздольны існаваць паасобку і павінны выконваць

ускладзеныя на іх фукнцыі і абавязкі зарадзі ўсеагульнага дабрабыту [7]. Знакавым элементамі канцэпцыі Маджэўскага з'яўляюцца выступ супраць гвалтоўнага прыяднання новых тэрыторый і рэлігійная талеранцыю. Апошняя з пункту гледжання Вялікага княства з'яўляецца станоўчым фактарам, які не дасць палякам выкарыстаць у сваіхпалітычных мэтах каталіцкую царкву[2, с. 691].

У групу прыхільнікаў інкарпарацыі можна аднесці і каралеўскага сакратара Крыштофа Варшавіцкага, які выступаў за захаванне культурных асаблівасцей Вялікага княстваЛітоўскага, яе аўтаномію ў адміністрацыйных і судовых пытаннях, але без супярэчання агульнаму заканадаўству Рэчы Паспалітай. Варшавіцкі лічыў, што толькі магутны манарх, атрымаўшы ўладу ў спадчыну, можа забяспечыць дабрабыт свайму народу і абараніць ад свавольства цэнтралізаванага ўрада. Манарх павінен быць гарантам дабрадзейнасці і прававой справядлівасці. На думку Варшавіцкага, кароль здольны спалучаць у сабе клопат, як пра ўласны, так і народны дабрабыт. Філосаф выступаў супраць анархізму арыстакратыі і лічыў, што права павінна выконваць сваеасаблівую маралізатарскую і асветніцкую функцыю [2, с. 206].

У асобную катэгорыю можна вылучыць аўтара Мацея Стрыйкоўскага «Хроніцы польскай, літоўскай, жамойцкай і усея Русі», выдадзенай у Краляўцы ў 1582 г. У сваёй хроніцы ён адзначаў агульнае паходжанне палякаў і літвінаў, гераізавана апісвае гісторыю Вялікага княства Літоўскага, услаўляў часы кіравання Гедзіміна і Вітаўта. Стрыйкоўскі станоўча ацэньваў падпісанне Люблінскай уніі для абодвух краін, разглядаючы яе як заканамерны этап дзяржаўна-палітычнага жыцця Вялікага княства, прадвызначаны яшчэ ў часы Ягайла і Вітаўта. У той жа час храніст рашуча асуджаў далучэнне Валыні да Польшчы, але і падкрэсліваў непарыўнасць лёсаў абодвух народаў: "Літва вялікую і значную дапамогу заўжды палякам давала, а як яны без палякаў, так і палякі без іх раздвоенымі будучы, мала б чаго слаўнага паасобку даказаць маглі". [2, с. 604–605].

Палітычныя пісьменнікі Польскага каралеўства і Вялікага княства Літоўскага сярэдзіны – другой паловы XVI ст. не толькі адлюстроўвалі наяўныя погляды і свае ўласныя меркаванні і пачуцці наконт ідэальнай дзяржавы, дзяржаўнага ладу і характару будучай уніі. Азнаямленне не толькі кіруючых эліт, але больш шырокіх слаёў палітычных народаў абедзьвюх дзяржаў садзейнічала пошуку і дасягненню ўзаемнага кампрамісу, зафіксаванага ў акце Люблінскай уніі.

Крыніцы і літаратура

1. Akta unji Polski z Litwą 1385–1791 / Stanisław Kutrzeba, Władysław Semkowicz. – Kraków : Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1932. – LVI, 570 s. – URL: https://pbc.biaman.pl/publication/1419/ Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791. pdf (дата обращения: 25.01.2026).

2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Протарэнесанс і Адраджэнне / С. І. Санько [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мн. : Беларуская навука, 2010. – Т. 2: Протарэнесанс і Адраджэнне. – 840 с.

3. Саверчанка, І. Aurea mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока / І. Саверчанка. – Мн. : Тэхналогія, 1998. – 319 с.

4. Кавалёў, С. Першы ўзор палітычнай паэзіі / С. Кавалёў // Спадчына. – 1998. – № 3. – С. 107–115.

5. Волан, А. Да палякаў і да ліцвінаў / А. Волан // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – XVIII стагоддзя / А. І. Богдан [і інш.]. – Мн. : Бел. навука, 2005. – 1015 с.

6. Падокшын, С. А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз) / С. А. Падокшын. – Мн. : Беларуская навука, 2000. – 111 с.

7. Плюта, А. А. Мадыфікаваны арыстацелізм як падмурак для грамадска-палітычных канцэпцый Вялікага княства Літоўскага ў эпоху Адраджэння / А. А. Плюта // Весник Полоцкого государственного университета – 2005. – № 6. – С. 107–115.

УДК 94(4)«1492/1914»

В. А. Есис
Национальная библиотека Беларуси

ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВКЛ XVI ВЕКА: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИИ *STOCCO PONTIFICIO*

Церемониальное оружие, в особенности мечи, имело огромное символическое значение в рыцарской этике как в эпоху Средневековья, так и нового времени. В качестве дипломатического подарка клинок мог служить одним из средств налаживания политических отношений. Данная работа посвящена истории меча, сломанного на похоронах Сигизмунда II Августа, который, вероятно, был выслан его отцу, Сигизмунду I, папой Павлом III. Данный подарок может являться одним из важных элементов системы международных отношений между ВКЛ и Западной Европой, активно налаживавшихся при Сигизмунде I Старом.

Парадное и церемониальное оружие в период Нового времени в христианской Европе, кроме обрядового назначения, подчеркивали престиж и высокий статус его владельца. В качестве дипломатических подарков, оружие и доспехи способствовали складыванию сети международных отношений, обеспечивавших культурный обмен и политические союзы. Наиболее важными в символическом плане составляющими вооружения являлись мечи. Именно они выполняли функции регалии, поскольку меч играет роль не только важного элемента рыцарской этики, но и служит символом защиты государства и его границ, простого населения и христианской Церкви [1, с. 166]. В связи с этим в данной работе рассматривается вопрос о s*tocco pontificio,* так называемых «благословенных мечах», великих князей литовских и королей польских Сигизмунда I Старого (1506–1548) и Сигизмунда II Августа (1548–1572).

При великом князе литовском и короле польском Сигизмунде I Старом активно налаживались культурные связи ВКЛ и западноевропейских государств. Период его правления ознаменовался началом проникновения искусства Ренессанса в ВКЛ, поскольку он являлся не только выдающимся правителем, но и меценатом. В страну приглашались зодчие, живописцы, мастера-ремесленники и т. д., активно распространялись идеи гуманизма, разворачивалась деятельность первого белорусского и восточнославянского книгопечатника Франциска Скорины (ок. 1490–1551/2 гг.) [2, с. 633; 636]. Реформы в сфере культуры поддерживали и вторая жена Сигизмунда I, представительница знатного и богатого итальянского рода Бона Сфорца (1518–1556), и сын, великий князь и король Сигизмунд II Август. Также в указанный период исследователями отмечался активный рост и укрепление торговых отношений между землями ВКЛ и государствами Западной Европы [3, с. 46–47].

Именно с именем Сигизмунда II Августа связан церемониальный меч, который является предметом исследования данной работы. В 1572 г. на похоронах короля, в знак угасания династии Ягеллонов, над его гробом был сломан меч (рисунок 1) [2, с. 475]. Его история и происхождение не являются до конца выявленными, поскольку до наших дней клинок не сохранился, что осложняет его атрибуцию. Однако, нельзя не отметить символическую роль данного оружия, олицетворявшего сохранение древних представлений о роли меча в культурных и религиозных традициях, а также его «социальной роли» в общественных отношениях [4, с. 16–20].

Британский исследователь, барон Э.Ф. Твининг в своей обширной работе о регалиях европейских монархов «Европейские Регалии» упоминает меч, преподнесенный Сигизмунду Павлом III (1534–1549). Согласно этому труду, он был прислан Сигизмунду в 1537 г., и именно этот клинок был сломан на похоронах Сигизмунда Августа в знак угасания правящей династии [5, с. 249]. Однако, данные сведения вступают в противоречие с другой, более ранней, монографией того же автора «История королевских драгоценностей Европы», где указан 1538 г. [6, с. 462].

Рисунок 1 – Меч, сломанный на похоронах Сигизмунда II Августа

При этом описание Э.Ф. Твининга предполагает, что меч относился к категории не просто парадного оружия, а *stocco,* благословенных мечей ((ит.) *Stocco pontificio*, (англ.) *blessed sword*) [6, с. 462]. Они известны в католическом мире как один из самых драгоценных даров Папского двора [7, с. 281]. *Stocco pontificio* преподносился правителю или полководцу за особые заслуги и значимые победы от имени Папы Римского [8, с. 3]. Освященные в рождественскую ночь или утро, мечи представляли собой символ укрепления и защиты Церкви [9, с. 17].

Согласно различным источникам, традиция *stocco pontificio* восходит, по меньшей мере, к 1386 г., когда папа Урбан VI (1378–1389) подарил меч Фортигерра Фортигерри, гонфалоньеру Республики Лукка. Отмечается, что уже в тот период данный обычай считался древним, то есть имели место и более ранние прецеденты [8, с. 3]; [9, с. 17]. Последний пример рассматриваемого обычая упоминается в середине XIX в. [9, с. 17]. Отметим, что данная традиция папского двора не является уникальной для рассматриваемого периода. Так, например, обычай дарить шлем и меч выдающимся личностям в XIV–XV вв. был характерен и для Флорентийской и Венецианской республик [8, с. 3]. Главной проблемой при изучении *stocco pontificio*, отмечаемой исследователями еще в конце XIX в., является то, что главными источниками информации о благословенных мечах являются документы Папской канцелярии, хранящиеся в Ватикане, которые по большей части остаются неопубликованными [7, с. 281].

Благословенные мечи имели специфический вид и богатый декор. Папский двор не жалел средств, тратя баснословные суммы на их изготовление. Так, например, в 1421–1422 гг. на меч было потрачено 85 с половиной золотых флоринов, а к концу века расходы достигали 250 флоринов [7, с. 281]. Благословенный меч всегда был двуручным. Серебряная рукоять покрывалась сложной оправой из золота [10, с. 163]. Навершие было украшено гербом Папы Римского, окруженным изображениями папской тиары и паллия. На лезвии с гравировкой было указано имя Папы и года его понтификата, в течение которого он благословил меч. Прилагаемые ножны и пояс были украшены с такой же роскошью: обтянуты бархатом и усыпаны драгоценными камнями [11, с. 109]. Также меч всегда высылался в совокупности с шапкой из красного бархата с жемчужной вышивкой голубя Святого Духа [9, с. 17].

После освящения меч передавался непосредственно получателю, если тот находился в Риме, или доставлялся ему специально назначенным представителем. Примечательно, что в определенный период были известны случаи, что в конкретном году не было

найдено политической фигуры, достойной такого признания, и поэтому меч откладывался, даже если он уже был изготовлен и персонализирован именем Папы и датой. Впоследствии, меч передавался следующим Папой, что вызывало некоторую путаницу, поскольку дата и имя понтифика не соответствовали времени самого дарения [8, с. 4].

Сигизмунд I действительно получал меч от папского двора, но ранее, чем в 1530-х гг.: во время войны с татарами. Согласно хронике Литовской и Жамойтской, в 1524 г. татары и турки вторглись на земли ВКЛ и разорили Слуцкую, Львовскую, Подольскую и другие земли [12, с. 106]. 7 сентября 1524 г. король покинул свою резиденцию со всей своей армией и лично отправился на фронт, а уже 14 сентября татары начали отступать. За эту победу папа Климент VII послал Сигизмунду благословенный меч, *un elmo ed una spada»* (ит.), «как пожелание последующих побед» [13, с. 150]. К вопросу терминологии отметим, что в итальянской монографии в отношении указанного меча употребляется термин «*spada». В* итальянском языке определения «*spada»* и *«stocco»* отличаются между собой, не смотря на одинаковый перевод: «меч». Так, термин «*spada»* в исторических артикулах является наиболее общим для клинкового оружия, и применяется как по отношению к мечу с рукоятью, рассчитанной на одну руку, так и к различным разновидностям коротких мечей. *«Stocco»* обозначает рапиру, колющий меч либо двуручный меч. В ряде случаев «*spada»* и *«stocco»* употребляются как обозначение рода и вида одного оружия [14]; [15]; [9, с. 17].

Следует отметить, что Сигизмунд I, согласно существующему преданию, получил дарственный меч также от Венецианской республики. Клинок, ранее хранившийся в Несвижском замке, в настоящее время находится в коллекции Государственного Эрмитажа. Меч датируется серединой – второй половиной XVI в. и относится к категории парадного оружия. Он отличается богатством и красотой декора: по вороненому фону клинка золотом изображены драконы и ящеры; рукоять и ножны отделаны перламутром, золоченым серебром, цветным стеклом и камнем. Характер украшений и техника исполнения позволяют предположить, что меч был создан в одной из мастерских Венеции [16].

Что же касается благословенного меча Сигизмунда II, который по Э.Ф. Твинингу был отправлен в 1537/8 г., то можно отметить классический гротесковый орнамент декор ножен и рукояти, характерный для нюрнбергских ювелирных изделий XVI в. Вдохновленные творчеством А. Дюрера, эти работы представляли собой причудливое сочетание растительных мотивов, пейзажной графики и мифологических сюжетов [17]. В данном случае, это иллюстрация одного из подвигов Геракла. Отметим, что на графическом изображении ножен указана дата: «1540». Это может быть свидетельством того, что они были изготовлены либо декорировались позднее клинка. Рассматриваемый период для внешней политики Сигизмунда I также характеризовался продолжением борьбы с набегами татар и турок, а также с началом в 1531 г. войны с Валахией [12, с. 107–108]. Отправка второго меча, возможно, может быть связана с победами в данной военной кампании.

Факт того, что Ватикан высылал благословенные мечи в качестве дара дважды – в 1524 г. и в 1537/8 гг. – может свидетельствовать не просто о благосклонности Папы, а о складывании сложной системы политических взаимоотношений, одним из звеньев которой являются s*tocco pontificio*. Можно предположить, что налаживанию международных связей между ВКЛ и западноевропейскими государствами способствовала жена Сигизмунда I, Бона Сфорца. Свадьба Сигизмунда I и Боны Сфорца состоялась 18 апреля 1518 г. Возложив королевскую корону на голову Боны, Сигизмунд возвел в дворянство нескольких рыцарей, надев на них роскошные одежды и коснувшись своим мечом их плеч. Свадебный банкет длился восемь часов, а в последующие дни проходили балы и турниры [13, с. 79].

Несмотря на то, что главой государства по-прежнему оставался Сигизмунд, энергичный характер и крайняя образованность обеспечили Боне участие в управлении всеми сферами жизни стран, начиная культурной и заканчивая экономической. Так, в ее свите кроме представителей аристократии присутствовали поэты, художники, скульпторы,

медики и т.д. Бона также привезла с собой выдающуюся коллекцию живописи и библиотеку [2, с. 636]. Именно в ее земельных владениях были начаты важные экономические и земельные преобразования, которые лягут в основу земельной реформы 1557 г. Сигизмунда II Августа – «волочной померы» [3, с. 120–121, 183–184; 13, с. 191].

При этом следует отметить, что период правления Сигизмунда I и Боны Сфорца по-прежнему сохранялась характерная для территории ВКЛ традиция веротерпимости. Так, княгиня и королева была католичкой, однако полностью поддерживала политику мужа в сохранении баланса между христианскими конфессиями. Бона Сфорца также устанавливала дружеские отношения с видными православными государственными деятелями, например, с князем Константином Острожским (ок. 1524–1608) – главным покровителем Православной Церкви в ВКЛ и Речи Посполитой [13, с. 111; 150].

Для данного исследования представляют интерес переписки Боны Сфорца с папами римскими, с которыми она была в хороших отношениях. Лев X (1519 г.) и Климент VII (1524 г.), в силу ее «исключительной искренности добродетелей и преданности», даже признали за ней, помимо права вмешательства в назначение епископов, значительную свободу в распоряжении пребендами и льготами, связанными с различными главами каноников или епископских кафедр [13, с. 108]. Отметим, что рассматриваемая переписка с Климентом VII осуществлялась в тот же период, когда был выслан первый меч.

Сложно сказать, поддерживала ли Бона Сфорца связь с папой Павлом III. Известно, что род Фарнезе и Сфорца при жизни рассматриваемых деятелей породнились: дочь Павла III (Алессандро Фарнезе) Констанца Фарнезе вышла замуж за Бозио II Сфорца, представителя ветви Сфорца из Санта-Фьоры [18]. Бона, как последняя законная наследница миланской ветви Сфорца, и Бозио II приходились друг другу дальними родственниками: братом и сестрой в четвертом колене [19]. После того как Павел III взошел на папский престол, Бозио II был назначен капитаном кавалерии его гвардии [18]. Однако данные связи лишь косвенные, конкретных эпистолярных источников по вопросу взаимоотношений Боны и Павла III при проведении представленного исследования найдено не было.

Таким образом, на основании всего вышесказанного, сложно с точностью определить, относился ли меч, сломанный на похоронах Сигизмунда II Августа к s*tocco pontificio*. Сложности атрибуции связаны прежде всего с отсутствием графического изображения клинка, на котором обычно указывалось имя Папы. Однако, не смотря на это, можно с уверенностью заявить, что такое оружие является свидетельством как большого влияния великих князей, так и широкой сети международных связей, сложившейся в рассматриваемый период. Не исключено, что свою роль в формировании и поддержании международных связей ВКЛ сыграла жена Сигизмунда I – миланская принцесса Бона Сфорца, известная как своими экономическими реформами, так и культурным влиянием в жизни ВКЛ. Согласно противоречивым источникам и литературе, меч мог быть выслан в 1537/8 гг. Предположительно, он мог быть отправлен Сигизмунду I папой Павлом III.

Источники и литература

1. Флори, Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства/ Ж. Флори. – СПб. : Изд. группа «Евразия», 1999. – 312 с.

2. Гісторыя Беларусі / [рэдкалегія: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш.] : у 6 т.– Мінск : Экаперспектыва, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / [Ю. Бохан і інш.]. – 685 с.

3. Пичета, В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве/ В.И. Пичета. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 548 с.

4. Knight, M. G. The Inten onal Destruc on and Deposion of Bronze Age Metalwork in South West England / M. G. Knight (Ph. D. Thesis), University of Exeteras. – 2018. – V. 1. – 522 p.

5. Twining, E. F. European Regalia/ E. F. Twining. – London : B. T. Batsford, 1967. – 334 p.

6. Lord Twining, E. F. A History of the Crown Jewels of Europe/ E. F. Twining. – London : B. T. Batsford, 1960. – 707 p.

7. Müntz, E. Les Epées d'honneur distribuées par les papes pendant les XIVe, XVe et XVIe siècles (Deuxième article)/ E. Müntz// Revue de l'art chrétien. – Lille : Desclée, De Brouwer, & cie, 1890 – P. 281–292.

8. Pinti, P. Lo stocco pontificio: immagini e storia di un'arma/ P. Pinti// Saggi di Opologia. – 2001. – № 12. Circolo culturale armigeri del Piave. – P. 3–52.

9. Armi bianche dal Medioevo all'Età Moderna. Dizionari terminologici [Ed. by Carlo De Vita]. – Brescia : Centro Di, 1983. – 179 p.

10. Burns, Ch. Papal Gifts to Scottish Monarchs: The Golden Rose and the Blessed Sword/ Ch. Burns// Innes Review. – 1969. – № 20 (2). – Pp. 150–194.

11. Warmington, Fl. The Ceremony of the Armed Man: The Sword, the Altar, and the L'homme armé Mass/ Fl. Warmington// Antoine Busnoys: Method, Meaning, and Context in Late Medieval Music In [Ed. by P. Higgins]. – Oxford University Press: 2000. – P. 89–130.

12. Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей. Том 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – М.: Наука, 1975. – С. 15–127.

13. Cioffari, G. Bona Sforza. Donna del Rinascimento Ttra Italia e Polonia/ G. Cioffari. – Bari, 2000. – 361 p.

14. Armi e armature// Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani. – URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/armi-e-armature_(Enciclopedia-dell%27-Arte-Antica)/ (дата обращения: 03.03.2026).

15. Thrusting Sword (Spada da Stocco) // The Met Collection]. – URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/35716 (дата обращения: 03.03.2026).

16. Меч // Государственный Эрмитаж. Коллекции. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/digital-collection/666936 (дата обращения: 09.03.2026).

17. Соловьева, Л. Гротескный орнамент на нюрнбергском серебре XVI века / Л. Соловьева // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – № 124 (март 2015). – URL: https://antiqueland.ru/articles/984/?ysclid=lus66pq98a764551612 (дата обращения: 09.03.2026).

18. Sfòrza, Bosio II // Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani. – URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/bosio-ii-sforza_(Dizionario-Biografico)/ (дата обращения: 02.03.2026).

19. Sfòrza // Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani. – URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/sforza/ (дата обращения: 02.03.2026).

УДК 94:316.722(476)«15/16»:930.85(476)

Е. Е. Барсук
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО БЕЛОРУСОВ В КОНЦЕ XVI–XVII ВЕКЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье выявлена специфика культурно-исторических образов прошлого белорусов, зафиксированных в художественной литературе в конце XVI–XVII вв., установлено влияние наиболее известных литературных произведений таких авторов как Гальяш Пельгримовский, Ян Казимир Пашкевич, Фома Иевлевич, Симеон Полоцкий, авторов «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» и др. на содержание исторической репрезентации белорусов.

«Историческая память» обеспечивает хранение исторических образов и понятий, их воспроизводство посредством трансляции, а также воспоминаний об исторических событиях, фактах, лицах в условиях современной социальной и повседневной действительности, является фактором преемственности и беспрерывности социального бытия. «Историческая память» как социокультурный феномен связана с осмыслением исторического опыта общества и его символической репрезентацией, определяющей ее специфику образов прошлого белорусов.

Культурно-символические образы прошлого белорусов нашли отражение в художественной литературе конца XVI–XVII вв., восприятие которых позволяет выявить общие представления об окружающей действительности.

Важным источником для понимания менталитета, социальной психологии, мировоззрения людей конца XVI–XVII вв. являются панегирики писаря Великого княжества Литовского Гальяша Пельгримовского («Панегирик в честь князя Кристофа Радзивилла», «На свадьбу найсветлейшего князя и господаря Альбрехта Радзивилла», «Послание шляхетному господарю Теодору Скумину», трактат «О героях Церкви Божьей», прозаичная – «Диариуш посольства Льва Сапеги» и стихотворная – «Посольство Льва Сапеги к великому князю московскому» версии описания посольства 1600–1601 гг.). В своих произведениях Пельгримовский восстанавливает хронику общественной жизни ВКЛ, заявляет о своей позиции и пытается убедить читателей в правильности государственной политики, используя формы монолога и диалога, традиционные для практического красноречия в Речи Посполитой (выступления на Сеймах, религиозные и общественные дискуссии, судебные процессы).

«Диалог литовского шляхтича о Лифляндской войне с князем московским» (1594 г.) фактически является подробной хроникой Ливонской войны от введения войск Ивана Грозного в Прибалтику в 1558 г. до заключения Ям-Запольского мира в 1582 г. В поэме упоминаются многие государственные деятели ВКЛ: Кристоф Радзивилл Перун, Филон Кмита-Чернобыльский, Константин Острожский, Михаил Вишневецкий и др. Однако центральное место занимает главный герой – король Стефан Баторий, действия которого описываются с хроникальной точностью, а черты характера прославляются в панегирической манере [1, с. 483–485].

В сборнике стихов «Патриот Отечества Сенату и государству Литовскому» (1597 г.), авторство которого также приписывается Г. Пельгримовскому, используется образ Матери-Литвы и ее детей (различных земель ВКЛ). Главная тема выступления Патриота – упадок Великого княжества Литовского, причины которого он видит во внешних и внутренних противоречиях, равнодушии граждан к судьбе Отечества, отказе от традиций предков и погоне за иноземной модой, жажде наживы и нежелании шляхты поступиться своими интересами во имя Родины. Эти мотивы будут использованы в 20-е г. XVII в. анонимным автором в «Речи Мелешки». Мать-Литва сначала обращается к богам, рассказывая об утрате былого величия, затем – к неблагодарным детям, не желающим ее защищать. Дети (города и земли, входившие в состав ВКЛ) уверяют Мать-Литву в своей любви и обещают свою помощь в случае опасности. Стихи от имени земель ВКЛ показывают особенности исторического развития различных регионов Княжества. Аллегорический образ Матери (Родины, Литвы, Церкви), оставленной своими детьми (воеводствами, шляхтой, магнатскими родами) был очень популярен в XVI–XVII вв. [1, с. 486]. Его использовал М. Смотрицкий в одном из самых известных своих полемических произведений «Тренос».

Прозаический «Диаруиш посольства Льва Сапеги» представлял собой дневник, составленный Г. Пельгримовским из ежедневных записей во время путешествия и переговоров, и позднее доработанный. В него вошли деловая переписка, канцелярские дневники, протоколы посольства и документы, содержащие элементы автобиографического повествования. Не выходя за строгие рамки дипломатического этикета, автор сумел

передать не только достоверные сведения о переговорах, но и их колоритную атмосферу, обстоятельства, влиявшие на принимаемые решения, различные подходы сторон к решению международных проблем и обусловленные этим разногласия дипломатов.

Г. Пельгримовский сочинил также стихотворную поэму «Посольство Льва Сапеги к великому князю Московскому». По мнению С. Л. Гаранина, основной источник поэмы – не дневник-репортаж, а богатые собственные впечатления, образная память и фантазия, позволившие автору раскрыть образ жизни, нравы, взгляды и поведение москвичей [1, с. 706].

Главным героем поэмы для автора был Лев Сапега, поскольку основной объем произведения составили диалоги канцлера ВКЛ с боярами и приказными дьяками и описания торжественных церемоний и обедов [2, с. 507–514]. О своем участии в переговорах Г. Пельгримовский пишет в третьем лице, хотя именно он выступал с приветственной речью от имени посольства на торжественном приеме и составлял «лист примерный» с условиями перемирия [1, с. 489].

Шедевром художественного слова является анонимный стихотворный плач – «Лямент у света убогих на жалосное преставление святобливого а в обои добродетели богатого мужа, в Бозе велебного господина отца на смерть Леонтия Карповича. Архимандрита общиа обители при церкви Сошествия Святого Духа, братства церковного Виленъского». Произведение делится на три части: собственно плач по «отце стада» (лямент); «Голос отца до сынов» – ответ-утешение-поучение; эпитафион [1, с. 717–726]. Первая часть отражает влияние идей гуманизма и традиций барокко на автора стихотворения и содержит не только библейские образы и цитаты из Священного Писания и трудов отцов церкви, но и мифологические образы и цитаты античных классиков.

Автором создан общественный идеал добросовестного человека (в доброте – щедрый, в злости – скупой, любил родителей и уважал наставников, выделялся особым старанием в справедливых, богоугодных делах, заботился о бедных и убогих, помогал вдовам и сиротам). В Плаче использовался особый прием – обращение умершего героя к живым с поучением не позволять телесным страстям («дикому конику») победить дух и помнить о неизбежности смерти, придерживаться веры и правды, набожности и святости, избегать грехов и болезней, «озяблости души», называет лень «дьявольским наказанием». Поэт предупреждает, что в день страшного Суда в огне пекла будут гореть завистники, гордецы, обманщики и лжецы, грабители и разбойники, пьяницы, обжоры, клятвопреступники и прелюбодеи, все, кто не следует моральным ценностям. На страницах произведения поднимаются проблемы смысла жизни и смерти, богатства и бедности.

Признанные эстетические принципы XVII в. утверждали, что настоящая красота таится в уродливом и неприглядном теле, аскетизме и пренебрежении к потребностям тела, а не в атлетически сложенном и гармонично развитом теле. Счастье человека состоит в том, чтобы прожить с пользой для людей, а смысл существования человека – в благих делах. Автор разделял средневековое представление о суетности мира, а мир – театр и люди в нем актеры. Смерть – неизбежное и естественное явление жизни. Идея вечной жизни приносит утешение христианину и дает силы без страха и страданий покинуть мир. В произведении нашли отражение римская мифология и фольклорные мотивы – обращение к силам природы: Солнцу, небу, земле, Ветру, также поговорки (например, «смерть в зубы не смотрит»). Широко используются в Плаче символичные средства – «чаша», «мутная вода», «коса», «меч», «корабль», «корень», «уж», «голубь».

К гражданско-патриотической лирике XVII в. относится стихотворение Яна Казимира Пашкевича «Полска квитнет лациною…». Стихотворение поэт написал в далёком 1621 г., предположительно в Вильно, которое можно назвать гимном родному языку. Пашкевич отстаивал право белорусского языка на его существование и отмечал большое значение в жизни всего Великого Княжества Литовского белорусского языка [3, с. 335].

К важным источникам репрезентации образа прошлого белорусов в первой половине XVII в. можно отнести произведение Фомы Иевлевича «Лабиринт, или запутанная

дорога, где прекрасная Мудрость по долгу своему господам могилевчанам и тем, кто им подобен в действиях своих, кратчайший и наилучший путь указывает» (1625 г., Краков). В поэме Иевлевича создан символичный образ Мудрости, от имени которой и ведется повествование («что мне говорила, то писать был повинен»). «Могущественная госпожа» прекрасная Мудрость, по мнению автора, есть основа всякого доброго начинания, всеобщего блага и высшей добродетели, олицетворение жизненной силы Вселенной: «мир пестует», умножает, расширяет, обогащает и спасает, укрепляет и сохраняет государства, способствует славным делам. Мысли Мудрости, словно стрелы, «достигают высшие цели» и «нет ничего скрытого, ничего потаемного», что могло бы скрыться от её «всевидящего ока». Мудрость может «оценивать и вещи земные, и степень прекрасного, и небеса голубые», проникнуть в «сущность каждой вещи» и понять «как земля приняла свои пределы», в чём причина происходящего на земле и на небе [4, с. 4–5].

Большую опасность для государства, по словам Иевлевича, представляют внутренние распри: «Когда наступает разлад, скалы опускаются и неприятель в город допускается… так много земель знаменитых уничтожено… Общественное благо при внутренней незгоде лежит в тяжкой печали и жестокой шкоде». На «святом согласии» же основывается общее благополучие народа и страны [4, с. 7].

Важное место в поэме заняла тема моральной чистоты общества. Автора возмущали пагубное распространение пьянства, которое он считал наибольшим общественным злом, моральный кризис и пороки общества, критиковал чиновничье-бюрократический аппарат, который погряз во взятках и стал бесполезным для обычного, простого человека. Фома Иевлевич говорил о непредсказуемости мира и готовности быть ко всему: сегодня – к богатствам, завтра – к нищете, противопоставлял мудрость – глупости, воспитанность – невежеству, мораль – порокам, бедность – богатству, физический труд – умственному.

Поэт порицал пренебрежительное отношение к знанию: «На ум хромают» те «милые мещане», которые, считая науки «дуростью», не заботятся об образовании своих отпрысков и торопятся их «в дело запрягать», «больше о торговле, чем о школе» заботятся, священники «науками добрыми» не занимаются, а из «людей простых» церковное дело «запустили» и «делами частными себя оградили». Иные «ради золота» в «хозяйстве всю мысль утопили» …лежат на столах нетронутые мемориалы, а в заплесневевших требниках бегает моль…Как они о Боге учат, если сами не понимают?.. Не свет, а темноту насаждают». Необходимость развития образования и науки Иевлевич связывает с заботой об Отечестве и вере, сохранении традиций, религии отцов и спасения Отчизны: «взглянуть не хотите на великое убожество прекрасных наук: с ними край ваш тает, как снег» [4, с. 10].

Ф. Иевлевич предлагал своеобразный моральный кодекс для современника, утверждая, что только гармоничные общественные связи и благоразумие во всех делах и поступках, согласованность личных амбиций и общественных нужд могут привести народ к счастью. По мнению автора, жизнь зависит от воли и согласованных действий людей, которые могут решить любые, даже самые сложные общественные проблемы [2, с. 700–713].

Анонимное произведение «Прамова Мялешкі» представляет собой зарисовку обычаев и нравов Речи Посполитой в 20–30-е гг. XVII в. Описание различных исторических событий и бытовых случаев сопровождается юмористическими, сатирическими и саркастическими комментариями. Народная мудрость проявляется во многочисленных поговорках и пословицах. «Прамова Мялешкі» до конца XIX в. считалась действительным выступлением Мстиславского каштеляна Ивана Мялешки на Варшавском сейме, но в 1894 г. Н.Ф. Сумцов убедительно доказал, что это – литературное произведение, не имеющее непосредственного отношения к реальному Ивану Мелешке и его участию в работе сейма [5, с. 195–213].

Анализ текста источника позволяет сказать, что ее автор был представителем белорусской шляхты, хорошо знакомым с политической жизнью и нравами королевского двора. Он для образности иногда изображает своего героя смешным или «недалеким»

провинциалом, тогда его рассуждения наивны и комичны (например, тирада против часов, ибо петухи, показывают время лучше, чем всякие часы) [2, с. 676]. «Прамова» начинается с обращения к «милостивому» королю, с сообщения, что герой счастливо приехал на сейм «радити». Вслед за тем герой сообщает, что ранее на таких сеймах никогда не бывал, тем самым будто бы извиняясь за свою неосведомленность. Но уже следующая фраза, в которой утверждается, что «бывало правым сердцем, просто говорили, политики не знали, а в рот правдою, як солею в очы, кидывали», отвергает предыдущее мнение. Это человек принципиальный и мужественный, который может открыто сказать нелицеприятную правду. В дальнейшем повествовании автор много внимания уделяет Сигизмунду III, сравнивает его с Сигизмундом I, высказывая попутно свое отношение и к польским шляхтичам, и к тем людям, в которых «наша костка, аднак собычым мясом обросла и воняет» [2, с. 675].

Автор пародирует официальный документ и высмеивает некоторые бытовые и культурные традиции шляхты, особенно польской («ляхов») и преклонение перед иноземными обычаями: «Королем, паном и Речи Посполитой як туж было баламутять. А коли сам немчино идеть, любо жена его поступаеть – через скурку скрипить, шелестить и дорогим пижмом воняет. Коли до тебе, паничек, приедеть частуй же его достатком, да еще и жонку свою подле него посади. А он седить, як бес надувшись, морокует, шапкою, дей, перекривляет и з жонкою нашертываеть…И то недоречи: в богатых сукнях пани ходять! Не знали перед тым тых портукгали. А подолок рухается, а коло подолка чепляется. А дваранин в ножку, как сокол, загледаеть, што бы где щупнути солодкого мяса. Я ж радил бы, нехай бы беложонки нашие в запинаные давние убиралисе козакины, шнурованые на заде, носили розъпорки (кринолины)… А тепер хоть з рогатиной на вате стой, в живые очи такого беса не упилнуеш» [2, с. 675–677].

По этому же принципу и способу подачи материала, написан «Ліст да Абуховіча», но гораздо более узкого масштаба, поскольку сатирическому показу подверглась только продажность и аморальность шляхты, занимавшей важные государственные должности в Речи Посполитой. Использование колоритных выражений, гротескный реализм и едкая сатира, и идейная направленность сделали «Ліст» очень популярным среди мелкой шляхты и белорусского мещанства, о чем свидетельствуют сохранившиеся списки произведения: Виленский, Одесский и Краковской библиотеки. Идея в «Прамове Мялешкі» и «Лісте да Абуховіча» вытекает из всего хода рассуждений: стремление к независимости Великого княжества Литовского, защита белорусского национального уклада жизни, белорусских нравов и обычаев.

Важную роль в формировании эмблематической культуры сыграли произведения Симеона Полоцкого. Вершиной творчества Симеона Полоцкого стал «Вертоград многоцветный» – сборник дидактических стихотворений, включающий в себя несколько тысяч кратких, но весьма информативных текстов. Л. И. Сазонова дает характеристику эмблематических текстов Симеона на материале цикла стихотворений «Емлимата и их толкования стихами краесогласными», входящего в состав траурной поэмы «Трены, или плачи», написанной Симеоном по случаю смерти Марии Милославской [6, с. 270–284]. По мнению исследовательницы, Симеон Полоцкий не только заимствовал сюжеты для своих стихотворений из эмблематических книг, но и создавал оригинальные произведения в этом жанре. В произведениях поэта используются такие образы, как «сердце царево в руце Божией», птица-феникс, песочные часы.

Несмотря на разнообразие форм, эмблематические тексты Симеона Полоцкого обладают общей структурой и общими содержательными особенностями и могут быть рассмотрены как единая система, в которой отображены культурно-символические образы прошлого белорусов. Так, в стихотворении «День и ночь» отсутствует толкование (соотнесение смены времени суток с этапами жизни человека), которое, по мнению исследователя, могло реконструироваться на основании традиции использования этого образа [7, с. 134–135].

Одна из вариаций эмблематичного стихотворения – текст, в котором и первая, и вторая части предельно сокращаются, в результате чего возникает краткое двустишие, однако, структура эмблемы, лежащая в основе текста, всегда сохраняется. Часто такие двустишия встречаются в составе тематических стихотворных циклов, например, в циклах «Вера», «Мудрость», «Милостыня», «Мир». Тенденция к эмблематичности проявляется и в прозаических текстах Симеона Полоцкого, например, в его полемической книге «Жезл правления» (1667).

Люди, обладающие мудростью, сравниваются у С. Полоцкого с зоркими орлами, которые могут смотреть на солнце, не повреждая зрение, а «невежды» – с ночными птицами, которых солнце ослепляет: «Выше силы стремление, погубляет силу, зряй в солнце, помрачается. Тако и ум свой возводяй в предлоги вышесилныя, обезумляется»; «Орел светлая очеса своя в солнце зрением исправляет: нощная же птица сова и нетопырь в конец светлыми солнца лучами помрачаются. Подобне благоискуснии мудрости богословския людие, прилежно в ню встремляющеся, исправляют умная своя очеса: слепии же невежды… паче помрачаются, и ослепляются». Многообразие возможных подходов к постижению мира является структурообразующей чертой мировоззрения Симеона Полоцкого и отражает основные характеристики эпохи того времени. Творчество Симеона Полоцкого транслирует читателю общий принцип рефлексивности мировосприятия. Максимальная метафоричность образов обуславливает особую ценность сочинений Симеона Полоцкого для реконструкции культурно-символических образов прошлого белорусов, среди которых основными являются образы мира, веры, мудрости.

Таким образом, в конце XVI–XVII вв. наблюдалась эволюция культурно-символических образов исторических событий и знаковых персонажей как основного компонента исторической памяти белорусов от схематичного изображения добродетелей личности до реалистического анализа поступков человека, интереса к внутреннему миру и личной жизни героя. В произведениях художественной литературы этого периода проявлялись онтологические, космологические, исторические, социальные и этические взгляды эпохи.

Источники и литература

1. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. / падрыхт. А. І. Богдан і [інш.]; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. / Нац. акад. Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – Т. 1 : Даўняя літаратура XI–XVIII стагоддзя – 910 с.

2. Анталогія даўняй беларускай літаратуры XI – першай паловы XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.]; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 1015 с.

3. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры / склад. А. Ф. Коршунаў, пераклад А. Ф. Коршунаў. – Мінск : Вучпедвыд БССР, 1959. – 473 с.

4. Старостенко, В. В. «Лабиринт» Фомы Иевлевича: Из истории национально-культурной и религиозной жизни Могилёва и Беларуси конца XVI – первой половины XVII вв. / В. В. Старостенко– Могилев, 1998. – 60 с.

5. Сумцов, Н. Ф. Речь Ивана Мелешки как литературный памятник Н. Ф. Сумцов // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Т. XLV. – Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого,1894. – С. 195–213.

6. Сазонова, Л. И. Литературная культура России: Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 896 с.

7. Еремин, И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого / И. П. Еремин // Труды общества древнерусской литературы. – Л. : Изд-во АН СССР, 1948 – Т. VI. – С. 125–153.

УДК 94:271.2-788(470.333-37Стародуб)«15/16»

Е. В. Хроленок
Белорусский государственный университет

СТАРОДУБСКИЕ ЦЕРКВИ, МОНАСТЫРИ И ИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ (XVI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА)

В статье на основе широкого круга архивных источников рассматривается проблема возведения и дальнейшего функционирования конфессиональных сооружений в Стародубском повете (уезде). В результате автор приходит к выводу о том, что слабая заселенность региона не позволила развиться в регионе культовому зодчеству. А природные условия, затруднявшие создание пахотных угодий, не могли привлечь монастыри в качестве крупных землевладельцев.

Стародубщина – уникальный регион, располагающийся сегодня в белорусско-российско-украинском пограничье. Долгое время территория края являлась предметом конфликтов между Русским государством и Великим Княжеством Литовским (далее – ВКЛ). При этом размер такой территории зачастую был очень значительным. Так в 1500 г. Стародубское княжество включало в себя также Гомель, Чернигов, Любеч и многие другие города. Но даже сократившись до размеров повета в составе Смоленского воеводства ВКЛ в первой половине XVII в. Стародубщина оставалась крупным и стратегически важным регионом.

Географическое положение края – его близость к таким городам, как Чернигов, Киев, Брянск и Смоленск предопределило и доминирующую конфессию на его территории. Представляется, что на территории Стародубщины должно было располагаться значительное количество храмов и монастырей, как оплотов православной веры. Однако сведения о них в XVI – первой половине XVII в. носят фрагментарный характер. И несмотря на большое количество краеведческих работ, рассматривающих историю церквей Стародубщины, комплексное исследование, посвященное культовым сооружениям в регионе, отсутствует. В настоящей работе будет сделана попытка восполнить данный пробел.

Стародубщина за исследуемый период неоднократно становилась ареной столкновения враждующих государств, а также жертвой татарских набегов. Практически полное отсутствие в регионе каменного домостроения вплоть до второй половины XVII в. делало сооружения в подобных условиях крайне недолговечными. Вероятно, монастыри неоднократно подвергались разорению, а затем их приходилось возводить заново. Отсюда и возникала путаница в датах их основания.

Розыскное дело, проведенное стародубским воеводой в 1617 г., среди лиц, давших объяснения фиксирует игумена Успения Пречистой Богородицы Лаврентия. Данная запись дает основания полагать о наличии в городе или его окрестностях Успенского монастыря [1, с. 91]. Однако никаких сведений о нем ни в более ранних, ни в более поздних документах не обнаружено. Вероятно, после 1619 г. именно он был преобразован в католический францисканский монастырь, который был уничтожен во время восстания под руководством Богдана Хмельницкого 1648–1654 гг.

Одной из наиболее древних обителей на Стародубщине следует признать Клюсовский Спасский монастырь. Он находился на островах между реками Снов и Цата (сейчас там проходит российско-украинская граница). Впервые обитель упоминается в акте владельца местечка Горск Кристофа Фаща от 20 сентября 1634 г. Он своим документом утверждал право Клюсовского монастыря на острова, на которых тот и находился. Из данного акта становится известно, что к 1634 г. обитель уже была возведена и состояла из самого монастыря и церкви Святого Спаса, расположенных на острове Клюсовском. Также Кристоф Фащ называет обитель «от царей московских фундованной з давна» [2, л. 273]. Таким образом, время основания Клюсовского монастыря стоит отнести к периоду до 1619 г. Если

принять во внимание события Смутного времени 1598–1613 гг., когда московские государи едва ли могли заниматься обустройством монастырей на Стародубщине, то можно говорить о строительстве данной обители не позже второй половины XVI в.

Интересен тот факт, что Клюсовский монастырь не упоминается в грамоте от 9 февраля 1633 г., по которой король Владислав IV передавал храмы Стародубщины под юрисдикцию униатского смоленского архиепископа. Когда же новый владелец Горска Иосиф Бороздна 24 мая 1643 г. подтверждал игумену Геласию Кабибовичу прошлые пожалования он указывал, что «игумен тот мает быть под послушенством» митрополита Киевского и Галицкого экзарха Константинопольского престола Петра Могилы [2, л. 272]. Данные обстоятельства указывают на то, что Клюсовский монастырь оставался православным даже в период активного распространения на Стародубщине влияния католической и униатской церквей.

В то же время названная выше конфирмация Владислава IV от 1633 г. в числе передаваемых под управление униатского епископа храмов и обителей называет еще один стародубский монастырь – Шуморовский в Почепском уезде, а при нем церковь Святого Георгия [3, л. 10]. Вероятно в дальнейшем эта обитель пришла в запустение или вовсе была уничтожена во время многочисленных военных конфликтов. Следующий раз источники упоминают ее уже в связи новым основанием вдовой Ивана Рославца в качестве Троицкого Покровского девичьего монастыря в конце XVII в. [4, с. 352]. При этом церковь Святого Георгия продолжала функционировать в селе, так как называется в присяжных листах 1654 г. [5, с. 339].

Как видим стародубские обители существовали вероятно уже во второй половине XVI в. Правда о размерах их землевладения нам ничего неизвестно. Можно предположить, что они были невелики, как и сами монастыри. Впрочем, розыскное дело 1617 г. упоминает о проживании на территории Стародубского уезда монастырских крестьян, но на то в чьем именно подданстве они находились указаний не имеется [1, с. 90]. Возможно какие-то земельные наделы в уезде были получены от московских правителей монастырями, не располагавшимися на Стародубщине. Наиболее значимой такой обителью являлся Киево-Печерский монастырь (с 1688 г. лавра). К середине XVII в. он стал крупнейшим землевладельцем в регионе, но первые пожалования на Стародубщине получил вероятно еще в XV в.

Известно, что в 1500 г. после перехода князя Семена Можайского на сторону московского государя вместе со всеми землями великий князь литовский Александр Ягеллончик подарил северские земли своей супруге Елене дочери московского правителя Ивана III. Так он надеялся избежать включения этих земель в состав Русского государства. Однако его тестя это не остановило и Стародубщина оказалась потеряна для ВКЛ. Еще до завершения войны 1500–1503 гг. Елена Ивановна в 1501 г. подарила замок Попову Гору Киево-Печерскому монастырю [6, л. 1]. Разумеется, фактический обитель в свои права вступить не смогла. Однако в 1540 г. архимандрит Софоний обратился к великому князю литовскому Сигизмунду и сообщил, что «дань перед тым и с давных часов хоживала з украинных Северских городов з Стародуба и з Новагородка, к тому монастырю» Киево-Печерскому. Архимандрит Софоний жаловался, что эта давняя дань монахами не собирается и просил разрешения посылать своих старцев и слуг в «заграничные замки» Стародуб и Новгород-Северский. Интересно, что прошение архимандрита поддержала и королева Бона Сфорца. В результате великий князь Сигизмунд согласился и 9 августа 1540 г. разрешил монахам ездить собирать дань со своих северских владений при условии заблаговременного оповещения киевского воеводы и предоставлении тому списков пересекающих границу людей [7, с. 368–369]. В дальнейшем Ливонская война 1558–1583 гг. закрыла для монахов возможность таких поездок. Однако те воспользовавшись коротким перерывом в противостоянии обратились уже к новому великому князю Сигизмунду Августу с такой же просьбой. Тот 5 июля 1571 г. подтвердил вышеуказанную грамоту предшественника [8, с. 157]. Однако в связи с возобновлением военных действий воспользоваться своим правом монахи не успели.

В следующий раз Киево-Печерский монастырь вернулся к вопросу о дани с северских городов уже после заключения Ям-Запольского мирного договора (1582). Архимандрит Мелентий (Хребтович) вероятно получил в 1582 г. такую же разрешительную грамоту от нового короля Речи Посполитой Стефана Батория и в апреле 1583 г. обратился к русскому царю Ивану IV с просьбой получить причитающуюся монастырю дань. Московское правительство не смогло оперативно разобраться в законности данного прошения. В августе 1583 г. царь Иван IV из-за давности вопроса приказал удостовериться в праве получения дани Киево-Печерским монастырем посредством писцовых книг. Но к сентябрю того же года выяснилось, что те «в пожар погорели» и для разрешения вопроса была организована «сыскная» экспедиция в северские города. Архимандриту Мелентию же предлагалось обратиться за результатом проверки зимой [9, с. 193, 196, 198]. Однако весной 1584 г. царь Иван IV скончался.

В то же время «розык по северским городам» все же был проведен. Когда в октябре 1585 г. монастырь вновь подал прошение теперь уже к новому царю Федору Ивановичу с вопросом о дани, то получил быстрый ответ. В декабре того же 1585 г. московский государь признал право Киево-Печерского монастыря на получение северской дани. Он назначил монахам 50 рублей «за оброк, что с тех сел, которые были за монастырем в государевых северских городах» [10, с. 190, 195].

Долгий период Смутного времени 1598–1613 гг. и война 1609–1618 гг. без сомнения не позволяли монахам получать дань со своих стародубских владений. По результатам же Деулинского перемирия 1619 г. северские земли вошли в состав Речи Посполитой. В правление короля Сигизмунда III (1587–1632) Киево-Печерский монастырь вероятно не пытался вернуть ни сами имения, не право получения с них дани. Но с избранием новым королем Владислава IV (1632–1648) православная церковь смогла рассчитывать на некоторые послабления. На элекционном сейме в ноябре 1632 г. архимандрит Киево-Печерского монастыря Петр Могила добился легализации четырех епархий и митрополии «греческого обряда», а сам получил должность митрополита Киевского и Галицкого. В начале 1633 г. Петр Могила, оставаясь архимандритом Киево-Печерского монастыря, представил королю документы, выданные московскими государями, великими князьями литовскими и польскими королями на право владения селами в Стародубском уезде. Владислав IV рассмотрев это прошение 30 марта 1633 г. издал привилей, которым утвердил за Киево-Печерским монастырем села Бобовичи, Верещаки и Авельяны (вероятно современное Увелье), что «з давних часов до монастыря Печерского належали» [11, л. 2–3об.].

Как видим, Петр Могила тогда не смог обосновать права обители на Попову Гору по дарственной от великой княгини Елены Ивановны, но затем все же получил и эти владения. 9 декабря 1644 г. он заключил с белорусским епископом Иосифом Горбацким меновую сделку. По ее условиям Киево-Печерский монастырь уступал Могилевской православной кафедре села в Оршанском уезде: Печерск, Борсуки, Цвырков и Тарасовичи, а взамен ему предоставлялась волость Поповой Горы со всеми входящими в нее населенными пунктами [12, л. 72].

Слабая заселенность Северщины вплоть до середины XVII в. сказывалась на росте городов региона. Небольшой размер крепостей не позволял разместить на их территории большое количество культовых сооружений. В 1535 г. Стародуб был полностью уничтожен союзными войсками ВКЛ и Короны Польской. Однако уже 10 апреля 1536 г. началось его восстановление на прежнем месте по указу Елены Глинской. К середине лета город был отстроен «и церкви священныя поставиша» [13, с. 237]. Но названия этих храмов не указываются, а конфирмация Владислава IV 1633 г. фиксирует в стародубском замке лишь одну – Борисоглебскую церковь, остальные согласно данного акта располагались на посаде [3, л. 10об.]. Впервые же перечень городских храмов отражен в розыскном деле 1617 г. Документ называет следующие стародубские церкви: Спасская, Воскресенская, Рождественская, Афанасьевская, Пятницкая, Рождества Пречистой Богородицы, Фроловская, Борисоглебская и Никольская [1, с. 91–93]. Конфирмация 1633 г. указывает на наличие

в Стародубе уже 11 храмов и несколько изменяет предыдущий список. Так документ фиксирует не упоминаемые ранее Троицкую, Святого Духа и Святого Архангела Михаила церкви, но не называет Спасскую [3, л. 8–10об.]. Присяжные листы 1654 г. из всех стародубских храмов называют лишь три: Рождества Пресвятой Богородицы и Николы Чудотворца на посаде, а также Святой Параскевы Пятницы в селе Старое Городище [5, с. 327–328]. Возможно, что остальные церкви в городе были уничтожены за время военных действий, но нельзя и исключать, что переписчики отметили лишь наиболее крупные, по их мнению, храмы.

Несмотря на значительное количество сельских населенных пунктов на Стародубщине уже к началу XVII в. сведений о наличии в них конфессиональных сооружений не много. Вероятно, в данный период храмы возводились лишь в очень крупных селах, а прихожанам, чтобы попасть на богослужение приходилось преодолевать большие расстояния. Так, с 1620 г. известно о Троицкой церкви в с. Дареевичи. Королевские комиссары Балтазар Стравинский староста Мозырский и Войцех Глембоцкий, направленные на Стародубщину для проведения ревизии землевладения, выяснили, что данной церкви принадлежало значительное имение «обруб Толуковский» в волости Поповой Горы. Комиссары посчитали, что целесообразно будет включить его в состав королевских владений, а дареевичскому храму выделить «грунт» при селе [14, с. 733]. При этом факт такого крупного церковного землевладения говорит о давности основания храма и важности его для региона.

Также с 1628 г. упоминается Пятницкая церковь в с. Лыщичи Стародубского уезда. Тогда ее поп Афанасий Иванов составил запись о купле-продаже «грунта Уваровщина» между жителями села [15, л. 3]. Следующий раз лыщичский храм вместе с дареевичским назван в грамоте 1633 г. Этот же документ сообщает о наличии церкви Святого Георгия в Калинниках и Покровской в с. Басихине [3, л. 8–10об.].

Инвентарь Почепа 1619 г. из-за своей слабой сохранности не позволяет выявить ни названия самих городских церквей, не уточнить их точное количество. Впрочем, из данного документа известно, что всего в Почепе и его уезде было 4 храма. Из них двое находились в селах Синьково и Глазово [16, л. 2, 12, 17об.]. Наличие церкви в первом также подтверждает присяга 1654 г. называя ее Никольской [5, с. 339]. Конфирмация 1633 г. зачастую не конкретизирует местоположение церкви, а отмечает лишь центр волости или уезда. Так, согласно ей, на территории почепского замка располагалось четыре церкви: Троицкая, Святого Духа, Никольская и Пятницкая [3, л. 8–10об.]. Очевидно, что такого не могло быть. Небольшая крепость не вместила бы в себя столько культовых сооружений. Присяжные же листы 1654 г. дополняют и уточняют этот список храмами, находящимися на посаде: Святого Пророка Ильи и Спасской [5, с. 338]. Документ же 1633 г. первую указывает, как располагающуюся «на Почеповщине». Никольскую церковь переписчики в 1654 г. поместили в Старом Городище, Пятницкую в село Глазово, а Троицкую в Тубольцах [5, с. 338–339]. Таким образом можно предположить, что в самом почепском замке в 1633 г. находилась лишь церковь Святого Духа. Но она вероятно была разрушена во время казацко-крестьянской войны 1648–1654 гг.

Кроме вышеназванных храмов в Почепском уезде грамота 1633 г. отмечает наличие в с. Яковлевичах церкви Рождества Богородицы и в неназванном селе – Флора и Лавра [3, л. 9, 10об.]. Первый населенный пункт в присяжных листах 1654 г. вероятно называется Сетолово, а вот местоположение второй церкви установить пока не удалось. Также переписчиками в 1654 г. зафиксированы храмы в следующих селах Почепской сотни: Рогово (Старое городище) – Козьмы и Демьяна, Ишово – Святителя Николая Чудотворца, Кашово – Обновление храма Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа [5, с. 338–339].

Конфирмация 1633 г. указывает на наличие в небольшом местечке Мглине трех храмов: Воскресения, Святого Духа и Святого Николая [3, л. 8об., 10]. Первый из них упоминается затем еще в 1638 г. Тогда король Владислав IV подтвердил священнику Кузьме Орловичу акт смоленского подсудка Иеронима Тихоновича о передаче Воскресенской

церкви значительного земельного надела, прозываемого Портники [17, с. 119–120]. В дальнейшем инвентарь 1650 г. фиксирует в Мглине уже две церкви Спасскую и Воскресенскую, что подтверждают и присяжные листы 1654 г. [18, л. 4, 5 ; 0, с. 347].

Кроме того, храмы были и в других местечках Стародубского повета. В Топали по данным на 1633 г. церковь Святого Духа (в 1654 г. – Святого Георгия), в Дрокове – Никольская (в 1654 г. Успения Богородицы), в Поповой Горе (в 1654 г. – Троицкая и в селе Жовнец – Рождества Богородицы), в Ропске Борисоглебская, в Бобовичах Святого Георгия (в 1654 г. Успения Пресвятой Богородицы и Михаила Архангела) [3, л. 8–10об. ; 0, с. 340–343].

Как видим, несмотря на узкий круг источников можно установить масштабы церковного стоительства и землевладения на Стародубщине в XVI – первой половине XVII в. Географические условия (леса и болота) не способствовали активной колонизации края. Для удовлетворения потребностей его малочисленного населения достаточным было наличие культовых сооружений лишь в городах, местечках и крупных селах. При этом вероятно еще с XV в. на Стародубщине существовало монастырское и церковное землевладение, которое, впрочем, не оказывало влияния на общую картину освоения региона. Однако к середине XVII в. миграционные процессы ускорились. Приток населения в регион способствовал возведению новых культовых сооружений. В то же время данные постройки все еще оставались деревянными, что не позволило им сохранить свой первоначальный облик по примеру соседней Смоленщины.

Источники и литература

1. Памятники южновеликорусского наречия (конец XVI – нач. XVII в.в.) : сб. текстов / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1990. – 232 с.

2. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев (ЦГИАК). – Ф. 57. Оп. 1. Д. 114.

3. Национальный исторический архив Беларуси. – КМФ. 18. Оп. 1. Д. 108.

4. Лазаревский, А. М. Описание старой Малороссии: материалы для истории заселения, землевладения и управления : [в 3 т.] / А. М. Лазаревский. – Изд. 2-е. – Белые берега : Десяточка : Белобережье, 2008. – Т. 1 : Полк Стародубский. – 559 с.

5. Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки / Нац. акад. України [та ін.] ; упоряд.: Ю. Мицик, М. Кравець ; редкол.: П. С. Сохань (голова) [та ін.]. – Київ : [б. в.], 2003. – 350 с.

6. ЦГИАК. – Ф. 128. Оп. 3 (Вотчинные дела). Д. 70.

7. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. (АЗР). – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846–1855. – Т. 2 : 1506–1544. – 1848. – Разд. паг.

8. АЗР. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846–1855. – Т. 3 : 1544–1587. – 1848. – Разд. паг.

9. Каштанов, С. М. О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством Ивана IV в 1583 г. / С. М. Каштанов // Ист. арх. – 2002. – № 4. – С. 189–203.

10. Каштанов, С. М. О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г. / С. М. Каштанов // Ист. арх. – 2005. – № 1. – С. 175–197.

11. ЦГИАК. – Ф. 128. Оп. 1А (Вотчинные дела). Д. 4.

12. АЗР. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846–1855. – Т. 5 : 1633–1699. – 1853. – Разд. паг.

13. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (Полное собрание русских летописей Т. XLIII) / подгот. текста О. Л. Новиковой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

14. Лазаревский, А. М. Обозрение Румянцевской описи Малороссии : [в 4 вып.] / А. М. Лазаревский. – Чернигов : Черниг. губерн. стат. ком., 1866–1885. – [Вып. 3] : Полк Стародубский / Н. Константинович. – 1875. – 857 с.

15. ЦГИАК. – Ф. 128. Оп. 1А (Вотчинные дела). Д. 12.
16. Stepono Batoro universiteto bibliotekos Rankraščių skyrius. – F. 4. – Inwentarz Maietnosci Poczapowa. 1619.
17. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии : в 7 кн. / архиеп. Филарет. – Чернигов : Губерн. тип., 1873–1874. – Кн. 7 : Стародубский, Мглинский, Новозыбковский, Глуховский и Нежинский уезды. – 1873. – 439 с.
18. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – F. 334. S. 371.

УДК 94:321.01(476+474.5+438)«1569-1795»

К. Н. Садовникова
ГУО «Веремейская средняя школа»

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ: ОТ ШЛЯХЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ К КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ (1569–1795)

В статье исследуется трансформация государственного устройства Речи Посполитой от Люблинской унии 1569 года до разделов XVIII века. Анализируются ключевые институты: вольная элекция, вальный сейм, сенат и посольская изба, а также правовые механизмы, ограничивавшие монаршую власть. Особое внимание уделяется эволюции «золотых шляхетских вольностей» и принципа liberum veto, приведших к параличу законодательной власти и магнатской анархии. Рассматриваются реформы Четырехлетнего сейма и Конституция 3 мая 1791 года как попытка модернизации. Делается вывод о закономерности краха государства вследствие дисбаланса властных полномочий и внешнего вмешательства.

Люблинская уния 1569 года заложила основы принципиально нового государственного образования – Речи Посполитой, которая просуществовала более двух столетий и стала уникальным экспериментом в политической истории Европы. В её основе лежал провозглашенный принцип «обоих народов» (польского и литовского), что подразумевало создание единого политического организма при формальном сохранении определенных различий между его составными частями. Однако с течением времени реальное содержание этого принципа претерпевало значительные изменения под влиянием внутренних и внешних факторов.

Ключевым элементом объединения стал институт единого главы государства: польский король автоматически получал титул великого князя литовского, русского, прусского, мазовецкого, жемайтского, что символически закрепляло единство обширной территории от Балтики до черноморских степей. Этот пышный титул не был простой формальностью – он отражал сложную структуру государства, включавшего земли с различными историческими традициями, этническим составом населения и правовыми системами.

В основу замещения престола был положен принцип вольной элекции, то есть выборности монарха. Король переставал быть наследственным государем; отныне он избирался шляхтой на общем элекционном сейме, который собирался под Варшавой, где тысячи дворян участвовали в голосовании. После избрания следовала торжественная коронация в исторической столице Польши – Кракове. Эта процедура делала монарха принципиально зависимым от шляхетского сословия, которое видело в выборах главную гарантию своих привилегий и политических прав [3, с. 30]. Наследственное право прежних династий на земли государства было ликвидировано – этот акт был впервые оформлен Сигизмундом II Августом еще в 1564 году, а затем подтвержден постановлениями Люблинского сейма, что юридически закрепляло республиканский характер нового государства [2, с. 51–52].

Центральным органом власти Речи Посполитой стал вальный, или общий, сейм, который превратился в высший законодательный орган и постоянно действующий парламент всего государства. Его структура отражала сословный характер монархии и включала три традиционных «стана», восходящих к средневековым представлениям о представительстве. Первым из них являлся король, который председательствовал на заседаниях и обладал правом законодательной инициативы, хотя его реальная роль в законотворческом процессе постепенно уменьшалась. Вторым станом был сенат – верхняя палата, формировавшаяся из высшего католического духовенства (архиепископов и епископов) и высших должностных лиц, таких как воеводы, каштеляны и министры (канцлеры, подканцлеры, гетманы и подскарбии). Сенаторы назначались пожизненно, их число со временем росло, и они играли ключевую роль в определении стратегического политического курса государства, формируя своеобразный «совет старейшин». Третьим станом выступала посольская изба – нижняя палата, состоявшая из депутатов (послов), которые избирались шляхтой на местных сеймиках. Депутаты получали от своих избирателей подробные письменные инструкции, известные как наказы или лауды, и были обязаны неукоснительно их придерживаться в ходе работы сейма, что создавало систему императивного мандата и делало послов не столько свободными политиками, сколько делегатами с четко определенными полномочиями [2, с. 53].

Люблинский сейм специальным постановлением зафиксировал, что отныне не будут созываться отдельные сеймы для разных частей государства, а будет существовать только общий сейм «для обоих этих народов как для одного тела». Это решение было принципиальным: оно должно было символизировать нерасторжимость унии и единство политической воли всей шляхты. Местом проведения заседаний обычно была Варшава, которая благодаря своему центральному положению постепенно превращалась в фактическую столицу федерации, хотя коронация по-прежнему проходила в Кракове, а некоторые сеймы собирались и в других городах Короны.

Несмотря на то, что король оставался главой государства, его реальные полномочия были существенно ограничены системой правовых актов, принятых после угасания династии Ягеллонов. После смерти Сигизмунда II Августа в 1572 году разразился первый политический кризис бескоролевья, в ходе которого шляхта осознала свою решающую роль. В 1573 году были разработаны и приняты документы, оформившие ограничения монаршей власти: знаменитые «Генриховы артикулы» и индивидуальные «Pacta conventa» – личные обязательства, которые подписывал каждый новоизбранный король. Эти акты приобрели силу основного закона и позже были дополнены так называемыми «кардинальными правами», которые считались неотъемлемыми и не подлежащими пересмотру.

«Генриховы артикулы» и «кардинальные права» гарантировали шляхте сохранение «золотых вольностей» – уникальной системы сословных привилегий, включавшей освобождение от большинства налогов, исключительное право на землевладение и занятие всех государственных должностей, свободу от ареста без судебного приговора и право на участие в политической жизни через сеймики и сеймы. Одновременно эти акты жестко ограничивали короля: он не мог принимать важнейших государственных решений без согласия сената и сейма, не имел права назначать наследника, созывать посполитое рушение (всеобщее ополчение) или начинать войну. Более того, в случае нарушения королем законов и шляхетских вольностей дворянство получало легальное право на вооруженное сопротивление, известное как рокош, и на создание конфедераций – временных политических союзов для достижения определенных целей, которые фактически становились параллельными органами власти. Фактически монарх превращался в пожизненно избранного президента республики, лишенного полноты исполнительной власти и вынужденного постоянно искать компромиссы с магнатскими группировками и шляхетской массой.

Ситуация усугублялась тем, что на престол нередко приглашались иностранные принцы, что было следствием политики соседних держав и борьбы магнатских кланов.

Первый выборный король Генрих Валуа, брат французского короля, пробыл в стране менее четырех месяцев и бежал во Францию, узнав о смерти своего брата. Август III Саксонский за тридцать лет своего правления и года не провел в Речи Посполитой, предпочитая жить в Дрездене и лишь изредка появляясь в Варшаве. Такие правители не знали местных реалий, языка, традиций и полностью передоверяли управление магнатским группировкам, которые вели между собой непрерывную борьбу за влияние и должности, окончательно дестабилизируя политическую жизнь.

Эффективность работы сейма, высшего законодательного органа, неуклонно снижалась из-за внутренних процедурных механизмов, которые в свое время создавались для защиты шляхетских прав. Главным дестабилизирующим фактором стал принцип единогласия при принятии решений, восходивший к средневековым представлениям о единстве рыцарского сословия. В сочетании с правом liberum veto («свободное запрещение») этот принцип позволял любому депутату своим единоличным протестом отменить постановление всего сейма и распустить его, причем принятые ранее решения также считались недействительными.

Первоначально liberum veto применялось в исключительных случаях и воспринималось как крайняя мера защиты интересов, но с середины XVII века оно превратилось в обычный инструмент политической борьбы. Сеймы все чаще срывались, не успев принять ни одного закона. Соседние державы быстро научились использовать это право, подкупая отдельных депутатов для срыва нежелательных решений. В период с 1652 по 1763 год были сорваны или распущены 53 сейма, что составляло около трети от их общего числа. Это привело к полному параличу законодательной власти: новые законы не принимались, налоги не собирались, армия не получала финансирования и пришла в упадок, назревшие реформы блокировались на корню [2, с. 54].

Политическая жизнь переместилась из парализованного парламента в магнатские резиденции и на местные сеймики, где заправляли всесильные магнаты, содержавшие частные армии и располагавшие собственными финансами. Страна погружалась в состояние хронической анархии, которой активно пользовались соседние державы – Россия, Пруссия и Австрия. Они систематически вмешивались во внутренние дела, подкупали магнатские группировки, поддерживали удобные для себя конфедерации и фактически держали Речь Посполитую в положении полуколонии. Русские войска неоднократно входили на территорию страны под предлогом защиты диссидентов или поддержания порядка, а российские послы в Варшаве обладали большей властью, чем выборный король.

Осознание катастрофичности сложившейся системы постепенно росло среди наиболее дальновидных политиков и публицистов. После первого раздела 1772 года, когда Речь Посполитая потеряла треть своей территории и около 35 % населения, потребность в коренных преобразованиях стала очевидной даже для консерваторов. На сейме 1773 года была создана Постоянная Рада – первый в истории страны постоянно действующий орган исполнительной власти, состоявший из короля, 18 сенаторов и 18 депутатов сейма. Рада разделялась на департаменты (иностранных дел, военный, финансовый, юстиции) и впервые ввела в польско-литовской политической системе элементы регулярного правительства [1, с. 102–103].

Кульминацией реформаторских усилий стал Четырехлетний сейм, заседавший с перерывами в 1788–1792 годах и принявший Конституцию 3 мая 1791 года. Этот документ, являющийся одной из первых в Европе и второй в мире (после американской) писаных конституций, кардинально менял государственное устройство Речи Посполитой. Конституция предусматривала ликвидацию liberum veto: отменялся губительный принцип единогласия, и решения отныне должны были приниматься большинством голосов, что приближало парламентскую процедуру к современным стандартам. Полностью запрещалось создание конфедераций, раздиравших страну на враждующие лагеря и подрывавших государственное единство.

Конституция вводила реформу престолонаследия, устанавливая выборность династии – после смерти Станислава Августа Понятовского трон должен был перейти к саксонскому курфюрсту из династии Веттинов. Это важнейшее изменение должно было обеспечить стабильность и преемственность верховной власти, покончить с губительными периодами бескоролевья, когда страна становилась ареной иностранных интриг. Кроме того, впервые в истории Речи Посполитой закреплялся принцип разделения властей, теоретически обоснованный еще Монтескье: исполнительная власть вручалась королю и правительству, получившему название «Стража законов»; законодательная власть принадлежала двухпалатному сейму; судебная власть становилась независимой и отделенной от администрации.

Важным социальным нововведением стало расширение прав горожан: так называемый закон о городах, принятый ранее и включенный в Конституцию, предоставлял мещанам личную неприкосновенность, право приобретать земли и направлять своих представителей в сейм (с совещательным голосом). Горожане также получали право на приобретение дворянского статуса за заслуги и могли занимать некоторые должности. Однако крестьянство по-прежнему оставалось вне политической системы, что стало одной из слабостей реформаторского движения.

Конституция 3 мая фактически превращала Речь Посполитую из архаичной «шляхетской республики» с бессильным выборным королем в наследственную конституционную монархию с сильной центральной властью и современным государственным аппаратом. Однако унитарный характер нового государства, ликвидировавший остатки автономии Литвы, а также ущемление некоторых магнатских привилегий вызвали ожесточенное сопротивление консерваторов. При поддержке императрицы Екатерины II, видевшей в реформах угрозу российскому влиянию, была создана Тарговицкая конфедерация, объединившая противников Конституции. Конфедераты развязали гражданскую войну, а затем ввели российские войска. Король Станислав Август, надеясь спасти государство, присоединился к Тарговице, и майская Конституция была отменена [1, с. 104–105].

Государственное устройство Речи Посполитой прошло сложную эволюцию от сословно-представительной монархии с элементами федерализма к охлократии магнатских группировок, использовавших шляхетскую демократию в своих интересах, и, наконец, к запоздалой и потому нереализованной попытке установить современную конституционную систему. Основными причинами окончательного краха стали слабость исполнительной власти, поскольку выборный король не имел реальных рычагов управления и зависел от своевольных магнатов; порочный механизм принятия решений, при котором liberum veto парализовало законодательную власть и делало невозможным проведение реформ; эгоизм шляхты, ставившей свои узкосословные привилегии («золотые вольности») выше общегосударственных интересов, что неизбежно вело к анархии; а также систематическое внешнее вмешательство соседних держав – России, Пруссии и Австрии, – которые сознательно использовали внутреннюю слабость Речи Посполитой для достижения своих геополитических целей и территориальных приобретений.

Подавление патриотического движения и второй раздел 1793 года, утвержденный на печально известном Гродненском сейме под давлением российских штыков, окончательно предопределили финал. Восстание под руководством Тадеуша Костюшко, провозглашенное в марте 1794 года в Кракове и охватившее значительную часть страны, было безнадежной попыткой спасти государство. Несмотря на первоначальные успехи (победа под Рацлавицами, освобождение Варшавы), восстание было подавлено объединенными силами российской и прусской армий. Осенью 1795 года после третьего раздела Речь Посполитая прекратила свое существование, навсегда исчезнув с политической карты Европы. Ее гибель продемонстрировала исторический пример того, как неограниченная свобода привилегированного сословия, не сбалансированная сильной государственной властью и ответственностью перед страной, неизбежно приводит к катастрофе [2, с. 58–59].

Таким образом, проведенный анализ государственного устройства Речи Посполитой позволяет заключить, что его эволюция носила противоречивый характер: возникнув как федеративное образование на основе Люблинской унии 1569 года, государство к концу своего существования представляло собой архаичную политическую систему, неспособную отвечать на вызовы времени. Ключевым противоречием стал дисбаланс между гипертрофированными правами шляхетского сословия («золотые вольности») и слабостью исполнительной власти, что при отсутствии эффективных механизмов сдерживания привело к параличу законодательной деятельности и магнатской анархии. Введение liberum veto, изначально призванного защищать интересы меньшинства, превратилось в инструмент дестабилизации, сделавший невозможным проведение назревших реформ.

Попытка модернизации, предпринятая Четырехлетним сеймом и воплощенная в Конституции 3 мая 1791 года, представляла собой запоздалую, но последовательную программу трансформации «шляхетской республики» в современное конституционное государство с разделением властей, наследственной монархией и отменой liberum veto. Однако унитарный характер реформ, ущемлявший автономные структуры, и сопротивление консервативных сил, поддержанных внешним вмешательством, предопределили их крах.

Гибель Речи Посполитой в 1795 году стала закономерным итогом системного кризиса, вызванного неспособностью правящего сословия поставить общегосударственные интересы выше корпоративных, неэффективностью политических институтов и уязвимостью перед внешним давлением. Исторический опыт этого государства демонстрирует, что неограниченная свобода привилегированного меньшинства, не сбалансированная сильной властью и ответственностью, неизбежно ведет к саморазрушению и утрате суверенитета.

Источники и литература

1. Ахмадеева, К. Р. Разделы Речи Посполитой: предпосылки, события, итоги / К. Р. Ахмадеева, О. В. Ягудина // Шаг в науку. – 2022. – № 3. – С. 101–106.

2. Дмитрачков, П. Ф. Из истории развития государственности на белорусских землях (вторая половина XVI–XVIII вв.) / П. Ф. Дмитрачков // Беларуская думка. – 2009. – № 7. – С. 51–59.

3. Ридэль, И. П. Сарматский миф и политическое устройство Речи Посполитой в XVI–XVII вв. / И. П. Ридэль // Славянский мир: общность и многообразие. – 2017. – № 1. – С. 30–31.

УДК 930.2(476):94(476)«1658»

В. А. Юргенсон
Институт истории НАН Беларуси

СКАРБОВАЯ ОРДИНАЦИЯ ОТ 24 МАРТА 1658 ГОДА ИЗ РАДЗИВИЛЛОВСКОГО ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Скарбовая ординация от 24 марта 1658 года являлась одним из основополагающих документов, регламентировавших монетную чеканку вплоть до времен Августа III. Однако, уже к XIX веку оригинальный текст этого документа считался утраченным, и нормы, установленные ординацией 1658 года, давались в соответствии с подтверждающей её ординацией 1662 года. Однако, автором статьи в Национальном историческом архиве Беларуси был обнаружен список текста ординации 1658 года, который позволил конкретизировать и уточнить её нормы.

Начиная со времен Люблинской унии все ординации и универсалы, касающиеся денежного обращения, вносились в Короную Метрику. Однако, ряд правовых документов 50-х – 60-х годов XVII века так и не был внесен в Коронную Метрику, что, вероятно, было связано с общим кризисом и хаосом, связанным с войной между Речью Посполитой и Россией, а также со «шведским потопом». Особое место среди этих документов занимает скарбовая ординация 1658 года, которая оказала огромное влияние на денежное обращение Речи Посполитой второй половины XVII века, но, не попав к Коронную Метрику, так и не была опубликована в оригинале. Хотя метрологические нормы, установленные ординацией 1658 года были известны по подтверждающему документу 1662 года, при сравнении со списком оригинального текста ординации 1658 года в списке 1666 года, обнаруженного в Радзицилловском фонде Национального исторического архива Беларуси [1, л. 1–1об.], широко известные метрологические нормы из подтверждения 1662 года несколько отличаются от норм, установленных ординацией 1658 года на самом деле.

Предпосылки принятия ординации 1658 года. 11 января 1627 года выходит королевская ординация, устанавливающая, что основной монетой Речи Посполитой является «имперский талер», т. е. талер, чеканенный по имперской стопе, утвержденной аугсбургским монетным уставом 1559 года. Таким образом проба и серебряное содержание отечественных талеров приводились в соответствие с талерами Священной Римской Империи. В том же году выходит сеймовая конституция 1627 года, пункт 11 которой предусматривал, чтобы в дальнейшем «*żadna mynica minorum spectricum, oprocz samych talerow y pułalerkow, ktore w sobie trzymač maią czternaście łotow feinsylberu w grzywnie, bita nie była*». Первоначально это положение устанавливалось в качестве чрезвычайной, временной меры, которая должна будет действовать до созыва следующего сейма [2, с. 261–262]. Это же положение было подтверждено пунктом 19 сеймовой конституции 1629 года [2, с. 294] и пунктом 12 сеймовой конституции 1631 года [2, с. 320–321]. Требование о недопущении чеканки неполновесной монеты, под которой подразумевалась разменная билонная монета, содержалось и в 17 пункте акта элекционного сейма 1632 года [2, с. 359]. Пункт 36 сеймовой конституции 1633 года изменял статус данного запрета, который становился не временным, а постоянным. Этим же пунктом учреждались специальные комиссии при коронном и литовском подскарбиях, которые должны были следить за тем, чтобы не чеканились монеты достоинством ниже полуталера, а также следить за соблюдением 14-лотовой пробы талеров и полуталеров [2, с. 379–380].

Важнейшим правовым документом, знаменующим собой окончательное закрепление принципиально нового статуса талера, стал королевский универсал 1633 года о монетных дворах [2, с. 380–381], который предусматривал решительные меры по изменению денежного обращения Речи Посполитой в соответствии с сеймовыми решениями 1627–1633 гг. Универсал подтверждал запрет чеканки монет достоинством ниже полуталера, при этом требуя, чтобы данный запрет соблюдался не только в Короне и ВКЛ, но и в находящейся в лённой зависимости от Речи Посполитой Пруссии. Помимо этого, универсал предполагал предельно жесткие меры по изъятию всей иностранной монеты кроме полуталеров, талеров и дукатов. Согласно универсалу, все остальные иностранные монеты приравнивались к фальшивым и подлежали конфискации. Также в нем содержалось требование об обязательной публикации самого универсала и распространении его текста «по городам и местечкам, как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском». [2, с. 380–381].

Запрет на чеканку мелкой монеты и переход денежной системы на талерную монету в качестве основной, с одной стороны, смог прекратить инфляцию, характерную для 20-х годов XVII века, но с другой стороны – вызвал финансовый и разменный кризис, связанный с полным расстройством денежного обращения на практике. Поскольку повседневные торговые операции населения требовали активного участия мелкой монеты, законный приток которой в денежное обращение был ликвидирован, это привело к массовому нелегальному наплыву иноземной низкопробной монеты. Помимо этого, начался

массовый приток неполноценных левандердаальдеров. Также государство фактически лишилось дохода от монетной регалии. В результате, к концу 40-х годов XVII столетия возникла острая необходимость в разрешении возникшего кризиса. Правовые акты, направленные на устранение его последствий, начали приниматься после вступления на престол Яна Казимира.

Сеймовая конституция 1649 года постановляла о необходимости восстановления чеканки монеты и о создании комиссии менничей [3, с. 131–132]. Акт комиссии менничей от 16 мая 1650 года о редукции монеты, согласно которому, стоимость талера понижалась до полутора злотых, а дуката – до трех, оказался нереализуем на практике, поскольку реальный курс талера к тому времени составлял 3 злотых. Однако, в плане метрологических характеристик более мелких номиналов, акт был частично реализован. Орты должны были чеканиться по стопе 36 штук из краковской гривны XIV-лотового серебра (875 промилле), та же проба должна была быть у трояков и шестаков, двухгрошовики и гроши должны были чеканиться из серебра VII-лотовой пробы, а медные шеляги, девальвированные до ¼ гроша – по стопе 77 штук из краковской гривны меди [4, с. 159–163].

Объем чеканки шестаков, грошкей и шелягов оказался крайне незначительным, трояки и вовсе остались в виде пробных монет, массово по новой стопе чеканились только орты и двухгрошовики.

Поскольку редукция монеты оказалась недостижимой на практике, сейм 1650 года выступил против неё, что привело к отмене редукции. Королевский универсал от 14 января 1651 года предусматривал проведение денежной реформы, согласно которой курс талера устанавливлася в 3½ злотых, дуката в 7 злотых, левандерталера в 2½ злотых, злотового талера в 1½ злотых, орты получали курс в 21 грош, шестаки – 7 грошей, трояки – 3½ гроша, двухгрошовики по 7 шелягов. Предполагалось, что через 4 месяца старые монеты должны были быть надчеканены на монетных дворах с обозначением нового номинала. Однако уже 24 февраля 1651 года новый королевский универсал отменял половжения универсала от 14 января, возвращая нормы от 16 мая 1650 года. Из новых монеты на практике были отчеканены только крайне редкие 21-грошовые орты, выпущенные на Быдгощском монетном дворе [5, с. 296].

Несмотря на формальный возврат к редукции монеты, её новый курс на практике по-прежнему был неосуществим, и уже в 1651–1652 годах снова встал вопрос о девальвации монеты. В 1654 году сейм утвердил монетную реформу, установив курс талера в 3 злотых. При этом проба ортов была оставлена в соответствии с актом от 16 мая 1650 г. (36 штук из краковской гривны XIV-лотового серебра), а чеканка более мелких монет была прекращена [5, с. 297–298].

Однако, начавшаяся в 1654 году война с русским царством вынудила отказаться от стабилизированного курса, перейдя к инфляционной чеканке. Изданный во Львове королевский универсал от 1 марта 1656 года устанавливал чеканку ортов по стопе 32 штуки из краковской гривны XI-лотового серебра (687,5 промилле), а шестаков – по стопе 53 штуки из гривны VI-лотового серебра (375 промилле). Но и установленная в 1656 году новая монетная стопа не продержалась долго. К 1658 году возникла необходимость очередной девальвации монеты, что вызвало необходимость принятия новой монетной ордиинации.

24 марта 1658 года была издана новая ординация, которая устанавливала новые метрологические характеристики для монет. Как уже было сказано выше, в Коронную Метрику её текст так и не попал, и до недавнего времени был известен по подтверждающему акту 1662 года [6], подтверждавшему ряд документов, в том числе и ординацию 1658 года, причем не её оригинальный текст, а список от 30 апреля 1658 года, предназначенный для познаньского монетного двора. Согласно им, орты должны были чеканится из серебра X-лотовой пробы (625 промилле) по стопе 32 штуки из краковской гривны, шестаки – 58 штук из гривны VI-лотового серебра, трояки – 120-штук из гривны VI-лотового серебра, проба полтораков устанавливалась в IV½ лота (281,25 промилле),

а грошей – в IV-лота (250 промилле). Действие ординации 1658 года впоследствии неоднократно подтверждалось другими правовыми актами, например, сеймовой конституцией 1677 года [3, с. 224], а чеканка монет по стопе, утвержденной в 1658 году, была прекращена только в 1685 году.

Однако, в Радзицилловском фонде Национального исторического архива автором было обнаружено дело, озаглавленное «Отчет Виленского монетного двора. Инструкция арендаторам Краковского монетного двора о нормах золота, входящего в состав монет. Постановление об «устройстве доходов королевской короны» и др. документы» (НГАБ, фонд 694, опись 1, дело 204), в котором был собран ряд документов, изданных с 1658 по 1788 годы. В том числе, на листах 1 – 1об этого дела был обнаружен оригинальный текст ординации 1658 года в списке от 17 марта 1666 года. И нормы, указанные в ординации 1658 года, как выяснилось, несколько отличаются от тех, которые были известны по подтверждению 1662 года (таблица 1). Так, орты предписывалось чеканить из сплава, имевшего пробу в X лотов и $3^{21}/_{25}$ квинтеля (685 промилле) по стопе 32 штуки из краковской гривны лигатурного сплава, на сумму в 30 злотых из краковской гривны чистого серебра, из которых 24 злотых приходилось на себестоимость серебра, 4½ злотых уходило в доход казны и 1½ злотых – арендатору монетного двора (из этой суммы также покрывались расходы на закупку меди для лигатурного сплава, чеканку самих монет и жалование персоналу монетного двора). Шестаки предписывалось чеканить из VI-лотового серебра по стопе 58⅛ штуки из краковской гривны лигатурного сплава на сумму в 31 злотый из краковской гривны чистого серебра, из которых арендатору монетного двора полагалось 2½ злотых. Трояки должны были чеканится по стопе 120 штук из краковской гривны VI-лотового серебра на сумму в 32 злотых из краковской гривны чистого серебра, полтораки – по стопе 185⅝ штуки из краковской гривны IV½-лотового серебра на сумму 33 злотых из гривны чистого серебра, гроши – 247½ штук из гривны IV-лотового серебра на 33 злотых из гривны чистого серебра.

Таблица 1 – Метрологические характеристики монет, согласно ординации 1658 года.

Номинал	Проба	Штук из гривны лигатурного сплава	Сумма из гривны чистого серебра
Орт	X лотов $3^{21}/_{25}$ квинтеля	32 штуки	30 злотых
Шестак	VI лотов	58⅛ штуки	31 злотый
Трояк	VI лотов	120 штук	32 злотых
Полторак	IV½ лота	185⅝ штуки	33 злотых
Грош	IV лота	247½ штук	33 злотых

При переводе в метрическую систему, метрологические характеристики монеты, установленные ординацией 1658 года, будут следующими (таблица 2).

Таблица 2 – Метрологические характеристики монет, согласно ординации 1658 года (перевод в метрическую систему мер)

Номинал	Проба	Лигатурная масса	Содержание чистого серебра
Орт	685 промилле	6,308 грамма	4,321 грамма
Шестак	375 промилле	3,473 грамма	1,302 грамма
Трояк	375 промилле	1,682 грамма	0,631 грамма
Полторак	281,25 промилле	1,087 грамма	0,342 грамма
Грош	250 промилле	0,816 грамма	0,204 грамма

Как мы видим, метрологические характеристики ортов и шестаков согласно оригинальному тексту ординации 1658 года отличаются от тех, которые приняты в нумизматической литературе на основе подтверждения 1662 года (таблица 3). Так, проба ортов по ординации 1658 года устанавливалась не в X лотов (625 промилле), а в X лотов и $3^{21}/_{25}$ квинтеля (685 промилле), таким образом, в 1658 году эта проба была снижена по сравнению с ранее установленной двумя годами ранее не на целый лот (62,5 промилле) а лишь на $^{4}/_{25}$ квинтеля (2 промилле). Шестаки же согласно оригинальному тексту ординации предписывалось чеканить по стопе 58⅛ штуки из краковской гривны, а не 58 штук. Таким образом, уставная лигатурная масса шестака должна была составлять 3,473, а не 3,480 грамма.

Таблица 3 – Сравнение метрологических характеристик, утвержденных в 1650–1658 гг.

Номинал	Проба	Штук из гривны лигатурного сплава	Перевод в метрическую систему	
			Проба	Масса
Монетная стопа согласно акту от 16 мая 1650				
Орт	XIV лотов	36 штук	875 промилле	5,607 грамма
Шестак	XIV лотов	108 штук	875 промилле	1,869 грамма
Трояк	XIV лотов	216 штук	875 промилле	0,934 грамма
Двухгрошовик	VII лотов	162⅘ штуки	437,5 промилле	1,240 грамма
Грош	VII лотов	325⅗ штуки	437,5 промилле	0,620 грамма
Шеляг	Медь	77 штук	Медь	2,622 грамма
Монетная стопа согласно сеймовой конституции 1654 года				
Орт	XIV лотов	36 штук	875 промилле	5,607 грамма
Монетная стопа согласно универсалу 1656 года				
Орт	XI лотов	32 штуки	687,5 промилле	6,308 грамма
Шестак	VI лотов	53 штуки	375 промилле	3,809 грамма
Монетная стопа согласно ординации 1658 года				
Орт	X лотов $3^{21}/_{25}$ квинтеля	32 штуки	685 промилле	6,308 грамма
Шестак	VI лотов	58⅛ штуки	375 промилле	3,473 грамма
Трояк	VI лотов	120 штук	375 промилле	1,682 грамма
Полторак	IV½ лота	185⅝ штуки	281,25 промилле	1,087 грамма
Грош	IV лота	247½ штук	250 промилле	0,816 грамма

Таким образом, обнаруженный в фондах Национального исторического архива оригинальный текст ординации 1658 года позволяет уточнить утвержденную ею монетную стопу ортов и шестаков, которая на самом деле отличалась от той, которая широко укоренилась в нумизматической литературе.

Источники и литература

1. Нацыянальны Гістарычны Архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 694. Оп. 1. Д. 204.
2. Volumina legum. T. III. – Petersburg : Nakładem i drukem Jozafata Ohryzki, 1859. –472 s.
3. Volumina legum. T. IV. – Petersburg : Nakładem i drukem Jozafata Ohryzki, 1860. –519 s.
4. Zagórski, I. Monety dawnej Polski jakoteż prowincyj i misat do niéj niegdy należących, z trzech ostatnich wieków / I. Zagórski. – Warszawa : W drukarni przy ulicy Rymarskiéj, 1845. N. 743224 s.

5. Rybarski, R. Skarb i pieniądz za Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III / R. Rybarski. – Oświęcim : “Napoleon V”. – 417 s.
6. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – MK. 203. Fl 208-211.
7. Volumina legum. T. V. – Petersburg : Nakładem i drukem Jozafata Ohryzki, 1860. –480 s.

УДК 069.02(476)(075.8)

А. А. Гужалоўскі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ГАННА ПАЎЛІНА ЯБЛАНОЎСКАЯ З САПЕГАЎ – КАЛЕКЦЫЯНЕР ЭПОХІ АСВЕТЫ

Артыкул прысвечаны дзейнасці ў галіне калекцыянавання аб’ектаў прыроды і папулярызацыі прыродазнаўчых ведаў Ганны Паўліны Яблоноўскай, адной з найбольш яскравых постацяў эпохі Асветы ў Рэчы Паспалітай. Яе працамі быў пакладзены пачатак галіны ведаў, якая ў той час мела назву “натуральнай гісторыі”. У канцы XVIII ст. ва Усходняй Еўропе няўхільна расла колькасць музеяў, у тым ліку прыродазнаўчых, адбывалася ператварэнне музейнага свету ў асаблівую сферу культурнага жыцця. З цягам часу найважнейшым аспектам дзейнасці Г. П. Яблоноўскай-калекцыянера стала папулярызацыя прыродазнаўства, што абумовіла яе рашэнне аб перадачы сваёй калекцыі ў дзяржаўную ўласнасць і стварэнні на яе падмурку публічнага музея.

Эпоха асветы прынесла не толькі вызваленне ад тэалагічнай схаластыкі, культ розуму, росквіт эксперыментальных і прыродазнаўчых навук, але таксама эмансіпацыю жанчын, якія ўсё часцей адмаўляліся ад свайго традыцыйнага патрыярхальнага свету, каб свядома і самастойна ўдзельнічаць у палітычным, эканамічным, навуковым і культурным жыцці. Удзел жанчын у грамадскім жыцці ў XVIII ст. зрабіўся настолькі бачным і значным, што гэтую эпоху часам называюць стагоддзем жанчын. Адной з новых жанчын эпохі асветы была Ганна Паўліна Яблоноўская з дому Сапег.

Г. Яблоноўская нарадзілася 22 чэрвеня 1728 г. ў мястэчку Воўпа Ваўкавыскага павета. Яе бацькам быў генерал артылерыі ВКЛ Казімір Леон Сапега, маці – Караліна Тэрэза Радзівіл. Ганне было 10 гадоў, калі памёр яе бацька. Далейшым выхаваннем дзяўчыны займаўся айчым – наваградскі ваявода, гісторык, паэт і мецэнат Юзэф Аляксандр Яблоноўскі. У 1750 г. ён выдаў пачарку замуж за свайго стрыечнага брата, ваяводу брацлаўскага Яна Каэтана Яблоноўскага. Жыццё пары не было шчаслівым. Я. К. Яблоноўскі аказаўся мегаламанам – ён імкнуўся да тытулаў, славы і раскошы заходнееўрапейскага прыдворнага жыцця. Гэта хутка надакучыла Ганне. Яна вырашыла вярнуцца дадому, пасля чаго сужэнцы жылі ў сепарацыі [1, s. 14].

Пасля смерці ў 1764 г. старэйшага за яе амаль на 30 гадоў мужа, Ганна, ўспадкаваўшы 11 гарадоў і 107 вёсак з 24 фальваркамі, патрапіла ў вір вялікай палітыкі. Яна выступіла супраць караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага, і пад псеўданімам «мадам де Барэз» шукала падтрымцы для барскіх канфедэратаў пры дварах Парыжа і Вены. Параза Барскай канфедэрацыі і першы падзел Рэчы Паспалітай змянілі жыццёвую траекторыю Г. Яблоноўскай. Захаваўшы свае палітычныя прыхільнасці, княгіня прымірылася са Станіславам Панятоўскім і цалкам засяродзілася на рэалізацыі гаспадарачых, навуковых і філантарпічных праектах. Так, па прыкладу іншых магнатаў-рэфарматараў Рэчы Паспалітай яна перавяла сялян з паншчыны на чынш, будавала лякарні і мануфактуры з мэтай паляпшэння здароўя і матэрыяльнага дабрабыту сваіх падданых, заснавала крэдытную сялянскую касу. Пабудавала ў Семятычах ратушу, друкарню, лякарню, школу акушэрак, прыют для састарэлых, імкнулая арганізаваць жыццё падуладных на рацыянальных пачатках, якія пабачыла ў заходнееўрапейскіх краінах [2].

Калекцыянерскую жарсць Ганна Яблоноўская ўспадкавала ад свайго айчыма Ю. Яблоноўскага, які ў першай палове XVIII ст. стварыў у Ляхавіцкім замку (сёння ў пас. Белагор'е Шэпетоўскага раёна Хмельніцкай вобласці Украіны) багаты збор старажытнасцяў пад назвай «Museum Jablonovianum». Прыклад калекцыянавання даваў не толькі айчым. Напрыканцы XVIII ст. на тэрыторыі Рэчы Паспалітай існавала каля 70 прыродазнаўчых кабінетаў [3, s. 24]. Адзін з іх у сваёй рэзідэнцыі Белая стварыў мецэгат, харунжы вялікі літоўскі Геранім Фларыян Радзівіл [4, s. 89], другі належыў паэту і кампазітару, гетману вялікаму літоўскаму Міхалу Казіміру Агінскаму [5, p. 826].

У 1750–1755 і 1769–1771 гг. Г. П. Яблоноўская здзейсніла два падарожжа па Германіі, Данніі, Галандыі, Францыі, Швейцарыі, Іспаніі, Англіі, дзе аглядала музеі і набывала прадметы для ўласнай калекцыі. У асобных выпадках яна набывала ў Галандыі цэлыя зборы і бібліятэкі, якія морам праз Данцыг накіроўваліся ў Семятычы. Падобным чынам з дапамогай сяброўкі Г. Яблоноўскай Рэнаты Гралах у Данцыгу была набыта частка другой калекцыі знакамітага галандскага натураліста і калекцыянера А. Себы (першую калекцыю А. Себы набыў Пётр I, паклаўшы яе ў падмурак Кунсткамеры) [6, s. 19]. Лекар Яблоноўскай Стэфан Бізіо прывёз для яе збору з Італіі анатамічныя прэпараты. Мінералагічную калекцыю семятыцкага збору узбагачаў па вяртанні з навуковых падарожжаў яе пляменнік – прыродазнаўца Аляксандр Антоній Сапега.

У выніку ў чатырох залах перабудаванага ёю семятыцкага палаца паўстаў сапраўдны музей. У першай зале дэманстраваліся творы выяўленчага мастацтва, а таксама нумізматычная, археалагічная і этнаграфічная калекцыі. Наведвальнікі маглі ўбачыць у ёй каля 500 антычных манет, дзве скульптурныя выявы старажытнаегіпецкіх багоў, некалькі дзясяткаў этрусскіх ваз і іншыя прадметы антычнай матэрыльнай культуры. Другая зала была прысвечана геалогіі («руды натуральных і штучных формаў і ўсе віды прадуктаў, атрыманых з зямлі»). У трэцяй зале наведвальніка знаёміліся з чучаламі айчынных і замежных звяроў і птушак. Нарэшце, у чацьвёртай – з узорамі флоры, дастаўленымі з пяці кантынентаў і ўпарадкаванымі паводле перадавой для таго часу сістэмы К. Лінэя. Усё гэта было расстаўлена ў выключна прыгожых шафах – шэдэўрах сталярнай справы, інкруставаных рознымі гатункамі дрэва, ракавінамі і караламі» [7, s. 124]. У асобнай, авальнай зале захоўвалася бібліятэка, у каталозе якой налічвалася 382 кнігі па прыродазаўству, у тым ліку каталогі буйнейшых еўрапейскіх калецый [8, s. 110].

Дэманстраваліся ў семятыцкім палацы таксама палеанталагіныя знаходкі: «У калекцыі кур'ёзаў мелася галава нейкай дзіўнай істоты, падобная на бычыную, але значна большая. Яна была выкапана на беразе Буга, добра закансервавана... і верагодна належыла нейкаму ўжо знікламу на зямлі віду» [9, s. 353]. Г. Яблоноўская асабліва ганарылася двума воскавымі анатамічнымі мадэлямі, дэманставаўшымі пяць органаў пачуццяў. Мадэлі былі выраблены знакамітай жанчынай-анатамам А. Манцаліні ў Балоньі, пра што збіральніца з гордасцю пісала швейцарскаму астраному і матэматыку І. Бернулі [10, s. 69]. Працягам «натуральнага кабінета» з'яўляўся батанічны сад з аранжэрэямі і вальерамі, які знаходзіўся пад наглядам «вучонага-садоўніка». На думку французскага вучонага-энцыклапедыста А.-Ж. Дэзалье д'Аржанвіля, усё разам гэта ўтварала буйнейшы ў тагачаснай Рэчы Паспалітай прыродазнаўчы збор [11, p. 826].

Абавязкі куратара гэтага збора выконваў шамбелян княгіні, капітан у адстаўцы, саксонец Генрык Каэтан Грайбнэр, які займаўся захаваннем прадметаў і іх размяшчэннем у залах. Але, на думку Г. Яблоноўскай, сабранае ёю вымагала не толькі захавання, але выкарыстання ў навуковых і адукацыйных мэтах. Яна запрашала ў Семятычы навукоўцаў, якія сістэматызавалі, даследавалі і ўзбагачалі яе калекцыі. Сярод вучоных гасцей княгіні мы знаходзім імёны польскіх грамадскага дзеяча С. В. Сташыца і натураліста Я. К. Клюка, французскага медыка і біёлага, стваральніка Гродзенскай медыцынскай акадэміі Ж. Э. Жілібера. Пад уплывам апошняга адбылося фармаванне светапогляду А. Сапегі, якому Г. Яблоноўская замяніла маці [12, s. 186–191].

Прыродазнаўчы збор, створаны Г. Ябланоўскай, меў яскрава акрэслены дыдактычны характар. Ён павінен быў садзейнічаць распаўсюджанню агульных ведаў аб прыродзе і чалавеку, развіццю земляробства і жывёлагадоўлі. З той жа мэтай Ябланоўская склала і выдала некалькі брашур па вядзенні сельскай гаспадаркі.

Відавочна, што збор, перад якім ставіліся падобныя задачы, не мог мець закрыты характар. Ён быў добра вядомы сучаснікам, прыцягваючы ўвагу не толькі аглядаўшых яго ў розныя часы польскага караля Станіслава Аўгуста, аўстрыйскага імператара Іосіфа II, наследніка расійскага трона Паўла Пятровіча і яго жонкі С.-Д. Вюртэмбергскай, але і шматлікай мясцовай шляхты [13, с. 69]. Сучаснік захапляўся ў Семяцічах «вялікай калекцыяй прыгожых гравюр, вырабамі з косці XVI ст., касцюмамі жыхароў Індыі і… хатнім начыннем рымлян з Геркуланума і Пампеі». Гэтыя экспанаты былі раскладзены ў «...прыгожых шафах, інкруставаных перламутрам і каралямі і ўяўляўшых сапраўдныя творы сталярнага мастацтва» [14, s. 16].

Падобна А. Храптовічу, уладальніца Семяціч у 1788 г. вырашыла перадаць свой збор у грамадскае карыстанне з надзеяй на стварэнне на яго падмурку Нацыянальнага прыродазнаўчага музея.. У адным з лістоў, датаваных гэтым годам, яна пісала: «Славутыя ахвяраванні грамадзян Айчыне… і я не бачу нічога лепшага, чым зрабіць яе нашчадкам майго кабінета натуральнай гісторыі…» [14, s. 16]. Гэтую ідэю падтрымліваў пляменнік яе нябожчыка-мужа – вядомы дзяржаўны дзеяч Антоній Ябланоўскі, які прапанаваў размясціць прыродазнаўчы збор у яго варшаўскім палацы.

У якасці ўмовы перадачы свайго збора ў дзяржаўную ўласнасць Г. Ябланоўская высунула наступныя патрабаванні: 1. Збор быў павінен змяшчаць у назве прозвішча Сапег; 2. За капітанам Г. Грайбнэрам мусіла захоўвацца пасада захавальніка збора; 3. Дзяржава брала на сябе абавязкі навуковай інвентарызацыі калекцый. Са свайго боку яна абяцала спрыяць далейшаму развіццю створанага на падмурку яе калекцый музея. Аднак Вялікі сойм (1788–1792) адхіліў прапанову Г. Ябланоўскай, патлумачызшы свае рашэнне тым, што краіне патрэбны не кур’ёзы, але грошы і зброя.

Рэалізацыя маштабных гаспадарчых, філантрапічных і навуковых праектаў Г. Ябланоўскай скончылася яе фінансавым крахам. Вымушаная пакінуць Семятычы, княгіня памерла 7 лютага 1800 г. у г. Астрог на Валыні. Там жа была пахавана. Прыродазнаўчы збор і бібліятэка перайшли да яе ўнучатых пляменнікаў – Станіслава і Максіміліяна Ябланоўскіх. Маючы запазычанасць расійскай казне, яны прапанавалі расійскім уладам пагасіць пазыку за кошт перадачы ім ацэненых у 50 тыс. дукатаў збора і бібліятэкі памерлай княгігі. Перамовы, якія курыраваў асабіста Аляксандр I, пачаліся ў кастрычніку 1801 г. і скончыліся 12 лютага 1802 г. падпісаннем імператарам указа аб перадачы семятыцкага «натуральнага кабінета» Маскоўскаму універсітэту.

У красавіку 1802 г. «для дастаўкі ў Маскоўскі ўніверсітэт натуральнага кабінета нябожчыцы княгіні» у Семятычы прыбылі акадэмікі В. М. Севяргін і А. Ф. Севасцьянаў, якія пакінулі яго апісанне. Аб шырокіх навуковых інтарэсах былой гаспадыні, «…якая звяртала ўвагу на ўсе прадметы практыкаванняў розуму чалавечага», сведчылі ўбачаныя імі «…многія фізічныя прылады, мадэлі машын, чучалы жывёл, птушак, рыб, земнаводных; калекцыі розных відаў насякомых, раслін; узоры пародаў дрэў, некаторых гатункаў насення і пладоў» [15, с. 77].

24 мая 1802 г. апісаны і спакаваны ў 101 скрыню збор быў дастаўлены ў Маскву. «Натуральны кабінет» княгігі складаўся з калекцыі мінералаў (каля 8 тыс. прадметаў), а таксама заалагічнай (каля 6 тыс. прадметаў) і батанічнай калецый (1, 5 тыс. прадметаў). Акрамя прыродазнаўчых калекцый, у Маскву быў дастаўлены «мастацкі кабінет», куды ўваходзілі археалагічныя і этнаграфічныя знаходкі, манеты і медалі, фізічныя прыборы і мадэлі [16, с. 92]. Семяцічскую бібліятэку перадалі ў Імператарскую публічную бібліятэку [17, s. 38].

Разам з прыродазнаўчым зборам П. Р. Дзямідава і калекцыяй мінералаў К. Р. Дашкавай, «натуральны кабінет» Г. Ябланоўскай утварыў падмурак Музея натуральнай

гісторыі Маскоўскага універсітэта. Яго арганізацыю ўзначаліў нямецкі і расійскі прыродазнаўца-энцыклапедыст Р. І. Фішэр фон Вальдгейм. У верасні 1812 г. развіццё універсітэцкага музея было спынена пажарам, які дашчэнту знішчыў яго калекцыі.

Ацэньваючы калецыянерскую дзейнасць Г. Яблоноўскай, неабходна адзначыць некаторыя ўласцівыя ёй музейныя элементы, а менавіта:

– выкарыстанне сабраных калекцый у навуковых і асветніцкіх мэтах;

– інвентарызацыя калекцый;

– наяўнасць экспазіцыйнага абсталявання;

– выдавецкая дзейнасць.

Крыніцы і літаратура

1. Pietrzkiewicz, D. «Grand-dam» Anna Paulina z Sapiehów Jabłonowska / D. Pietrzkiewicz // Kobiety Polsce – Polska Kobietom. Red. nauk. A. Chamera-Nowak. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe i Edukacyjne SBP, 2022. – S. 9–30 .

2. Ustawy powszechne dla dóbr moich rządzców: podług exemplarza drukowanego przeszłego roku w Siemiatyczach: [y 8 т.] / za rozkazem J. O. Xiężny Jabłonowskiey, woiewodziny Brasławskiey. W Warszawie: nakładem i drukiem Michała Grölla, księgarza nadwornego J. K. Mci, 1786–1787.

3. Skoczylas, J. Początki muzealnictwa geologicznego na ziemiach polskich / J. Skoczylas // Przegląd Geologiczny. – 2020. – T. 68. – № 1. – S. 21–24.

4. Brzezina-Scheuerer, K. Między wiarą a wiedzą. Zainteresowanie księcia Hieronima Floriana Radziwiłła naturą i medycyną / K. Brzezina-Scheuerer // Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym. – 2018. – T. 46. – № 3. – S. 89–107.

5. Dezallier d'Argenville, A.-J. La conchyliologie, ou, Histoire naturelle des coquilles de mer, d'eau douce, terrestres et fossiles : avec un traité de la zoomorphose, ou, représentation des animaux qui les habitent, ouvrage dans lequel on trouve une nouvelle méthode de les diviser. / A.-J. Dezallier d'Argenville – T. 1. – Paris: Chez Guillaume de Bure fils aine, 1780. – 878 p.

6. Daszkiewicz, P. Specimens from the Second Collection of Albertus Seba in Poland: the Natural History Cabinet of Anna Jablonowska (1728–1800) / P. Daszkiewicz, A. Bauer // Bibliotheca Herpetologica. – 2006. – Vol. 6 (2). – P. 16–20.

7. Arabas, I. Przyrodnicy, kolekcjonerzy i teoretycy muzealnictwa / I. Arabas // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 2009. – № 1. – S. 115–130.

8. Arabas, I. Mineralogiczna kolekcja w Gabinecie Historii Naturalnej księżnej Anny z Sapiehów Jabłonowskiej / I. Arabas // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 2024. – № 1. – S. 109–142.

9. Dziennik podróży Stanisława Staszica 1789–1805. Wyd. Cz. Leśniewski. – Kraków: Polska Akademia Umiejetności, 1931. – 515 s.

10. Bernoulli J. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778. – Leipzig : Gaspar Fritsch, 1780. – B. 6. – 298 s.

11. Dezallier d'Argenville, A.-J. La conchyliologie, ou, Histoire naturelle…

12. Daszkiewicz, P. Anna Jabłonowska, kolekcje gadów i płazów, a herpetologia w Rzeczypospolitej w XVIII w. / P. Daszkiewicz // Kolekcje przyrodnicze i gospodarcze innowacje – tradycja i nowoczesność. Pamięci księżnej Anny z Sapiehów Jabłonowskiej (1728-1800). Pod red. I. Arabas i R. Księżopolskiego. – Warszawa-Ciechanowiec : Instytut Historii Nauki im. L. i A. Birkenmajerów Polskiej Akademii Nauk, 2021. – S. 185–192.

13. Этнографическій и историческій очеркъ м. Семятичи и Семятицкой православной церкви // Литовскія епархіальныя вѣдомости. – 1877. – № 9. – Отдел неоф. – С. 68–72.

14. Malinowski, K. Prekursorzy muzeologii polskiej / K. Malinowski. – Warszawa; Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Poznan, 1970. – 160 s.

15. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства или минералогические хозяйственные и другие примечания, полученные во время проезда через оные в 1802 году академиком В. Севергиным. Ч. 1. – Спб. : Императорская Академія Наукъ, 1803. – 172 с.

16. Арабас, И. Искусственный кабинет княгини Анны Яблоновской в Семятыче: польская кунсткамера XVIII в. / И. Арабас, Л. Д. Бондарь // Кунсткамера. – 2020. – № 4 (10). – С. 92.

17. Wittyg, W. Ex-Libris'y bibliotek polskich XVII i XVIII wieku / W. Wittyg. – T. 1. – Warszawa : Drukarnia Józefa Sikorskiego, MCMIII. – 96 s.

УДК 94:357(476+474.5)"1788–1792"

С. А. Черепко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ВОЕННАЯ РЕФОРМА В ВКЛ 1788–1792 ГОДОВ

Статья посвящена анализу военной реформы в Великом княжестве Литовском в 1788–1792 гг. на фоне общего кризиса военной системы Речи Посполитой XVIII в. На основе нормативных актов, сеймовых решений и статистических данных рассматриваются состояние армии ВКЛ. Показано, что, несмотря на прогрессивный характер реформы, её реализация была существенно ограничена финансовыми трудностями и внутриполитическим кризисом, что привело к неполному выполнению намеченных мероприятий и последующего сокращения армии в 1793 г.

Несмотря на то, что военная история Беларуси периода Нового времени в целом уже получила определённое отражение в историографии, отдельные этапы истории отечественного военного дела в указанный период остаётся изученным недостаточно. История создания и развития армии ВКЛ в конце XVIII столетия, несмотря на отдельные попытки её анализа, по-прежнему представляет собой почти не разработанную область в отечественной научной литературе. Имеющиеся исследования носят фрагментарный характер и не позволяют выстроить целостную картину военных преобразований [1–3]. Определённый вклад в разработку данной проблематики внесли польские исследователи, которые, изучая историю коронного войска, затрагивали и отдельные аспекты функционирования армии ВКЛ [4–7]. Учитывая научную значимость темы, её связь с ключевыми процессами политической и военной истории ВКЛ, а также практическое отсутствие комплексных исследований в отечественной историографии, изучение военной реформы в ВКЛ 1788–1792 гг. представляется актуальной и востребованной научной задачей.

К началу XVIII в. Речь Посполитая решительно отставала от соседних европейских стран в области военного дела. Особенно эта тенденция отразилась в период Северной войны 1700–1721 г. В 1717 г. в ВКЛ прошла военная реформа, приведшая к созданию регулярной армии численностью всего до 6 тыс. солдат [8, с. 197]. Несмотря на прогрессивный характер реформы, глубокий внутриполитический кризис в Речи Посполитой не позволил вплоть до середины XVIII в. предпринять каких-либо серьёзных попыток для укрепления обороноспособности страны. Было понятно, что существующая армия носит декоративный характер и может выполнять свою основную функцию – защиту государства от внешнего противника.

Избрание монархом Станислава Августа Понятовского в 1764 г. открыло возможность для начала волны реформ в государстве, в том числе и в военном деле. Одним из направлений реформы стало учреждение в конце того же года Военной комиссии ВКЛ,

стратегической задачей которой стало приведение вооружённых сил княжества до уровня ведущих европейских государств. Однако политический кризис 1768–1772 гг. прервал процесс военных преобразований.

Тяжёлое положение армии ВКЛ, её очевидная неспособность обеспечить оборону страны снова стало на повестке дня в первой половине 70-х гг. XVIII в. Итогом работы сейма 1773–1775 гг. стало решение о проведении военной реформы, предусматривавшей выделение на содержание армии 12 млн злотых. Несмотря на хронический дефицит государственного бюджета Речи Посполитой, решением сейма на финансирование армии ВКЛ было выделено около 6,6 млн злотых [9, с. 402–403]. Однако отсутствие необходимых материальных средств в казне привело к тому, что уже в 1776 г. военный бюджет был сокращён более чем наполовину – до 2,3 млн злотых [10, с. 565, 568]. Следствием этого стало резкое уменьшение численности войска: во второй половине 1770-х гг. армия ВКЛ насчитывала лишь 4 770 воинов, что составляло чуть более половины от установленной сеймом 1773–1775 гг. нормы.

Кроме недостатка финансовых средств одной из проблем было неравномерное их распределение. 9 декабря 1776 г. был составлен компут армии ВКЛ, который предоставляет ценную информацию о финансировании армии [11]. Анализ этих данных позволяет выявить дисбаланс в распределении средств: на содержание Генерального штаба армии ВКЛ, состоявшего из 25 человек, выделялось 260 тыс. злотых [11, л. 5]. В то же время на полк пешей гвардии численностью 609 человек ассигновалось лишь на 10 тыс. злотых больше [11, л. 6]. Диспропорция в распределении бюджета закономерно приводила к ограниченной численности войска и снижению его боеспособности, что в конечном счёте подрывало обороноспособность государства.

Тем не менее реформа 1773-1775 г. стала основой для дальнейшего реформирования армии, заложив основу структуры армии. Армия ВКЛ была разделена на 2 дивизии. Количество пехотных частей увеличилось за счет сокращения некоторых кавалерийских частей, а также была оптимизирована организация кавалерии. В частности, вместо прежнего разделения кавалерии на гусаров, пятигорцев и казацко-татарскую лёгкую конницу были созданы бригады тяжёлой национальной кавалерии и более лёгкие полки передней стражи. Драгунские подразделения были ликвидированы.

Несмотря на постоянный дефицит бюджета на сейме 1778 г. была продолжена линия увеличения «войска в гейманах», а через два года на сейме вновь стоял вопрос о доукомплектовании армии ВКЛ [12, с. 579; 13, с. 585]. К 1786 г. армия ВКЛ насчитывала около 4,8 тыс. чел. Структурно она подразделялась на 2 дивизии. Армия сохранила традиционное деление на три основных рода войск: кавалерию, пехоту и артиллерию. Кавалерия насчитывала 2670 сабель и состояла из 1 гвардейского полка, двух бригад национальной кавалерии и 5 полков передней стражи. Бригады национальной кавалерии, насчитывали по 487 сабель, полк гвардии конной состоял из 318 кавалеристов, численность личного состава полков передней стражи варьировалась от 150 до 395 сабель [7, с. 21].

Пехота насчитывала 1950 военнослужащих и состояла из 1 гвардейского и 6 полевых пехотных полков, а также двух венгерских хоругвей великого и польного гетманов [6, с. 24]. Наиболее многочисленным был гвардейский полк, в котором служили 609 солдат и офицеров. В полевых пехотных полках было преимущественно по 220 военнослужащих, за исключением 5-го и 6-го полков, которые скорее напоминали батальоны, насчитывая 171 и 110 воинов соответственно. В венгерских хоругвях великого и польного гетманов было по 80-100 солдат.

Крайне немногочисленным был корпус артиллерии ВКЛ, в котором службу несли всего 125 воинов. Структурно корпус состоял из штаба, канонирской и гренадёрской рот [6, с.41]. Разумеется, такая армия в конце XVIII в. не могла обеспечить обороноспособность государства. В этих условиях Четырёхлетний сейм 1788–1792 г., начавший активные преобразования с целью вывода государства из глубокого системного кризиса, принял решение об увеличении войск Речи Посполитой до 100 тыс. человек.

После долгих дискуссий на сейме было принято решение о создании Военной комиссии обоих народов, которая должна была заменить Военный департамент Постоянной рады и стать локомотивом в военных преобразованиях в ВКЛ и Польше.

22 октября 1788 г. было принято сеймовое решение, согласно которому штат армии ВКЛ возрастал до 32641 чел. Личный состав кавалерийских подразделений должен был возрасти до 10650, пехотных – до 20330, артиллерии до 1661 военнослужащих [7, с. 22].

Несмотря на прогрессивность с военной точки зрения решения об увеличении армии, уже в самих решениях сейма просматривается его половинчатость. Во-первых, удельный вес кавалерии по отношению к пехоте был довольно высоким. В конце XVIII в. в военном деле пехота играла значительную роль и сохранение высокого процента кавалерии являлось скорее внутриполитическим, нежели военным решением.

Во-вторых, так и не была введена рекрутская система комплектования армии, которая была принята уже практически во всех европейских странах и гарантировала своевременное регулярное пополнение войска. Сейм оставлял вольнонаёмную систему, ограничивая возможность набора солдат только королевскими и церковными владениями, да и то со значительными ограничениями. Например, было запрещено вербовать дворовую челядь, практически все категории крестьян и фурманов. В шляхетских владениях вербовка запрещалась в принципе.

Набор такого многочисленного войска при столь существенных ограничениях, да ещё в короткий срок был в принципе невозможен. Это подтвердила практика. Несмотря на то, что представители шляхты служили в пехотных подразделениях, где их удельный вес составлял около 50 %, служба в кавалерии была гораздо более престижной [14, с. 339]. Эта особенность привела ещё к одному перекосу – кавалерия, пропорция которой, итак, была великой, набиралась более высокими темпами.

Негативная динамика в реализации реформы вынудила сейм в конце 1789 г. наконец принять решение о рекрутском принципе формирования армии, значительно расширив базу будущих солдат. Было решено, что в королевских и церковных владениях от каждых 50 дымов, а в шляхетских – с каждых 100 дымов, в армию должен был быть поставлен 1 рекрут в возрасте от 18 до 35 лет. Шляхтичи, которые не имели крепостных крестьян, платили вместо рекрута по 2 злотых. Срок службы рекрута определялся в 6 лет. Солдат, который безукоризненно прослужил два срока, освобождался от крепостной зависимости.

Каждое подразделение комплектовалось в определённом регионе. 1-й пехотный полк рекрутировался из жителей Слонимского, Лидского и Слуцкого поветов. 2-й пехотный полк, дислоцированный в Гродно, посылал свои команды в Поставы и Эйшишки. 3-й полк, с штабом в Ковно, комплектовался на территории этнической Литвы. 4-й полк, штаб-квартира которого находилась в Минске, проводил набор в Мозырском и Бобруйском поветах. 5-й полк штаб которого находился в Бресте, проводил набор под Пинском и Волковыском. 6-й полк, дислоцированный на Новогрудчине формировался здесь же. 7-й полк набирался из жителей Ошмянского повета, а также Трокского и Виленского воеводств. 8-ой полк комплектовался в районе Слуцка и Несвижа. Корпус артиллерии, который дислоцировался в столице, рекрутировался из жителей Браславского, Упицкого и Ковенского поветов.

Решение о введении рекрутской системы комплектования армии дало положительный эффект, хотя процесс набора всё же проходил медленными темпами. В 1792 г. армия ВКЛ насчитывала 18 245 солдат. Обе армии Речи Посполитой насчитывали 57 394 солдат, что составляло лишь 57,4 % от задуманного [15, с. 309].

С увеличением численности личного состава структурных изменений в кавалерии не произошло, однако увеличилась структура конкретных подразделений. В составе каждой из двух бригад национальной кавалерии насчитывалось по 16 хоругвей по 160 воинов, а также штабы по 21 чел. Общее количество военнослужащих бригады составляло 2 421 чел., что в 5 раз превышало численность личного состава до начала реформы.

Полки передней стражи состояли из 8 хоругвей по 135 коней и штаба из 18 офицеров каждый, насчитывая таким образом по 1098 человек. Таким образом, количество личного состава в этих подразделениях возросло в 5–9 раз. Неизменным остался численный состав полка конной гвардии, который, как и ранее насчитывал 318 солдат [7, с. 23].

В пехоте ВКЛ появились два новых полевых полка, которых теперь насчитывалось 8 единиц. Каждый из полков делился на 3 батальона из 12 рот по 176 солдат. Вместе со штабом штатный состав пехотного полка включал 2153 чел. В гвардейской пехоте значительных изменений не наблюдалось.

Серьёзные преобразования происходили в артиллерии. Корпус артиллерии, который ранее представлял из себя фактически отдельную роту, теперь насчитывал 1661 солдат и состоял из 10 рот по 156 чел. в каждой [7, с. 23]. В составе корпуса артиллерии был создан также корпус инженеров ВКЛ [6, с. 42].

Принятие Правительственного акта 3 мая 1791 г., более известного как Конституции Речи Посполитой 1791 г. должно было продолжить военное реформирование. Переход к унитарной модели государства вёл и к созданию единых вооружённых сил. Статья 11 конституции, посвящённая национальным вооружённым силам не предусматривала отдельных армий ВКЛ и Польши [16]. Принятые 20 октября 1791 г. Взаимные гарантии обоих народов прямо указывали на создание в Речи Посполитой единой армии. Таким образом, армия ВКЛ должна была войти в состав объединённой армии. Исходя из модифицированного названия государства – Речь Посполитая Польская, в разрезе военного дела можно говорить о создании единой польской армии, частью которой и должна была стать армия ВКЛ [17]. Однако, политические события 1792 г. не позволили осуществить эти задумки законодателей. Фактически армия ВКЛ продолжила своё существование вплоть до конца существования Речи Посполитой, а её наследие ощущалось и в первой трети XIX в.

В 1792 г. армия ВКЛ приняла активное участие в боевых действиях. 22 мая 1-й полк передней стражи вступил в сражение под Опсой (ныне Браславский район). После нескольких часов боя полк вынужден был отступить.

10 июня состоялось сражение под Столбцами, в которой приняли участие 1-я бригада национальной кавалерии и 4-й полк передней стражи. Кавалерии удалось задержать продвижение драгунских частей противника, после чего кавалерия ВКЛ отошла в направлении местечка Мир.

11 июня в сражении под стенами Мирского замка состоялось сражение, в котором приняли участие 1-й, 2-й, 4-й, 5-й, 6-й и 8-й пехотные полки, 1-я и 2-я бригады национальной кавалерии, 4-й полк передней стражи, корпус артиллерии. Армия ВКЛ смогла сдержать наступление войск противника, однако наступательного потенциала проявить не смогла и отступила в западном направлении.

4 июля в сражении под Зельвой участвовали 3 и 4-й, полк передней стражи, а также пехотные подразделения. Как и в предыдущих сражениях, армия ВКЛ сдержав наступательные действия противника, вынуждена была отступить.

7 и 10 июля происходили боевые столкновения под Изабелином и Мстбовым, в которых проявили себя 1-й и 4-й полки передней стражи.

14 июля под Войшками 1-й полк передней стражи атаковал с подразделения армии генерала М. Н. Кречетникова.

23 июля под Брестом состоялось последнее крупное сражение войны 1792 г., в котором с обоих сторон приняло участие более 10 тыс. человек. Сражение продолжалось весь день, однако, после того как у армии ВКЛ закончились боеприпасы, она стала отступать в направлении Варшавы. В очередной раз проявил себя 4-й полк передней стражи генерала Ю. Беляка.

В ходе войны 1792 г. армия ВКЛ проявила себя дееспособным боевым инструментом, который, однако, не смог в короткий промежуток времени превратиться в реальную боевую силу, которая могла бы обеспечить обороноспособность государства. Положительная динамика, начавшаяся в реорганизации войска ВКЛ в 1788 г. в очередной раз

была прервана глубоким внутриполитическим кризисом и внешними факторами, результатом чего стал отказ от продолжения военной реформы. В условиях стремительной утраты государственного суверенитета Гродненский сейм 1793 г. свернул реформирование в государстве, в том числе приняв решение о сокращении армии. Войско ВКЛ возвращалось к цифре в 6 тыс. солдат. Т. н. «редукция» армии стала одних из предпосылок восстания, которое в 1794 г. охватило польские, белорусские и литовские земли.

Военная реформа 1788–1792 гг. в ВКЛ стала наиболее масштабной попыткой модернизации вооружённых сил в XVIII в., отражая стремление реформаторов превратить государственную армию в реальную силу, способную обеспечить суверинитет Речи Посполитой. Несмотря на амбициозность замысла – увеличение численности войска, создание новых родов войск, унификацию командования и реформу финансирования – её реализация оказалась ограниченной из-за глубокого внутриполитического кризиса, сопротивления магнатских группировок, хронической финансовой слабости и активного внешнего вмешательства. Начавшаяся в 1792 г. война не позволила реформе дать полноценные результаты, а частичная модернизация армии не смогла компенсировать структурные слабости государства. В итоге провал реформы стал одним из факторов, ускоривших распад Речи Посполитой и последующую ликвидацию её государственности.

Источники и литература

1. Черепко, С. А. Армия Великого княжества Литовского в свете военной реформы 1764 – 1766 гг. / С. А. Черепко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2021. – № 9. – С. 130–133.

2. Чаропка, С. Ваенная рэформа 1775 г. у арміі Вялікага Княства Літоўскага / С. А. Черепко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2014. – Вып. 29. – С. 146–151.

3. Черепко, С. А. Эволюция системы воинских знаков отличия в армии Великого княжества Литовского в XVIII – начале XIX вв. / С.А. Черепко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. –2019. – № 4 (115). – С. 50–54.

4. Górski, K. Historya piechoty polskiej / K.Górski. – Kraków: nakładem księgarni polskiej spółki wzdawnicyej, 1893. – 274 s.

5. Górski, K. Historya jazdy polskiej / K. Górski. – Kraków: nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1894. – 366 s.

6. Gembarzewski, B. Rodowody pułków polskich i oddziałów równorzędnych od r.1717 do r. 1831 /B. Gembarzewski. – Warszawa: nakładem tow.wiedzy wojskowej, 1925. – 100 s.

7. Twardowski, B. Wojsko Polskie Kościuszki w roku 1794. Poznań; Nakładem Księgarni Katolickiej. – 91 s.

8. Konstytucye Wielkiego Xięstwa Litowskiego 1717 r.Volumina Legum. T. 6. – Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – S. 150-201.

9. Konstytucye Wielkiego Xięstwa Litowskiego 1775 r. // Volumina Legum. – Petersburg: Nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VIII. – S. 389–590.

10. Konstytucye Wielkiego Xięstwa Litowskiego 1776 r. // Volumina Legum. – Petersburg: Nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VIII. – S. 564–574.

11. Biblioteka Czartoryskich. – Rękopis 2555 IV. – Komput y płaca woyska WXL. – 84 s.

12. Konstytucye Seymu ordynarnego Warszawskiego Sześcioniedzielnego roku Pańskiego 1778 dnia 5 miesiąca października // Volumina Legum. – Petersburg: Nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VIII. – S. 575–590.

13. Konstytucye Seymu ordynarnego Warszawskiego Sześcioniedzielnego roku Pańskiego 1780 dnia 2 miesiąca października // Volumina Legum. – Petersburg: Nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VIII. – S. 582–590.

14. Чаропка, С. А. Сацыяльна-канфесійны склад пяхоты арміі ВКЛ у 30-50-я гг. XVIII ст. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Историч. и психолог. – пед. науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2014. – С. 336–342

15. Morawski, T. Dzieje narodu polskiego : w krótkości zebrane. T. 5, Stanisław August – Poznań : Jan Konstanty Żupański, 1872. – [8], 481 s.

16. Ustawa Rządowa z dnia 3-go maja 1791 roku. [Электронный ресурс]. – URL: https://biblioteka.sejm.gov.pl/tek01/txt/kpol/1791.html (дата обращения: 05.04.2026).

17. Zaręczenie Wzajemne Obojga Narodów: 20 października 1791 [Электронный ресурс]. – URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Zaręczenie_Wzajemne_Obojga_Narodów (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 94(438).04:372.893

А. А. Корзюк
редакция научно-теоретического,
научно-методического журнала
“Беларускі гістарычны часопіс”

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СОДЕРЖАНИИ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»

В статье анализируется репрезентация государственного устройства и международного положения Речи Посполитой в новом учебном пособии для 10 класса по учебному предмету «История Беларуси в контексте всемирной истории» в сравнении с ранее действовавшим пособием по истории Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в. Рассматриваются ключевые сюжеты, связанные с образованием федеративного государства (Люблинская уния 1569 г.), эволюцией его политической системы («шляхетская демократия», «либерум вето»), попытками реформ и внутренними кризисами, а также внешнеполитическим положением и итогами разделов. Делается вывод о том, что новое пособие успешно интегрирует национальную историю в общеевропейский контекст, формируя у учащихся комплексное представление о Речи Посполитой как о сложном и противоречивом государственном образовании раннего Нового времени.

Введение в 2024/2025 учебном году нового учебного предмета «История Беларуси в контексте всемирной истории» знаменует собой важный этап в развитии исторического образования в Республике Беларусь. Предмет нацелен на формирование у учащихся целостного представления об историческом процессе, где история белорусского народа рассматривается не изолированно, а как неотъемлемая часть общемировых тенденций и событий. Вторая часть учебного пособия для 10 класса (авторский коллектив под ред. А. Г. Кохановского) [1] охватывает период от Позднего средневековья до конца XVIII в., центральное место в котором занимает история Великого Княжества Литовского, а затем и федеративного государства Речи Посполитой.

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом в содержании нового учебного пособия раскрываются особенности государственного устройства Речи Посполитой и её международное положение в сравнении с содержанием ранее действовавшего учебного пособия по истории Беларуси для 10 класса [2]. В фокусе внимания находятся концептуальные подходы авторов к интерпретации ключевых событий, таких как Люблинская уния, эволюция политической системы, внутренние кризисы и, наконец, разделы государства.

Тема Речи Посполитой раскрывается в учебном пособии системно, в нескольких параграфах (особенно § 38–39, а также в § 40–41 о войнах и § 45–46 о конфессиях). Ключевые аспекты: обстоятельства создания (Люблинская уния), противоречивый государственный строй (сословная монархия с «либерум вето» и конфедерациями), борьба ВКЛ

за автономию (Статут 1588 г., отдельные сеймы), международный контекст (войны, упадок, разделы) и, наконец, оценка причин исчезновения государства, которую даёт авторский коллектив.

Образование Речи Посполитой: между федерацией и инкорпорацией. В учебном пособии создание Речи Посполитой рассматривается как закономерный, но неоднозначный итог длительного процесса сближения ВКЛ и Польши. Авторы подробно останавливаются на причинах, подтолкнувших стороны к заключению Люблинской унии (1569 г.). С одной стороны, это внешнеполитический фактор – тяжелое положение ВКЛ в Ливонской войне и необходимость в союзнике против Московского государства. С другой стороны, внутриполитические процессы – стремление польской шляхты к расширению своих «золотых вольностей» на восток и желание литовско-белорусской шляхты уравняться в правах с польской.

Пособие подчеркивает федеративный характер нового государства: «…ВКЛ и Польша имели как общие, так и собственные органы власти и сферы государственной деятельности. При этом каждое государство сохраняло автономию» [1, с. 190]. Однако уже здесь авторы закладывают понимание будущих противоречий, отмечая, что, «несмотря на формальное политическое равенство, польское влияние в новом государстве было определяющим» [1, с. 190]. Это тонкое наблюдение позволяет учащимся увидеть за официальным статусом федерации реальные механизмы доминирования более сильного партнера, что проявится в ускорении полонизации местной элиты.

Государственное устройство: «шляхетская демократия» как фактор силы и слабости. Характеристика политической системы Речи Посполитой дается через призму концепции «шляхетской республики». Авторы акцентируют внимание на уникальности этой системы для своего времени, когда выборность монарха и сосредоточение власти в руках шляхетского сословия были реальностью. Ключевую роль в этом играли Генриховы артикулы и Пакта конвента – документы, которые не только определяли полномочия короля, но и закрепляли право шляхты на отказ от подчинения (рокош) в случае нарушения монархом своих обязательств [1, с. 193].

Особое внимание в пособии уделяется принципу «либерум вето» (liberum veto). Он представлен не просто как курьезная норма, а как системная проблема, ставшая «миной замедленного действия» под зданием государства. «Это означало, что все решения сейма должны были приниматься единогласно. Даже один депутат мог сорвать решение сейма, наложив на него вето, и тем самым парализовать работу высшего законодательного органа и всего государства в целом» [1, с. 194–195]. Статистика сорванных сеймов (53 из 137 с 1669 по 1763 гг.) служит убедительным доказательством разрушительности этого принципа. Таким образом, учебное пособие формирует у учащихся понимание того, как демократия, доведенная до абсурда и поставленная на службу узкогрупповым интересам магнатов, превращается в свою противоположность – инструмент анархии и государственного ослабления.

В этом контексте борьба магнатских группировок (Сапег, Радзивиллов, Огинских и др.) представлена как закономерное следствие слабой королевской власти и всевластия магнатов, превращавших государство в арену для выяснения личных счетов и достижения корпоративных интересов [1, с. 195].

Международное положение Речи Посполитой: от гегемонии к упадку. Международное положение Речи Посполитой раскрывается в учебном пособии через описание крупнейших военных конфликтов XVII–XVIII вв., многие из которых проходили непосредственно на территории Беларуси.

Войны со Швецией представлены как борьба за доминирование в Балтийском регионе. Описание блестящих побед (битва под Кирхгольмом 1605 г.) сменяется констатацией итогового усиления Швеции [1, с. 199–200].

Войны с Россией (Смоленская война 1632–1634 гг.) показаны как попытка пересмотра итогов предыдущих конфликтов, закончившаяся в целом сохранением статус-кво [1, с. 201].

Казацко-крестьянская война 1648–1651 гг. и последовавшая за ней война с Россией 1654–1667 гг. характеризуются авторами как начало тяжелейшего кризиса. Эти события привели к масштабным разрушениям на территории Беларуси, огромным демографическим потерям и, что крайне важно, к усилению процессов полонизации среди уцелевшей шляхты [1, с. 203–207].

Северная война (1700–1721 гг.) стала финальным аккордом, окончательно подорвавшим экономику и продемонстрировавшим полную политическую зависимость Речи Посполитой от соседей, прежде всего от России [1, с. 207–209].

Таким образом, через описание войн пособие показывает, как некогда могущественная держава, способная наносить поражения сильным противникам, к началу XVIII в. превращается в пассивного игрока, чья территория становится ареной столкновения чужих армий, а внутренняя политика – предметом торга великих держав.

Кризис, реформы и разделы: закономерный финал. Заключительная часть раздела, посвященная Речи Посполитой, логично подводит к вопросу о причинах её падения. Авторы показывают, что попытки реформ («реформы Чарторыйских», деятельность Четырехлетнего сейма и принятие Конституции 3 мая 1791 г.**)** были предприняты слишком поздно и натолкнулись на ожесточенное сопротивление как внутренних сил (магнаты, придерживающиеся status quo), так и внешних игроков (Россия, Пруссия, Австрия), которых ослабление соседа не устраивало.

Пособие подчеркивает прогрессивный характер Конституции 1791 г., называя её «первой современной конституцией в Европе» [1, с. 194], которая «позволяла преодолеть политический кризис» [1, с. 194]. Однако её отмена и последующие разделы подаются как закономерное следствие нежелания магнатско-шляхетской верхушки поставить общегосударственные интересы выше своих корыстных. Итоговый вывод авторов звучит как приговор: «Разделы Речи Посполитой стали закономерным следствием нежелания высшей знати поставить государственные интересы выше собственных корыстных интересов» [1, с. 196].

Анализ содержания нового учебного пособия позволяет сделать вывод о глубокой и сбалансированной проработке темы «Речь Посполитая». Авторам удалось успешно реализовать главную цель нового учебного предмета – вписать историю Беларуси в контекст всемирной истории. Государственное устройство Речи Посполитой рассматривается не как экзотический феномен, а как вариант развития сословно-представительной монархии, имевший как сильные стороны (шляхетские свободы), так и фатальные слабости («либерум вето», магнатская олигархия). Международное положение показано в динамике: от региональной гегемонии в XVI – первой половине XVII в. до полного упадка и исчезновения с политической карты в конце XVIII в.

Важно отметить, что пособие, избегая упрощенных оценок, формирует у десятиклассников критическое мышление, показывая, что история – это сложный выбор, а судьба государства зависит от ответственности его элит. Трагедия разделов подается как урок, актуальность которого выходит далеко за рамки изучаемого периода.

Сравнительный анализ репрезентации темы «Речь Посполитая» в новом (2024) и ранее действовавшем (2020) учебном пособии по учебному предмету «История Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в.» для 10 класса [2] позволяет сделать следующие выводы.

Концептуальные основы и целеполагание. Содержание учебного пособия «История Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в.» под редакцией В. А. Белозоровича сфокусировано на национально-государственной истории. Речь Посполитая рассматривается прежде всего как этап в истории белорусской государственности. Основной вектор учебного исторического нарратива – проследить, как белорусские земли жили и развивались в рамках этого государственного образования. Внешнеполитический контекст служит фоном для объяснения внутренних процессов.

Новое пособие «История Беларуси в контексте всемирной истории» под редакцией А. Г. Кохановского имеет своим ключевым отличием интегративный подход. История

Речи Посполитой подается как органичная часть общеевропейских процессов (формирование сословно-представительных монархий, абсолютизм, кризис традиционного общества). Цель авторов – показать не только особенности, но и типологическую общность развития Беларуси и Европы. По-этому в его содержании не только констатируются факты, но постоянно задаются вопросы на сравнение и выявление закономерностей.

Структура изложения и хронология. В ранее действовавшем пособии использовалась традиционная линейно-хронологическая структура. Материал о Речи Посполитой (§ 12) логично следовал за историей ВКЛ и был посвящен преимущественно политической истории и государственному устройству. Экономическое и социальное развитие, религия и культура вынесены в отдельные большие разделы. Это позволяет глубоко изучить каждый аспект, но может затруднить синтез предметных знаний учащихся.

Новое пособие построено по проблемно-хронологическому принципу. Каждый раздел открывается параграфами, посвященными общим тенденциям развития мировых цивилизаций (например, § 32–33 «Основные тенденции политического развития цивилизаций мира в XVI–XVIII вв.»). И только затем следует материал по истории Беларуси (§ 38–39 «Политическое развитие Беларуси в XVI–XVIII вв.»). Это создает эффект «матрешки»: общее → частное. События на белорусских землях сразу же вписываются в европейский контекст.

Трактовка государственного устройства. «Старое» пособие давало подробное, но более описательное определение Речи Посполитой как союза двух государств, сохранявших автономию. Детально описывались органы власти: король, сенат, посольская изба. Принцип «либерум вето» и «золотые шляхетские вольности» представлены как уникальные черты польско-литовской политической системы. Городельская уния и борьба за самостоятельность ВКЛ (Статут 1588 г.) показаны как центральные сюжеты, подчеркивающие стремление ВКЛ к сохранению суверенитета.

Новое пособие предлагает сравнительно-типологический анализ. Сословно-представительная монархия в ВКЛ / Речи Посполитой сравнивается с парламентом в Англии и Генеральными штатами во Франции (§ 20). «Либерум вето» рассматривается не просто как местная особенность, а как пример кризиса сословного представительства, который на фоне укрепления абсолютизма в соседних странах (Россия, Франция, Австрия) делал государство нежизнеспособным. Акцент смещается с простого описания механизма на анализ его причин и последствий в общеевропейском масштабе.

Международное положение и войны. В пособии под редакцией В. А. Белозаровича подробно описываются войны (Ливонская, со Швецией, с Россией, Северная), делая акцент на их ходе, крупных сражениях на территории Беларуси (под Чашниками, под Лесной) и разрушительных последствиях для населения и экономики. Это история военных кампаний на местном материале.

Новое пособие подает те же войны, но как проявление общеевропейских конфликтов. Например, Ливонская война объясняется борьбой за доминирование на Балтике, в которую были вовлечены все крупные державы региона (§ 40–41). Северная война подается как конфликт, который окончательно превратил Речь Посполитую в пассивного игрока, чья территория стала ареной для чужих армий. Важно, что в новом пособии появляется специальный параграф, посвященный общей характеристике военных конфликтов Нового времени и изменению характера войн (переход к постоянным армиям).

Причины упадка и разделов Речи Посполитой. Авторы ранее действовавшего пособия видят главные причины в децентрализации власти, усилении влияния магнатских группировок, своеволии шляхты, срыве сеймов из-за «либерум вето» и вмешательстве иностранных государств. Это традиционный взгляд на внутренний кризис.

Новое пособие развивает этот тезис, но добавляет к нему важный компаративный аспект. В нем подчеркивается, что в то время, как в Западной Европе и России формировались мощные централизованные государства с постоянными армиями и бюрократией

(абсолютизм), Речь Посполитая законсервировала архаичную модель «шляхетской демократии», неспособную к модернизации (§ 38–39). Это делает позволяет сделать вывод о не только морально-политических, но и геополитических закономерностях разделов.

Роль личности. Учебное пособие по истории Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в. содержит обширные исторические портреты и биографические справки о ключевых фигурах периода Речи Посполитой: Сигизмунд II Август, Стефан Баторий, Сигизмунд III Ваза, Станислав Август Понятовский, Тадеуш Костюшко.

Пособие «История Беларуси в контексте всемирной истории» также упоминает этих деятелей, но акцент смещается на их роль в проведении политики, вписанной в общеевропейский контекст. Например, показана деятельность Стефана Батория не только как успешного полководца, но и как политика, стремившегося сохранить равноправие ВКЛ и Польши. А реформы Станислава Августа Понятовского подаются как запоздалая попытка модернизации страны под влиянием идей Просвещения, которая не удалась из-за внутренних и внешних факторов.

Дидактический аппарат и методика. Предыдущее учебное пособие содержало рубрики «Историческая личность», «Исторический источник», «Точка зрения», вопросы и задания для самоконтроля, практикумы. Они были ориентированы на прочное усвоение фактов и работу с документами.

Новое пособие идет дальше, внедряя метапредметные навыки и активные формы обучения. Задания направлены не просто на пересказ, а на сравнение, анализ, проведение мини-исследований, установление причинно-следственных связей, поиск закономерностей. Сама структура разделов параграфов (сначала общемировой контекст, затем история Беларуси) побуждает учащихся к постоянному сравнению и анализу исторических фактов, явлений и событий.

Таким образом, сравнение особенностей репрезентации государственного устройства Речи Посполитой и её международного положения в двух учебных пособиях для 10 класса – по истории Беларуси и по учебному предмету «История Беларуси в контексте всемирной истории», которое используется в образовательном процессе с 2024/2025 учебного года, демонстрирует парадигмальный сдвиг в преподавании отечественной истории.

«История Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в.» 2020 г. – это добротное, фактологически насыщенное учебное пособие по национальной истории. Оно дает глубокое и системное понимание истории Беларуси, но в значительной степени как самостоятельного, хотя и связанного с соседями, процесса.

Учебное пособие 2024 г. реализует новый образовательный стандарт, превращая историю Беларуси из объекта изучения в инструмент познания общих закономерностей мирового развития. Тема Речи Посполитой здесь становится идеальным кейсом для демонстрации того, как общеевропейские тенденции (формирование сословной монархии, кризис традиционного общества, рост абсолютизма, геополитическое соперничество и др.) преломлялись в конкретном регионе, приводя к уникальным, но типологически объяснимым результатам. Вместо ответа на вопрос «Что произошло?», ныне действующее пособие постоянно учит задавать вопрос «Почему это произошло именно так и что общего у этого с событиями в других странах?». Все это способствует превращению ученика из пассивного слушателя в активного исследователя, который ищет исторические закономерности и внутрипредметные связи.

Особенности государственного устройства и международного положения Речи Посполитой» — это, без преувеличения, ключ к пониманию целой эпохи не только в истории Беларуси, но и всей Восточной Европы. То, как по-разному раскрывается эта тема в учебных пособиях 2020 и 2024 гг., — наглядная иллюстрация эволюции школьного исторического образования в Республике Беларусь на III ступени общего среднего образования – от преимущественно фактологического, событийного подхода к проблемно-аналитическому и компаративному.

Источники и литература

1. Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі: вучэб. дапам. для 10-га кл. устаноў адукацыі, якія рэалізуюць адукац. прагр. агул. сярэд. адукацыі, з бел. мовай навучання і выхавання (з электрон. дадаткам для павыш. узроўню): у 2 ч. / А. Г. Каханоўскі [і інш]; пад рэд. А. Г. Каханоўскага. — Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2024. – Ч. 2. – 302 с.

2. Белозорович, В. А. История Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в. : учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. языком обучения (с электрон. приложением для повышенного уровня) / В. А. Белозорович, С. А. Кудрявцева, А. В. Любый ; под. ред. В. А. Белозоровича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 271 с.

УДК 94(476)“1861/1914”:332.21

А. Е. Веремейчик
Белорусский государственный университет

СТРУКТУРА ПРОДАЖ И ПОКУПОК ДВОРЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1861–1914 ГОДАХ)

В статье исследованы социально-экономические процессы на рынке дворянских земель на территории Беларуси в 1861–1914 гг. Отмена крепостного права в 1861 г. запустила механизм коренной перестройки аграрных отношений, центральным элементом которого стало неуклонное сокращение дворянского землевладения и формирование капиталистического рынка земли. На основе статистических материалов анализируется структура сделок купли-продажи, что позволяет выявить основные социальные категории продавцов и покупателей и проследить смену доминирующего типа земельного собственника.

Аграрная история Беларуси является одной из ключевых тем в отечественной историографии. Трансформационные процессы в аграрной сфере оказывали определяющее влияние на социально-экономическое и политическое развитие белорусских земель. Период после отмены крепостного права в 1861 г. и до начала Первой мировой войны в 1914 г. стал временем коренной перестройки поземельных отношений, центральным элементом которой было изменение статуса дворянского землевладения и формирование полноценного рынка земли на территории Беларуси.

Реформа 1861 г., ликвидировав личную зависимость крестьян, одновременно подорвала экономическую основу могущества дворянского сословия, которая веками базировалась на эксплуатации крепостного труда. Дворянство, будучи доминирующим и экономически привилегированным классом, столкнулось с системным вызовом, требующим адаптации к новым капиталистическим условиям хозяйствования. Не все помещики оказались готовы к этому переходу. Процесс вовлечения дворянских земель в рыночный оборот, изменение их стоимости и структуры сделок являются важными индикаторами глубины модернизационных процессов в аграрном секторе. Именно динамика рынка дворянских земель отражает как экономическую несостоятельность значительной части поместного дворянства, так и формирование новых социальных групп, претендующих на экономическое доминирование в деревне.

Несмотря на наличие значительного пласта исследований, посвященных общей аграрной истории пореформенного периода, структурный анализ рынка дворянских земель непосредственно на территории Беларуси остается недостаточно изученным. В дореволюционной историографии (В. О. Ключевский) [1] проблема рассматривалась в основном в общероссийском контексте. В советский период акцент делался на классовой

борьбе и крестьянском движении, в то время как рыночные механизмы трансформации землевладения оставались на периферии исследовательского интереса [2]. Современные работы (А. М. Анфимов, В. П. Панютич, А. П. Житко) [3–5] внесли существенный вклад в изучение социально-экономического развития белорусской деревни. Исследования А. Г. Кохановского наиболее полно позволяют проследить общую динамику социальной трансформации общества и глубоко проанализировать эволюцию статуса дворянского сословия в 1861–1914 гг. [6]. Однако комплексный анализ структуры сделок купли-продажи дворянских земель как самостоятельный предмет исследования до сих пор не был осуществлен, что определяет научную актуальность названной проблемы.

Целью статьи является анализ структуры продаж и покупок дворянских земель на территории Беларуси в 1861–1914 гг. для исследования тенденций и факторов трансформации дворянского землевладения. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить ключевые причины и масштабы сокращения дворянского землевладения; выявить основные категории продавцов и покупателей на рынке помещичьих земель; проанализировать роль государственных кредитных учреждений в перераспределении земельной собственности; охарактеризовать динамику цен на дворянские земли и факторы, ее определявшие.

Исследование базируется на принципах историзма и объективности, позволяющих рассматривать эволюцию рынка дворянских земель в контексте конкретных социально-экономических и политических условий Российской империи. В работе применен комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Анализ и синтез позволили выявить ключевые элементы и общие тенденции в структуре земельных сделок. Историко-генетический метод использовался для прослеживания причинно-следственных связей между реформой 1861 г. и последующим сокращением дворянского землевладения. С помощью историко-сравнительного и историко-типологического методов были сопоставлены процессы в различных губерниях Беларуси, что позволило выявить как общие закономерности, так и региональные особенности.

Теоретической основой работы послужили труды дореволюционных и современных исследователей, посвященные аграрной истории России и Беларуси. Важным источником стали законодательные акты Российской империи, регулировавшие земельные отношения, а также статистические сборники и материалы земской статистики, отражающие динамику землевладения в рассматриваемый период.

Отмена крепостного права в 1861 г. стала не просто юридической реформой, а мощным катализатором необратимых изменений во всей социально-экономической структуре аграрных отношений, запустив процесс интенсивного и масштабного вовлечения дворянских земель в рыночный оборот. Ликвидация крепостничества нанесла сокрушительный удар по экономической базе поместного дворянства, которая столетиями основывалась на внеэкономическом принуждении и фактически бесплатном труде. Лишившись этого фундамента, подавляющее большинство помещиков оказались неспособны к быстрой и эффективной реорганизации своих хозяйств на капиталистических началах. Это привело к массовой и неуклонной распродаже имений, что стало главной социально-экономической тенденцией всего пореформенного периода [7, с. 456].

Следует отметить, что кризис дворянского землевладения имел глубокие корни, уходящие в дореформенную эпоху. Всеобщая практика раздела имущества между всеми наследниками вела к неуклонному дроблению некогда крупных имений на более мелкие и зачастую нерентабельные хозяйства. Широко распространенная задолженность дворянства перед государственными кредитными учреждениями свидетельствовала о системном кризисе управления и нерациональном ведении дел. По данным на 1859 год, две трети всех крепостных душ в империи были заложены [8, с. 31–37]. Получаемые ссуды, как правило, направлялись не на капитальные улучшения, агрономические инновации и модернизацию хозяйств, а на личное потребление, поддержание престижного статуса,

погашение старых долгов и финансирование службы в столицах. Таким образом, реформа 1861 г. не столько породила, сколько обнажила и катализировала уже давно назревший структурный кризис дворянского хозяйства.

Официальная статистика убедительно демонстрирует масштабы этого процесса. Если в 1877 г. в 50 губерниях Европейской России дворянству принадлежало 73,1 млн десятин частновладельческой земли, то к 1905 г. эта цифра сократилась до 53,1 млн десятин, то есть на 27,4 %. На территории белорусских губерний, где дворянство было в значительной степени представлено польской шляхтой, этот процесс имел схожую динамику, усугубляясь политикой правительства после восстания 1863 г. [9, с. 547]. Причины сокращения дворянского землевладения носили комплексный характер.

Во-первых, это экономическая неэффективность значительной части помещичьих хозяйств. Отсутствие агрономических знаний, нехватка оборотного капитала для приобретения техники и найма квалифицированной рабочей силы, а также консервативное, сословное мышление мешали переходу к интенсивным методам ведения сельского хозяйства. Многие помещики, столкнувшись с необходимостью выплачивать заработную плату и конкурировать на рынке, сочли более выгодным и менее хлопотным сдавать землю в аренду крестьянам, нежели заниматься производством самостоятельно. Этот переход от барщинной системы к отработочной, а затем и к денежной аренде, знаменовал собой постепенный уход дворянства от роли организаторов производства [7, с. 456].

Во-вторых, важную роль играл социокультурный фактор. Для многих дворян основным полем для самореализации оставалась государственная или военная служба. Жизнь в городе считалась более престижной, чем управление имением. Это привело к распространению феномена «отсутствующего собственника». К 1897 г. более половины дворян проживало в городах, перепоручив управление имениями наемным управляющим, которые часто были некомпетентны или недобросовестны. Имение рассматривалось лишь как источник ренты, а не как предприятие, требующее постоянного личного участия. Накопленная за десятилетия задолженность лишь ускоряла процесс отчуждения земель, часто по ценам ниже рыночных, для покрытия срочных нужд [10, с. 272].

Структура покупателей на формирующемся рынке земли была неоднородной, но в ней четко прослеживались доминирующие группы. Безусловными лидерами в приобретении дворянских земель были крестьяне. Движущей силой этого процесса выступало крестьянское малоземелье, усугубленное демографическим ростом и получившее емкое название «земельный голод». Покупка земли, вековая мечта крестьянства, осуществлялась как крестьянскими общинами, так и отдельными зажиточными крестьянами, стремившимися к созданию собственных товарных хозяйств. К 1905 г. крестьяне как индивидуально, так и через общины, владели уже 148,7 млн десятин земли, что наглядно свидетельствует о масштабном перераспределении земельного фонда в их пользу. Столыпинская аграрная реформа, начавшаяся в 1906 г., законодательно закрепила и дополнительно стимулировала этот процесс, поощряя создание хуторских и отрубных хозяйств и формируя слой крестьян-собственников, которые становились еще более активными игроками на земельном рынке [9, с. 547].

Второй значимой категорией покупателей были представители городских сословий – купцы, мещане, разбогатевшая интеллигенция. На начальном этапе их интерес к земле часто носил спекулятивный характер: имения приобретались с целью быстрой перепродажи или для получения социального престижа, связанного со статусом землевладельца. Однако со временем все больше представителей городской буржуазии начинали вкладывать капитал в организацию на приобретенных землях высокотоварных хозяйств, ориентированных на рынок и использовавших передовые агротехнологии (винокурение, лесопереработка, племенное скотоводство, свеклосахарное производство) [10, с. 272]. Они привносили в аграрную сферу предпринимательский подход и деловую хватку, которых так не хватало многим дворянам [9, с. 547].

Правительство, обеспокоенное «оскудением» дворянства как основной социальной опоры самодержавия, предприняло ряд патерналистских мер. Ключевой из них стало учреждение в 1885г. Государственного дворянского земельного банка. Его заявленной задачей было предоставление потомственным дворянам долгосрочных и льготных ссуд под залог их имений с целью предотвращения их перехода в руки других сословий. Однако эта мера не достигла своей цели. Анализ деятельности банка показывает, что значительная часть полученных кредитов направлялась дворянами не на модернизацию хозяйств, а на личное потребление, погашение старых долгов и поддержание привычного образа жизни. Банк, проявляя исключительную снисходительность к неплательщикам, по сути, лишь искусственно отсрочивал, но не предотвращал неизбежную продажу заложенных имений [11, с. 663]. В то же время деятельность созданного ранее (в 1882 г.) Крестьянского поземельного банка, напротив, эффективно способствовала переходу земли в руки крестьян, предоставляя им целевые ссуды на покупку земли. Таким образом, кредитная политика государства была двойственной и отражала внутреннее противоречие между желанием искусственно сохранить сословный строй и объективной необходимостью развития капиталистических отношений.

Характерной чертой рынка стал неуклонный рост цен на землю, который не коррелировал с падением мировых цен на зерно. Если в 1861 г. средняя цена за десятину составляла 17 рублей, то к 1895 г. она выросла до 77 рублей, а к 1912 г. – до 163 рублей [7, с. 456]. Этот ажиотажный рост объяснялся прежде всего огромным внутренним спросом со стороны крестьянства, для которого земля была не только средством производства, но и главным условием выживания. Это делало землю наиболее ликвидным и привлекательным активом для инвестиций и одновременно выгодным товаром для продажи со стороны разорявшихся помещиков.

Таким образом, пореформенный период ознаменовался кардинальной перестройкой структуры землевладения. Происходило не просто отчуждение земель, а смена социального типа собственника. На смену потомственному дворянству, экономическая мощь и социальное влияние которого неуклонно ослабевали, приходили новые, более динамичные и адаптированные к рыночным условиям социальные группы – зажиточное крестьянство и городская буржуазия. Этот процесс знаменовал собой глубокую капиталистическую трансформацию аграрного строя Беларуси. Проведенное исследование структуры продаж и покупок дворянских земель на территории Беларуси в 1861–1914 гг. позволяет сделать вывод о глубоких и необратимых трансформациях аграрных отношений в пореформенный период. Отмена крепостного права стала не просто юридическим актом, а отправной точкой системного процесса, который привел к эрозии экономического господства дворянства и формированию нового, капиталистического уклада в сельском хозяйстве. Ключевой тенденцией стало неуклонное сокращение дворянского землевладения. Причинно-следственный анализ показывает, что этот процесс был обусловлен неспособностью значительной части помещиков адаптировать свои хозяйства к рыночным реалиям после утраты монополии на крепостной труд. Экономическая несостоятельность, усугубленная долговой нагрузкой и социокультурной ориентацией на непроизводительное потребление, предопределила массовый переход дворянских земель в руки новых, более экономически мотивированных собственников.

Анализ структуры покупателей выявил две основные социальные силы, формировавшие новый аграрный ландшафт. С одной стороны, это крестьянство, для которого приобретение земли было вопросом выживания и реализации вековой мечты о хозяйственной самостоятельности. С другой – представители городской буржуазии, привносившие в сельское хозяйство капитал и предпринимательскую инициативу. Патерналистская политика правительства, направленная на консервацию дворянского землевладения через льготное кредитование (Государственный дворянский земельный банк), оказалась несостоятельной перед лицом объективных экономических законов и не смогла остановить процесс перехода земли к более эффективным хозяевам.

Таким образом, трансформация рынка земли в пореформенный период была не просто чередой коммерческих сделок, а фундаментальным социальным сдвигом. Происходила смена доминирующего типа земельного собственника: из символа сословной привилегии земля превращалась в полноценный объект рыночных отношений и капитал. Этот процесс стал одним из важнейших факторов, определивших социально-экономическое развитие Беларуси, способствовал капитализации сельского хозяйства и заложил глубокие социальные противоречия, которые в полной мере проявились в ходе революционных потрясений начала XX века.

Источники и литература

1. Ключевский, В. О. История сословий в России : курс, чит. в Моск. ун-те в 1886 г. / В. О. Ключевский. – М. : Тип. Моск. гор. Арнольдо-Третьяковск. училища глухонемых, 1913. – XVIII, 251 с.

2. Минарик, Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. : землевладение, землепользование, система хозяйства / Л. П. Минарик. – М. : Сов. Россия, 1971. – 143 с.

3. Анфимов, А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство / А. М. Анфимов. – М. : ИРИ РАН, 2002. – 299 с.

4. Панютич, В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861-1900 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Панютич Вячеслав Павлович ; [Организация, если известна, иначе пропускаем]. – Мн., 1990. – 46 с.

5. Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму, 1861–1914 гг. / А. П. Жытко ; пад рэд. В. М. Фаміна. – Мн. : БДПУ імя М. Танка, 2003. – 233 с.

6. Каханоўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі. – Мн. : БДУ, 2013. – 335 с.

7. Энгельман, И. Е. История крепостного права в России / И. Е. Энгельман. – М. : Директ-Медиа, 2022. – 456 с.

8. Никулин, В. Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века / В. Н. Никулин. – СПб., 2006.

9. Пругавин, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции / А. С. Пругавин. – СПб. : Изд-во М-ва нар. просвещения, 1895. – 547 с.

10. Шепелев, Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. / Л. Е. Шепелев. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. – 272 с.

11. Кириллов, В. В. История России : учеб. пособие для бакалавров / В. В. Кириллов. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 663 с.

УДК 94(476):351.745

А. А. Киселев
Белорусский государственный
экономический университет

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ВИЛЕНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Структура виленской городской полиции в первой четверти XIX в. не соответствовала принципам «Устава благочиния, или полицейского». Все попытки местной администрации добиться существенного увеличения штата городской полиции крупнейшего города белорусско-литовских губерний не были поддержаны правительством. Несмотря на особый статус города, численность населения и сложный этнический состав, городская полиция не получила особого устройства.

В отечественной историографии и историко-правовой науке изучение городской полиции в белорусских губерниях в первой четверти XIX в. ограничивалось, как правило, констатацией того, что в городах управление осуществлялось посредством управ благочиния, которые были организованы и действовали «на аснове закона «Устав благочиния» [1, с. 244]. Непосредственного изучения устройства городских полиций не предпринималось, что обусловливает необходимость детализированного описания её организационно-штатной структуры. В этой связи представляет интерес структура городской полиции в крупнейшем городе белорусско-литовских губерний – Вильно.

В начале правления Александра I в целях усиления полиции 24 октября 1803 г. было утверждено «Положение о городской полиции» [2, с. 947–954], согласно которому Министерству внутренних дел поручалось составить «особые штаты для каждого города, с назначением частей, кварталов, числа людей и окладов» [3, с. 224]. Однако ещё за несколько месяцев до утверждения «Положения» литовский военный губернатор Л. Л. Беннигсен 14 июля 1803 г. получил распоряжение о разработке новых штатов полиции для губернских городов и крупных уездных городских центров. 14 января 1804 г. виленский губернатор Д. С. Ланской предложил добавить в состав виленской полиции одну часть и 4 квартала в силу «обширности сего города и многолюдия» [4, л. 11]. Разработанный штат виленской городской полиции в составе полицеймейстера, секретаря, переводчика польского языка, 3 частных приставов, 10 квартальных надзирателей и 90 десятских и нахтвахтеров литовский военный губернатор получил 3 июля 1804 г. В присутствии вместе с полицеймейстером должны были заседать 2 ратмана от городского магистрата. В Министерство внутренних дел проект штата был представлен литовским военным губернатором только 4 ноября 1804 г. Однако решение вопроса откладывалось до завершения работы Комитета для уравнения городских повинностей Вильно.

Вместе с тем повседневная деятельность полиции осложнялась наследием павловских реформ. В частности, ночные сторожа подчинялись городовому магистрату, а не полиции. Это было обусловлено тем, что по указу от 12 декабря 1796 г., как следовало из сенатского толкования от 24 января 1798 г., городская полиция подчинялась магистрату. На практике это выражалось в том, что городничий был должен принимать решения совместно с членами магистрата. После утверждения новых штатов для Виленской губернии в 1802 г. в подчинение Виленской городской полиции передали всего лишь 18 десятских, «каковое количество очень недостаточно на все потребности» [4, л. 90]. В свою очередь магистрат для ночных караулов по городу нанимал нахвахтеров и «вооружа пиками посылает ночью дозором, кои не быв управляемы полицейским чиновником, нередко заводят драки и причиняют благородным особам оскорбления» [4, л. 90об.]. Виленское губернское правление признавало, что полиция сгущает краски, поскольку нахвахтеры содействовали казакам во время их ночного объезда города. В любом случае губернское правление настаивало на их подчинении полиции, что и осуществило своим указом от 8 августа 1804 г. Однако окончательно ночные сторожа перешли в подчинение городничего только 18 декабря 1804 г., поскольку магистрат не соглашался с данным решением и грозил тем, что «обыватели откажутся от доставления им содержания» [4, л. 91об.]. В этом губернское правление увидело не только «неуважение к первенствующему в губернии месту», но и провоцирование городских жителей «к отвращению их от благонамеренных предприятий в содействии для общего блага» [4, л. 92]. В результате членам магистрата объявили выговор и пригрозили судом за неповиновение. Это обусловливалось соображениями общественной пользы, поскольку городовой магистрат «по уставу своему занимаясь разборами тяжебных дел не может и не должен разделять полицейской власти и иметь какое-либо влияние на внутреннее удержание в городе благочиния» [4, л. 91].

Состояние виленской городской полиции было описано в секретном рапорте М. Л. Магницкого на имя министра внутренних дел от 17 декабря 1805 г. в виде отдельной «Записки о виленской полиции». Характеризуя состояние городской полиции крупнейшего города западных губерний, Магницкий отметил, что, несмотря на факт недавнего присоединения к империи, переполненности города приезжими «со всех концов Польши» [5, л. 90] и иностранными подданными, населением в 30 тыс. человек, к которым следует добавить не менее 5 тыс. евреев, не попавших в перепись, губернская городская полиция имеет организацию полиции «на основании уездных городов» [5, л. 90об.]. Например, весь город был разделён всего лишь на 2 полицейские части. Частным приставам приходилось не только надзирать за обширными по населённости и площади участками, вести следствия «о воровствах и пропажах здесь весьма часто случающихся», но при этом одновременно быть при полиции, исполняя обязанности приставов уголовных и гражданских дел. В свою очередь обе части состояли из 6 кварталов, имевших «под своим надзором около пяти тысяч человек» [5, л. 90об.], причём квартальные участки имели неудобную конфигурацию. В самом городе не оказалось ни одной полицейской будки, причём те из них, что прежде существовали, были сданы городским магистратом под наём для использования «вместо лавок» [5, л. 90 об.]. В участках не было съезжих домов, и частным приставам приходилось тратить по 250 руб. на наём помещений. В них вместе содержались «важные преступники», которые вообще «дурно и ненадёжно содержатся» [5, л. 91об.]. Полицейские караулы, конвоирование арестованных и прочие обязанности в каждой части несли 16 десятских. В случае пожаров они выполняли и функции пожарных, оставляя арестованных без караула. Частные приставы и квартальные для ведения делопроизводства «из собственного иждивения принуждены содержать» [5, л. 92] канцелярских служителей. Городничему не подчинялась расквартированная в городе губернская рота. Магницкий не ограничился простой критикой, но представил развёрнутый проект преобразований виленской полиции, который сводился к открытию ещё одной полицейской части, съезжих домов, разделении города на 10 квартальных участков. Полицеймейстеру следовало придать в непосредственное подчинение 24 драгуна под командой офицера из штатной губернской роты. От магистрата следовало добиться строительства десяти полицейских будок в каждой части, поскольку «город с предместьями весьма обширен» [5, л. 93]. В качестве будочников планировалось привлечь нижних чинов – инвалидов из Новгорода, поскольку «здешние будочники сами по ночам делали покражи и грабительства» [5, л. 96об.]. Следует отметить, что эти предложения являлись не столько проектом самого чиновника, сколько пересказом соображений, составленных Виленским губернским правлением в 1804 г. Значительный интерес представляют общие рассуждения М. Л. Магницкого о положении полиции в новоприсоединённых губерниях. Чиновник Министерства внутренних дел отметил, что до присоединения земель Речи Посполитой к империи здесь не существовало полиции как отдельного государственного органа. Привилегированный правовой статус западных губерний привёл к тому, что полиция как «учреждение вставлено, так сказать, в польские законы». Это привело к тому, что полиция и суд оказались «не разграничены» [5, л. 93]. В частности, до разделов Речи Посполитой гродский суд «заменял некоторым и весьма несовершенным образом полицию, и ныне входит в дела оной» [5, л 94об.]. Местные власти даже подкрепляли эту тенденцию. Например, литовский военный губернатор приказал дела по денежным претензиям до 25 рублей передавать в гродский суд, вопреки российским порядкам.

Штат Виленской городской полиции был утверждён 10 декабря 1807 г., но претерпел некоторые изменения. Так, в составе полиции появилась третья полицейская часть, но было оставлено без изменения число квартальных надзирателей [6, с. 1337]. Городской полиции придавалась драгунская полицейская команда из 2-х унтер-офицеров и 16 рядовых,

дополненная ещё 14 драгунами из штатной губернской роты в силу того, что 18 человек для «городских патрулей и разъездов» не хватало. Интересно, что ещё 6 июля 1807 г., т. е. до утверждения штата, эта команда была подчинена городничему [5, л. 94].

Сразу после утверждения новых штатов виленской городской полиции литовский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков предпринял попытку их пересмотреть. Им была представлена 17 декабря 1807 г. «Записка о губернском городе Вильно», в которой систематически излагались идеи о новом штате. В частности, А. М. Римский-Корсаков констатировал, что Вильно фактически является третьим городом империи после Санкт-Петербурга и Москвы с населением от 35 до 40 тыс. жителей, живущих в 1632 домах на 34 улицах и 59 переулках. Он обращал внимание и на приграничное положение города и значительную торговлю. После описания истории формирования виленской полиции и принципов, на которых Министерство внутренних дел предлагало устроить городские полиции в 1803 г., военный губернатор указал на целый ряд недостатков в её текущем устройстве. В частности, он обратил внимание на то, что вопреки «Уставу благочиния» виленский полицеймейстер не мог рассчитывать на помощь приставов уголовных и гражданских дел и 2-х ратманов. Помимо этого, в Вильно не действовали словесные и частные суды, маклеры. В записке обращалось внимание на отсутствие «городовых сторожей или будошников», наличие которых «по пространству города невозможно не быть, ибо происходимые по улицам бесчинства, шум, драки, воровства, грабительства и другие подобные беспорядки необходимо того требуют» [7, л. 72об.]. При этом военный губернатор выступил против практики привлечения к караульной службе городских обывателей. Это обусловливалось тяжестью самой повинности для горожан, которые и без того содержат полицию своими деньгами, и тем, что в будочники попадали несоответствующие по своим нравственным и деловым качествам лица. В качестве альтернативы предлагалось набирать в штатную команду отставных нижних чинов армии, которые могли бы, помимо караульно-постовой службы, исполнять обязанности фонарщиков. В результате литовский военный губернатор предлагал учредить виленскую полицию в составе полицеймейстера, 2-х приставов, 2-х ратманов, секретаря, переводчика, 3 частных приставов, при которых должны были состоять 3 словесных судьи от магистрата; 10 квартальных надзирателей, 10 унтер-офицеров в качестве их помощников и 120 городовых сторожей. Однако 14 января 1808 г. министр внутренних дел кн. А. Б. Куракин отклонил проект, сославшись на несвоевременность обращения к императору после относительно недавнего утверждения им штата виленской полиции.

Отказ Министерства внутренних дел не остановил А. М. Римского-Корсакова от увеличения в ноябре 1808 г. состава виленской полиции на 6 квартальных надзирателей сверх штата. Несмотря на жалобы со стороны обывателей, Городской комитет по уравнению повинностей в 1809 г. сохранил дополнительных чиновников, но сократил их сверхштатное число до трех. Любопытно, что столица упорно сопротивлялась расширению штата. Так, 9 марта 1810 г. Министерство внутренних дел, несмотря на замечание литовского военного губернатора о том, что «штатное число надзирателей совершенно ослабит полицию» [7, л. 85об. – 86], потребовало от кн. М. И. Голенищева-Кутузова вернуться к утвержденным в 1807 г. штатам.

С 13 мая 1812 г. городская полиция в приграничных губерниях в отношении надзора за иностранцами, проезжающими, перепиской, выдачей заграничных паспортов и циркулирующими в обществе разговорами была поставлена в подчинение воинской полиции. 31 мая 1812 г. вся городская полиция, в т. ч. и в Вильно, перешла в ведение директора воинской полиции. После изгнания наполеоновских войск из пределов империи 10 декабря 1812 г. по Минской, Виленской и Гродненской губерниям городские полиции были опять подчинены на весь период военного положения ген.-полицеймейстеру Ф.-Ф. Эртелю, что подтверждалось указом от 19 декабря 1812 г. [8, с. 484–485]. Продолжалось это до 30 ноября 1813 г. [9, с. 156]. Таким образом, только к концу 1813 г. городская полиция Вильно вернулась в довоенное состояние.

Следующая попытка пересмотра состава виленской полиции была предпринята литовским военным губернатором А. М. Римским-Корсаковым. В своем рапорте от 21 декабря 1814 г. он отметил, что «при всей обширности и многолюдстве сего города, наполненного между прочим еврейским и разного звания вольным народом» [10, л. 1] вся полицейская деятельность держится всего лишь на трех приставах и шести квартальных. При этом глава края дал положительную оценку их служебной активности. Так, он заявил, что не может «не отдать ей справедливости за сохранение по сие время должного благочиния и порядка, за скорое отыскивание пропаж и воровств, сколь ни часто таковые здесь случаются, за открытие скопищ и поимки зловредных людей, не токмо в самом городе, но и происходивших в окрестностях оного» [10, л. 1об.]. Такой состав представлялся недостаточным, поэтому военный губернатор предлагал учредить в городе должности приставов гражданских и уголовных дел. 8 июля 1815 г. Министерство полиции отложило решение данного вопроса. Однако 4 апреля 1816 г. литовский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков опять ходатайствовал перед министром полиции С. К. Вязмитиновым об утверждении нового штата. Он указывал на то, что «столица литовского края» в силу её приграничного положения, многочисленного полиэтничного населения нуждается в усилении полиции. Ее предлагалось создать по примеру полицейского устройства Москвы и Санкт-Петербурга, взяв за образец уже утверждённые штаты Риги и Митавы. Это означало реорганизацию полиции строго на основании «Устава благочиния, или полицейского» 1782 г. Статус полицеймейстера должен был соответствовать положению столичных начальников полиции, в том числе его следовало напрямую подчинить военному губернатору. Вновь А. М. Римский-Корсаков возвращался к идее расширения числа кварталов до 10. Команду «городовых сторожей, или бутошников, кои уже и заведены из неспособных к военной службе солдат, впредь комплектовать из сего же звания» [10, л. 18об.], но обеспечивая и обмундировывая их по примеру столицы. В представлении военный губернатор обратил внимание на то, что после учреждения внутренней стражи в 1811 г. дополнительный драгунский отряд из 14 нижних чинов, добавленный к полицейской команде в 1807 г., вернулся в состав губернского батальона. Однако такое решение А. М. Римский-Корсаков посчитал ошибочным и настаивал на возвращении драгун обратно с выделением офицера для командования этой военно-полицейской командой. Военный губернатор рассчитывал на позитивное решение вопроса в силу того, что городской бюджет Вильно, достигавший 40 тыс. руб. сер., мог обеспечить новый штат. Проект ушёл на согласование в Министерство финансов, но ожидание отзыва затянулось. А. М. Римский-Корсаков посчитал нужным 14 мая 1816 г. обратить внимание Министерства полиции на то, что «образование полиции в Вильне, ныне же непременно нужно» [10, л. 24]. Финансовых затруднений для содержания нового штата полиции военный губернатор не видел, а ожидание тянущегося ещё с октября 1810 г. рассмотрения Министерством финансов предложений Комитета об уравнении городских повинностей в Вильно считал необоснованной задержкой. Он в очередной раз настаивал на расширении штата 1807 г. на 2 приставов уголовных и гражданских дел, секретаря, переводчика, 2 экспедиторов, 4 квартальных надзирателей, брандмейстера и драгунского офицера. Из министерства последовал запрос с просьбой представить более развёрнутое описание штатов. В ответ 24 июля 1816 г. литовский военный губернатор направил желательный штат городской полиции. Виленская полиция должна была состоять из полицеймейстера, 2 приставов уголовных и гражданских дел, 2 ратманов от магистрата, секретаря, переводчика, заведующего полицмейстерской канцелярией; протоколиста и 2 экспедиторов или столоначальников, 2 подканцеляристов и 6 писцов. В результате в управе благочиния насчитывалось 18 чиновников и канцелярских служителей. В полицейских частях служили бы 3 частных пристава, 3 письмоводителя, 10 квартальных надзирателей, 120 городовых сторожей и 10 унтер-офицеров, а также 3 словесных судьи от магистрата. Драгунская

команда состояла бы из офицера, 4 унтер-офицеров, 30 рядовых, 2 нестроевых нижних чинов (кузнеца и коновала). Как городских будошников, так и чинов драгунской команды предполагалось набирать «из вольноопределяющихся и неспособных к воинской службе солдат» [10, л. 32 об.]. 24 августа 1816 г. министр полиции и генерал-губернатор Санкт-Петербурга С.К. Вязмитинов поддержал проект и предложил его внести на рассмотрение в Комитет министров. Однако Комитет министров 1 сентября 1816 г. принял решение, поставившее крест на инициативе литовского военного губернатора. Формально члены Комитета министров не отклонили проект, но отложили его на том основании, что необходимо в целом пересмотреть положение городской полиции в прочих губернских городах. На практике это означало «до общего по сему предмету соображения полицию в городе Вильно оставить на нынешнем основании» [10, л. 41]. Однако в последующем литовский военный губернатор все же добился введения в штат полиции приставов следственных и гражданских дел, 10 унтер-офицеров и 120 городовых сторожей или будошников. В результате в последний год правления Александра I плотность виленской городской полиции составила 3,4 на 1000 жителей, если принимать в расчёт всех её служащих от чиновников до будошников и писцов.

Таким образом, на протяжении первой четверти XIX в. местной администрацией при поддержке литовских военных губернаторов неоднократно предпринимались попытки по расширению штата виленской городской полиции и частичному преобразованию её по образцу столичных полиций. Несмотря на населенность города, его приграничное положение, полиэтничный состав и роль неофициального центра для «губерний от Польши возвращенных», российское правительство не пошло на создание в Вильно городской полиции с особой организационно-штатной структурой. Более того, штат самого крупного города западных губерний империи не соответствовал даже требованиям «Устава благочиния, или полицейского» 1782 г.

Источники и литература

1. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

2. О средствах к исправлению полиции в городах // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое (с 1649 – по 12 декабря 1825 г.). – Т. XXVII. – № 21007. – С. 947–954.

3. Анучин, Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последняго времени ; составлен по распоряжению министра внутренних дел чиновником особых поручений при министре Е. Анучиным / Е. Н. Анучин. – СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1872. – 233 с.

4. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 11. Д. 313.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1286. Оп. 54. Д. 32.

6. Высочайше утвержденные штаты полиции в городах: 1) Вильне, 2) Гродно и 3) Ковно // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое (с 1649 – по 12 декабря 1825 г.). – Т. XXIX. – № 22710. – С. 1337.

7. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 1. Д. 281.

8. Об оставлении некоторых губерний в военном положении // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое (с 1649 – по 12 декабря 1825 г.). – Т. XXXII. – № 25293. – С. 484–485.

9. Сафронова, Л. А. Обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка в Российской империи (1806–1814 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. А. Сафронова. – СПб., 2004. – 231 л.

10. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 2. Д. 142.

УДК 94:656.23:625.1(477:476)«1870-1871»

С. Б. Жихарев
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПРОЕКТ КОНЦЕССИИ И ТЕХНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕРДИЧЕВО-БРЕСТСКОГО УЧАСТКА КИЕВО-БРЕСТСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

В статье показана предварительная разработка некоторых основополагающих сторон проекта концессии и технических условий постройки Бердичево-Брестского участка Киево-Брестской железной дороги. Отмечен сложный характер взаимоотношений между правительственными структурами и правлением частного железнодорожного акционерного общества на стадии выработки проекта концессии (партнёрство и конкуренция, патернализм и договорные отношения, борьба коммерческих и военно-стратегических интересов). Все это окажет заметное влияние на последующую эксплуатацию Киево-Брестской железной дороги, а также «напомнит о себе» в связи с переходом всей сети Юго-Западных железных дорог в казну

В дореволюционной российской юридической практике железнодорожные концессии представляли особую разновидность договорных отношений между верховной властью и частными предпринимателями. Специфика данных отношений заключалась в том, что железнодорожные концессии закрепляли уступку правительством определенных прав частным лицам как акт односторонней воли государственной власти. Следовательно, правительство не могло расторгнуть в судебном порядке принятые на себя в концессии обязательства. Утверждаемую монархом концессию предварял подготовленный правлением акционерного общества проект документа, а также технические условия постройки будущей железной дороги, которые в строгом соответствии со специально разработанной процедурой проходили предварительную экспертизу в министерстве финансов и путей сообщения. С точки зрения развития действовавших в 1870-е гг. норм и дальнейшего их укоренения в практике частного железнодорожного предпринимательства в России обращает на себя внимание своеобразие ряда процессуальных, правовых, финансовых и технических сторон проекта утвержденной 27 апреля 1870 г. Александром II концессии Киево-Брестской железной дороги. Почти через год (1 января 1871 г.) на ее основе будет утвержден устав общества Бердичево-Брестского участка Киево-Брестской железной дороги.

Процесс подготовки проекта концессии занял примерно три недели. Проект документа был сначала представлен на рассмотрение министра финансов М. Х. Рейтерна. 20 января 1870 г. правление Киево-Брестской железной дороги в специальной записке, адресованной Рейтерну, изложило содержание отправного варианта текста будущей концессии [1, л. 8]. Начальный вариант концессии – это печатный текст, разбитый на 36 параграфов, размещенных на 20 двухсторонних листах бумаги [1, л. 8–21об.]. После многочисленных помет, исправлений и дополнений, оставленных рукой министра финансов синими чернилами на полях или на оборотных сторонах страниц, проект концессии разросся в объеме до 28 листов текста, размещенного с обеих сторон. Количество параграфов увеличилось до 37 [1, л. 38–70об.]. Откорректированный проект концессии 12 февраля 1870 г. из канцелярии Министерства финансов был направлен на согласование министру путей сообщения, а затем его снова вернули в правление Киево-Брестской железной дороги [1, л. 4].

27 февраля 1870 г. министр путей сообщения гр. В. А. Бобринский внес на рассмотрение в Комитет Министров проект концессии на Киево-Брестскую железную дорогу. Ее основу сформировали два участка, относящихся к разным формам собственности. Так, в первый участок вошла построенная казной по контракту, заключенному с

частным товариществом де Вриер и К°, Киево-Балтская железная дорога. Последняя линия прошла из Киева до ст. Жмеринки с ветвью от ст. Казатин до Бердичева (278 верст). Второй участок Киево-Брестской железной дороги – это планируемая к постройке частная линия от Бердичева до Бреста с ветвью к австрийской границе возле Радивилова (535 верст) [2, с. 189]. Сосредоточение двух участков Киево-Брестской магистрали в одних частных руках достигалось путем приватизации части Киево-Балтской железной дороги (участок Киев–Бердичев с ветвью от Казатина до Жмеринки) вместе с подвижным составом и дополнительными усовершенствованиями за 19746000 рублей учреждаемому акционерному обществу Киево-Брестской железной дороги. Указанная сумма образовывалась за счет эмиссии акций на 5202000 рублей и выпуском облигаций с правительственной гарантией 5 % дохода в размере 14544000 рублей. Из указанного капитала 73 % акций и весь облигационный капитал поступает государству [3, с. 322].

Рациональность объединения Киево-Бердичевской и Бердичево-Брестской железных дорог в одних руках мотивировалась условиями их будущей эксплуатации. Большинство местных грузов, привлекаемых из районов действия этих железных дорог, направлялись преимущественно через балтийские порты для экспорта за рубеж. При единстве управления и эксплуатации двух названных линий из единого центра (правление Киево-Брестской железной дороги) движение местных грузов в сторону Балтики могло осуществляться быстрее и дешевле [4, л. 177].

Отдельная тема, обсуждаемая в правительственных кругах – железнодорожная ветвь от Киево-Брестской железной дороги к Радивилову, что на австрийской границе. Строительство отдельной линии в данном направлении могло иметь только негативные последствия, в виде увеличивающихся расходов по осуществлению таможенного контроля над поступающими в Россию с австрийских железных дорог грузами. В таком случае Киево-Брестской железной дороге пришлось бы строить за свой счет зону таможенного контроля со всей необходимой инфраструктурой (зданием, складами и пр.) в этом пограничном пункте [4, л. 178]. Присоединение к Киево-Брестской железной дороге Радивиловской соединительной ветви позволяло избежать этих издержек и увеличивало ее доходность за счет привлечения грузов из Австрии для их транзитных перевозок в прусские морские порты [4, л. 179].

Подобный подход также вписывался в общую политику, проводимую Министерством путей сообщения. Как отмечал гр. В.А. Бобринский: «Сейчас Министерство путей сообщения не предполагает строить новых железных дорог на казенный счет, так как оказывается более удобным предоставить построение их частным Обществам и находит, что сама эксплуатация казенных железных дорог Правительством сопряжена с некоторыми затруднениями вследствие чего вообще удобнее предоставлять их и эксплуатировать также частным обществам» [4, л. 176–176об.].

Тем временем произошли некоторые изменения в направлении Бердичево-Брестской железной дороги. В течение дел вмешался Комитет железных дорог, стремившийся максимально полно реализовать коммерческое назначение железной дороги. В журнале Комитета железных дорог от 1 марта 1870 г. содержалось предписание частной компании: вести линию железной дороги от Бердичева до Бреста кратчайшим путем на Ровно и Брест. Глава Военного министерства Д. А. Милютин признал соединение Бреста с Киево-Балтской железной дорогой и Киевом при помощи линии Брест-Бердичев как полностью способствующее достижению стратегических целей Российской империи в данном регионе [5, л. 468–468об.; 6, с. 315].

10 марта проект концессии Киево-Брестской железной дороги и технические условия с ведомостью дополнительных работ на первом участке железной дороги после незначительных доработок со стороны Комитета министров (присутствовали 18 членов) был утвержден императором Александром II [4, л. 180].

Особенность концессии на строительство второго участка Киево-Брестской железной дороги от Бердичева до Брест-Литовска с ветвью к Радивилову заключалась в структуре капитала, учреждаемого с этой целью акционерного общества. В основном капитале создаваемой на концессионной основе компании (23834250 рублей мет.) облигации – 15889500 рублей мет. (2/3) должны преобладать над акциями – 7944750 рублей мет. (1/3). При этом правительственная гарантия минимального дохода устанавливалась только на облигации, на акционерный капитал такая гарантия не распространялась [4, л. 181–182об.].

Пятую часть акционерного капитала владельцу концессии следовало внести в Государственный банк в качестве залога, удостоверяющего образование реального, а не фиктивного акционерного общества. Затем по мере производства строительных работ залоговый капитал возвращается обществу обратно в процентном отношении этой суммы (20 %) ко всему капиталу (80%), назначенному на новые работы и поставки. Данное положение будет закреплено в §3 концессии на Киево-Брестскую железную дорогу.

В течение трех месяцев со дня утверждения концессии общество обязано представить на утверждение министра путей сообщения собственный технический проект устройства второго участка железной дороги и дополнительных работ на ее первом участке. К проекту должна прилагаться расценочная ведомость работ (калькуляция) не превышающая размер назначенного для устройства железной дороги капитала [3, с. 323].

Если стоимость уступки Киев-Бердичевского участка была конкретно рассчитана, то точную цену постройки Бердичево-Брестской железной дороги с ветвью к Радивилову правительство предварительно определить не могло. Виной тому – нерасторопность чиновников Министерства путей сообщения, которые явно не поспевали за представителями частной инициативы, успев к 10 марта 1870 г. сделать изыскания только на протяжении 150 верст от Бердичева до Острога [4, л. 183].

Тем не менее, Министерство путей сообщения воспользовалось результатами поступивших частных изысканий и подготовило предварительные технические условия проекта сооружения второго участка Киево-Брестской железной дороги от города Бердичева до Брест-Литовска с ветвью в Радивилов [7, л. 12–15]. В технические условия вошли следующие разделы: начертание линии, продольные и поперечные профили, мосты, трубы и переезды, станции. Специально регламентировалось расстояние между станциями, которое не должно превышать 25 верст, а количество станций на линии насчитывается минимум 27. Из них первого класса только одна – в Брест-Литовске, второго класса пять станций, третьего – 6 и четвертого, то есть низшего класса пятнадцать станций [7, л. 13]. Эксплуатационные нужды второго участка Киево-Брестской железной дороги обслуживают 126 паровозов (48 товаро-пассажирских и 78 товарных паровозов) и 2262 вагона разных типов. Основа «вагонного парка» Бердичево-Брестской линии формировалась из 1950 товарных вагонов, платформ и 28 багажных вагонов. Пассажирские перевозки обслуживали 284 вагона разного класса и уровня комфортности [7, л. 13об.].

На правление Киево-Брестской железной дороги возлагались обязательства по производству дополнительных работ по техническому усовершенствованию первого участка. Всего на Киево-Балтской железной дороге от Киева до станции Жмеринки (253 версты) с ветвью от станции Казатин до Бердичева (25 верст) в добавочные обзаведения, дополнительные устройства, усиление подвижного состава и постройки нужно было вложить 1980000 рублей (7122 рублей мет. на версту) [7, л. 15].

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 219 (Департамент железных дорог Министерства путей сообщений). Оп. 1. Д. 7103. Дело о концессии на Киево-Брестскую железную дорогу.

2. Верховский, В. М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно / В. М. Верховский. – Спб. : Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1899. – 591 с.

3. Головачев, А. А. История железнодорожного дела в России / А. А. Головачев. – СПб. : Тип. Р. Голике, 1881. – 404 с.

4. РГИА. – Ф. 1263 (Комитет министров). – Оп. 1. Д. 3466. Ч. 1. Особый журнал Комитета министров по представлению министра путей сообщения об утверждении проекта концессии на сооружение Киево-Брестской железной дороги.

5. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3532. Особый журнал Комитета министров по представлению министра путей сообщения о направлении железной дороги от Бердичева до Бреста.

6. Дельвиг, А. И. Мои воспоминания / А. И. Дельвиг. – М. : Московский публичный и Румянцевский музей, 1912–1913. – Т. 4 (1867–1876), 1913. – 587 с.

7. РГИА. – Ф. 268 (Департамент железных дорог Министерства финансов). Оп. 1. Д. 533. О сооружении Киево-Брестской железной дороги.

УДК 94(476)"18"+323.1(=16)

В. А. Міхедзька
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ПРАБЛЕМЫ ЭТНАНАЦЫЯНАЛЬНАЙ ІДЭНТЫФІКАЦЫІ СЛАВЯНСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX СТАГОДДЗЯ

У артыкуле разглядаецца праблема этнанацыянальнай ідэнтыфікацыі насельніцтва Беларусі ў кантэксце у другой палове XIX ст. і намаганні абгрунтаваць "рускі" характар Паўночна-Заходняга краю. Адзначана, як у адміністрацыйнай практыцы канфесійная прыналежнасць да каталіцтва была прынята за асноўны крытэрый аднясення да польскай народнасці, а праваслаўе – да рускай. Асаблівая ўвага надаецца поглядам Р. Эркерта і віленскага генерал-губернатара М. Мураўёва, якія абгрунтоўвалі гэты падыход. Адзначаюцца наступствы такой ідэнтыфікацыі для фарміравання нацыянальнай свядомасці беларусаў.

Адным з наступстваў паўстання 1863–1864 гг. стаўся ўздым цікавасці да беларускіх тэрыторый "Заходняга края". Як адзначаў ананімны расійскі аўтар, "для всех Великоруссов за весьма небольшими исключениями, наша Белоруссия была terra incognita" [1, с. 318]. Гэтае "всеобщее русское внимание" праявілася нават ў самых вышэйшых колах Расійскай імперыі, для якіх, у тым ліку для прадстаўнікоў імператарскай сям'і, у 1864 г. прафесарам М. В. Каяловічам былі прачытаны лекцыі па гісторыі "Заходняй Расіі". У 1865 г. ягонымі жа намаганнямі быў апублікаваны паралельна на расійскай і французскай мовах зборнік "Дакументы, якія тлумачаць гісторыю Заходне-Рускага краю і яго дачыненні да Расіі і да Польшчы". У прадмове да зборніка адзначалася, што "руская навука не можа заставацца ў маўчанні пры такіх няправільных паняццях аб заходнім краі Расіі, якія распаўсюдзіліся па ўсёй Еўропе... Дзесяць мільёнаў людзей, якія жывуць паміж вялікай Расіяй і Польшчай не зразуметыя Заходняй Еўропай... яны залічаны да палякаў з такой легкадумнасцю, прыклад якой не дае нам гісторыя з тых часоў, як перасталі глядзець на народы як на статак, які можна прыгнаць, куды ўздумаецца" [2, с. IV]. На працягу доўгага часу эміграцыйныя польскія дзеячы сцвярджалі не толькі гістарычную прыналежнасць беларускіх зямель да польскай цывілізацыі, апелюючы да польска-літоўскіх уній, але і прыналежнасць мясцовага насельніцтва да "люду польскага".

Такім чынам выявілася пільная патрэба “растлумачыць” як расійскаму грамадству, гэтак – і яшчэ ў большай ступені – еўрапейскаму, у першую чаргу французскаму, традыцыйна спагадліваму да палякаў, – справядлівасць дзеянняў Расіі і яе “права” на панаванне над гэтымі тэрыторыямі. Аргументы гістарычнага характару, якім надавалася вялікая роля, павінна была забяспечыць створаная ў 1864 г. Віленская археаграфічная камісія. Але не меншай была неабходнасць высвятлення этнацыянальнага характару славянскага насельніцтва “Белоруссии”. Для вышэйшай расійскай бюракратыі гэта было патрэбна в першую чаргу для вырашэння геапалітычных задач. Для расійскай адміністрацыі края падчас і пасля паўстання 1863–1864 гг. такія веды станавіліся падмуркам паўсядзённай практыкі кіравання. Між тым, на мяжы 50–60-гг. XIX ст. уяўленні пра этнанацыянальнае аблічча славянамоўнага насельніцтва Беларусі толькі фарміраваліся і былі зусім няпэўныя. Як адзначаў П. Н. Бацюшкаў, які за гады службы ў беларуска-літоўскіх губернях добра азнаёміўся з мясцовай этнакультурнай сітуацыяй, “у канцы 50-х гадоў ні ў адной цэнтральнай установе Імперыі не мелася дакладных звестак па статыстыцы і этнаграфіі заходніх губерняў Расіі... Руская гістарычная літаратура і перыядычны друк таго часу... верылі на слова крыніцам польскага паходжання, ... польскі друк, а за ім і рускі, у вядомай яно частцы, не прызнавалі бясспрэчных народных правоў Расіі на заходнія яе ўскраіны” [3, с. XV]. У тамах “Ваенна-статыстычных аглядаў” беларускіх губерняў, што былі апублікаваны ў другой палове 40-х – пачатку 50-х гг. XIX ст., пытанне этнічнай прыналежнасці беларускага сялянства як такое не ставілася. Тлумачылася гэта ў тым ліку не толькі адсутнасцю шырокіх спецыяльных даследаванняў, але і адсутнасцю надзейных крытэрыяў вызначэння этнанацыянальнай прыналежнасці. Але паступова такіх звестак большала. Частка з іх мела відавочна міфалагічны характар, як, напрыклад, у апублікаваным ў 1861 г. у запісках Рускага геаграфічнага таварыства паведамленні М. Лябёдкіна “Аб племянным складзе народанасельніцтва Заходняга края Расійскай імперыі”. Згодна з ім, насельніцтва дзевяці губерняў “Заходняга края” на 2/3 складалі “славяне”, з якіх 5/9 складалі “славяна-руссы”, а 1/9 – “палякі”. Другой па колькасці пасля “маларассіян” групай “славяна-рускага” насельнітва паказаны “белоруссы”. Прыведзеныя ў паведамленні дадзеныя аб колькасным “племянным” і веравызнаўчым размеркаванні насельніцтва паўночна-заходніх губерняў і паветаў “Заходняга края” зазначылі прыналежнасць беларускага насельніцтва як да праваслаўнага, гэтак, хаця і ў значна меншых памерах, да каталіцкага вызнання. У той жа час, у звестках аб насельніцтве Віленскай губерні паказаны 23 016 “крывічоў”, усе з якіх належалі да каталіцтва. Сярод насельніцтва Гродзенскай губерні былі вылучаны 30 927 “ятвягаў”, цалкам належных да праваслаўя і 5 463 “бужан”, таксама праваслаўных. Сярод насельніцтва паўднёвых губернў “Заходняга края” паказаны больш за 108 453 прадстаўніка “палян”, 196 090 “драўлян”, 93 744 “валыняніна”, а таксама многія тысячы “ціверцаў”, “углічаў” і “харватаў”. [4, с. 139, 142]. Напэўна, падобныя дадзеныя хаця і маглі быць выкарыстаны ў спрэчках аб “рускім” ці “польскім” характары “Заходняга краю”, але практычнай карысці ў справах кіравання гэтымі тэрыторыямі дадавалі няшмат. Напярэдадні і ў перыяд паўстання 1863–1864 гг. былі апублікаваныя сабраныя афіцэрамі Генеральнага штаба “Матэрыялы для геаграфіі і статыстыкі Расіі”, якія ўтрымлівалі характарыстыкі мясцовага насельніцтва Віленскай, Гродзенскай, Ковенскай і Мінскай губерняў. Але ў іх таксама падавалася досыць стракатая карціна мясцовага славянамоўнага насельніцтва, дзе побач з “беларусамі” і “малорусамі” вылучаліся “чарнаруссы”, “палясяне” і іншыя экзатычныя супольнасці [5, с. 500]. Магчыма пагадзіцца з меркаваннем А.Камзолавай, што на той час для аўтараў статыстычных даследаванняў ва ўмовах адсутнасці вызначанай ідэнтычнасі у асяроддзі лакальных супольнасцей было характэрна свядомае нежаданне супрацьпастаўляць адну групу “рускіх” іншым (беларусаў – вялікарусам, маларосаў – беларусам і г.д.), бо больш важнай бачылася неабходнасць аддзяліць на заходніх ускраінах Расійскай імперыі ўнутры славянскага свету правесці рысу паміж рускімі і палякамі [5, с. 500].

Аднак гэтая задача сутыкнулася з іншай праблемай, а менавіта суадносін нацыянальнага вызначэння і канфесійнай прыналежнасці. Ранейшае вылучэнне стракатай разнастайнасці супольнасцей толькі заблытвала карціну і мала дапамагала ў ідэалагічным супрацьстаянні з польскім наратывам. Спробы вызначыць этнанацыянальную характарыстыку славянскага насельніцтва "Паўночна-Заходняга краю" сутыкнуліся з адсутнасцю надзейных крытэрыяў аднясення да той ці іншай нацыянальнасці. Выйсцем стаўся зварот да старой і ўстойлівай традыцыі атаясамлення канфесіі і этнанацыянальнай прыналежнасці. Пры відавочным схематызме і наяўнасці істотных і аўтарытэтных пярэчанняў да такога падыходу, на перыяд 60-х гг. XIX ст. ён даваў магчымасць задаволіць адміністрацыйны запыт і ў нейкай ступені адказаць на грамадскую зацікаўленасць. Абгрунтаванне такога выбару было пададзена немцам на рускай службе Р. Эркертам. Увесну 1863 г. ім быў выдадзены на французскай мове "Этнаграфічны атлас правінцый, цалкам або часткова населеных палякамі" ("Atlas ethnographique des Provinces habitees en totalite on en partie par des Polonais"), з мэтай азнаёміць замежную публіку і "працідзейнічаць польскім пісьменнікам". У тым жа годзе атлас быў выдадзены па-руску ("Этнаграфічны атлас заходне-рускіх губерняў і суседніх абласцей"). У выдадзеным у наступным 1864 г. "Поглядзе на гісторыю і этнаграфію заходніх губерняў Расіі" Р. Эркерт падаў разгорнутае тлумачэнне канфесійнага падыходу да ідэнтыфікацыі супольнасцей края і размежавання беларусаў і палякаў у прыватнасці: "Нішто ў заходніх губернях Расіі не вызначае рысы, якая адлучае рускую народнасць ад польскай, так выразна і правільна, як адрозненне веравызнанняў. Такім чынам, у заходняй Расіі, з параўнальна нешматлікімі выключэннямі, усе славянскія насельнікі праваслаўнага спавядання павінны (падкрэслена мной – В. М.) лічыцца Рускімі, а ўсе тыя, якія вызнаюць каталіцкую рэлігію,— Палякамі" [6, с. 6]. Аўтарскі імператыў – "павінны" ("должны") – па сутнасці прымушае адкінуць складаныя этнакультурныя рэаліі краю, якія сам Р. Эркерт выдатна разумеў: "Гэты спосаб погляду не ва ўсіх выпадках і не абсалютна правільны (для Валынскай, Падольскай і Кіеўскай губерняў ён больш правільны, чым для Беларускіх губерняў); але, гаворачы адносна, ён надзвычай верны" [6, с. 6]. Адказваючы прыхільнікам этнанацыянальнай ідэнтыфікацыі на падставе моўнага крытэрыя, ён сцвярджаў: "Размеркаванне на падставе адной толькі мовы вельмі важна і займальна ў шматлікіх адносінах, але калі справа ідзе аб істотным і практычным (падкрэслена мной – В. М.) разуменні сапраўднага парадку рэчаў і найбліжэйшай будучыні датычна адрозненне паміж рускай і польскай народнасцю, то згаданае дзяленне адносна мае менш важнае значэнне. Калі мы зусім непрадузята спытаем сябе, хто ўвогуле ў тых мясцовасцях Рускі і хто Паляк, то наўрад ці не давядзецца прыняць наш погляд" [6, с. 6–7]. У абгрунтаванне ён зазначаў, што мае намер: " паказаць сцісла, *хто* (курсіў Р.Эркерта – В. М.) ў мінулым часе былі насельнікі заходніх губерняў, *чым* яны зрабіліся на працягу некалькіх стагоддзяў, *чаму* яны сталіся такімі, і *чым* мы іх лічым у цяперашні час", час барацьбы з паўстаннем, і "на падставе практычных (падкрэслена мной – В. М.), хоць і не строга навуковых, этналагічных меркаванняў, прызнаць адрозненне веравызнанняў за галоўны спосаб размежавання Рускіх ад Палякаў у заходніх губернях" [6, с. 7, 9]. Р. Эркерт вылучаў беларусаў у асобную супольнасць: "беларусы ёсць прадстаўнікі аднаго з трох вялікіх нацыянальных аддзелаў рускай народнасці агулам, а беларуская мова ("язык" – Р. Эркерт) – адна з трох галоўных гутарак рускай мовы", але гэта "ніколькі не значыць, каб мы дапускалі так званую сярэднюю народнасць, якая стаіць паміж Рускімі і Палякамі, як гэта некаторыя імкнуліся даказаць, насуперак гісторыі і рэчаіснасці" [6, с. 8, 18, 63]. Так, палемізаваў Р. Эркерт, у некаторых "навуковых артыкулах" сустракаецца выраз "каталіцкі беларус", але ў рэчаіснасці такога не існуе, бо "каталік, які размаўляе на беларускай ці маларускай мове, не толькі ў вачах усіх жыхароў праваслаўнага і каталіцкага веравызнання – Паляк, але і сам лічыць сябе, ды і хоча, каб іншыя яго лічылі Палякам"

і дадае: “ каталіцкія беларусы ўвогуле (якіх больш ці менш мы лічым Палякамі) амаль усе носяць польскі касцюм, які адрозніваецца ад адзення праваслаўных Беларусаў; па свайму ладу думак, звычкам і роду жыцця, гэта суцэльныя Паляк” [6, с. 8, 65].

Менавіта нацыянальная ідэнтыфікацыя супольнасцяў края па канфесійнай прыналежнасці сталася адзінай у адміністрацыйнай практыцы расійскіх уладаў пры М. Мураўёве. Пры тым сам Мураўёў, які меў вялізны час для азнаямлення з тутэйшымі рэаліямі (віцебскі віцэ-губернатар, магілёўскі губернатар, гродзенскі губернатар) няма сумневаў, разумеў “прыцягнутасць” такой ідэнтыфікацыі, але пайшоў далей за Р. Эркерта ў спрашчэнні карціны этнанацыянальнага размеркавання насельніцтва беларускіх губерняў. Ён вызначае наяўнасць толькі дзвюх славянскіх супольнасцей у “Заходнім краі” – “палякаў” і процілеглых ім “рускіх”, адмаўляецца прызнаць сам факт існавання нейкіх “беларусаў” або “маларусаў” і тым больш улічваць іх у адміністрацыйнай практыцы. Яго пункт гледжання адназначна выяўлены ў нататках для памяці, зробленых перад аўдыенцыяй у Аляксандра II у маі 1864 г.: “Бядотная ідэя аб раз’яднанні народнасцяў у Расіі, увядзенні маларасійскага, беларускага і іншых гаворак ужо глыбока пранікла ў грамадскія погляды. Неабходна пакласці гэтаму цвёрдую перашкоду...” [7, с. 107]. Гэтая заўвага, дарэчы, адзіны вядомы прыклад выкарыстання М. Мураўёвым вызначэння “беларускі”. Магчыма, ён такім чынам усвядомлена выкарыстоўваў канфесійны крытэрый не толькі як сродак спрашчэння адміністрацыйных захадаў этнічнай ідэнтыфікацыі, але, цалкам верагодна, і як інструмент прымусовага фармавання ідэнтычнасці. Замацоўвалася традыцыя, калі і каталіцкі касцёл, і праваслаўная царква, і адміністратыўная ўлада зыходзіліся у адзіным разуменні тоеснасці вызначэнняў “католік” і “паляк”.

Невядомы “житель Белорусии” з Клімавічаў Магілёўскай губ. – аўтар артыкула “Что такое польская народность в Белоруссии?”, апублікаванага ў 1863 г. у славянафільскай газеце “Дзень”, адзначаў паўсюднае прызнанне гэтай тоеснасці: “Паляк і каталік, каталік і паляк – паняцці да такой ступені адназначныя тут, што іх усе без выключэння ўжываюць зусім абыякава....”. У чымсьці ён ішоў далей за М. Мураўёва, але, адначасова, не выказваў сумненняў у існаванні “беларускай” супольнасці, прадстаўнікі якой належалі ў тым ліку і да каталіцтва. Ставячы пад сумненне сам факт прысутнасці ў Беларусі этнічных палякаў, ён даводзіў, што ані сяляне, ані мясцовая шляхта насамрэч не з’яўляюцца палякамі: “затым застаецца духавенства і дваранства. Абодва гэтыя класы, за выключэннем духавенства праваслаўнага, лічаць сябе чыстымі палякамі і ніхто не сумняваецца ў іх польскім паходжанні, але ці так гэта насамрэч? ці сапраўды яны належаць да польскага народа і што ў іх агульнага з апошнім? па сумленні кажу - акрамя рэлігіі нічога” [1, с. 320]. Менавіта гэтае атаясамленне і робіць беларускага дваранiна і ўвогуле – каталіка – “палякам”: “Першыя гады жыцця тутэйшага дваранiна праходзяць тут у Беларусі, якая калі і не Расея, то яшчэ больш не Польшча. Як ні клапатліва ахоўваюць бацькі чысціню польскага элемента ў сваім дзіцяці, як ні старанна жадаюць яны зрабіць яго палякам, але ўсе намаганні іх застаюцца бясплодныя, – яны паспяваюць зрабіць толькі каталіком... Далейшае выхаванне яго нічым не адрозніваецца ад выхавання рускага юнацтва: тыя ж замежнікі гувернёры і гувернанткі ў багатых, той жа гімназічны і універсітэцкі курс, або той жа кадэцкі корпус; затым служба ваенная ці грамадзянская, і ўсё ж такі руская, і ўсё ж такі сярод рускіх, без найменшага паняцця пра Польшчу. Падчас выхавання свайго, а потым і службы, беларускі дваранін нярэдка канчаткова забывае польскую мову, на якой, зрэшты, ніколі не гаварыў добра, пастаянна мяшаючы яе з тубыльнай беларускай гутаркай. І пасля ўсяго гэтага няўжо можна назваць яго палякам?... А між тым яго ўсюды называлі так: і дома ў бацькоў, і ў гімназіі ў Магілёве ці ў Віцебску, у кадэцкім корпусе і ва ўніверсітэце – у Пецярбургу, Маскве ці Кіеве, і на службе грамадзянскай або ваеннай, – і ён прывык да гэтай назвы, і ён ад усёй душы верыць, што ён самы заўзяты паляк, таму што ёсць у ім адна велічэзная сіла, якая не пакідала яго ва ўсіх фазах яго жыцця і накіроўвала ўсе яго намеры і жаданні да Польшчы: гэтая сіла – каталіцызм... адзін толькі каталіцызм робіць

беларусаў – палякамі" [1, с. 320–321]. Відавочна што менш упэўнены вынік такога выкарыстання быў у выпадку з праваслаўным насельніцтвам, бо наяўныя адрозненні праваслаўнага беларуса з рускімі – чыноўнікамі, афіцэрамі, казакамі, салдатамі з вялікарускіх губерняў былі надта заўважныя.

Але што вынікала з прыняцця атаясамлення канфесіі і этнанацыянальнай прыналежнасці, – прыняць як дадзенасць і пагадзіцца дзеля спрашчэння адміністратыўных працэдур і паўсядзённага кіравання? Лагічнай наступствам з гэтага ў кантэксце "обрусенія" края выступала дылема, або "раскаталічваць" насельніцтва шляхам навяртання ў праваслаўе, ці хаця б "рапалячыць", або русіфікаваць саму каталіцкую царкву на тэрыторыі края? Вядома, што былі прынятыя крокі у абодвух накірунках, але перавага ў выніку была нададзена ўсё ж такі пераводу насельніцтва ў праваслаўе [8, с. 367–390; 9, с. 20–22]. Пытанне, што вызначае, – каталіцтва, "лацінства" – "пальшчызну", або "пальшчызна" – каталіцтва, нягледзячы на доўгія спрэчкі так і не знайшло адказу. Важным наступствам рэлігійнай канверсіі, як заўважыў П. Церашковіч, сталася фармаванне "пластычнасці ідэнтычнасці", у тым ліку такіх яе базавых характарыстык, як канфесійная ідэнтычнасць, што значна паўплывала фармаванне ідэнтычнасці этнічнай, а пасля, і нацыянальнай.

"Заспакаенне" края з канца 1860-х гг., выдаленне з яго найбольш актыўных прыхільнікаў "мураўёўскай сістэмы" кіравання стварыла для мясцовай адміністрацыі новыя ўмовы, у якіх атаясамленне канфесійнай і этнанацыянальнай прыналежнасці ужо не адпавядала новым патрэбам улады.. З 1880-х гг. мясцовая адміністрацыяэтнавызначальнай прыкметай пачала лічыцца ўжываная насельніцтвам мова. У кантэксце "Заходняга краю" гэта дазваляла моцна павялічыць колькасць "рускамоўных" насупраць "польскамоўным" і тым падмацаваць пазіцыі, пашырыць прастору прэтэнзій улады.

Крыніцы і літаратура

1. Что такое польская народность в Белоруссии? // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России : вып. 1–2 / Сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1885–1887. – Вып. 1. – 1885. – С. 318–325.

2. Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше. – Санкт-Петербург : в типографии Эдуарда Праца, 1865. – CCIII, 658 с.

3. Батюшков, П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края / П. Н. Батюшков.– Спб. : Типография товарищества "Общественная польза", 1890. – 640 с.

4. Лебедкин, М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи / М. Лебедкин // Записки Императорского русского географического общества. – СПб. : В типографии В.Безобразова и комп., 1861. – Кн. 3. – Отд. 2. – С. 131–160.

5. Комзолова, А. А. Национальная идентичность в статистических исследованиях северо-западного края российской империи (1860-е годы) / А. А. Комзолова // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – Вып. 3. Ч. 2. – 2020. – С. 496–501.

6. Эркерт, Р. Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России: (с атласом) /. Р. Ф. Эркерт. – Санкт-Петербург : Типография Дома призрения малолетних бедных, 1864. – 72 с.

7. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. – М. : Наука, 2005. – 383 с.

8. Долбилов, М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. –1000 с.

9. Яноўская, В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг./ В. В. Яноўская. – Мн : БДУ, 2002. – 199 с.

10. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Мн. : БГУ, 2004. – 223 с.

УДК 94(470+430)"19"

Б. Л. Хавкин
Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)

АЛЕКСАНДР ПАРВУС МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИЯМИ

Яркая личность уроженца Минской губернии Израиля Лазаревича Гельфанда (Александра Парвуса) (1867–1924) – русского революционера и германского империалиста, ученого-марксиста и крупного предпринимателя, космополита и германского патриота, закулисного политика и международного финансиста, социал-демократического публициста и политического авантюриста – давно привлекает к себе внимание историков. В статье на основе широкого круга источников (в частности, текста «Плана Парвуса» хранящегося в Москве в Российском государственном архиве социально-политической истории) [1, лл. 1–13об.] и литературы [2, с. 8–37] рассматривается роль Парвуса в русской и германской революциях. Исследование, проведенное автором статьи, подтверждает вывод, что без Парвуса, как и без «немецких денег», вероятно и не было бы большевистской революции в том виде, в котором она произошла в России в 1917 году.

Израиль Лазаревич Гельфанд родился в 1867 г. в местечке Березино Минской губернии в семье еврейского ремесленника. Семья Гельфандов перебралась в Одессу, где Лазарь работал грузчиком в порту, а Израиль учился в гимназии. Видимо, именно одесской гимназии Израиль Гельфанд был обязан своим прекрасным литературным русским языком и знанием языков европейских: лингвистические барьеры для него не существовали. В Одессе юный гимназист Гельфанд примкнул к народовольческим кружкам. В 19 лет он уехал в Швейцарию, в Цюрих, где познакомился с членами «Группы освобождения труда». Под их влиянием Гельфанд стал марксистом. В 1887 г. он поступил в Базельский университет, который окончил в 1891 г., получив ученую степень доктора философии. Его диссертация называлась: «Техническая организация труда (“кооперация” и “разделение труда”)». Израиль Гельфанд часто выступал в социалистической печати под псевдонимом Александр Парвус («малый» – *лат.*), который в дальнейшем стал его новым именем.

Доктор Парвус не стал возвращаться в Россию, а перебрался в Германию, где вступил в социал-демократическую партию (СДПГ). Лидер немецкой социал-демократии Карл Каутский отнесся к Парвусу с симпатией и даже дал ему шутливое прозвище «Доктор Слон».

Действительно, во внешнем облике Парвуса было что-то слоновье. Этот огромного роста, неповоротливый, дородный, с большой рано облысевшей головой на толстой шее человек обладал врожденным чувством юмора и легко адаптировался в любом обществе. Одна из лидеров левого крыла СДПГ Клара Цеткин, хорошо знавшая Парвуса, писала, что он был «человек с бьющей через край жизненностью и в общении производил очень сильное впечатление, разбрасывая полными пригоршнями духовные ценности и таким образом увлекая за собой трезвую душу Каутского» [3, с. 92].

Описание внешности Гельфанда эстонским социалистом Артуром Зифельдом вызывает у читателя малоприятные чувства: «Массивная гигантская фигура <…> расплылась и стала жирной. Под широким, как у быка, лицом с высоким лбом, маленьким носом и ухоженной бородкой-эспаньолкой виделся отвисший двойной подбородок, почти полностью скрывавший шею. Небольшие живые глаза глубоко посажены. Его туловище, как мешок с мукой, держалось на коротеньких ногах, и он постоянно размахивал руками, как бы стараясь удержать равновесие» [4, с. 129].

Публицист Парвус писал много и задиристо. Его статьями зачитывались молодые русские марксисты. Владимир Ульянов в письме из сибирской ссылки просил мать присылать ему копии всех статей Парвуса. Из дружбы Парвуса с русскими марксистами

родилась газета «Искра», которая со второго номера печаталась в типографии, устроенной на квартире Парвуса в Мюнхене. Эта квартира стала местом встреч русских революционеров; особенно Парвус сблизился с Троцким. По существу, именно Парвус выдвинул тезис «перманентной революции», который в дальнейшем взял на вооружение Троцкий. Парвус предсказал неизбежность мировой войны и русскую революцию.

В 1905 г. с началом первой русской революции Парвус направился в Россию. Вместе с Троцким он возглавлял петербургский Совет рабочих депутатов. После поражения революции Парвус оказался за решеткой в «Крестах»; его приговорили к трем годам ссылки в Туруханск. Но в Енисейске, напоив конвойных, Парвус бежал. Вскоре он объявился в Италии, затем вновь оказался в Германии. Больше он никогда не возвращался на родину.

С именем Парвуса был связан ряд громких скандалов: он бросил без средств к существованию двух жен с сыновьями, растратил на любовницу доходы от авторских прав Максима Горького за границей, которые были ему доверены. Большевики и Горький требовали возврата денег, а Германия начала выдавать России сбежавших революционеров.

Парвус на несколько лет исчез из поля зрения немецких и русских властей. В 1910 г. он объявился в Турции, где стал преуспевающим коммерсантом, крупнейшим поставщиком продовольствия для турецкой армии, представителем торговца оружием Базиля Захарова и концерна Круппа.

Звездный час Парвуса настал с началом Первой мировой войны. Капиталист-социалист выступал за победу Германии, так как это должно привести сначала к революции в России, а затем и мировой революции. «Победа Германии над Россией – в интересах европейского социализма, поэтому социалисты должны заключить союз с германским правительством для свержения царского режима, в том числе революционным путем», – считал он.

В 1915 г. цели Германии, добивавшейся победы на Восточном фронте и выхода России из войны и Парвуса, разжигавшего в России революционный пожар, совпали. Германия наносила удары по России с фронта, а революционеры – с тыла. Союз «прусских штыков и кулаков российских пролетариев» должен был, по замыслу Парвуса, одолеть русский царизм [5, с. 29–30].

По ходу своих политических и торговых занятий Парвус познакомился с доктором Максом Циммером, уполномоченным германского и австрийского посольств по делам антироссийских националистических движений, которые финансировались Германией и Австро-Венгрией. В начале января 1915 г. Парвус попросил доктора Циммера устроить ему встречу с германским послом в Турции фон Вангенхаймом. На приеме 7 января 1915 г. купец-социалист заявил германскому послу: «Интересы германского правительства полностью совпадают с интересами русских революционеров. Российские демократы могут добиться своих целей только при условии полного разрушения самодержавия и разделения России на отдельные государства. С другой стороны, Германии не удастся добиться полного успеха, если в России не произойдет революция. Кроме того, даже в случае победы Германии Россия будет представлять для нее немалую опасность, если Российская империя не распадется на отдельные независимые государства» [6].

На следующий день, 8 января 1915 г., фон Вангенхайм направил в Берлин в министерство иностранных дел (МИД) Германии телеграмму с подробной информацией о беседе с Парвусом, выразил свое благожелательное отношение к его идеям и передал его просьбу лично представить в МИД выработанный план выведения России из войны посредством революции. 10 января 1915 г. государственный секретарь МИД Германии Готлиб фон Ягов телеграфировал в Большой кайзеровский генеральный штаб: «Прошу принять в Берлине доктора Парвуса» [4, с. 8].

В конце февраля 1915 года Парвус был принят в МИД Германии Яговым, в беседе участвовали представитель военного ведомства доктор Рицлер (доверенное лицо рейхсканцлера) и вернувшийся из Турции доктор Циммер. Протокол беседы не велся, но по ее

итогам 9 марта 1915 года Парвус подал в МИД меморандум на 20 страницах, который являлся подробным планом свержения самодержавия в России и ее расчленения на несколько государств.

«План Парвуса, – пишут биографы Гельфанда З. Земан и У. Шарлау, – содержал три важнейших пункта. Во-первых, Гельфанд предлагал оказать поддержку партиям, борющимся за социалистическую революцию в России, прежде всего большевикам, а также националистическим сепаратистским движениям. Во-вторых, он считал момент подходящим для ведения в России антиправительственной пропаганды. В-третьих, ему представлялось важным организовать в прессе международную антироссийскую кампанию» [7, с. 165–166].

Вот фрагмент проекта плана Парвуса, написанного им на листках блокнота берлинского отеля “Kronprinzenhof” в конце декабря 1914 года:

«Сибирь

Нужно уделить особое внимание Сибири еще и потому, что огромные поставки артиллерии и другого вида вооружения из США в Россию будут, вероятно, проходить через Сибирь. Поэтому сибирский проект следует рассматривать отдельно от остальных. Необходимо послать несколько энергичных, осторожных и хорошо экипированных агентов в Сибирь со специальным заданием по взрыву железнодорожных мостов. Они найдут достаточно помощников среди ссыльных. Взрывчатые вещества можно доставить с уральских горных заводов, а их небольшие количества – из Финляндии. Технические указания можно было бы разработать здесь.

Кампания в прессе

Предположения о Румынии и Болгарии подтвердились после окончания работы над этим меморандумом и в ходе развития революционного движения. Болгарская пресса сейчас настроена исключительно прогермански, а в отношении румынской прессы наметился заметный поворот. Предпринятые нами меры вскоре дадут еще более ощутимые результаты. Сейчас особенно важно взяться за работу.

1. Финансовая поддержка социал-демократической фракции большевиков, которая всеми имеющимися средствами продолжает вести борьбу против царского правительства. Следует наладить контакты с ее лидерами в Швейцарии.

2. Установление прямых контактов с революционными организациями Одессы и Николаева через Бухарест и Яссы.

3. Установление контактов с организациями русских моряков. Такой контакт уже есть через одного джентльмена в Софии. Другие связи возможны через Амстердам.

4. Поддержка деятельности еврейской социалистической организации «Бунд» – не сионисты.

5. Установление контактов с авторитетными деятелями русской социал-демократии и с русскими социал-революционерами в Швейцарии, Италии, Копенгагене, Стокгольме. Поддержка их усилий, направленных на немедленные и жесткие меры против царизма.

6. Поддержка тех русских революционных писателей, которые принимают участие в борьбе против царизма даже в условиях войны.

7. Связь с финской социал-демократией.

8. Организация конгрессов русских революционеров.

9. Влияние на общественное мнение в нейтральных странах, особенно на позицию социалистической прессы и социалистических организаций в борьбе против царизма и за присоединение к центральным державам. В Болгарии и Румынии это уже успешно осуществляется; продолжать эту работу в Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии и Италии.

10. Снаряжение экспедиции в Сибирь со специальной целью: взорвать важнейшие железнодорожные мосты и тем самым воспрепятствовать транспортировкам оружия

из Америки в Россию. При этом экспедиция должна быть снабжена богатыми денежными средствами для организации переброски определенного числа политических ссыльных в центр страны.

11. Техническая подготовка к восстанию в России:

а) обеспечение точными картами российских железных дорог с указанием наиболее важных мостов, которые должны быть уничтожены, чтобы парализовать транспортное сообщение, а также с указанием основных административных зданий. Арсеналы, мастерские, которым следовало бы уделить максимальное внимание;

б) точное указание количества взрывчатых веществ, необходимых для достижения цели в каждом отдельном случае. При этом нужно учитывать нехватку материалов и сложные обстоятельства, в которых будут осуществляться акции;

в) четкая и популярная инструкция по обращению со взрывчатыми веществами при взрыве мостов и больших зданий;

г) простые рецепты изготовления взрывчатых веществ;

д) разработка плана сопротивления восставшего населения в Петербурге против вооруженной власти с особым учетом рабочих кварталов. Защита домов и улиц. Защита от кавалерии и пехоты. Еврейский социалистический «Бунд» в России – это революционная организация, которая опирается на рабочие массы, и которая сыграла определенную роль еще в 1904 году. Он находится в противоборствующих отношениях с «сионистами», от которых нечего ожидать по следующим причинам:

1) так как их членство в партии непрочное;

2) так как русская патриотическая идея стала популярна в их рядах с начала войны;

3) так как после Балканской войны ядро их руководства активно искало сочувствия англичан и русских дипломатических кругов, хотя это не помешало им также сотрудничать с германским правительством.

Потому что он вообще не способен ни на какие политические акции» [8, лл. 1–13об.].

Парвус составил перечень неотложных финансово-технических мероприятий. Среди них: обеспечение взрывными материалами, картами с указанием мостов, подлежащих взрывам, подготовка курьеров, контакты с большевистской фракцией, находящейся в изгнании в Швейцарии, финансирование леворадикальных газет. Парвус просил правительство Германии (в середине марта 1915 г. он стал главным правительственным консультантом по вопросам русской революции) профинансировать свой план.

17 марта 1915 года фон Ягов телеграфирует в государственное казначейство Германии: «Для поддержки революционной пропаганды в России требуются два миллиона марок» [7, с. 175]. Положительный ответ приходит с обратной почтой через два дня. Это был аванс. Из двух миллионов один миллион Парвус получает сразу и переводит их на свои счета в Копенгагене. Там он основал коммерческую империю, которая занимается торговыми операциями, в частности, незаконными сделками по продаже угля, металлов, оружия в Германию, Россию, Данию и другие страны. Парвус получал огромные доходы, которые оставлял в России или переводил на счета в других странах. Большую часть средств Парвус вкладывал в создание средств массовой информации по всему миру. Они должны были настроить мир и население России против царского режима.

Ленинский лозунг превращения империалистической войны в гражданскую – суть плод программы Парвуса. Только Парвус говорил о 5–10 миллионах марок на русскую революцию, а вышла, в конечном счете, цифра намного бóльшая. Помимо Гельфанда, бывшего главным связующим звеном между большевиками и германским имперским правительством, летом 1917 года большевики имели и другие каналы связи с Берлином. Немецкий социал-демократ и ярый критик Ленина Эдуард Бернштейн оценил общую сумму «немецкой помощи» примерно в 50 миллионов золотых марок. Цифру в 50 миллионов марок, полученных большевиками от Германии, называет и английский историк Рональд Кларк [9].

Личные средства Парвуса служили прикрытием для «немецких денег», что до сих пор сбивает с толку исследователей. Какие бы крупные суммы ни тратили «спонсоры русской революции», они рассчитывали не только приобрести за свои деньги политический капитал, но и с избытком возместить финансовые затраты. Реформы, перестройки, революции и гражданские войны, приводившие российское общество в состояние деструкции и разлада, всегда сопровождались утечкой огромных богатств на Запад.

Особо щекотливая тема – отношения Парвуса и Ленина. «Ленин нужен в России, чтобы Россия пала», – писал Парвус. В этом – вся суть отношения Парвуса к вождю большевиков. Гельфанд и Ульянов были знакомы еще до революции 1905 года: вместе создавали газету «Искра». После того, как Парвус получил от германских властей аванс в 2 миллиона марок, его первым намерением было поехать в Швейцарию к Ленину, чтобы включить его в свой план.

В середине мая 1915 года Парвус прибыл в Цюрих, чтобы побеседовать с Лениным. Писатель Александр Солженицын более или менее точно описал обстоятельства, при которых Парвус навязал Ленину свое общество, но содержание их беседы Солженицын знать не мог [10]. Ленин, естественно, предпочитал не упоминать об этом эпизоде. Парвус же был краток: «Я изложил Ленину мои взгляды на социал-революционные последствия войны и обратил внимание на тот факт, что пока продолжается война, в Германии не сможет произойти революция; что сейчас революция возможна только в России, где она может разразиться в результате побед Германии. Он мечтал, однако, о публикации социалистического журнала, с помощью которого, как он считал, он сможет немедленно бросить европейский пролетариат из окопов в революцию» [11, s. 50]. Ирония Парвуса понятна даже задним числом: на прямой контакт с Парвусом Ленин не пошел, но канал связи с ним постоянно держал свободным.

Ленин в 1915 г. продолжал бредить идеей мировой революции, причем все равно где – в Швейцарии, Америке или России. Парвус же предлагал для организации революции в России колоссальные деньги. Чьи это деньги – для Ленина не имело значения. Хотя Ленин официально не сказал, Парвусу: «Да, я буду с вами сотрудничать», тихая договоренность действовать с соблюдением конспиративных правил, через посредников, была достигнута.

Можно ли предложение Парвуса Ленину считать вербовкой? В узком «шпионском» смысле этого слова – вероятно, нет. Но в военно-политическом плане антироссийские цели кайзеровской Германии, «бизнесмена от революции» Парвуса и «революционного мечтателя» Ленина на этом этапе совпадали. Для Ленина как революционера-интернационалиста было вполне допустимо сотрудничать с Германской империей против империи Российской, непримиримым врагом которой он был. Проще говоря, большевикам было все равно, на чьи деньги делать революцию.

В то же время немецкие власти, дав деньги Парвусу, открыли ящик Пандоры. Немцы не имели никакого понятия о большевизме. Вальтер Николаи, руководитель германской военной разведки, писал: «Я не знал в то время, как и всякий другой, ничего о большевизме, а о Ленине мне было только известно, что живет в Швейцарии как политический эмигрант Ульянов, который доставлял ценные сведения моей службе о положении в царской России, против которой он боролся» [12]. Военная разведка кайзера вместе с германским МИД обеспечила выполнение плана Парвуса, в той части, в которой он соответствовал целям Германии по выводу России из войны.

Но Парвус не был бы финансовым гением и политическим авантюристом мирового масштаба, если бы не играл свою собственную игру: революция в России была лишь первой частью его плана. За ней должна была последовать революция в Германии. При этом «финансовые потоки» мировой революции сосредотачивались бы в руках Парвуса. Разумеется, немцы о второй части плана Парвуса не знали.

Парвус взялся за создание собственной организации, чтобы влиять на события в России. Штаб-квартиру организации Парвус решил расположить в Копенгагене и Стокгольме, через которые осуществлялись нелегальные связи русской эмиграции с Россией,

Германии – с Западом и Россией. Прежде всего, Парвус создал в Копенгагене Институт научного и статистического анализа (Институт изучения последствий войны) как легальную «крышу» для конспиративной деятельности и сбора информации. Он вывез из Швейцарии в Копенгаген пять российских эмигрантов-социалистов, обеспечив им беспрепятственный проезд через Германию, предвосхитив тем самым знаменитую историю с «пломбированным вагоном». Парвус чуть было не заполучил в сотрудники своего института Николая Бухарина, который отказался от этого предложения только под давлением Ленина. Зато Ленин предоставил Парвусу в качестве контактного лица своего друга и помощника Якова Фюрстенберга-Ганецкого, бывшего члена ЦК объединенной РСДРП.

Политико-аналитическую и разведывательную работу Парвус сочетал с коммерческой деятельностью. Он создал экспортно-импортную компанию, которая специализировалась на тайной торговле между Германией и Россией и из своих доходов финансировала революционные организации в России. Для своей компании Парвус получил от германских властей специальные лицензии на импорт и экспорт. Фирма Парвуса кроме бизнеса занималась и политикой, имела свою сеть агентов, которые, курсируя между Скандинавией и Россией, поддерживали связь с различными подпольными организациями и забастовочными комитетами, координировали их действия. Скоро в сферу деятельности Парвуса вошли Нидерланды, Великобритания и США, однако основные его коммерческие интересы были сосредоточены на торговле с Россией. Парвус закупал в России остро необходимые для германской военной экономики медь, каучук, олово и зерно, а туда поставлял химикаты и машинное оборудование. Одни товары перевозились через границу легально, другие – контрабандой.

Доктор Циммер познакомился со структурами Парвуса и составил о них самое благоприятное впечатление. Он передал свое положительное мнение послу Германии в Копенгагене графу Брокдорфу-Ранцау, который открыл перед Парвусом двери германского посольства. Первая встреча графа Брокдорфа-Ранцау с Парвусом состоялась в конце 1915 г. «Теперь я узнал Гельфанда лучше и думаю, не может быть никаких сомнений в том, что он является экстраординарной личностью, чью необычную энергию мы просто обязаны использовать как сейчас, когда идет война, так и впоследствии – независимо от того, согласны ли мы лично с его убеждениями или нет», – писал граф Брокдорф-Ранцау [6, p. 4–6]. Он принял близко к сердцу идеи Парвуса относительно России и стал постоянным ходатаем по его делам в германском МИД.

Парвус и его структуры энергично готовили день «Икс» в России: им должна была стать очередная годовщина «кровавого воскресенья» – 22 января 1916 г. На этот день намечалась всеобщая политическая стачка, призванная если не похоронить, то максимально расшатать царский режим. Забастовки в стране действительно произошли, но не такие многочисленные, как рассчитывал Парвус. Так что революции не произошло. Германское руководство зачло это Парвусу в поражение. В течение года из Берлина по деликатным вопросам организации подрывной деятельности в России к Парвусу не обращались.

Ситуацию изменила революция в России, произошедшая в феврале 1917 г. Германии снова понадобился Парвус. В беседе с графом Брокдорфом-Ранцау Парвус высказал свое убеждение в том, что после революции возможны только два варианта отношений Германии с Россией: или германское правительство решается на широкую оккупацию России, разрушение ее имперской государственной системы и расчленение России на несколько зависимых от Германии государств, или оно заключает быстрый мир с Временным правительством. Для самого Парвуса были равно неприемлемы оба варианта: первый был связан с риском подъема патриотизма русского народа и, соответственно, боевого духа русской армии; второй – с замедлением выполнения революционной программы Парвуса.

Впрочем, был еще и третий вариант: Ленин. Германская сторона при посредничестве Парвуса переправляет вождя большевиков в Россию, где Ленин сразу же разворачивает

антиправительственную деятельность, склоняет Временное правительство к подписанию мира или же сам при оказанной через Парвуса немецкой помощи приходит к власти и подписывает сепаратный мир с Германией.

В деле доставки Ленина в Россию Парвус заручился поддержкой германского Генерального штаба и доверил Фюрстенбергу-Ганецкому сообщить Ленину, что для него и для Зиновьева в Германии устроен железнодорожный коридор, не уточняя, что предложение исходит от Парвуса.

Отъезд русских эмигрантов из Цюриха был назначен на 9 апреля 1917 г. Вместе с Лениным из Цюриха уехали несколько десятков русских революционеров. Было несколько «русских» поездов. Парвус сразу же сообщил в МИД Германии, что собирается встречать русских в Швеции. Главной целью Парвуса был контакт с Лениным. Этот контакт обеспечивал Фюрстенберг-Ганецкий, который ждал Ленина и его спутников в Мальмё и провожал их до Стокгольма. Ленин же на личную встречу с Парвусом не пошел: для вождя большевиков нельзя было придумать ничего более компрометирующего, чем демонстрация связи с Парвусом.

Роль главного переговорщика с Парвусом со стороны большевиков взял на себя Радек. 13 апреля 1917 г. Парвус и Радек беседовали в обстановке полной секретности целый день. Видимо, именно тогда Парвус напрямую предложил свою поддержку большевикам в борьбе за власть в России, а они, в лице Радека, ее приняли. Русские эмигранты двинулись дальше в Финляндию, а Парвус – в германское посольство. Он был вызван в германский МИД, где состоялась секретная, без протокола, беседа с государственным секретарем Циммерманном.

Еще 3 апреля 1917 г. казначейство Германии по распоряжению МИД выделило Парвусу пять миллионов марок на политические цели в России; видимо, Циммерманн договаривался с Парвусом об использовании этих огромных средств [7, с. 246]. Из Берлина Парвус отбыл снова в Стокгольм, где находился в постоянном контакте с членами заграничного бюро ЦК большевистской партии Радеком, Воровским и Фюрстенбергом-Ганецким. Через них шла перекачка германских денег в Россию, в большевистскую кассу.

Октябрьскую революцию в России Парвус принял с восторгом. Но расчеты Парвуса на то, что Ленин даст ему портфель наркома в советском правительстве, не оправдались. После того как большевики взяли власть, Парвус стал мешать и немцам, и большевикам: он слишком много знал.

Уже в 1918 году Парвус стал яростным критиком Ленина. Особенно после того, как ленинский Совнарком объявил программу национализации банков, земли и промышленности. Эта программа, которую Парвус назвал преступной, ударила по его коммерческим интересам. Он решил политически уничтожить Ленина и начал собирать миллионы, чтобы создать империю русскоязычных газет от Китая до границ Афганистана и их доставку в Россию. Но было уже поздно. Ленин и большевики укрепились у власти.

Разочаровавшись в большевизме, Парвус отошел от публичных дел и решил остаток жизни провести в Швейцарии, но его оттуда выслали, потому что постепенно стала всплывать его подлинная роль в разрушении России.

После того, как в 1918 году пала и кайзеровская империя, стали спрашивать, кто стоял за всеми этими событиями (всплыла вторая часть плана Парвуса). Швейцарцы нашли повод, чтобы предложить Парвусу покинуть страну. Он перебрался в Германию, купил большую виллу под Берлином, где и скончался в том же году, что и Ленин – в 1924 году. Смерть «главного финансиста» большевистской революции не вызвала сочувственных комментариев ни в России, ни в Германии. Для правых – Парвус был революционером и разрушителем устоев. Для левых – «сутенером империализма» и предателем дела революции. «Парвус – это часть революционного прошлого рабочего класса, втоптанная в грязь», – писал Карл Радек в некрологе в большевистской газете «Правда» [13].

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). – Ф. 299. Оп. 1. Д. 5.

2. Хавкин, Б. Л. Россия и Германия: 1900–1945. Сплетение истории / Б. Л. Хавкин. – М. : Новый хронограф, 2014. – 424 с.

3. Коммунистический интернационал. – 1925. – №1. – С. 24–26.

4. Хереш, Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса / Пер. с немецкого И. Г. Биневой / Э. Хереш. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, Образование, 2004. – 380 с.

5. Шиссер, Г. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции / Г. Шиссер, Й. Трауптман; Пер. с нем. В. Ф. Дизендорфа. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 254 с.

6. Germany and the Revolution in Russia (1915–1918). Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / Edited by Z.A.B. Zeman. – London : Oxford University Press, 1958. – 157 p.

7. Земан, З. Кредит на революцию. План Парвуса / З. Земан, У. Шарлау // М. : «Центрополиграф», 2007. – 328 с.

8. РГАСПИ. – Ф. 299. Оп. 1. Д. 5.

9. Кларк, Р. Ленин. Человек без маски / Р. Кларк. Вып. 2. – М. : Наука, 1989. – 313 с.

10. Солженицын, А. И. Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика. / А. И. Солженицын. – Екатеринбург : У-Фактория, 1999. – 747 с.

11. Parvus. Im Kampf um die Wahrheit. – Berlin : Verlag für Sozialwissenschaften, 1918. – 67 s.

12. Арутюнов А. Владимир Ленин: «В деньгах я сейчас не нуждаюсь...» Российская контрразведка еще до Первой мировой войны пыталась выяснить источники мощной финансовой подпитки большевиков // Независимая газета. – 21.IV.2001.

13. Правда. – 14.XII.1924.

УДК 94(976)«1919-1920»

А. Г. Дашкевіч
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

БЕЛАРУСЬ У ГЕАПАЛІТЫЧНЫХ ПЛАНАХ ПОЛЬШЧЫ (1918–1920 ГАДЫ)

У артыкуле прадстаўлены аналітычны агляд асноўных геапалітычных канцэпцый Польшчы у 1918–1920 гг. Паказана адсуднасць адзінства палітычных поглядаў сярод польскага кіраўніцтва, палітычных колаў і грамадства. На польскую палітыку адносна геапалітычнага лёсу беларускіх зямель уплавалі гістарычныя традыцыі, міжнародная сітуацыя, а так сама ваеннае становішча перыяду польска-савецкай вайны (1919–1921). Дэкларуючы ідэю федэрацыі кіруючыя колы Польшчы намагаліся стварыць ідэалагічную заслону сваей анексійнай палітыцы.

На фарміраванне ідэалагічнага падмурка польскай палітыкі ў адносінах да Беларусі ўплылі гістарычныя традыцыі. Палітычна актыўная частка польскага грамадства лічыла, што Польская дзяржава павінна ахапіць межы былой Рэчы Паспалітай і ў новых гістарычных ўмовах будаваць з гэтых зямель незалежную сучасную дзяржаву. Першыя ўрады адраджонай Польшчы не кіраваліся ў сваёй ўсходняй палітыцы тэрытарыяльнай праграмай адзінага палітычнага кірунку. Яны вымушаны былі лічыцца з агульнай палітычнай сітуацыяй, якая існавала вакол гэтай праблемы, з жаданнем розных палітычных сіл [1, с. 20].

Тэрытарыяльныя праграмы і пастулаты польскіх палітычных груповак у 1918–1920 гг. зводзіліся да адной з дзьвюх асноўных канцэпцый усходніх межаў – федэраліскай і інкарпарацыйнай. Прадстаўнікі так званага “бельведэрскага лагера”, якія

групаваліся вакол кіраўніка дзяржавы Юзафа Пілсудскага, прытрымліваліся пастулата аб неабходнасці адбудавання гістарычнай Польшы на федэралістычнай падставе ў форме ўніі Польшы, Літвы, Беларусі і Украіны. Аднак сярод прыхільнікаў федэраліскай канцэпцыі не было адзінства, а іх праекты адносна беларускай тэрыторыи ў той ці іншай ступені схіляліся ў бок інкарпарацыі.

У канцы 1918 г. паплечнікі Пілсудскага выдалі першыя брашуры, у якіх спрабавалі абгрунтаваць неабходнасць федэрацыі беларускіх і ўкраінскіх зямель з Польшчай, а не з Расіяй, а таксама з дапамогай статыстычных дадзеных імкнуліся паказаць эканамічную, палітычную і нацыянальную няздольнасць беларусаў да ўтварэння ўласнай дзяржавы і адначасова выявіць "польскасць" на большай частцы беларускіх тэрыторый. Вядомы польскі публіцыст і статыст Эдвард Малішэўскі, беручы за аснову тагачасныя спісы насельніцтва, у сваёй брашуры "Białoruś w cyfrach i faktach" падзяліў беларускія землі на тры часткі: Заходнюю Беларусь з Віленскай і Гродненскай губернямі, дзе вызначаў колькасную перавагу палякаў і іх імкненне цалкам злучыцца з Польшчай, Сярэднюю Беларусь (Мінская губерня), у якой , паводле аўтара, мела месца нацыянальная раўнавага, Усходнюю Беларусь (Магілёўская, Віцебская губерні і тры паветы Інфлянтаў: Дзвінскі, Рэчыцкі, Люцынскі), дзе палякі складалі меншасць і найбольш выразна адчуваўся рускі ўплыў [2, с. 3–5].

У сваёй працы Малішэўскі падкрэсліваў нізкую нацыянальную свядомасць беларускага насельніцтва, нешматлікасць мясцовай інтэлігенцыі і слабасць яе грамадска-палітычнай пазіцыі. Агульную гаспадарча-эканамічную адсталасць краю аўтар тлумачыць былымі неспрыяльнымі палітычнымі умовамі, сярод якіх адзначае забарону палякам набываць зямлю, абмежаванне грамадскай ініцыятывы ў адкрыцці школ, курсаў, таварыстваў і інш. На думку аўтара, толькі з дапамогай польскага элемента магчыма было стварыць дзяржаўнасць на беларуска-літоўскіх землях.

У шэрагу розных геапалітычных праектаў Польскай дзяржавы асаблівай ўвагі патрабуе праект, прапанаваны Польскай сацыялістычнай партыяй (ППС).

Упершыню змадэрнізаваная бельведэрская праграма адносна беларускіх зямель з'явілася на старонках выдання "Wschod polski" у студзені 1919 г. М. Свехоўскі, будучы кіраўнік палітычнага аддзелу Дэпартамента Усходніх зямель падзяліў беларускія тэрыторыі на "сферы ўплываў", прызнаючы за беларусамі толькі Міншчыну, падкрэсліваў, што "акрамя сваіх тэарэтычных дэкларацый у справе незалежнасці, беларусам прыйдзецца згадзіцца на абмежаванне сваіх палітычных дзяржаўных памкненняў адносна ўсходняй Беларусі." Свехоўскі не лічыў мэтазгодным разважаць аб утварэнні асобнай беларускай дзяржаўнасці, пакуль для гэтага не ўзнікнуць неабходныя падставы (адукацыя, культура і інш.), бо беларусы"… да гэтага часу паказалі вельмі мала жыццёвых сіл, а таксама слабую нацыянальную свядомасць." [3, с. 15]

У маі 1919 г. М. Свехоўскі выказаў погляды адносна польскай палітыкі на беларуска-літоўскіх землях у спецыяльным мемарыяле. Аўтар пісаў, што "беларуская праблема цесна звязана з развіццём нашых ваенных дзеянняў на ўсходзе і залежыць ад таго, як далёка дойдуць нашы войскі. На ўсялякі выпадак Віленская і Гродзенская губерні павінны застацца выключна ў сферы польскіх ўплываў, падобна як беларускі рух у Гродзенскай губерні – у паветах Пружанскім, Слонімскім, Кобрынскім і, магчыма, Навагрудскім і Пінскім – у Мінскай губерні, і для таго, каб польская тэрыторыя ў Літве, а перш за ўсё ў Віленскай губерні, атрымала салідныя падставы для далучэння да Польшчы. Для гэтага шырока распаўсюдзілася дзейнасць Стражы Крэсовай так сама на праваслаўнае насельніцтва гэтай тэрыторыі. Цяпер можам пачаць раздачу зямлі сялянам, пераселеным з Польшчы. Кропку апоры беларускага руху неабходна перанесці на ўсход і там на абшарах Мінскай губерні і Магілёўскай губерні аказаць яму падтрымку; басейны рэк Бярэзіна і Днепр зрабіць асяроддзем адраджэння Беларусі і толькі гэтыя тэрыторыі прызнаць аўтаномнымі, якія могуць увайсці ў склад федэрацыі зямель ВКЛ."

Паводле Леона Васілеўскага, члена ППС, міністра замежных спраў ва ўрадзе А. Марачэўскага, федэралізм павінен грунтавацца на даўняй польскай традыцыі – "вольныя з вольнымі, роўныя з роўнымі", каб краіны, этнаграфічна звязаныя з Польшчай, мелі шансы на захаванне сваёй культурнай спадчыны і далейшае развіццё. "Таму поўныя грамадзянскія правы і ўлічванне культурных і этнаграфічных інтарэсаў нацыянальных меншасцяў – вось нацыянальная праграма дзяржавы, дбаючай аб сваім нармальным укладзе і ўласнай будучыні." [4, с. 3].

Лічучыў беларусаў не здольнымі стварыць уласную дзяржаву, яшчэ адзін вядомы прадстаўнік сацыялістаў Тадэвуш Галувко. Ён бачыў будучыню гэтай "этнаграфічнай масы" толькі пад апекай палякаў, што магло б стварыць неабходныя ўмовы для развіцця будучай беларускай дзяржаўнасці ў федэрацыі з Літвой, Украінай, Польшай. Галоўнай задачай федэрацыі вызначаў абарону этнаграфічных польскіх зямель, у тым ліку і беларускіх, якія не маглі самастойна дзейнічаць, ад Расіі. Смастойнае існаванне беларускага народа, падкрэсліваў Галувко, азначала б яго знішчэнне на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў [5, с 3].

Праекты ўсталявання ўсходніх межаў Польшчы ў трактоўцы прадстаўнікоў партыі Нацыянальнай Дэмакратыі (НД) ў 1918–1919 гг. заставаліся амаль без змяненняў. Патлумачыць гэта можна тым, што палітычная дактрына дадзенада накірунку, які атрымаў назву інкарпарацыйным, з'яўлялася справай па-сутнасці аднаго чалавека – Рамана Дмоўскага, лідэра партыі. Яго тэрытарыяльная праграма была прадстаўлена на Парыжска мірнай канферэнцыі, якая адкрылася ў студзені 1919 г. Дмоўскі, трымаючыся ідэі стварэння моцнай Польскай дзяржавы паміж Расіяй і Германіяй, супрацьстаяў групе федэралістаў на чале з міністрам замежных спраў І. Падэрэўскім, накіраваных на канфрэнцыю Пілсудскім.

У сваіх выступленнях Р. Дмоўскі назваў літоўскі, беларускі і ўкраінскі народы "негістарычнымі", адсталымі ў цывілізацыйным плане, якія не стварылі ўласнай літаратуры і не маюць сваёй інтэлігенцыі. На такіх тэрыторыях, слабых ў палітычных і культурных адносінах, утварэнне стабільнай і моцнай дзяржаўнасці Дмоўскі лічыў не магчымым, а федэрацыя з такім суседам толькі паслабіла б Польшчу і не прынесла ніякай карысці. Асноўным аргументам пры вызначэнні ўсходняй мяжы стала вылучэнне па моўнаму крытэрыю значнай колькасці польскага элемента на ўсходніх землях, які, на думку Дмоўскага, "з'яўляўся адзінай інтэлектуальнай моцай краю" [6, с. 526–528].

Супраць федэралісцкай канцэпцыі выказваўся граф Ян Жултоўскі, які прымаў удзел у працах НПК. Па яго меркаванні, малыя народы, напрыклад літоўцы ці беларусы, не маглі стварыць незалежных дзяржаў. Калі б Польшча не змагла далучыць літоўска-беларускія землі, то яна павінна была імкнуцца атрымаць эканамічны ўплыў на іх. "Усходнія крэсы – гэта наша калонія, яны заўсёды ёй былі і ёй павінны застацца" [7, с. 100–101].

Вельмі папулярным ў польскай грамадска-палітычнай думцы напярэдадні і ў час польска-савецкай вайны было замацаванае праз навуку і літаратуру адмаўленне існавання беларускага народа, альбо разуменне беларусаў як "пераходнай формай паміж палякамі і рускімі". Польскі даследчык і палітычны дзеяч Уладзіслаў Студніцкі, які ў час польска-савецкай вайны ўзначальваў статыстычны аддзел пры Генеральным камісарыяце ўсходніх зямель, ужываючы тэрмін "каланізацыя", спрабаваў даказаць, што менавіта Польшча, а не Расія зможа ўзняць эканамічны патэнцыял усходніх зямель, развіць інфраструктуру, прамысловасць, гандаль і сельскую гаспадарку [8, с. 16].

Напярэдадні пахода на Вільна Ю. Пілсудскі лічыў, што захоп Вільна вырашыць шмат спрэчных пытанняў, "бо яна ключ да літоўска-беларускай справы" [9, с. 73–74]. У сітуацыі не стабільнасці палітычнай ідэалогіі, кіраўнік дзяржавы прыняўрашэ, якое на закрывала шляхоў да ўсіх магчымых варыянтаў" [10, с. 80–81]. Гэтым рашэннем стала адозва "Да жыхароў Вялікага княства Літоўскага" (22 красавіка 1919 г.). У адозве ніводнага слова не гаварылася аб будучыне беларускіх тэрыторый, аднак яна выклікала рэзананс ў грамадстве і знайшла як супраціўнікаў, так і прыхільнікаў сярод прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху.

У інтэрв'ю карэспандэнту газеты "Le Jornal des Debats" 2 мая 1919 г. Ю. Пілсудскі, адказваючы на пытанне, ці была б для Польшчы унія з усімі былымі землямі ВКЛ ідэальным рашэннем, сцвярджаў: "Напэўна да гэтага трэба імкнуцца, хаця гэта не простаея задача. Мяркую, што палякі і беларусы дамовіліся б лёгка, цяжэй было б з літоўцамі" [11, с. 80].

Нацыянальная дэмакратыя ацаніла захоп польскім войскам Вільні як поспех. Яе прадстаўнікі неадназначна ставіліся да стварэння адміністрацыі Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель, якой фармальна перадавалася ўлада на акупаванай тэрыторыі. Яны лічылі генеральнага камісара Ю. Асмалоўскага ненадзейнай асобай, некампетэнтнай для гэтай пасады. Не пагаджаліся з тым, што Ю. Пілсудскі зрабіў яго правадніком польскай палітыкі на акупаваных землях. Сход Нацыянальнай дэмакратыі, які адбыўся 27 красавіка 1919 г. у Вільна, выказаў патрабаванне як амага хутчэйшага аб'яднання вызваленых зямель з Польшчай. Падобнае патрабаванне выказаў І з'езд Народнадэмакратычнага саюза, які адбыўся ў Варшаве 11–12 мая 1919 г. Ён падтрымаў этнаграфічную канцэпцыю, г. зн. межы, прапанаваныя Польскім нацыянальным камітэтам.

З пачатку 1920 г. ідэя федэрацыі пачынае губляць былую папулярнасць. У польскім грамадстве замацавалася думка аб тым, што адной з прычын няўдачы папярэдняй палітыкі з'яўляўся слабы і дэзарганізаваны беларускі нацыянальны рух, лідары якого абвінавачваліся ў няздольнасці да шчырага супрацоўніцтва.

Расчараванне, якое адчувалі беларускія дзеячы ад палітыкі польскіх улад, было адлюстравана таксама ў артыкуле кіраўніка Цэнтральнай беларускай рады Віленшчыны і Гродзеншчыны (ЦБРВіГ) Б. Тарашкевіча "Беларускія палітычныя пастулаты", надрукаваным на польскай мове ў газеце "Przymierze". Аўтар спадзяваўся, што яго артыкул зможа патлумачыць пазіцыі беларускага нацыянальнага руху. Неабходна звярнуць увагу на тое, што крытыкавалася не польская палітыка, а дзейнасць грамадзянскай адміністрацыі, якая, на думку беларускага лідара, і прывяла да краху федэрацыйных планаў Ю. Пілсудскага. Б. Тарашкевіч адзначаў, што "польскі ўрад і Грамадзянскае ўпраўленне Усходніх зямель занялі пазіцыю недальнабачную і эгаістычную...дробязныя кіраўнікі вывелі польскую палітыку на памылковы шлях анексіі і бессэнсоўнай акупацыі" [12, с. 5–9] Відавочна, што Тарашкевіч спадзяваўся на тое, што "памылкі", якія дапусціў польскі ўрад ў адносінах да беларускага руху, будуць улічаны і надалей не паўторацца. Аднак менш чым праз год пасля выхаду дадзенага артыкула польская авантура паўтарылася ў Сярэдняй Літве.

Пасля выхаду польскіх войскаў з Мінска ў ліпені 1920 г., у Вільні была выдадзена брашура А. Луцкевіча на польскай, рускай і беларускай мовах пад назвай "Польская акупацыя Беларусі". Ацэньваючы дзейнасць польскай улады на тэрыторыі Беларусі аўтар ўжывае тэрмін "гвалтоўная паланізацыя". Ён падкрэслівае, што акрамя эканамічнага ўціску, здзекавання над мясцовым насельніцтвам, арыштаў беларускіх грамадскіх дзеячаў, палякі "пачалі непрымірымую барацьбу з тым, што становіць аснову развіцця народу і яго дабрабыту – з беларускай прасветай". А. Луцкевіч зрабіў выснову аб тым, што ў час польска-савецкай вайны беларуская школьная справа прыйшла ў заняпад. Па падліках аўтара, з 153 беларускіх школ, якія існавалі ў Віленскай акрузе ў час нямецкай акупацыі, да канца 1919 г. засталося толькі 17 легальных і каля 40 неафіцыйных школ [13, с. 16].

Такім чынам, абедзьве польскія тэрытарыяльныя праграмы прадугледжвалі экспансію на ўсход. Федэралізм падаваўся Ю. Пілсудскаму больш актыўным і паслядоўным. Падтрымліваючы федэралізм, Пілсудскі не разглядаў яго з пазіцый акрэсленага самавызначэння народаў, аднак лічыў менавіта гэту канцэпцыю найбольш выгадным лозунгам длля вядзення вайны за ўсходнія тэрыторыі. У канцы 1920 г. Ю. Пілсудскі заявіў сябе як праціўнік федэрацыі, сцвярджаючы, што падставы федэралізму ніколі не магчыма было ажыццявіць. Ён адназначна даваў зразумець, што намагаўся стварыць толькі бачнасць федэрацыі, якая павінна была зберагчы Польшчу ад абвінавачвання ў анексійнай палітыцы ў вачах міжнароднай грамадскасці.

Крыніцы і літаратура

1. Litwin, A. Problem Białorusi w oficjalnej polityce polskiej w latach 1918–1939 / A. Litwin // Spolczeństwo białoruskie, litowskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1945 / red. M. Giżejendskiej i T. Strzembosza. – Warzsawa : in.-t. studiów politycznych PAN, 1995. – 35 s.
2. Maliszewski, E. Białoruś w cyfrach i faktach / E. Maliszewski. – Piotryków : Wiadomości Polski, 1918. – 39 s.
3. Swiechowski, M. O program w stosunku do ziem Litewsko-białoruskich / Marjan Swiechowski. – Wilno : "Lux", 1920. – 30 s.
4. Wasilewski, L. W sprawie przyłączenia kresów wschodnich / L. Wasilewski. – Warszawa [б/в], 1919. – 26 s.
5. Hołówko, T. Perspektywy historyczne // Robotnik. – 1919. – 24 lutego. –28 s.
6. Nota delegacji polskiej na konferencji pokojowej o wschodnich granicach Polski (przesłana przewodniczącemu komisji terytorjalnej d. 3 marca 1919 r.) // Polityka polska i odbudowannie państwa. – Warszawa : nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz, 1926. – Cz. 1 : Program terytorialny delegacji polskiej. – 533 s.
7. Akty i dokumenty dotyczące spraw granic Polski na konferencji pokojowej w Paryzu 1918–1919. – Paryż : [б/в], 1920. – S. 100–101.
8. Studnicki, W. Polnocno-wschodnie zieme dawnej Rzeczypospolitej Polskiej / W. Studnicki. – Warszawa : [б/в], 1919. – 27 s.
9. Pilsudski, J. List do L. Wasilteskiego 08.04.1919 / J. Pilsudski // Pisna zbiorowe : w 8 t. – Warszawa : Instytut J. Pilsudskiego, 1937. – T. 5. – S. 73–74.
10. Pilsudski, J. List do Ignacego Paderewskiego 04.05.1919./ J. Pilsudski // Pisna zbiorowe : w 8 t. – Warszawa : Instytut J. Pilsudskiego, 1937. – T. 5. – S. 80–81.
11. Pisna zbiorowe : w 8 t. – Warszawa : Instytut J. Pilsudskiego, 1937. – T. 5.– S. 80.
12. Taraszkiewicz, B. Białoruskie postułaty polityczne / B. Taraszkiewicz // Przymierze. – 1920. – 20 stycznia (№ 5). – S. 5–9.
13. Луцкевіч, А. І. Польская акупацыя ў Беларусі / А. І. Луцкевіч. – Мінск : "Полымя", 1992. – 19 с.

УДК 930(470):930(438):94:327(4)«1921-1923»

М. М. Мязга
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ІНТАРЭСЫ РАСІІ ВА ЎМОВАХ СТАНАЎЛЕННЯ ВЕРСАЛЬСКАЙ СІСТЭМЫ Ў СУЧАСНАЙ РАСІЙСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

У сучаснай расійскай гістарыяграфіі пры вывучэнні Версальскай сістэмы міжнародных адносін асаблівая ўвага надаецца вызначэнню ролі і месца Савецкай Расіі ў ёй. Расійскія гісторыкі робяць акцэнт на тым, што сярод заходніх палітыкаў не мелася адзінай палітычнай лініі ў адносінах да Расіі пры фарміраванні Версальскай сістэмы. Тым не менш, дамінуе пункт гледжання, згодна з якім краіны Антанты не былі зацікаўлены ў захаванні Расіі як адной з вядучых дзяржаў свету, яе тэрытарыяльнай цэласнасці. Іх палітыка прывяла да ператварэння Расіі ў «ізгоя» Версальскай сістэмы. Пры гэтым шэрагам даследчыкаў адзначаецца, што заходнія дзяржавы ўсё ж пакідалі за Расіяй апошняе слова пры вызначэнні яе межаў і не спяшаліся з прызнаннем ўскраінных дзяржаў.

У адным з артыкулаў, апублікаваных групай аўтараў у «Весніку Томскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя», адзначаецца, што ў расійскай гістарыяграфіі

«застаецца адкрытым пытанне аб тым, ці было дакладнае разуменне ў краін Антанты ў ходзе выпрацоўкі Версальскага светапарадку важнасці ўключэння ў ствараемую сістэму Савецкай Расіі» [1, с. 106]. У расійскай гістарыяграфіі пры вывучэнні гісторыі Версальскай сістэмы адным з асноўных з'яўляецца канцэпт аб яе няўстойлівасці. У якасці значымага фактара, які абумовіў гэтую няўстойлівасць, як правіла, адзначаецца тое, што за рамкамі Версальскай сістэмы апынулася Расія. У дадзеным артыкуле пастаўлена мэта выявіць і ахарактарызаваць існуючыя ў расійскай постсавецкай гістарыяграфіі палажэнні, якія прадстаўляюць працэс стварэння Версальскай сістэмы з пункту гледжання ўліку інтарэсаў Расіі. Гэтая праблема пачала асабліва актыўна абмяркоўвацца расійскімі гісторыкамі з пачатку XXI ст., калі Расія стала прадпрымаць істотныя намаганні па аднаўленні сваіх геапалітычных пазіцый як вялікая дзяржава.

У працах расійскіх аўтараў адразу ж вызначаліся ацэнкі палітыкі «архітэктараў» Версальскай сістэмы ў адносінах да Расіі як супярэчлівай, але пры гэтым акцэнт ўсё ж рабіўся на ігнараванне расійскіх інтарэсаў. У 2004 г. была выдадзена манаграфія Анатоля Уткіна, сама назва якой «Прыніжэнне Расіі: Брэст, Версаль, Мюнхен» ужо вызначала асноўную канцэпцыю аўтара. Ён адзначае, што пазіцыя Захаду ў адносінах да Расіі пры фарміраванні Версальскай сістэмы вызначалася тым, што ён не мог дараваць ёй сепаратны мір, адмову плаціць даўгі, нацыяналізацыю заходняй уласнасці. Але пры гэтым з тэксту манаграфіі не вынікае адназначная выснова аб імкненні Захаду раздзяліць Расію. А. І. Уткін піша, што заходнія палітыкі «ні ва ўнутраных дыскусіях, ні ў знешнепалітычных заявах не назвалі законным абвяшчэнне незалежнасці Фінляндыі, Украіны, прыбалтыйскіх дзяржаў, закаўказскіх рэспублік» [2, с. 290–291]. З іншага боку, ён адзначае, што Францыя гатовая была падтрымаць польскія прэтэнзіі ў дачыненні да Германіі, Літвы, Украіны і Расіі, бо ёй патрэбна была «максімальна моцная Польшча як фарпост французскага ўплыву ва Усходняй Еўропе», як бар'ер на шляху аднаўлення германскага эканамічнага і палітычнага ўплыву ў Расіі [2, с. 338]. Па сутнасці, лічыць А. І. Уткін, пазіцыю Францыі ў адносінах да Расіі вызначаў германскі фактар, і аслабленне Расіі не адпавядала французскім інтарэсам. Брытанія, наадварот, з расколам Расіі атрымлівала гарантыі бяспекі сваім важнейшым уладанням. Менавіта таму Лондан прызнаў незалежнасць Фінляндыі і прыбалтыйскіх дзяржаў, стаў «падштурхоўваць закаўказскія навафармаванні да самасцвярджэння». Даследчык спасылаецца на выказванне міністра замежных спраў Вялікабрытаніі Артура Бальфура на сустрэчы саюзнікаў 3 снежня 1918 г. аб нежаданні «бачыць межы Расіі ранейшымі ў Фінляндыі, балтыйскіх краінах, Закаўказзі і Туркестане» [2, с. 349]. А. І. Уткін адзначае, што Версальскі дагавор грунтаваўся на часовых суадносінах сіл і на стымуляванні малых нацыяналізмаў дзеля аслаблення Расіі і Германіі [2, с. 511]. Як найбольш прымальная для Расіі А. І. Уткіным прадстаўлена пазіцыя прэзідэнта ЗША Вудра Вільсана. Ён зыходзіў з таго, што пасля заканчэння вайны ў Расіі паўстане задача прыцягнення любога будучага расійскага ўрада «ў калектыў сусветнай супольнасці – Лігу Нацый, а не давядзенне Масквы да становішча сусветнага ізгоя». А. І. Уткін лічыць, што ў сваёй палітыцы ў адносінах да Расіі амерыканскі прэзідэнт зыходзіў з таго, што «стварэнне ж больш пэўнай структуры ўзаемаадносін паміж ЗША і Расіяй ўмацоўвала базіс міжнароднага парадку, у якім заходнееўрапейскім метраполіям даводзілася пацясніцца». Без Расіі было немагчыма сапраўднае еўрапейскае аднаўленне і новае сусветнае перараз меркаванне роляў [2, с. 508].

Інтарэсы Расіі непасрэдна закраналіся пры вырашэнні на Парыжскай канферэнцыі польскага пытання. Расійскія гісторыкі, з аднаго боку, падкрэсліваюць, што на канферэнцыі пры вызначэнні ўсходніх межаў Польшчы дамінаваў прынцып аднаўлення яе ў этнаграфічных межах [3, с. 144]. З іншага боку, у расійскай гістарыяграфіі шырока прадстаўлены пункт гледжання, згодна з якім Польшча і Чэхаславакія ствараліся пераможцамі як сродак ціску на Савецкую Расію і Германію. Выкладаючы дадзены пункт гледжання, Віктар Зубачэўскі ў той жа час адзначае, што па гэтым пытанні сярод саюзнікаў

не было згоды. Так, брытанскі прэм'ер-міністр Дэвід Ллойд Джордж стаўку ў барацьбе з бальшавізмам рабіў на Германію, бачачы ў ёй таксама процівагу Францыі, і прыніжаў значэнне Польшчы як антысавецкага бар'ера. В. Вільсан у цэлым падтрымаў пазіцыю Вялікабрытаніі [4, с. 58, 59]. В. Л. Зубачэўскі лічыць, што дзяржавы, якія ўзніклі ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе ў перыяд працы Парыжскай канферэнцыі, былі ператвораныя дзяржавамі Антанты ў бар'ер паміж Германіяй і Расіяй і «санітарны кардон» супраць бальшавізму. Але ўжо ў 1920 г. польска-савецкая вайна паставіла пад сумнеў трываласць буфера-кардона. Аўтар рэзюмуе, што Версальская сістэма міжнародных адносін была пабудавана без уліку інтарэсаў Расіі і пераможаных краін, якім навязалі кабальныя ўмовы і тым самым пасеялі насенне Другой сусветнай вайны [4, с. 77].

Палажэнне аб антырасійскай накіраванасці Версальскай сістэмы развівае Наталля Нарачніцкая. У якасці важнейшай задачы брытанскай знешняй палітыкі ў XX ст. яна вызначае выцясненне Расіі і Германіі з Усходняй Еўропы. У прапанове Д. Ллойд Джорджа запрасіць на канферэнцыю на Прынцавых астравах усе ўрады, якія існавалі дэ-факта ў Расіі, Н. А. Нарачніцкая бачыць план расчлянення Расіі [5, с. 18]. Яна лічыць, што ў ходзе Парыжскай канферэнцыі ЗША і Вялікабрытанія імкнуліся да аддзялення ад Расіі перш за ўсё Прыбалтыкі і чарнаморскіх тэрыторый [5, с. 57, 66]. Пры гэтым віну за антырасійскія крокі стваральнікаў Версальскай сістэмы Н. А. Нарачніцкая ў значнай ступені ўскладае на бальшавікоў, якія, «заключыўшы сепаратны мір з Германіяй, ... вызвалілі саюзнікаў па Антанце ад дамоўленасцяў перадваеннага і ваеннага часу, чым тыя не прамінулі скарыстацца» [5, с. 101]. У 2018 г. Н. А. Нарачніцкая ў адным са сваіх артыкулаў паўтарыла тэзіс, што галоўная мэта Вялікабрытаніі і ЗША на Парыжскай канферэнцыі заключалася не ў тым, каб знішчыць бальшавізм, паколькі аднаўленне тэрытарыяльнага адзінства Расійскай імперыі, да чаго імкнуўся «Белы» рух, лічылася імі непажаданым [6, с. 333].

Генадзь Матвееў адзначае і спрыяльныя для Расіі моманты ў палітыцы заходніх дзяржаў. Ён звяртае ўвагу, што ў ноце Керзана Польшчы было адмоўлена ў валоданні Усходняй Галіцыяй. Акрамя таго, Варшаве далі зразумець, што ні пра якую незалежную ад Расіі Украіну не можа быць і гаворкі, у ліку ўдзельнікаў планаваўшыхся ў Лондане мірных перамоваў Украіна не згадвалася [7, с. 39]. Г. Ф. Матвееў у наступных сваіх працах развівае тэзіс аб наяўнасці ў палітыцы стваральнікаў Версальскай сістэмы станоўчых для Расія момантаў. Ён лічыць, што адносна праходжання расійска-польскай мяжы дзяржавы-пераможцы стаялі на пазіцыі Часовага ўрада, якая грунтавалася на этнічным прынцыпе. Тым самым яны не збіраліся прызнаваць абгрунтаванымі патрабаванні аднавіць Польшчу ў межах 1772 г. [8, с. 118]. Яшчэ ў адной сваёй больш позняй працы Г. Ф. Матвееў звяртаецца да пытання адпаведнасці інтарэсам Расіі «14 пунктаў» В. Вільсана. Аналізуючы гэты дакумент, ён паказвае, што яго палажэнні маглі «азначаць толькі адно: Расія будзе вырашаць свае нацыянальныя праблемы па ўласным меркаванні, а не на падставе безумоўна абавязковага для ўсіх дзяржаў права нацый на самавызначэнне [9, с. 39]. Але, з іншага боку, адзначае Г. Ф. Матвееў, Францыя працягвала на Парыжскай канферэнцыі праводзіць палітыку балансу сіл, што давала магчымасць новым дзяржавам вырашаць тэрытарыяльныя пытанні сілавымі метадамі як за кошт дзяржаў, якія прайгралі вайну, так і за кошт Расіі [9, с. 136]. Прарасійскія аспекты ў палітыцы краін Антанты адзначае і Міхаіл Нарынскі. Спасылаючыся, у прыватнасці, на ліст міністра замежных спраў Францыі А. Мільерана ў ліпені 1920 г. паведамленаму ў справах у Вашынгтоне, ён паказвае, што кіраўнікі Антанты не падштурхоўвалі палякаў да ваеннага паходу супраць Савецкай Расіі. Нават у перыяд ваенных поспехаў Польшчы кіраўнікі краін Антанты заклікалі Варшаву да стрыманасці. Той жа А. Мільеран адзначаў, што падставай для вызначэння ўсходняй мяжы Польшчы павінна быць дэкларацыя Часовага ўрада Расіі 1917 г. [10, с. 32, 39].

В. А. Зубачэўскі ў сваіх даследаваннях працягвае развіваць канцэпцыю, у рамках якой даказвае несправядлівасць у адносінах да Расіі межаў, устаноўленых стваральнікамі

Версальскай сістэмы. На ягоную думку, нават у выпадку перамогі «Белага» руху ў Грамадзянскай вайне ўяўляецца малаверагодным, каб Расія «атрымала выгадную канфігурацыю заходніх межаў». Разам з тым, заходнія дзяржавы выкарыстоўвалі паражэнне «Белых» для апраўдання ўсталяваных для Расіі несправядлівых заходніх межаў [11, с. 305]. Кацярына Раманава ў сваю чаргу адзначае, што кансерватыўныя палітычныя погляды лідараў «Белага» руху, галоўнае – ідэал «адзінай і непадзельнай Расіі», не цалкам адпавядалі інтарэсам Вялікабрытаніі і ЗША. Яны былі не супраць прымяніць да Расіі прынцып нацыянальнага самавызначэння і тым самым «шмат у чым паралізаваць у перспектыве яе магчымую знешнепалітычную актыўнасць». Заходнія краіны аказалі падтрымку дзяржавам, якія ўзніклі ўздоўж ускраін Расіі, разглядаючы іх і як «санітарны кардон» супраць бальшавізму ў выпадку ўмацавання ў Расіі савецкай улады, і як перашкоду на шляху актыўнай знешняй палітыкі Расіі ў сферы інтарэсаў дзяржаў Антанты пры любым зыходзе Грамадзянскай вайны [12, с. 467, 468].

На думку Сяргея Лісцікава, планам заходніх палітыкаў садзейнічаў той «раздзелены стан расійскай дзяржавы», у якім яна знаходзілася да пачатку Парыжскай канферэнцыі. Ён лічыць, што дзеянні саюзнікаў па «акружэнню» бальшавікоў мелі на мэце не дазволіць ім захапіць эканамічна і стратэгічна значныя раёны, дзе адбывалася фарміраванне «сіл правапарадку» (поўдзень і поўнач Расіі, Сібір, прыбалтыйскія землі). Саюзнікі не былі адзіныя ў бачанні будучыні Расіі. В. Вільсан усё ж спадзяваўся на адраджэнне адзінай дэмакратычнай дзяржавы. Брытанцы бачылі Расію моцна ўсечанай і аслабленай за кошт «заахвочвання ўзнікшых у яе былых межах нацыянальных дзяржаў». Французы вагаліся паміж першым і другім пунктамі гледжання. С. В. Лісцікаў лічыць, што ідэя «акружэння» бальшавіцкай Расіі суседнімі з ёй рэспублікамі атрымала рэальнае ўвасабленне. Заходнія дзяржавы аказвалі падтрымку Фінляндыі: 5 мая 1919 г. яе незалежнасць прызналі Вялікабрытанія і ЗША. Падтрымка Варшаве выявілася ў тым, што заходнія дзяржавы санкцыянавалі ваенную акупацыю і грамадзянскае кіраванне палякамі Усходняй Галіцыі. Англічане ж, абапіраючыся на падтрымку ўрадаў закаўказскіх рэспублік, асвойваліся на скрыжаванні шляхоў паміж Сярэдняй Азіяй, Індыяй і Блізкім Усходам. С. В. Лісцікаў адзначае, што на момант завяршэння Парыжскай канферэнцыі «акружэнне Савецкай Расіі, досыць шчыльнае на яе заходніх рубяжах, адбылося» [13, с. 291, 292, 294, 295]. Праз год пасля публікацыі названага вышэй артыкула С. В. Лісцікава Міхаіл Мельцюхоў ў сваёй манаграфіі абгрунтоўвае тэзіс, згодна з якім нельга адназначна казаць пра палітыку заходніх дзяржаў як накіраваную на аддзяленне ад Расіі яе ўскраін. Ён адзначае нежаданне Вярхоўнага Савета Антанты вырашаць прыбалтыйскае пытанне без згоды А. В. Калчака. Адказ вярхоўнага кіраўніка Расіі на ноту краін-саюзніц ад 26 мая 1919 г., які зводзіўся да таго, што канчатковае вырашэнне пытання аб незалежнасці Польшчы і Фінляндыі і аўтаноміі Прыбалтыкі будзе належаць Устаноўчаму сходу Расіі, задаволіў Антанту [14, с. 142].

У 2017–2019 гг. было выдадзена некалькі значных манаграфічных работ, у якіх разглядаецца месца Расіі ў Версальскай сістэме. Адным з найбольш фундаментальных даследаванняў сярод іх з'яўляецца манаграфія Ніны Быстровай «Рускае пытанне ў 1917 – пачатку 1920 г. Савецкая Расія і вялікія дзяржавы». Ужо ва «ўводзінах» аўтар вызначае ключавы аспект сваёй канцэпцыі, адзначаючы, што «моцнай Расіі ні Вялікабрытанія, ні Францыя, ні ЗША не жадалі і імкнуліся выкарыстоўваць яе ў сваіх геапалітычных і стратэгічных інтарэсах, аддалі б перавагу сыходу яе з сусветнай палітыкі як уплывовай сілы – вялікай дзяржавы». Расія, на думку аўтара, стала першай ахвярай тэрытарыяльнага перадзелу пасля Першай сусветнай вайны [15, с. 9, 10]. Н. Я. Быстрова не згаджаецца з тым, што палітыка В. Вільсана была нацэлены на захаванне Расіі як вялікай дзяржавы. На яе думку, сапраўдны сэнс інтрыгі прэзідэнта ЗША заключаўся ў тым, каб падключыць бальшавікоў да падрыву расійскай вялікадзяржаўнасці знутры пры захаванні, па меншай меры, намінальна, тэрытарыяльнай цэласнасці Расіі [15, с. 48]. Н. Я. Быстрова адзначае, што «здабытая Польшчай і Румыніяй з дапамогай Францыі ўсходняя мяжа гэтых краін

станавілася трамплінам для ўварвання ў цэнтральную Расію». Аўтар лічыць, што французская ідэя апоры на Польшчу прадугледжвала ў якасці заходняй расійскай мяжы Днепр [15, с. 219]. На думку Н. Я. Быстровай, брытанскія і французскія палітыкі ўмела скарысталіся ўтварэннем на ўскраінных тэрыторыях былой Расійскай імперыі незалежных рэспублік, якія патрабавалі ўзмацнення за кошт яе зямель і заахвочвалі акружэнне будучай Расіі («белай» або «чырвонай») поясам дзяржаў, які стаў бы перашкодай для «рускай экспансіі» [15, с. 234]. У той жа час Н. Я. Быстрова адзначае: «Але ў прынцыпе Францыя жадала аднаўлення ў моцнай Расіі кансерватыўнага ладу для процідзеяння свайму рэйнскаму ворагу» [15, с. 220]. Аднак Вялікабрытаніі была зацікаўлена ў тым, каб на ўсходзе Еўропы не было моцнай дзяржавы, з інтарэсамі якога давялося б лічыцца [15, с. 260–261]. Пазбаўленне Расіі па ідэалагічных меркаваннях права ўдзельнічаць у стварэнні Версальска-Вашынгтонскай сістэмы Н. Я. Быстрова лічыць памылкай, адзначае, што без удзелу Расіі праводзіліся новыя межы, зацверджаныя рашэннямі Парыжскай канферэнцыі. Аднак пры гэтым аўтар паказвае, што «вялікія дзяржавы ўсведамлялі немагчымасць стварэння стабільнага міжнароднага парадку, цалкам ігнаруючы расійскія інтарэсы. Было відавочна, што канчатковае тэрытарыяльна-дзяржаўнае ўрэгуляванне магчымае толькі пасля стабілізацыі становішча ў Расіі». Гэтым Н. Я. Быстрова тлумачыць асцярожны падыход саюзнікаў да вызначэння ўсходніх межаў Польшчы і Румыніі [15, с. 239, 240–241]. У сувязі з гэтым яна ўказвае на дэкларацыю заходніх дзяржаў ад 20 жніўня 1919 г. аб прызнанні незалежнасці краін Прыбалтыкі, у якой адзначалася, што канчаткова гэтае пытанне будзе вырашана пры ўрэгуляванні з Расіяй [15, с. 317]. Н. Я. Быстрова робіць выснову, што дзяржавамі Еўропы праводзілася палітыка дыскрымінацыі Расіі і абмежавання яе ролі ў міжнародных адносінах [15, с. 349].

Да пытання палітыкі Антанты ў адносінах да дзяржаў, якія ўзніклі на заходніх ўскраінах былой Расійскай імперыі, звяртаецца і Аляксандра Бахтурына. На яе думку, нявызначанасць сітуацыі ў Расіі ставіла пад сумнеў магчымасць удзелу дэлегацый нацыянальных урадаў у Парыжскай канферэнцыі. А. Ю. Бахтурына адзначае, што ў пачатку яе працы пазіцыі нацыянальных урадаў, якія імкнуліся да прызнання незалежнасці, не маглі быць падтрыманы дзяржавамі-пераможцамі па цэлым шэрагу прычын: незавершанасць Грамадзянскай вайны, адсутнасць адзінай улады ў Расіі, адсутнасць выразнай пазіцыі ў дачыненні да нацыянальных урадаў і нацыянальных дзяржаў у саюзных дзяржаў зімой 1919 г. [16, с. 294].

В. А. Зубачэўскі ў сваёй манаграфіі развівае канцэпцыю, згодна з якой «Версальская сістэма была пабудавана без уліку інтарэсаў Расіі і пераможаных краін, якім навязалі зусім кабальныя ўмовы і тым самым пасеялі насенне новых канфліктаў. Прычым, самі пераможцы не былі ўпэўненыя ў канчатковасці і справядлівасці пашытай імі ласкутнай карты Цэнтральнай Еўропы» [17, с. 126]. На думку названага аўтара, да пачатку 1920 г., насуперак дзяржаўным інтарэсам Расіі, адбылася сур'ёзная геапалітычная трансфармацыя яе «блізкага Захаду». В. А. Зубачэўскі лічыць, што дзяржавы Антанты не завяршылі тэрытарыяльнае размежаванне ў рэгіёне. Гэта ўсяляла ў Германію, Польшчу, Савецкую Расію надзею, што ўстаноўленыя межы маюць часовы характар і іх можна будзе змяніць дыпламатычнымі, а хутчэй – ваенна-палітычнымі метадамі [17, с. 164–165]. Лідзія Грышаева падкрэслівае ігнараванне ў рамках Версальскай сістэмы Расіі як галоўнага ўдзельніка Першай сусветнай вайны, члена Антанты. Умовы Версальскай сістэмы, на яе думку, не ўлічвалі інтарэсаў Расіі. Яна была аддзеленая ад Цэнтральнай і Заходняй Еўропы кардонам дзяржаў, створаных пераможцамі з мэтай прадухіліць небяспеку пранікнення бальшавізму ў Еўропу. Пераможаная ў вайне Германія і бальшавіцкая Расія сталі «парыямі Версалю», ізгоямі еўрапейскай супольнасці» [18, с. 364]. Аўтары манаграфіі «Вайна, рэвалюцыя, свет. Расія ў міжнародных адносінах. 1915–1925» лічаць, што адказнасць за дадзенае становішча Расіі ляжыць не толькі на заходніх палітыках але і бальшавіках з іх палітыкай сусветнай рэвалюцыі [19, с. 492].

Яўген Сяргееў дэталёва разглядае брытанскую палітыку па рускім пытанні ва ўмовах фарміравання Версальскай сістэмы. Ён робіць выснову аб наяўнасці розных пазіцый у адносінах да Расіі ў брытанскай палітычнай эліце. Таму многія рашэнні брытанскага кабінета насілі кампрамісны характар. Чэрчыль, Гардынг і Бьюкенен адкрыта выступалі за аднаўленне «адзінай і непадзельнай» Расіі фактычна ў ранейшых межах, робячы выключэнне толькі для Польшчы і Фінляндыі. Керзан, Мілнер, А. Чэмберлен і Сесіл, лічылі, што Расію неабходна раздрабніць на шэраг невялікіх дзяржаў, альбо, па меншай меры, стварыць па дузе яе еўрапейскіх і азіяцкіх межаў лімітрофныя ўтварэнні, якія здолелі б прадухіліць распаўсюджванне «бальшавіцкай заразы» на захад і ўсход. А галоўнае – гарантавалі б недатыкальнасць брытанскіх уладанняў у Азіі [20, с. 195, 197, 198]. Я. Ю. Сяргееў аналізуе ліст Керзана кіраўніку кабінета ад 12 верасня 1919 г., у якім ён пісаў, што аднаўленне «моцнай Расіі» будзе азначаць «рэвізію Версалю», бо «рускія захочуць вярнуць страчаныя тэрыторыі (Фінляндыю, Балтыю і Польшчу)». У такім выпадку Германія атрымала б шанец рэанімаваць свой уплыў у Еўропе. Я. Ю. Сяргееў адзначае, што Ллойд Джордж у лістападзе 1919 г. называў дзве ўмовы нармалізацыі адносін з бальшавікамі: прызнанне імі знешніх даўгоў; згоду на ўтварэнне суверэнных дзяржаў, уключаючы незалежную Сібір, на ўскраінах былой імперыі [20, с. 233]. Ён лічыў пажаданым стварэнне на тэрыторыі былой Расійскай імперыі некалькіх самастойных дзяржаўных утварэнняў, кожнае з якіх няздольнае пагражаць інтарэсам Брытаніі. Я. Ю. Сяргееў лічыць магчымым пагадзіцца з меркаваннем, існуючым у брытанскай гістарыяграфіі, што для многіх на Захадзе лепшым выбарам магла б стаць «чырвоная», але раздробненая і слабая Расія, чым «белая», але адзіная і моцная [20, с. 257]. У артыкуле, апублікаваным праз год пасля выдання манаграфіі, Я. Ю. Сяргееў робіць выснову, што стваральнікі Версальскай сістэмы імкнуліся паставіць любы расійскі ўрад, які атрымаў бы перамогу ў Грамадзянскай вайне, перад адбыўшымся фактам, і прымусіць яго прыняць на сябе абавязацельствы як удзельніка новай міжнароднай сістэмы. Гэта з'яўлялася галоўнымі прычынамі ігнаравання меркаванняў Масквы творцамі дагавораў у Парыжы і Вашынгтоне [21, с. 240].

Іскандэр Магадзееў разглядае палітыку Вялікабрытаніі і Францыі ў адносінах да Расіі ў перыяд фарміравання Версальскай сістэмы з пункту гледжання балансу сіл. Ён лічыць, што да 1920 г. найбольш «антысавецкі настроеныя дзеячы ў розных сталіцах еўрапейскіх дзяржаў» імкнуліся радыкальна змяніць баланс сіл у Еўропе шляхам адлучэння ад Расіі не толькі былых нацыянальных ускраін, «але і больш глыбокага адкідвання яе межаў на ўсход і раздрабнення асноўнай тэрыторыі» [22, с. 95]. Пры гэтым у палітыцы дзяржаў Антанты спалучалася ідэалагічнае непрыманне бальшавізму з адстойваннем уласных прагматычных інтарэсаў. На думку І. Э. Магадзеева, дадзеная акалічнасць спараджала супярэчнасці ў палітыцы краін Антанты ў адносінах да ўскраінных дзяржаў. Так, старшыня Савета Міністраў і міністр замежных спраў Францыі А. Мільеран ў студзені 1920 г. быў гатовы даць палякам свабоду ў дасягненні іх мэтаў, але раіў ўстрымацца ад празмерных тэрытарыяльных амбіцый [22, с. 158, 159]. І. Э. Магадзееў лічыць, што моцная Польшча разглядалася Парыжам як неабходны элемент еўрапейскага «балансу сіл». Ж. Клемансо спрабаваў пераканаць брытанскага прэм'ер-міністра ў тым, што Антанта павінна ўзмацніць Польшчу з мэтай узвесці «загароду з калючага дроту» вакол Савецкай Расіі, каб не даць бальшавікам «стварацъ складанасці за мяжой і стрымаць Германію ад устанаўлення адносін з Расіяй палітычнага або ваеннага характару». Але ў супрацьлегласць кіраўніку французскага ўрада, Д. Ллойд Джордж дапускаў магчымасць знікнення Польшчы з палітычнай карты Еўропы, бо лічыў больш важным дамовіцца з Савецкай Расіяй, хай нават і за кошт Польшчы [22, с. 176]. У цэлым, як лічыць І. Э. Магадзееў, Версальскі міжнародны парадак ва Усходняй Еўропе быў закліканы «зафіксаваць паражэнне Германіі і стратэгічнае адступленне Расійскай дзяржавы» [22, с. 208].

Шэраг аспектаў палітыкі Францыі ва Усходняй Еўропе ў перыяд фарміравання Версальскай сістэмы падымаецца аўтарамі калектыўнай манаграфіі «Вораг, праціўнік, саюзнік? Расія ў знешняй палітыцы Францыі ў 1917–1924 гг.». У дадзенай працы зроблена выснова, што ў французскіх палітычных колах у якасці стратэгічнай мэты бальшавікоў разглядаўся выхад Чырвонай Арміі да межаў іншых «ізгояў» Версальскага парадку: Германіі, Венгрыі, Аўстрыі. Інструментам для рэалізацыі гэтых планаў павінна была служыць канцэпцыя сусветнай рэвалюцыі. Менавіта для прадухілення такога ходу падзей і ствараўся «санітарны кардон» [23, с. 52]. Аўтары названага выдання згаджаюцца з пазіцыяй тых заходніх калегаў, якія лічаць, што мэта ў французскай палітыкі была адна – дэмакратычная і моцная Расійская федэрацыя, якая фактычна заставалася б у імперскіх межах як процівага Германіі. Гэта не спрыяла з'яўленню паміж Польшчай і Расіяй незалежных дзяржаў [23, с. 64]. Спрыяльным для Расіі было і тое, што, як указваецца ў названым выданні, Парыж рэкамендаваў Варшаве абмежавацца толькі «бясспрэчна польскімі тэрыторыямі» ў адпаведнасці з дэкларацыяй Парыжскай канферэнцыі ад 8 снежня 1919 г. [23, с. 78]. Далей аўтары манаграфіі «Вораг, праціўнік, саюзнік?» адзначаюць, што толькі ў студзені 1920 г. у сувязі з роспускам арміі Юдзеніча Францыя прапанавала прызнаць дэ-факта ўрады Эстоніі, Латвіі і Літвы, адкладаючы прызнанне дэ-юрэ да таго моманту, калі «канчатковы статус гэтых краін будзе замацаваны і забяспечаны агульным пагадненнем паміж саюзнікамі і законным рускім урадам» [23, с. 262]. Г. зн., у Парыжы захавалася традыцыйнае бачанне Расіі як «усходняй процівагі» Германіі [23, с. 373].

Пазітыўныя для Расіі моманты ў плане вызначэння яе заходніх межаў у палітыцы краін Антанты ў сваіх даследаваннях пачатку 2020-х гадоў адзначае і Г. Ф. Матвееў. Ён піша, што «пераможная кааліцыя і пасля вайны ўсяляк дапамагала Польшчы ўладкоўвацца ў новых межах, з адной толькі ўмовай, каб яе рубяжы больш ці менш адпавядалі этнаграфічнаму прынцыпу» [24, с. 19]. Ён паказвае, што з пункту гледжання заходніх дзяржаў Расія захоўвала ўсе правы на ўскраінныя тэрыторыі імперыі за «выключэннем былога Царства Польскага, “адпушчанага” на свабоду Часовым урадам» [24, с. 23]. Г. Ф. Матвееў адзначае, што дзяржавы Антанты «па-першае, адхілілі польскія прэтэнзіі на межы 1772 г.; па-другое, дэ-факта пакінулі за Расіяй права на вырашэнне пытання аб далейшым лёсе ўкраінскіх, беларускіх і літоўскіх зямель І Рэчы Паспалітай» [25, с. 134]. Г. Ф. Матвееў звяртае ўвагу на тое, што Д. Ллойд Джордж пагадзіўся з савецкім праектам мірнай дамовы з Польшчай нават пасля польскай перамогі ў Варшаўскай бітве за выключэннем пункта аб рабочай міліцыі [26, с. 168].

Адной з апошніх па часе апублікавання гістарыяграфічных крыніц, якія адносяцца да тэмы дадзенага даследавання, з'яўляецца манаграфія Аляксандра Вяршыніна. Аўтар падкрэслівае, што мадэль бяспекі ў рамках Версальскай сістэмы была створана без удзелу Расіі. Гэта здарылася перш за ўсё дзякуючы пазіцыі, якую займаў Ж. Клемансо [27, с. 20].

Такім чынам, расійская гістарыяграфія першай чвэрці XXI ст. не адрозніваецца разнастайнасцю канцэпцый, якія характарызуюць пазіцыю краін Антанты ў дачыненні да Расіі ў працэсе фарміравання Версальскай сістэмы. Сучасныя расійскія даследчыкі зыходзяць з таго, што «архітэктары» Версальскай сістэмы ў цэлым не былі зацікаўлены ў захаванні вялікадзяржаўных пазіцый Расіі ў рамках пасляваеннага міжнароднага парадку. Такі падыход не выключаў тэрытарыяльнага раздраблення Расіі. Аднак многія даследчыкі адзначаюць асцярожны падыход заходніх палітыкаў да праблемы прызнання незалежнасці новых дзяржаў, якія ўзніклі на ўскраінах былой Расійскай імперыі, вызначэння іх межаў, у прыватнасці, польскіх. Умацаванне ўлады бальшавікоў у Расіі дало падставу заходнім дзяржавам стварыць «санітарны кардон» на яе заходняй мяжы і выключыць з ліку заснавальнікаў Версальскай сістэмы. Расія прадстаўляецца многімі расійскімі аўтарамі ў якасці «ізгоя» гэтай сістэмы. Гэтыя падыходы не зведалі прыкметных змяненняў у разглядаемы ў артыкуле адрэзак часу развіцця расійскай гістарыяграфіі.

Крыніцы і літаратура

1. Хахалкина, Е. В. Версальско-Вашингтонская система международных отношений глазами российских историков / Е. В. Хахалкина, А. В. Вагнер, О. Л. Ербахаев, П. А. Кулинич, Е. Е. Лукова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 63. – С. 104–109.

2. Уткин, А. И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен / А. И. Уткин. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. – 624 с.

3. Яжборовская, И. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. / И. С. Яжборовская, В. С. Парсаданова. – М. : Academia, 2005. – 404 с.

4. Зубачевский, В. Л. Геополитическая ситуация на востоке Центральной Европы накануне и в период работы Парижской мирной конференции / В. Л. Зубачевский // Восточная Европа после Версаля. – СПб. : Алетейя, 2007. – С. 57–77.

5. Нарочницкая, Н. А. Великие войны XX века. Ревизия и правда истории / Н. А. Нарочницкая. – М. : Вече, 2010. – 352 с.

6. Нарочницкая, Н. Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции / Н. Нарочницкая // Брестский мир: история и геополитика. 1918–2018. – М. : Вече, 2018. – С. 270–314.

7. Матвеев, Г. Ф. Начало / Г. Ф. Матвеев // Белые пятна – черные пятна: спорные вопросы в российско-польских отношениях / под общей ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 15–49.

8. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А. Ф. Носкова. – М. : Издательство «Индрик», 2012. – 952 с.

9. Матвеев, Г. Ф. Польша в меняющемся политическом ландшафте Европы 1916–1920 / Г. Ф. Матвеев. – М. : Издатель Степаненко, 2024. – 232 с.

10. Наринский, М. М. Советско-польская война и Рижский мир 1921 года / М. М. Наринский // Забытый мир: Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры. Под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина (русское издание). – М. : ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 30–50.

11. Зубачевский, В. А. Советская Россия и начало геополитической трансформации Центрально-Восточной Европы (1918–1919 гг.) / В. А. Зубачевский // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. Выпуск 2 / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. – СПб. : СПбГУ, 2014. – С. 298–308.

12. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. – М. : Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.

13. Листиков, С. В. Версаль и «русский вопрос»: идея «окружения» Советской России и ее эволюция / С. В. Листиков // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. Выпуск 2 / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. – СПб. : СПбГУ, 2014. – С. 290–298.

14. Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.) / М. И. Мельтюхов. – М. : Алгоритм, 2015. – 608 с.

15. Быстрицкая, Н. Е. Русский вопрос в 1917 – начале 1920 г. Советская Россия и великие державы / Н. Е. Быстрицкая. – М. : Институт российской истории РАН, 2017. – 368 с.

16. Бахтурина, А. Ю. Национальные правительства в России и «русский вопрос» на Парижской мирной конференции 1919 г. / А. Ю. Бахтурина // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. статей. Выпуск 4 / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. В. Бодров, А. А. Малыгина. – СПб. : Издательство РХГА, 2017. – С. 323–336.

17. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.

18. Гришаева, Л. Е. Советская Россия и Версальско-Вашингтонская система / Л. Е. Гришаева // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / отв. ред. И. И. Тучков. – М. : Изд-во АО «РДП», 2018. – С. 363–372.

19. Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925 : коллективная монография / под ред. А. В. Ревякина. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 496 с.

20. Сергеев, Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию / Е. Ю. Сергеев. – СПБ. : Наука, 2019. – 831.

21. Сергеев, С. Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений как попытка создания бесконфликтного миропорядка / С. Ю. Сергеев // Исторические исследования – 2020. – № 15. – С. 237–247.

22. Магадеев, И. Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы : Монография / И. Э. Магадеев. – М. : Аспект Пресс, 2021 . – 863 с.

23. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / отв. ред. А. Ю. Павлов. Т. 2. – СПб. : Изд-во РХГА, 2021. – 892 с.

24. Матвеев, Г. Ф. Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы / Г. Ф. Матвеев // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой. – М. : Издательство «Кучково поле», 2020. –С. 19–28.

25. Матвеев, Г. Ф. Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года / Г. Ф. Матвеев // Новая и новейшая история. – 2021. – № 3. – С 130–143.

26. Матвеев, Г. Ф. Польша в меняющемся политическом ландшафте Европы 1916–1920 / Г. Ф. Матвеев. – М. : Издатель Степаненко, 2024. – 232 с.

27. Вершинин, А. А. Неудавшийся союз: Военно-политическое сотрудничество СССР и Франции накануне Второй мировой войны (1930–1939 гг.) / А. А. Вершинин. – СПб. : Нестор-История, 2024. – 796 с.

УДК 930(410):94(438)«1919»:929

Е. Н. Дубровко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ДЖЕЙМС ХЕДЛЭМ-МОРЛИ О ПОЛЬШЕ В 1919 ГОДУ

Статья посвящена анализу взглядов английского историка, одного из экспертов британской делегации на Парижской мирной конференции 1919–1920 годов Джеймса Хедлэм-Морли на решение вопросов, возникавших в связи с восстановлением польского государства. На основе анализа писем и дневниковых записей периода коференции показано, что Дж. Хедлэм-Морли рассматривал эти вопросы в тесной связи с политикой в отношении Германии и России, предлагая схемы, направленные на реализацию интересов Великобритании.

«Страсти, которые натравливают народы друг на друга и разрушают цивилизацию, уходят корнями в невежество, порожденное изоляцией. И эта изоляция – это не просто изоляция одной нации от другой, но и не в меньшей степени от умонастроений, которые развиваются внутри каждого национального сообщества» [1, p. VI]. Так писал в 1920 году английский историк Харолд Темперли, рассуждая о причинах только что завершившегося масштабного конфликта. Изучение таких «умонастроений» является, на наш взгляд, и сегодня важной исследовательской задачей исторической науки, решение которой должно обеспечить взаимопонимание и продуктивное взаимодействие между отдельными странами на основе понимания исторического прошлого. При этом не менее важно изучение позиций отдельных исторических личностей, имевших значительное влияние на принятия решений с далекоидущим эффектом.

В 1919–1920 годах проходила Парижская мирная конференция, оформившая итоги Первой мировой войны. На участников конференции пала ответственность принятия решений, которые стали судьбоносными для народов Центарльно-Восточной Европы. Анализ позиций членов делегаций позволит понять принципы и идейные установки, лежавшие в основе принятия этих решений, создать базу для выстраивания конструктивного диалога или даже полилога.

Известно, что одну из ведущих ролей в принятии решений на конференции играла Великобритания, в составе длегации которой были не только политики и профессиональные дипломаты, но, по слова Х. Темперли, и «многие из тех, чье дело в жизни заключалось в том, чтобы генерировать идеи или влиять на общественное мнение по международным вопросам. Теперь они впервые столкнулись с необходимостью решать практические проблемы бок о бок с людьми, которые знали только, что значит доводить дело до конца. Взаимная выгода от этого ежечасного контакта между людьми теории и людьми практики была велика» [1, p. VI].

Одним из таких «людей теории» в делегации Великобритании на конференции был Джеймс Хедлэм-Морли. Ещё до Первой мировой войны он стал известен как специалист по немецкой истории, опубликовав несколько работ по истории Германской империи. Во время войны он вошел в состав отдела пропаганды – Веллингтон Хаус [2, p. 68–69]. В то же время Дж. Хедлэм-Морли начал работу над книгой «История двенадцати дней», которая выйдет в 1915 г., – исследованием политической ситуации в Европе в начале войны. Являясь советником по историческим вопросам в Веллингтон Хаус, он опубликовал несколько книг и брошюр на темы, связанные с истоками войны [3]. В 1917–1918 гг. он служил помощником директора Бюро политической разведки в Департаменте информации, а когда британская правительственная пропаганда была переведена в отдельное министерство, перешел в Форин офис, став помощником директора недавно созданного Департамента политической разведки. По мнению Арнольда Джозефа Тойнби, во время войны, хоть Дж. Хедлэм-Морли и возглавлял германский отдел департамента, он выступал не в роли чиновника, а скорее учёного в отделе дипломатического ведомства, так как было признано его хорошее знание Германии, носившее в том числе и личный характер, поскольку его жена была немкой. Правда, тот же А. Тойнби подчёркивал умение Дж. Хедлэм-Морли сочетать академическую работу и бюрократическую [4, с. 434].

В 1919 году Дж. Хедлэм-Морли отправился на мирную конференцию в Париж в качестве члена политической секции британской делегации, где он работал в нескольких наиболее важных комитетах, занимавшихся бельгийскими и датскими проблемами, Данцигом, режимом Саарского бассейна, судьбой Эльзаса и Лотарингии, проблемой положения национальных меньшинств, восточных границах Германии. Причём он был одним из немногих сотрудников Форин офис, кто был в хороших отношениях с Филипом Керром (личный секретарь премьер-министра – Е. Д.), то есть имел дополнительный канал для передачи премьеру взглядов Форин офис [5, p. 166; 2. p, 68–69]. Дж. Хедлэм-Морли был ведущей фигурой в Комитете новых государств, который разрабатывал положения о защите национальных меньшинств в них [5, p. 166].

По возвращении в Англию в 1920 году он был назначен советником по истории Форин офис – должность, которая была специально создана для него и которая не сохранилась после его ухода на пенсию в 1928 году – и приступил к написанию истории мирного урегулирования для официального использования, которую, правда, не завершил. Также Дж. Хедлэм-Морли входил в Совет Британского института международных отношений (Четем-хаус) в качестве председателя Комитета по исследованиям [4, с. 432–438].

Во время пребывания в Париже он вёл дневниковые записи, активную переписку, позже опубликованную его дочерью. Анализ этих документов позволяет выявить и охарактеризовать взгляды Дж. Хедлэм-Морли на вопросы, связанные с местом Польши в европейских отношениях после Первой мировой войны.

Можно выделить несколько вопросов, на которые он обращал внимание в связи с обсуждением проблем положения Польши.

Во-первых, обсуждавшийся в январе 1919 года вопрос об отправке разного рода помощи в Польшу. В ходе обсуждений Главнокомандующий союзными войсками Фердинанд Фош настаивал на немедленной отправке войск для предотвращения угрозы вторжения со стороны Советской России. Президент США Вудро Вильсон выказывал сомнения в верности такого варианта, так как опасался, что поляки могли использовать военную помощь против Германии, литовцев или «русинов» (в Восточной Галиции – Е. Д.). В итоге вопрос был отложен, решено было отправить миссию в Польшу для оценки ситуации на месте. Дж. Хедлэм-Морли был не против идеи помощи, он писал о том, что в случае реализации проекта встречи на Принцевых островах, на время этой встречи могло бы быть заключено перемирие, это время можно было использовать для отправки помощи [6, p. 13; 7, p.15]. В письме своему коллеге Льюису. Нэмиру он писал, что не сильно разделяет его «опасения по поводу опасности польского империализма. Я не отрицаю его существование, но должен признать, что альтернативная угроза полного краха самой Польши будет больше, и что мы должны сделать всё возможное, чтобы поддержать любую администрацию, которая сможет сохранить всё под контролем во время кризиса» [8, p. 20]. Характеризуя текущую ситуацию в Польше, он писал, что поляки приняли правительство Игнация Падеревского вопреки своим предпочтениям, надеясь на помощь союзников, а помощь не поступала. Цитируя переданные ему слова Юзефа Пилсудского, Дж. Хедлэм-Морли писал, что в текущих сложных экономических и военных условиях поляки «начинают сомневаться, не лучше ли немцы» [8, p. 20]. То есть помощь Польше должна была стать залогом её прочной ориентации на союзные государства, недопущения появления в среде её политиков и населения пронемецких настроений.

С другой стороны, отстаивая идею помощи Польше, прежде всего по восстановлению экономической жизни и переправке в Польшу так называемой «армии Юзефа Галлера», Дж. Хедлэм-Морли писал Л. Нэмиру, что большевизм является бóльшим злом, чем «польский империализм». Последний в перспективе будет преодолён по мере включения поляков в административную работу по строительству собственного либерального государства и проведению аграрной реформы, для чего необходимо, чтобы им был доступен материал для возрождения промышленности [9, p. 36]. То есть, помощь союзников должна была также обеспечить Польше ресурсы для противостояния распространению в западном направлении идей и системы, которые реализовывало правительство большевиков. По вопросу противостояния ему, Дж. Хедлэм-Морли выступал за энергичные шаги по «освобождению от большевизма». В частности, указывал, что помощь в виде оружия и «материалов» могла бы укрепить местные силы в Эстонии, Курляндии, Литве и Польше. Чтобы добиться этой цели и избежать военных трудностей и реального вмешательства в дела России, а также протеста со стороны лейбористов, он предлагал, чтобы мирная конференция временно признала де-факто местные правительства, что дало бы основания помогать им в защите от любого вторжения, не заостряя внимание на противостоянии именно большевизму [10, p. 32–34].

Анализ переписки показывает, что Дж. Хедлэм-Морли считал приоритетными вопросы об обеспечении населения продовольствием и заключении мира с Германией. В случае их решения и восстановления нормальной деловой жизни большевистская пропаганда должна была потерять привлекательность. Такая ситуация придавала с его точки зрения важность региону Центральной и Восточной Европы, большое значение приобретало оказание помощи Польше и «балтийским провинциям». Рассуждения о том, будут ли в будущем «балтийские провинции» возвращены России он называл «академическими», считая более актуальными задачи об оказании им текущей помощи. Упоминал он и другой фактор: отсутствием помощи «мы можем оскорбить русских изгнанников в Париже и Лондоне» [11, p. 38].

Во-вторых, много внимания Дж. Хедлэм-Морли уделял проблеме обеспечения Польше доступа к морю. Форин офис в ноябре 1918 г. предлагало обеспечить его посредством свободной навигации по реке Висле и передачи железной дороги на территории Германии в руки Польши. Город Данциг должен был остаться под суверенитетом Германии, но быть свободным портом с гарантиями этого со стороны Лиги Наций. Был также вариант передачи Польше Нового порта к северо-западу от Данцига. Поддержавшие этот вариант сотрудники – Э. Говард и Р. Сесил, – указывали на опасную ошибочность идеи отделения Восточной Пруссии от Западной [12, p. 22]. Рассуждая о принадлежности Данцига, Дж. Хедлэм-Морли рассматривал этот вопрос в комплексе с другими территориальными вопросами. Он указывал, что часть территорий с немецким населением окажется в составе Чехии (у него – «Богемии и Моравии»), что уже осложнит отношения с Германией. Отторжение же в пользу Польши Данцига, «который почти полностью населён немцами, основан немцами и имеет долгую историю, не связанную с прусской агрессией» вызовет враждебное отношение не только военных и шовинистов, но и коммерческого сообщества. Для Польши получение Данцига – удар по будущей безопасности, так как оно не будет принято Германией [12, p. 23].

Однако в феврале в Форин офис был представлен меморандум Герберта Джеймса Пэтона, в котором отстаивался тезис о необходимости передачи Данцига Польше. Приводились следующие аргументы: Данциг расположен в устье реки Висла, это единственный порт, которые Польша может иметь. То есть для Польши это вопрос жизненной необходимости. Немецкому населению можно дать определённые права автономии [13, p. 39–40].

Дж. Хедлэм-Морли считал ошибочной такую позицию [14, p. 26]. Он не соглашался в полной мере с доводами Г. Дж. Пэтона, считал, что в случае отказа от присоединения Данцига к Германии необходимо как минимум не допустить в городе реализации польского религиозного и образовательного законодательства, призыва населения в польскую армию. При таком варианте, возможно, коммерческие преимущества сотрудничества с Польшей позволят умиротворить ситуацию. Он предлагал несколько вариантов конкретных механизмов реализации такой схемы: отдельный режим для Данцига в составе Польши, полная независимость, автономия под международными гарантиями [15, p. 40–41].

В марте на конференции комиссия по польским делам представила Верховному совету итоги своей работы в виде доклада с предложениями по вопросу границ и пр. Доклад вызвал возражения со стороны британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, был возвращён, но в том же месяце представлен ещё раз без изменений. 1 апреля Дж. Хедлэм-Морли подготовил собственные примечания к докладу комиссии. В них он признавал справедливость с этнографической точки зрения передачи ряда округов Польше, но также признавал, что с военной точки зрения отделение Восточной Пруссии от Германии ставило последнюю в невыгодное положение по сравнению с Польшей. Однако он утверждал, что «это не должно иметь никакого веса. Германия, благодаря своему гораздо большему населению, своей древней цивилизации и огромным ресурсам, всегда будет иметь большое преимущество по сравнению с Польшей» [16, p. 61]. По вопросу о передаче Данцига он смягчил свою позицию, признавая, что это будет единственный польский порт. При этом подчёркивал, что крайне важно в случае передаче его Польше обеспечить его муниципальную автономию и такое развитие порта, чтобы экономические выгоды положения города в составе Польши были гораздо очевиднее, чем в случае существования его в любом другом статусе. В качестве альтернативной процедуры по решению вопроса о статусе Данцига он предлагал передать эту территорию союзным государствам, которые в дальнейшем передадут его полякам и обеспечат «автономию местного населения» и условия для окончательного определения границы на местах [16, p. 60–63].

В итоге было принято решение, что Дж. Хедлэм-Морли примет участие в оформлении проекта решения по Данцигу, исходя из принципа создания автономного порта и города Данциг во главе с Верховным комиссаром Лиги Наций и в составе таможенного союза с Польшей, а также проведения плебисцита в прилежащем округе Мариенвердер [17, p. 63].

Польско-американский историк А. Ценцяла считает, что в итоге Дж. Хедлэм-Морли стал одним из авторов идеи превращения Данцига в свободный город. Отход Великобритании от однозначного сопротивления передаче Польше Данцига и создания «польского коридора» она связывает с тем, что английская делегация вынуждена была пойти на компромисс под давлением союзников, прежде всего, США. В итоге идея «вольного города» была направлена на достижение временного компромисса, который бы оставил возможность пересмотра мирного договора и возврата Данцига в Германию на основе реализации принципа «самоопределения» [18, p. 93–97].

В-третьих, Дж. Хедлэм-Морли был связан с решением вопроса о положении национальных меньшинств в новых государствах. Прежде всего, по вопросу о национальных меньшинствах он настаивал, что обязательства по обеспечению их прав должны касаться только новых государств и не должны быть наложены на Германию, так как на дугие великие державы они не наложены, значит, это будет «злобно и унизительно» [5, p. 166]. При этом не все права предполагалось обеспечить всем национальным меньшинствам в равной степени. Например, право на обращение в Лигу Наций. Дж. Хедлэм-Морли признавал, что это право связано было прежде всего с вопросом о положении евреев. В отношении остальных же его должны получить лишь те меньшинства, которые оформились в результате заключения мирного договора, например, немцы на переданных территориях. В целом, по его мнению, в Польше такое право стоило дать евреям на всей территории, возможно, немцам на переданной территории, «малорусам», белорусам и литовцам на территориях, которые в конечном итоге отойдут к Польше, и где они составляют значительную часть населения. Для этого, по мнению британского эксперта, есть четкая причина: «Если этого права не будет, в случае необходимости им придётся обратиться к другим державам за помощью». В результате польские немцы обратятся к Германии, белорусы – к правительству России, а такой ситуации крайне желательно избежать [19, p. 108–110].

И, наконец, в-четвёртых, анализ документов позволяет выявить позицию Дж. Хедлэм-Морли по вопросу об общих принципах мирного урегулирования в регионе Центрально-Восточной Европы и будущей политики Польши.

Ещё в годы войны, когда Дж. Хедлэм-Морли работал для Веллингтон Хаус он подготовил ряд статей, которые содержали анализ некоторых предложений относительно условий мира, появлявшихся в Германии. В них был затронут и «вопрос о польских провинциях». В них он подчёркивал, что «нынешнее разделение страны вытекает из Венского мирного договора и получило формальную и однозначную санкцию собравшихся европейских держав. Фактически это единственная часть положений Венского мирного договора, которая касалась стран, завоеванных Наполеоном, и которая до сих пор не была пересмотрена <…> исходя из всех соображений международной целесообразности, государственной политики и политического равенства, настало время, когда то, что было сделано для Италии и самой Германии, должно быть сделано и для поляков» [3, p. 30–31]. При этом восстановление Польши с включением районов Германской империи не могло интерпретироваться как уничтожение Германии. Рассуждая о конкретной схеме восстановления, он писал, что «действительно беспокоит союзников, и что особенно беспокоит Англию, так это то, что Польша и Бельгия в той или иной форме должны быть включены в германскую систему, чтобы у Германии были гарантии того, что в будущем она будет контролировать их» [3, p. 96]. То есть с позиции интересов Соединённого Королевства, при решении вопроса о польском государстве самое важное – не допустить над ним контроля Германии, то есть усиления Германии за его счёт. Дж. Хедлэм-Морли подчёркивал, что «польский вопрос – это тот вопрос, который неизбежно выходит за рамки особых интересов Англии; это тот вопрос, на который она никогда не могла и не будет иметь решающего влияния <…> Однако каждый англичанин надеялся, что, каким бы ни был результат войны, она не преминет многое сделать для восстановления гражданства поляков» [3, p. 116].

Характеризуя ситуацию 1919 года, историк и дипломат Эдуард Карр считал, что для Дж. Хэдлем-Морли основным вопросом на конференции также был вопрос отношений

между Соединённым Королевством и Германией. Франция была предметом беспокойства, но периферийным, вопросы меньших государств должны были разрешаться соответственно после урегулирования вопроса о мире с Германией. Однако он признавал, что ситуация с революцией в России для Дж. Хедлэм-Морли влияла на решения о восточных границах Польши или о балтийском регионе [5, p. 165, 168].

Анализ переписки Дж. Хедлам-Морли периода конференции в целом подтверждает это мнение. Рассуждая о будущем Польши и её политике, он всегда исходил из их тесной связи с ситуацией в Германии, России и их двусторонних отношений. О самостоятельной роли Польши пока речи не велось, её попытки сформулировать своё видение такой роли пресекались. Так в апреле 1919 года Дж. Хедлэм-Морли писал о беседе с И. Падеревским во время обеда у Ф. Керра. Польский политик заявил, что Польша хочет систему, в которой она станет центром большого федеративного союза; такое большое государство будет достаточно сильным, чтобы спасти Восточную Европу от «балканизации», то есть Польша будет выполнять ту функцию, которую Австрия пыталась выполнить на дунайских территориях, но лучше. Этот проект вызвал возражения Дж. Хедлэм-Морли: «Польше придётся убедить мир, что у неё есть административные способности <…> у неё нет исторического опыта» [20, p. 79–80]. По факту беседы английский делегат пришёл к выводу, что необходим британский представитель в Варшаве, который мог бы быть в постоянном контакте с местными властями и передавать информацию о ситуации там, консультировать польские власти [20, p. 81].

В одном из меморандумов он сформулировал своё видение политики, к которой необходимо толкать Польшу: если Польша создаст сильную армию, это приведёт к попытке Германии восстановить собственные сильные вооружённые силы. Начнётся соперничество, в котором Польша окажется в опасном положении. Соединённое Королевство не может в долгосрочной перспективе единолично возлагать на себя ответственность за военное вмешательство в дела Восточной Европы; при всём дружелюбии и доброжелательности по отношению к Польше, есть пределы военной помощи, которую оно сможет оказать. Также он отметил, что для Польши неразумно претендовать на территории на её восточной границе, владение которыми неизбежно приведёт к будущим разногласиям с Россией. «Безопасность Польши будет зависеть не только от масштаба территории, которой она управляет, но и от того, что она управляет довольным населением и может жить в самых мирных отношениях с соседями на востоке» [21, p. 106–108].

Рассуждая об общих принципах урегулирования в Центрально-Восточной Европе, он писал, что в вопросе о будущем балтийских стран и восточных границ Польши не обосновано принимать решения без согласия России: юридически и из политических соображений. Любая назначенная граница должна быть временной. По вопросу будущего стран Прибалтики – либо в рамках федерации с Россией, либо автономия под российским суверенитетом – «формировать мнение самонадеянно». С утилитарной точки зрения, главное – предотвратить, если это возможно, политическое взаимопонимание между Германией и Россией на базе противостояния новой ситуации в Восточной Европе [22, p. 131–132]. Идее противостояния потенциальному русско-германскому сближению подчинял Дж. Хедлэм-Морли и выработку условий Версальского мирного договора в целом, поскольку противостоять такому сближению и его последствиям созданная по французскому проекту Польша не сможет. «Жёсткие условия мира – полное лишение Германии доступа к угольным шахтам – бросят её в оппозицию к новой системе, она будет вынуждена заключить союз с Россией, который рано или поздно приведёт к новому конфликту, похожему на тот, который только что завершился. Идея французов и других избежать этого, создав сильную Польшу, то есть такую, которая будет включать большие округа, аннексированные силой для увеличения населения и территории, характеризуется им как «катастрофическая политика», реализация которой ослабит Польшу и неизбежно приведёт к коалиции между Россией и Германией для нового раздела» [23, p. 161–165].

Таким образом, для Дж. Хедлэм-Морли в 1919 году все вопросы, возникавшие на мирной конференции в связи с восстановлением польского государства, рассматривались прежде всего в контексте проблемы заключения мира с Германией и проблемы противостояния большевизму. Предлагаемые им варианты ответов на них были направлены на реализацию собственно интересов Великобритании.

Источники и литература

1. A history of the Peace conference of Paris : in 6 vol. / ed. by H. W. V. Temperley. – Vol. 1. – London : Oxford University Press, Hodder & Stoughton, 1920. – XXII+ 517 p.

2. Goldstein, E. Winning the peace. British diplomatic strategy, peace planning, and the Paris peace conference, 1916–1920 / E. Goldstein. – Oxford : Clarendon press, 1991. – 307 p.

3. Headlam-Morley, J. W. The issue / J. Headlam-Morley.– Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 1917. – 159 p.

4. Тойнби, А. Дж. Пережитое. Мои встречи / А. Дж. Тойнби. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 672 с.

5. Carr, E. H. From Napoleon to Stalin, and other essays / E. H. Carr. – New York : St. Martin's Press, 1980. – 277 p.

6. Extract from letter to Mr. Namier. 21st January, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 13–14.

7. Extract from diary. 25th January, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 15–17.

8. Extract from letter to Mr. Namier. 3rd February, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 20–21.

9. Extract from letter to Mr. Namier (F. O.), 27th February // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 35–36.

10. Extract from letter to Mr. A. E. Zimmern (F. O.), 18th February // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 32–34.

11. Extract from letter to Mr. Namier (F. O.), 27th February // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 37–38.

12. Memorandum, 6th February // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 21–23.

13. Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – 230 p.

14. Extract from letter to Mr. Namier (F. O.), 10th February // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 24–26.

15. Minute, 3rd March // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 39–41.

16. Notes on the report of the Polish commission, 1st April, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 60–63.

17. Note from sir M. Hankey to lord Hardinge, 2nd April, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 63.

18. Cienciala, A. M. From Versailles to Locarno. Keys to Polish Foreign Policy 1919–1925 / A. M. Ciencila. – Lawrence : University Press of Kansas, 1984. – 384 p.

19. Memorandum on the right of appeal of minorities to the League of Nation 16th May, 1919 p. // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 108–110.

20. Memorandum of interview, 17th April, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 79–81.

21. Memorandum of interview with Monsieur Sokolnicki. 15th May, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 106–108.

22. Extract from letter to Mr Rex Leeper, 19th May, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 131–132.

23. Extract from letter to the Rev. A. C. Headlam, D.D., 25th June, 1919 // Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methueh & Co Ltd., 1972. – P. 161–165.

УДК 930(73):94:341.231(4-191.2):341.231(4-11)«1918-1919»

В. В. Романов
Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКИ АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

В статье рассматриваются особенности экспертного сопровождения подготовки соглашений в период Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В центре внимания автора находятся суждения двух американских историков – Роберта Лорда и Роберта Кернера, которые были приглашены для разработки предложений по национальному разграничению в Центральной и Восточной Европе. Обоснован вывод о том, что эксперты способствовали расширению информационного поля, в рамках которого действовали архитекторы Версальской системы. При этом они не избежали характерной для вильсоновской внешнеполитической философии избирательной симпатии к судьбам отдельных малых наций.

Перспективы развития Центральной и Восточной Европы после окончания Первой мировой войны можно отнести к числу наиболее дискуссионных проблем Версальских соглашений. Это связано с тем, что война привела к коренным изменениям в территориальном устройстве региона. На развалинах многонациональных Австро-Венгерской, Германской и Российской империй после её завершения шёл активный процесс самоопределения входивших в их состав народов. Правда, многие тогда понимали, что найти взаимоприемлемый вариант урегулирования региональных противоречий вряд ли получится. Сложный этнический калейдоскоп, оставшийся от имперских времён, большое количество взаимных претензий, разнонаправленные интересы великих держав трудно было быстро вписать в устраивающие всех положения послевоенных договоров [1, p. 26; 2, с. 57–58].

В этих условиях одним из важнейших оказался вопрос об экспертном сопровождении мирного урегулирования в регионе. Свою роль в разработке предложений сыграли в т. ч. и американские внешнеполитические советники. Именно они на заключительном этапе Первой мировой войны и в период работы Парижской мирной конференции пытались облечь целевые установки президента В. Вильсона в конкретные предложения об урегулировании в Центральной и Восточной Европе. Разработка таких предложений была поручена специальной и неофициальной структуре – исследовательскому бюро,

названному «Инквайри» («Inquiry»), которое было создано по его распоряжению в сентябре 1917 г. Для работы в нём были привлечены почти 150 учёных различных специальностей – историков, юристов, экономистов, этнографов и др. [3, p. 53–68.]. Используя академический потенциал страны для конкретизации своих планов, Вильсон надеялся получить действительно «научные» по своему характеру рекомендации относительно создания нового миропорядка.

Обратимся к некоторым экспертным материалам, которые были подготовлены в 1917–1920 гг. по проблемам Центральной и Восточной Европы. Из их числа выделим работы двух сотрудников «Инквайри» – Роберта Лорда и Роберта Кернера. Они были приглашены в бюро как учёные, занимавшиеся исследованиями в области европейской истории. Так, профессор Гарвардского университета, Р. Лорд (1885–1954 гг.), был специалистом по польской истории. Наиболее известной к тому времени его публикацией была книга о втором разделе Польши, который был исследован им в широком контексте дипломатической истории Европы конца XVIII в. [4]. Специализация Р. Кернера (1887–1956 гг.), профессора Университета Миссури, была связана с историей славян. Его диссертация, подготовленная и защищённая в 1913 г. в Гарварде, была посвящена истории Богемии в составе Австрийской империи в конце XVIII в. [5]. Показательно, что у Лорда и Кернера был один научный руководитель – Арчибальд Кулидж, которого по праву относят к числу основателей академического славяноведения в США. Наверное, они не были специалистами в области Новейшей истории региона, но обладали хорошим профессиональным бэкграундом для работы в соответствующей сфере. Рассмотрим некоторые наработки указанных экспертов по ключевому для региона вопросу мирного урегулирования – о самоопределении народов Центральной и Восточной Европы.

Так, особое внимание Р. Кернера было сосредоточено на перспективах развития двух восточноевропейских империй – Австро-Венгерской и Российской, которые под влиянием войны оказались на грани дезинтеграции. В силу своей научной специализации он обращался, например, к судьбе славянских народов. Кернер был одним из тех, кто ещё до окончания Первой мировой войны подчёркивал необходимость переосмысления роли славян как в мировой истории в целом, так и в текущей политической ситуации. «С точки зрения западного мира жизненно необходимо, чтобы история, политические, экономические и социальные условия и национальные устремления славян не только сочувственно понимались, но и использовались для высших целей человечества» [6, p. 5, 7.]. Перспективы развития славянских народов после Первой мировой войны он однозначно видел в их интеграции с западными демократиями: «славянская Европа смотрит на запад, на Америку, Англию и Францию в поисках новой надежды и практической помощи» [7, p. 294].

Американские интересы в Центральной Европе Кернер первоначально не связывал с разрушением Австро-Венгрии. Он рекомендовал её федерализацию с предоставлением прав основным нетитульным этническим группам в рамках империи: чехословакам, югославам, полякам, украинцам [8, p. 7–11]. Однако, в «Инквайри» точку зрения Кернера не поддержали другие эксперты. Так, профессор Чарльз Сеймур, руководивший центральноевропейским отделом бюро, склонялся к реализации плана триализации Австро-Венгрии за счёт формирования в ней нового славянского центра на польских землях [3, p. 203]. А официальный Вашингтон придерживался тогда уже другого курса. Президент Вильсон 25 июня 1918 г. одобрил предложения государственного секретаря Роберта Лансинга об отказе от идеи сохранения единства империи [9, vol. 48, p. 435–436].

После того, как распад Австро-Венгрии стал политической реальностью, Кернер сосредоточил своё внимание на перспективах молодых восточноевропейских государств. Вызывают интерес меморандумы Кернера, подготовленные в период его работы с миссией Кулиджа в Восточной Европе в начале 1919 г. Они показывают, что он пытался собирать всестороннюю информацию, относящуюся к принятию конкретных решений

на Парижской мирной конференции. Например, он высказывал свои суждения относительно судьбы Словакии, границ Тешена и др. Его рекомендации совмещали в себе исторические и этнографические основания с анализом политических и экономических реалий послевоенного времени [10, vol. 12, p. 313–318, 345–351]. Своеобразной моделью постимперского развития славянской Европы для него была Чехия, а Томаш Масарик и Эдуард Бенеш рассматривались Кернером «архитекторами новой Европы». Именно им, по его словам, удалось успешно реализовать проект построения новой Центральной Европы, которая «стала бы клином между радикализмом и реакцией» [11, p. 28].

Кернер представил в «Инквайри» также несколько меморандумов, в которых рассматривались возможности создания югославского государства. Он считал, что Югославия была продуктом «естественной эволюции», которая развивалась, несмотря на попытки немцев, австрийцев и мадьяр помешать ей: «Принять любую другую точку зрения – значит попасть в руки немецких и мадьярских историков и учёных, чья оплачиваемая обязанность – дискредитировать эту почти чудесную эволюцию к запоздалому национальному единству» [12, p. 95].

Таким образом, Кернер связывал развитие региона с поощрением демократического и самостоятельного выбора славянских народов, что могло бы предотвратить возможность германского доминирования после завершения войны.

В центре внимания профессора Р. Лорда оказались перспективы урегулирования границ создаваемого тогда Польского государства. Сам Лорд квалифицировал данную проблему как «один из самых серьёзных и сложных вопросов», с которыми пришлось столкнуться Парижской конференции [13, p. 67]. Разработка предложений была поручена специальной Комиссии по польским вопросам. Лорд входил в её состав в качестве американского эксперта. Его позиция в полной степени отражала точку зрения президента Вильсона, который, по оценке Д. Ллойд Джорджа, «горячо любил» поляков и поэтому «в известном смысле был их протеже». В этом контексте Р. Лорд рассматривался британским премьер-министром даже как «фанатичный защитник Польши» [14, т. 1, с. 608–609]. Эугениуш Ромер, один из польских экспертов на Парижской конференции, называл его «наш Лорд» [15, p. 117], а современные польские исследователи относят его к числу наиболее авторитетных американских «лоббистов» польской независимости [16].

Различным аспектам обсуждения польского вопроса посвящена большая научная литература [17; 18; 19]. Не вдаваясь в подробности дискуссий на этот счёт, рассмотрим лишь некоторые комментарии американского эксперта по ключевым аспектам урегулирования проблемы границ новой независимой Польши.

Прежде всего, следует отметить, что Лорд в целом разделял подход президента Вильсона к самоопределению как на всем пространстве Центральной и Восточной Европы, так и применительно к Польше. Тем не менее, в его суждениях присутствуют и сомнения в «обоснованности» границ, которые соответствовали бы исключительно этнографическим разделениям. Позднее, оценивая итоги Парижской конференции, он написал: «Возможно, доктрина прав национальностей сильно преувеличена, самоопределение может быть ложной и чудовищной идеей, возможно, экономические потребности или давно устоявшиеся политические связи должны быть главными соображениями при определении границ» [13, p. 68].

В этой связи Лорд, как учёный-историк, в своих предложениях традиционно апеллировал к прошлому. Для него восстановление Польши «означало триумфальное исправление величайшей политической несправедливости, которую когда-либо видела Европа, подтверждение принципов справедливости в международных отношениях, решающую победу дела всеобщей свободы» [20, p. 154]. Это утверждение, бесспорно, отражало точку зрения широких кругов западной либеральной общественности, во все времена осуждавших действия великих держав против польского суверенитета. Отталкиваясь от прошлого, Лорд пытался ответить на ключевой вопрос современности: какую территорию должна включать новая Польша и каковы её надлежащие границы? Размышляя об

этом, американский эксперт подчёркивал сложность географического определения таких границ. У Польши, по его мнению, нет чётко обозначенных «естественных» границ, при этом они, как правило, не совпадают ни с историческими политическими границами, ни с современными этнографическими. Исключительно «научный» подход, как считал Лорд, может привести к бесконечным дискуссиям, поскольку российские учёные «с лёгкостью» обосновывают, что значительные территории региона географически являются частью России, а «учёные Киева и Лемберга доказывают, что природа предназначала большую часть этого же региона не для Польши и не для России, а для Украины» [20, p. 159]. Не забывал Лорд и о желании поляков сохранить как можно больше из своего древнего наследия. При принятии окончательных решений о границах, как он считал, данное обстоятельство нельзя полностью игнорировать, рассматривая позицию поляков лишь следствием их «империализма», «шовинизма» или «мегаломании» [20, p. 169–170].

Что же предлагал Лорд для практической реализации программы президента Вильсона, заявившего о создании «единой и независимой Польши», которая включала бы «территории, населённые бесспорно польским населением» и имела бы «свободный и безопасный доступ к морю» [9, vol. 45, p. 536–538]? Уже в конце марта 1919 г. Комиссия по польским вопросам представила свой первый доклад Совету 10-ти, в котором рекомендовалось передать Польше большую часть Позенской провинции и Верхней Силезии [10, vol. 4, p. 453–455]. Эти предложения были согласованы экспертами всех стран после долгих обсуждений и значительных компромиссов со всех сторон. Тем не менее, этот доклад вызвал недовольство со стороны британского премьера Д. Ллойд Джорджа, опасавшегося, что предложенные границы необоснованно увеличивают число немцев, включённых в состав Польши [10, vol. 4, p. 450–452]. Как Лорд оценивал ход обсуждения западных границ Польши? В своих комментариях он, конечно, соглашался с тем, что решения конференции могут привести к появлению в новых провинциях Польского государства значительного немецкого населения. Тем не менее, сохранение определённых немецких анклавов в Польше было, по его мнению, «неизбежно» в силу сложности разграничения и необходимости учёта её экономических интересов (например, сохранения единства железнодорожных линий) [9, vol. 60, p. 182].

Обсуждая вопрос «польского коридора», Лорд говорил о необходимости «баланса соответствующих интересов». С одной стороны, он ссылался на этнографическое основание передачи центральной зоны и юго-востока Западной Пруссии Польши. С другой стороны – утверждал, что «право полутора миллионов немцев в Восточной Пруссии на сухопутное сообщение с Германией <…> перевешивает право более двадцати миллионов поляков во внутренних районах на безопасный доступ к Балтийскому морю». Другими словами, для него было очевидно, что «польские интересы несравненно важнее и должны иметь приоритет» [20, p. 179–180]. Эти же аргументы Лорд использовал и при оценке будущего Данцига, который, по его словам, является «естественным портом долины Вислы» [20, p. 182–183].

Ещё более пропольской была позиция Лорда при его оценках вопроса о передаче Польше Восточной Галиции. Этот факт, кстати, прекрасно понимали тогда в Варшаве [21, p. 244, 371]. Лорд считал, что несмотря на численное превосходство русинов над польским населением, применять к ним принцип самоопределения было весьма «сомнительно», в силу их неспособности взять на себя управление своей территорией. Он подчёркивал, что это не в состоянии сделать «ни невежественные <…> массы крестьян, ни небольшой класс интеллигенции» [20, p. 194–195]. Единственным практическим решением ему представлялась передача Восточной Галиции Польше при условии предоставления определённых гарантий русинам. И вновь главный аргумент Лорда основывался на истории: территория «принадлежала Польше четыреста лет; поляки были политически и экономически наиболее активным, опытным и способным элементом населения; они фактически владели страной; и их оккупация, казалось, встречала довольно общее одобрение жителей» [20, p. 196]. Но в целом вопрос о восточных границах Польши,

с точки зрения Лорда, оставался в 1919–1920 гг. ещё открытым, поскольку регион находился в центре прямых и продолжавшихся столкновений между многочисленными националистическими движениями. Тем не менее, вывод Лорда был вполне закономерен: «Польша, вероятно, останется крупнейшим и во многих отношениях наиболее важным из новых государств, возникших в результате войны», и не исключено, что она со временем вполне может стать великой державой, «оплотом свободы, республиканизма и западной цивилизации на неспокойном Востоке Европы» [20, p. 199].

Суждения Р. Лорда о перспективах урегулирования ситуации, связанной с определением границ Польши, демонстрируют, что принцип самоопределения трактовался им скорее не с точки зрения права каждого народа на суверенитет. Зачастую политическая целесообразность или особый пиетет к «обиженным историей» полякам перекрывали для него любые этнические аргументы, особенно на восточных границах Второй Речи Посполитой.

Таким образом, рассмотренные в статье экспертные заключения Роберта Кернера и Роберта Лорда, подготовленные ими в 1917–1920 гг. показывают, что американские эксперты способствовали расширению информационного поля, в рамках которого действовали архитекторы Версальской системы. Исторические аналогии, активно используемые как Кернером, так и Лордом, зачастую позволяли рассмотреть любую ситуацию в Центральной и Восточной Европе не только с точки зрения правоты победителей, но и с учётом глубинных национальных, общественно-политических или экономических процессов в регионе. При этом сами эксперты не избежали характерной для вильсоновской внешнеполитической философии особой симпатии к судьбам малых наций. Правда, как у президента, так и у его советников такая симпатия носила зачастую избирательный характер [22, p. 251]. В суждениях о самоопределении в Центральной и Восточной Европе одновременно присутствовала как их личная благосклонность, так и их личные предрассудки по отношению к отдельным народам [15, p. 118]. Всё это в той или иной степени оказало влияние на характер Парижских соглашений. «Двойные стандарты», характерные для американских либералов, объясняют многие противоречия национального самоопределение в регионе после окончания Первой мировой войны.

Источники и литература

1. Central and Eastern Europe after the First World War ; ed. by B. Olschowsky, P. Juszkiewicz, J. Rydel. – Oldenbourg : De Gruyter, 2021. – 435 p.

2. Восточная Европа после Версаля. – СПб. : Алетейя, 2007. – 244 с.

3. Gelfand, L. E. The Inquiry : American Preparation for Peace, 1917–1919 / L. E. Gelfand. – New Haven : Yale University Press, 1963. – 387 p.

4. Lord, R. H.The Second Partition of Poland: A Study in Diplomatic History / R. H.Lord. – Cambridge : Harvard University Press, 1915. – 586 p.

5. Kerner, R. J. Bohemia in the Eighteenth Century: A Study in Political, Economic, and Social History, with Special Reference to the Reign of Leopold II, 1790–1792 / R. J. Kerner. – N.Y. : The Macmillan Company, 1932. – 412 p.

6. Kerner, R. J. Slavic Europe. A Selected Bibliography / R. J Kerner. – Cambridge : Harvard University Press, 1918. – 442 p.

7. Kerner, R. J. The Historic Role of the Slavs / R. J. Kerner // History Teachers Magazine. – 1917. – Vol. VIII. – P. 294–295.

8. Kerner, R. J. American Interests and Bohemian Question / R. J. Kerner // The Bohemian Review. – 1917. – Vol. 1. – No. 11–12. – P. 7–11.

9. The Papers of Woodrow Wilson ; ed. by A. S. Link et al. – Princeton : Princeton University Press, 1966–1994. – Vol. 1–69.

10. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1918–1919. – Washington : GPO, 1942–1947. – Vol. 1–13.

11. Kerner, R. J. Two Architects of New Europe: Masaryk and Beneš / R. J. Kerner // Journal of International Relations. – Vol. 12. – No. 1. – P. 27–43.

12. Kerner, R.J. The Jugo-Slav Movement / R.J Kerner // The Russian Revolution / A. Petrunkevitch et al. – Cambridge : Harvard University Press, 1918. – P. 79–97.

13. What Really Happened at Paris: The Story of the Peace Conference 1918–1919 by American Delegates ; ed. by E.M. House, Ch. Seymour. – N. Y. : Charles Scribner's Sons, 1921. – 528 p.

14. Ллойд Джордж, Д. Правда о мирных договорах / Д. Ллойд Джордж. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – Т. 1–2.

15. Wolf, L. Woodrow Wilson and the Reimagining of Eastern Europe / L. Wolf. – Stanford : Stanford University Press, 2020. – 286 p.

16. Lobbyści. Zachodni Rzecznicy Polskiej Niepodległości. / A. Turkowski. – Warszawa : Ośrodek KARTA, 2021. – T. 1–2

17. Мезга, Н. Н. Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. и перспективы белорусской государственности / Н. Н. Мезга // Метаморфозы истории. – 2022. – Выпуск 23. – URL: https://history-metamorph.ru/s0020219-0-1/ DOI: 10.37490/mh2022232 (дата обращения: 21.02.2026).

18. Борисова, А. А. К вопросу о немецко-польской границе на Парижской мирной конференции в 1919 году / А. А. Борисова, В. Д. Черных // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. : История. Политология. Социология. – 2018. – № 1. – С. 68–71.

19. Barwiński, M. Nationality Issues on Polish Maps Prepared for the Paris Peace Conference 1919–1920 / M. Barwiński // Polish Cartographical Review. – Vol. 55. – 2023. – P. 111–126.

20. Haskins, Ch. H. Some Problems of the Peace Conference / Ch. H. Haskins, R. H. Lord. – Cambridge : Harvard University Press, 1920. – 307 p.

21. Polish Documents on Foreign Policy : 11 November 1918 – 28 June 1919 ; ed. by S. Dębski, P. Długołęcki. – Warszawa : The Polish Institute of International Affairs, 2017. – 512 p.

22. Csunderlik, P. Wilson and the Segregation of the Eastern European ‘Races’ / P. Csunderlik // Historical Studies on Central Europe. – 2023. – Vol. 3. – No. 2. – P. 250–254.

УДК 94(476)“1921/1939”

В. М. Бароўская
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

ДЗЕЙНАСЦЬ ПОЛЬБЮРО ЦК КП(б)Б ПА РЭАЛІЗАЦЫІ ЎМОЎ РЫЖСКАГА ДАГАВОРА Ў 1921–1939 ГАДАХ

У артыкуле разгледжана агітацыйна-прапагандысцкая і культурна-асветніцкая праца органаў кіравання і ўлады Савецкай Беларусі ў 1921–1939 гг. (агітацыйна-прапагандысцкага аддзела і Польбюро ЦБ КП(б)Б), скіраваная на рэалізацыю ўмоў Рыжскага дагавора па гарантаванні правоў мясцовага польскага насельніцтва на свабоднае культурнае развіццё. Падкрэсліваецца, што намаганні дзяржаўных структур ССРБ (БССР) падпарадкоўваліся агульнай партыйнай лініі па правядзенні нацыянальнай палітыкі, знаходзіліся ва ўзаемасувязі з існуючым станам савецка-польскіх адносін.

Для Польскай Рэспублікі пасля падпісання Рыжскага міру галоўнай задачай стала правядзенне трывалай інтэграцыі тэрыторыі Заходняй Беларусі ў свой склад. У першай палове 1920-х гадоў гэта задача вырашалася праз ажыццяўленне палітыкі нацыянальнай асіміляцыі. Сярэдзіна 1920-х гадоў унесла пэўныя змены ў палітыку як СССР, так і Польшчы ў барацьбе за тэрыторыю Заходняй Беларусі. У савецкім кіраўніцтве перамагла лінія на пабудову сацыялізму ў адной краіне. Гэта патрабавала патрымкі нармальных

міждзяржаўных адносін з капіталістычнымі краінамі, наладжвання эканамічнага супрацоўніцтва. Палітыка падштурхоўвання рэвалюцыі ў суседніх краінах, у тым ліку і ў Польшчы, адышла на другі план. Імкнучыся да паслаблення пазіцый Польшчы ў Заходняй Беларусі, савецкае кіраўніцтва хацела выступіць у ролі абаронцы правоў беларусаў, якія пражывалі на гэтай тэрыторыі, і пашырыць сярод іх незадавальненне ў адносінах да польскіх уладаў. Урады савецкіх рэспублік, затым СССР перыядычна накіроўвалі польскаму ўраду ноты пратэсту, якія ўтрымлівалі абвінавачванні польскіх уладаў у прыцясненні беларусаў і ўкраінцаў у Польшчы. Яскрава гэта праявілася ў маі-чэрвені 1924 г. Польскі бок разглядаў савецкія патрабаванні як умяшальніцтва ва ўнутраныя справы Польшчы і ў выніку адмовіўся адказваць на савецкія ноты.

Арганізацыя ў СССР перыядычных кампаній па абароне правоў беларусаў і ўкраінцаў у Польшчы разам з арганізацыяй узброеных выступленняў у Заходняй Беларусі былі накіраваны на тое, каб па-першае, садзейнічаць фарміраванню там прасавецкіх настрояў, па-другое, прадставіць у негатыўным святле польскую палітыку на гэтых землях перад міжнароднай супольнасцю, прадэманстрэваць нездольнасць урада Польшчы забяспечыць стабільнасць на землях, якія ўвайшлі ў яе склад па Рыжскім міры. Пазіцыяніраваць Польшчу як фактар нестабільнасці ва Усходняй Еўропе і падрыхтаваць еўрапейскую грамадскую думку да неабходнасці далучэння Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны да СССР.

Польшча амаль не мела магчымасцей уплываць на ўнутраную палітыку БССР у адносінах да польскага насельніцтва. Нягледзячы на тое, што VII артыкул аб правах нацыянальных меншасцей Рыжскага мірнага дагавора быў унесены з ініцыятывы польскага боку (пасля запыту дэпутатаў сеймавага народна-нацыянальнага саюза аб правах польскай меншасці ў савецкіх рэспубліках 28 верасня 1920 г. і дыскусіі па гэтым пытанні ў сейме), палякі зрэдку выкарыстоўвалі яго. Пазіцыю Польшчы ўскладняў класавы падыход ў адносінах да нацыянальнасцей. У лістападзе 1921 г. III-я канферэнцыя камуністаў-палякаў вырашыла перанесці цяжар працы з уцекачоў на мясцовых палякаў. Цэнтральнае польбюро аб'явіла партыйную мабілізацыю і перакідвала камуністаў-палякаў на працу ў БССР і УССР. Да 1923 г. былі закрыты ўсе легальныя польскія несавецкія арганізацыі – Польскі выканаўчы камітэт, Маскоўскі і Петраградскі аддзелы «Стражы польскай», Маскоўскі камітэт абароны правоў польскага насельніцтва і інш. Праз газеты «Młot» (з 1925 г. – «Orka»), «Gwiazda młodzieży", польскамоўныя школы, агітацыйна-прапагандысцкімі і іншымі метадамі разгарнулася праца па выхаванні савецкіх палякаў [1, арк. 34].

У 1920-я гг. палякам у БССР былі прадстаўлены значныя магчымасці развіцця нацыянальнай культуры, але толькі ў сацыялістычным рэчышчы. Мела месца нават скрытая барацьба мясцовых беларускіх дзеячоў супраць празмернай паланізацыі мясцовага каталіцкага насельніцтва палякамі-камуністамі; значная частка якіх была палітэмігрантамі з Польшчы. Пленум ЦК КП(б)Б у студзені 1926 г. у рэзалюцыі «Аб беларусах-каталіках» выказаўся супраць залічэння іх да палякаў. У РСФСР існавалі Польскае цэнтральнае бюро ЦК РКП(б) і Польскае Бюро пры цэнтральных і мясцовых камітэтах партый ва Украіне і Беларусі, польскія Саветы дэпутатаў і ўпаўнаважаныя па польскіх справах. На III з'ездзе КП(б)Б 1920 г. указвалася на арганізацыю нацыянальных бюро пры ЦК КП(б)Б. Асаблівая ўвага падчас абмеркавання надавалася працы сярод польскага насельніцтва ў БССР. На гэтай падставе было прынята рашэнне аб стварэнні польскага бюро пры ЦК КП(б)Б [2, арк. 1–35]. Кіраўніцтва ўсёй палітычнай працай сярод польскай нацыянальнай меншасці ў 1920-я гг. ажыццяўляла Польбюро АПА (АПДА) ЦК РКП(б), якое знаходзілася ў Маскве. Гэта Польбюро займалася абагульненнем вопыту дзейнасці польскіх бюро ў савецкіх рэспубліках, распрацоўкай методыкі іх працы, уносіла прапановы аб пазначэннях, надзяляла ўвагу стварэнню польскага мясцовага актыву і павышэнню яго ідэйна-палітычнага ўзроўню. Яшчэ 2 снежня 1921 г. аргбюро ЦК РКП(б) зацвердзіла палажэнне аб Польбюро, у адпаведнасці з якім яно станавілася структурнай часткай агітацыйна-прапагандысцкага аддзела (АПА) ЦК РКП(б).

Згодна з планам працы Польбюро ЦК КП(б)Б, зацверджаным у ліпені 1923 г., прадугледжвалася «саветызацыя польскага рабоча-сялянскага насельніцтва Беларусі ў сувязі з адсталасцю польскага насельніцтва, блізасцю белай Польшчы і цягаценнем польскага каталіцкага элемента да гэтай краіны, значнай колькасцю польскага насельніцтва ў Беларусі. Для заваявання прыхільнасці польскага насельніцтва ССРБ (БССР) вядзенне культурна-асветніцкай і агітацыйна-прапагандысцкай працы павінна ажыццяўляцца на польскай мове, пры гэтым яна павінна быць даклдана спланавана, уключана ў «агульнапартыйнае рэчышча, як у цэнтры, так і на месцах да нізавых ячэяк выключна». Улічваючы той факт, што большасць насельніцтва пражыла ў сельскай мясцовасці, цэнтр увагі пераносіўся на вёску, на «заваяванне» маладога пакалення, якое яшчэ не прапітана нацыяналістычным і рэлігійным духам».

Для рэалізацыі гэтых задач прызнавалася неабходным: а) выдзяліць на ячэйках (на заводах, у саўгасах, валасцях, дзе пражывала значная колькасць палякаў, працаўнікоў адказных за польскую працу, якія павінны штомесячна адказваць перад ячэйкамі, ячэйкі перад павятовымі камітэтамі і г. д.; б) у мясцовасцях з пераважаючай колькасцю палякаў сакратарамі ячэяк і выканкамаў пазначыць палякаў; в) абавязаць прафсаюз, у асаблівасці рабземлес, хімікаў і чыгуначнікаў для сумеснай працы, шляхам іх культурна-асветніцкіх камісій, уладкаванне лекцыі, размоў, арганізацыя школ, распаўсюджванне польскай партыйнай літаратуры і г.д.; г) уладкоўваць сістэматычна павятовыя і ў Мінску канферэнцыі беспартыйных палякаў; д) узяць на ўлік усіх палякаў камуністаў, якія могуць праводзіць сходы, лекцыі і г.д.; е) для працы жаночага аддзела выдзяліць інструктара і ўвесці яго ў калегію жанонача аддзела, абавязаць усіх жанчын-поляк на месцах для працы ў жаночых аддзелах. Планавалася працягнуць выпуск «Młot» штодзённа пераважна як сялянскую газету, увесці абавязак усёй арганізацыі па распаўсюджванні гэтай газеты. «Gwiazdu młodzieży» паступова пашыраць, папулярызуючы яе як адзіны часопіс для рабоча-сялянскай моладзі.

У культурна-асветнай працы прадугледжвалася стварыць польскую партыйную школу з палякаў, якія паступілі ў цэнтральную партыйную школу, семінарыю для праходжання асобных прадметаў на польскай мове, а менавіта: гісторыі рэвалюцыйнага руху ў Польшчы, гісторыі Польшчы, тое самае па меры магчымасці пры рабфаку. Уладкоўваць павятовыя канферэнцыі польскіх настаўнікаў для праверкі і інструктывання школьнай і грамадскай працы. Садзейнічаць у бліжэйшы час адкрыццю польскіх школ і забеспячэнню школ настаўнікамі ў мясцовасцях. Арганізаваць польскія дзіцячыя дамы і яслі. Стварыць у мясцовасцях са значнай колькасцю палякаў хаты-чытальні і забяспечваць іх неабходнай літаратурай. У сувязі з поўнай адсутнасцю неабходных падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў прасіць Народны камісарыята асветы ў Маскве і Мінску аб выданні і выпісцы з-за мяжы ўсяго неабходнага [3, арк. 1].

Згодна з рашэннямі XII з’езда РКП(б) і пленума ЦК КП(б)Б у маі 1924 г. прыняў пастанову «Аб практычных сродках рэалізацыі нацыянальнай палітыкі». Былі выпрацаваны спецыфічныя формы правядзення палітыкі ў адносінах да нацыянальных меншасцей. На выпрацоўку нацыянальнай палітыкі, а таксама форм іх існавання ў СССР у вялікай ступені ўплывала тое, якой была палітычная і эканамічная сітуацыя на іх радзіме, і як складваліся двухбаковыя адносіны. Усесаюзны перапіс насельніцтва 1926 г. паказаў, што немцы складалі 1238 тыс., палякі – 782 тыс., грэкі – 213 тыс., эстонцы – 154 тыс., латышы – 141 тыс. чалавек. У БССР колькасць нацыянальных Саветаў, пачынаючы з 1924 г., павялічвалася, і да 1935 г. іх налічвалася 90, з якіх польскія складалі 37, яўрэйскія – 25, рускія – 15, украінскія – 6, латвійскія – 4, нямецкія – 2, літоўскія – 1. У сярэднім у адным польскім сельскім савеце было 1 166 чалавек [4, арк. 236–239].

XII з’езд РКП(б) па нацыянальным пытанні мабілізаваў польскіх камуністаў да працы з палякамі, якія жылі ў сельскай мясцовасці. Ствараліся перадумовы для змены сітуацыі ў адносінах паміж польскімі камуністамі і польскай нацыянальнай меншасцю. У месцах кампактнага пражывання пачалі актыўна ствараццa раённыя польскія бюро.

Асноўнай мэтай накіраваных на «польскую працу» палякаў-камуністаў (большасць з іх складалі эмігранты з Польшчы) стала саветызацыя польскага насельніцтва БССР, гэта значыць зрабіць іх прыхільнікамі савецкай улады і ідэі будаўніцтва сацыялізму.

Польскае насельніцтва БССР пачало праяўляць пазітыўнае стаўленне да савецкай ўлады. Людзі актыўна ўдзельнічалі ў сельскіх канферэнцыях, у выбарах у мясцовыя Саветы, цікавіліся польскамоўнымі кнігамі і газетамі. У снежні 1924 г. быў зацверджаны спіс штатных пасад для польскіх бюро ў БССР. Ён налічваў 11 адказных сакратароў бюро (адзін пры ЦК КП(б)Б, а таксама па адным чалавеку пры Мінскім, Барысаўскім, Бабруйскім, Мазырскім, Слуцкім, Аршанскім, Магілёўскім, Віцебскім, Калінінскім і Полацкім раённых камітэтах партыі), 5 адказных інструктараў (у польскім бюро пры ЦК КП(б)Б, у Мінскім, Слуцкім, Магілёўскім і Віцебскім раённых камітэтах). Пры павятовых камітэтах партыі (пасля пры акружкомах) былі арганізаваны польскія бюро, якія непасрэдна падпарадкоўваліся Польбюро пры ЦБ (а з лета 1924 г. – ЦК КП(б)Б. 17 лістапада 1920 г. сход камуністаў у Мінску прыняў рашэнне аб стварэнні Польскага бюро пры ЦБ КП(б)Б у складзе А. С. Славінскага, М. Я. Сепраўскага і Т. Кулінскага. Па данным за студзень 1923 г. у ССРБ дзейнічала 6 павятовых польбюро (у Мінску, Слуцку, Бабруйску, Барысаве, Ігумене, Мазыры) – за год да гэтага іх налічвалася толькі 4. Сакратарамі Польскае бюро пры ЦБ КП(б)Б у 1921–1922 гг. з'яўляліся Я. Цасляк, у 1923–1925 гг. – С. Пшедэцкая, у 1925–1929 гг. – В. Внароўскі [1, арк. 78].

Пасля ўзбуйнення тэрыторыі БССР у 1924–1926 гг. яшчэ створана 6 польскіх сельскіх саветаў, у Магілёўскай акрузе – 3, у Мінскай – 2 і Мазырскай – 1. Іх старшынямі і сакратарамі вылучаліся камуністы і камсамольцы, якія валодалі польскай мовай і добра ведалі ўмовы сялянская працы. У справаздачы Польбюро ЦК КП(б)Б за лістапад 1924 г. адзначалася, што «саветызацыя польскіх сельскіх саветаў сустрэта з боку польскага насельніцтва вельмі спачувальна і добра паўплывала на саветызацыю насельніцтва, у апошні час ад мясцовых вёсак з польскім насельніцтвам паступае шмат заяў аб арганізацыі новых сельскіх саветаў» [3, арк. 70]. Польбюро ЦК КП(б)Б разаслала ўсім акружным польбюро інструкцыі па арганізацыі польскіх сельскіх саветаў, у якіх указвалася, што пры іх трэба арганізоўваць «толькі там, дзе маецца пераважаючая большасць палякаў і можна будзе падабраць добрых камуністаў і камсамольцаў для працы ў гэтых сельскіх саветах» [3, арк. 71].

Акрамя таго, справамі польскага насельніцтва займаліся і саветы. У 1924 г. пры ЦВК БССР была створана Камісія па ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі (пазней была перайменавана ў Нацыянальную камісію пры ЦВК БССР). Камісія займалася пытаннямі нацыянальных меншасцей. Перад камуністамі-палякамі была пастаўлена задача саветызацыі польскага рабоча-сялянскага насельніцтва Савецкай Беларусі. Планавалася ўзяць на ўлік усіх камуністаў, якія ведалі польскую мову, каб у далейшым яны маглі весці прапаганду сярод польскага насельніцтва. Асаблівую ўвагу неабходна было звярнуць на працу сярод польскай моладзі і жанчын. У мясцовасцях з пераважаючай колькасцю польскага насельніцтва сакратарамі партыйных ячэек і выканкамаў пазначалі палякаў.

У першай палове 1925 г. праца партыі па пытаннях нацыянальнай палітыкі сярод польскага насельніцтва адрознівалася ў параўнанні з мінулым больш планавым і сістэматычным характарам. Амаль ва ўсіх раёнах рэспублікі меліся асобныя ўпаўнаважаныя. Такіх спецыялістаў налічвалася 82 чалавекі. У адпаведнасці з інструкцыяй ад 5 чэрвеня 1925 г., раённы прадстаўнік быў адказны за сваю дзейнасць перад райкамам і дапамагаў назіраць за выкананнем дырэктыў партыі. Ён кіраваў працай сярод польскага насельніцтва з мэтай збліжэння яго з савецкай уладай і прыцягненнем яго да савецкага будаўніцтва. Польска-савецкі дагавор аб ненападзенні, падпісаны 25 ліпеня 1932 г., садзейнічаў далейшаму нацыянальнаму развіццю польскай меншасці ў БССР. У 1932–1933 гг. культурнае жыццё і школьнае будаўніцтва ў польскім асяродку дасягнулі свайго піку.

Польска-савецкі дагавор аб ненападзенні, падпісаны 25 ліпеня 1932 г., садзейнічаў далейшаму нацыянальнаму развіццю польскай меншасці ў БССР. У 1932–1933 гг. культурнае жыццё і школьнае будаўніцтва ў польскім асяродку дасягнулі свайго піку.

У пачатку 1934 г. у БССР ужо дзейнічала 270 польскамоўных школ. Аднак перыяд спрыяльных умоў для дзейнасці польскай нацыянальнай меншасці быў даволі кароткім. Ён доўжыўся да падпісання 26 студзеня 1934 г. дамовы аб ненападзе паміж Польшчай і Германіяй. У савецкай дзяржаве быў узяты курс на звяршэнне спрыяльнай палітыкі ў дачыненні да польскай нацыянальнай меншасці. 26 ліпеня 1936 г. была прынята пастанова ЦК УКП(б), у якой крытыкаваліся ўлады БССР з-за арганізацыі прымусовага навучання беларускіх дзяцей на польскай мове. На V пленуме ЦК КП(б)Б 3 жніўня 1934 г. указвалася на непрапарцыянальна вялікую колькасць польскіх школ у параўнанні з рускімі. 2 % палякаў у БССР мелі 337 школ, 7,3 % рускіх – 194. Пленум абавязаў улады усіх узроўняў у рэспубліцы пераглядзець сетку польскіх школ і польскіх сельскіх саветаў. 5 жніўня 1937 г. бюро ЦК КП (б)Б прапанавала СНК БССР пакінуць польскія школы толькі там, дзе колькасць вучняў складала не менш за 15 чалавек, а астатнія школы ліквідаваць. 10 жніўня 1937 г. СНК БССР прыняў пастанову аб рэарганізацыі 65 польскіх школ у беларускія [7, с. 96]. 1 снежня 1937 г. арганізацыйнае бюро ЦК УКП(б) прыняло, а палітбюро ЦК УКП(б) зацвердзіла пастанову аб ліквідацыі нацыянальных сельскіх саветаў. Згодна з пастановай арганізацыйнага бюро ЦК УКП(б) 24 студзеня 1938 г. павінны былі закрыцца школы нацыянальных меншасцей у СССР, у тым ліку і польскія.

Ажыццяўленне агітацыйна-прапагандысцкай і культурна-асветніцкай працы сярод польскага насельніцтва Савецкай Беларусі ў 1921–1939 гг. адбывалася органамі ўлады і кіравання пры кантролі агітацыйна-прапагандысцкага аддзела ЦБ КП(б)Б і Польбюро ЦК КП(б)Б, скіравана на мінімізацыю ўплыву з боку Польшчы. Дзякуючы намаганням гэтых дзяржаўных органаў ССРБ (БССР) была наладжана адукацыйная польскамоўная структура, прадпрыняты меры па ўцягванню мясцовага польскага насельніцтва (у першую чаргу моладзі) ў адзіную сістэму савецкіх ідэйна-маральных каштоўнасцей.

Крыніцы і літаратура

1. Жук, В. Н. Польское национальное меньшинство в БССР 1921–1939 гг. : дис. ... канд ист. наук : 07.00.02 / Виталий Николаевич Жук ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мн., 2009. – 143 л.

2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 502.

3. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 1914.

4. НАРБ. – Ф. 30. Воп. 2. Спр. 6434.

5. Proces księży w Mińsku. Zarys sprawozdawczy / Pod red. J. Leszczyńskiego. – Mińsk : Wyd-wo Partyjne CB KPB, 1922. – 44 s.

6. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (далей – АЗП РФ). – Ф. 04. Воп. 32. П. 217. Спр. 52670.

7. Костюшко, И. И. Польское национальное меньшинство в СССР (в 1920-е годы) / И. И. Костюшко. – М. : Логос, 2001. – 224 с.

УДК 94:327(47+57)

М. В. Брянцев
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА СССР В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАООМО)

В статье рассматривается проблема вовлеченности населения СССР во внешнеполитические события. На основе анализа материалов Государственного архива общественных объединений Могилевской области автор приходит к выводу о большом интересе населения СССР

к внешнеполитическим событиям, что отвечало установкам советской власти по увлечению трудящихся в общественно-политические процессы. Однако результаты такой политики не всегда, а порой, и вовсе не отвечали ожиданиям власти. В ходе различных кампаний по политическому просвещению, в частных беседах на международные темы обнаруживалась негативная оценка не только внешнеполитического курса большевиков, но и Советской власти, в целом.

Большевики, победившие в октябре 1917 г., на протяжении долгого времени нуждались в легитимации своей власти. Одним из важнейших элементов этого процесса стало вовлечение населения в общественно-политическую жизнь. Однако для большевиков оказалось мало нести свои идеи в массы, они хотели превратить эти идеи в их убеждения [1, с. 19–21]. Одним из важнейших инструментов воздействия на сознание масс являлась пропаганда, «которая должна воздействовать на сознание масс и направлять их социальное поведение в нужном для власти направлении» [2, с. 560].

Будучи сторонниками идей интернационализма, большевики большое место в своей пропаганде отводили освещению внешних событий, формируя нужные для себя образы западного мира и происходящих там процессов. Не случайно заметное место в советских газетах отводилось международным событиям [3, p.1442].

Целью данной статьи является исследование интереса населения к внешнеполитическим событиям в середине 1920-х годов.

Заинтересованность международными событиями была характерна для всех слоёв населения СССР. Отчеты и информационные сводки постоянно подчеркивали проявляемый к этим событиям интерес. Ни одно собрание, конференция или съезд не проходили без постановки вопроса о международном положении СССР. Причем вопросы международной политики ставились в повестке дня на первый план, как это было на состоявшемся в марте 1926 г. Хотимском районном съезде советов. Несмотря на низкий уровень доклада, сделанного инструктором от Калининского Окружкрома Литвинским, «который хотя своим докладом не воодушевил делегатов съезда (со слов нескольких человек делегатов), но все же делегаты проявили большой интерес к вопросу о международном положении», – сообщалось в сводке. Это проявилось в большом количестве (более 70) вопросов, заданных докладчику как в письменной, так и устной форме. Задаваемые вопросы показывают, что делегаты съезда не просто интересовались международными вопросами, а были в курсе происходящих событий на мировой арене – их интересовали не только отношения СССР с другими странами, но и смысл плана Дауэса, положение в Китае, Марокко и Польше, убийство советских дипкурьеров, события на Дальнем Востоке, вопросы задолженности СССР перед другими странами и др. Примечательно, что со стороны делегатов было много желающих высказаться в прениях [4, л. 114]. Аналогичная ситуация отмечалась на Мстиславском районном съезде, где особый интерес был проявлен делегатами к международным вопросам [4, л.129].

Население использовало всякое собрание для того, чтобы узнать, «что творится в мире». Внешнеполитический вопрос был самым интересным для крестьян Пянковского сельсовета Ряснянского района [5, л. 46]. В Тростянском сельсовете членам Хотимского райисполкома пришлось отвечать на крестьянские вопросы о международном положении. Информаторы отмечали, что «больше всего было задано вопросов почему в других странах нет революции и может ли она быть вообще». Эти же проблемы интересовали и крестьян деревни Екатеринополье, пытавшихся понять возможна ли война с Польшей [4, л. 222]. В вопросах, задаваемых докладчикам, проявлялось влияние газетных сообщений и пропагандистских мероприятий, проводимых властью. Публикации о всеобщей забастовке в Англии и события на КВЖД стали предметом интереса крестьян Дубровского сельсовета Хотимского района, которые проявили солидарность с советской властью «в борьбе с буржуазией» [6, л. 1; 5, л. 1]. Однако, как показал А. В. Голубев, такого рода резолюции писались под диктовку и не должны вводить в заблуждение исследователя [7, с. 124]. Но следует признать, что мероприятия такого рода позволяли населению коммуницировать

с властью, а власти, в свою очередь, определять настроения людей, которое не всегда совпадало в желаемым и носило приемлемый для власти характер. Так, в сентябре 1924 г. на Луполовской районной беспартийной конференции по докладу о международном положении была подана записка, как оценили ее информаторы, «контрреволюционного характера»: «сколько средств отпускает Советская Власть на агитаторов и пропагандистов на Востоке». Такого рода вопрос обеспокоил местных начальников, была проведена проверка по записке, в результате чего автор не был определён, но было по почерку установлено, что «записка подана довольно образованным человеком» [8, л. 130]. Много записок было подано докладчику о международном положении в октябре 1927 г. в Шклове. Рабочих интересовала возможность займа во Франции, царских долгов, переговоров Америки с Польшей, неравномерность развития промышленности в Америке; спрашивали об англо-русском комитете, о военной деятельности, о руководстве европейским рабочим движением и многое др. [9, с. 167]. Записки являлись важным инструментом взаимодействия власти и общества, представители которого могли ее критиковать без страха за последствия [10, p. 46].

Неприятным для руководителей советского государства было выражение некоторой частью населения симпатий к отдельным лидерам зарубежных стран, информация о которых поступала через газеты. Восторженно отзывался о начальнике польского государства, маршале Ю. Пилсудском, бухгалтер Белынковичского РИКа И. Пильняков, бывший белый офицер. В личности Пилсудского ему импонировало то, что его приход к власти приведёт к улучшению положения в Польше. По его мнению, в советских газетах потому и критикуют Пилсудского, что в СССР такого сильного лидера нет [5, л. 2].

Вероятно, недоверие к политике большевиков, их шараханье от политики «военного коммунизма» к НЭПу, создавало ситуацию неопределенности и неуверенности в советской власти и порождало ностальгию по сильной личности. Слухи о возврате Романовых, имевших широкое хождение, были связаны, прежде всего, с личностью великого князя Николая Николаевича. Составители сводок объясняли распространение таких слухов деятельностью местных помещиков [11, л. 16], но очевидно, что такие ожидания были связаны с неустройствами советской власти, особенно на местах.

Антисоветские элементы были «виноваты» и в распространении слухов о будущей войне СССР с Польшей. Отмечалось, что эти слухи «единичные, но повсеместные» [4, л. 222об.].

События 1926 г. в Англии породили надежду на революцию в Англии. На деревенском сходе в д. Забельшино Хотимского района крестьяне интересовались вопросами забастовки горняков, проявляя к ним сочувствие. А бедняк И. Васильев даже размечтался о возможной революции в Англии и о победе советской власти, «вот тогда было бы хорошо для России», – заключил он [4, л. 255]. Но вероятность этого события была столь мала, что была понятна и мечтателю из. д. Забельшино: там нет столько коммунистов и армия не поддерживает идеи революции, сокрушался он. Насколько слова о поддержке английских горняков были искрение трудно сказать. Но материалы по другим регионам СССР говорят о неохотном желании рабочих и крестьян расставаться со своими небольшими, но кровными копейками [12, с. 72–82]. На это же указывает и сообщение сводки из Климовического района, где районный землеустроитель РИКа Ф. Д. Ждан-Пушкин при удержании из его жалования в июле месяце отчисления в пользу английских рабочих выражал недовольство, указывая, что ненавидит таких порядков, когда с него удерживают в то время, как он не желает этого делать [6, л. 277]. Составители сводки отметили его кулацкое происхождение и антисоветские настроения в пользу царских времен [4, л. 277].

Противники советской власти активно использовали антирелигиозные кампании власти и связывали надежду на поражение коммунистов в России с неприятием этого зарубежными странами, которые «пойдут на них войной». Информаторы подчеркивали, что верующие верили в такой исход [5, л. 67].

Разрыв англо-советских отношений, убийства советских представителей за рубежом, и, в частности П. Л. Войкова в Польше, позволяли давать оценки действиям сторон. На фабрике «Спартак» на митинге-протесте по поводу убийства Войкова произносились правильные речи, осуждавшие Польшу. Рабочий Дурасевич Д., беспартийный обвинял Англию: «Все то, что происходит перед нами ясно и понятно, что Англия – международная проститутка подбирает всевозможнейшие статьи, чтобы вызвать нас на новую бойню, как она это делала уже неоднократно. Мы знаем прелести англичан и других ее наймитов». Другие, как рабочий Квятковский А., не доверяли заверениям польского правительства: «В Польше безусловно знали и умышленно не приняли мер для охраны тов. Войкова и неправда то, что в Польше говорят, что об убийстве им ничего не было известно, как это может быть, чтобы не знать, что делается в своем государстве». Третьи же, как Парчинский Ф., всецело верили польским газетам, писавшим, что «убийство делалось без нее и даже здешние газеты пишут, что Польша ни в чем не виновата, а виновата лишь Англия, потому ты не прав, когда обвиняешь в убийстве Польшу». В этих разногласиях, вероятно, проявлялось недоверие, к сообщениям, исходящие от советских властей и более того, стремление освободиться от такой власти. Среди рабочих раздавались голоса: «Мало убивают, если бьют по одному, их надо убивать сотнями тогда бы это было дело, и мы безусловно вскоре бы освободились от ига коммунистов» [13, л. 192]. Некоторые красноармейцы переменного состава в отместку предлагали побить всех польских дипломатов и представителей враждебных стран. Многие из них не намерены были терпеть «такую пакость» и призывали ответить [13, л. 227; 13, л. 239]. Другие же, в связи со слухами о войне, говорили о технической отсталости СССР, о недостатке вооружений в армии, что создавало мнение о том, что, «когда будет война, то иностранные государства подушат всех большевиков, а мы красноармейцы прежде чем воевать раньше побьём начальников большевиков, а затем пойдем на фронт». Он говорил, что 50 человек середняков с. Радомля с винтовками и патронами ушли в лес [13, л. 226; 13, л. 238].

Газетные сообщения и многочисленные доклады о развитии пролетарского движения во многих странах и не только Европы, порождали иллюзию близости мировой революции, что находило отражение в вопросах, задаваемых на собраниях. Так, один из слушателей доклада о международном положении в г. Шклов в октябре 1927 г., вероятно, постоянный читатель советских газет, которые говорили об успехе германских коммунистов на выборах, задался вопросом, не доверяя газетам, «если в Германии на выборах коммунисты имели успех, “где же мировая социалистическая революция”» [9, л. 167–168]. Естественно, ответа на такой вопрос у местных пропагандистов не было, что рождало сомнение в советской пропаганде и недоверие к газетным сообщениям, уверявшим советского читателя в международной пролетарской солидарности. Вероятно, сомнения в достоверности сообщений власти были характерны далеко не для всего населения, но наиболее образованная часть была способна прочитать советские газеты «между строк» и услышать не то, что хотели докладчики. Таким, вероятно, был корректор Могилевской гостипографии Мирский, который, обращаясь к рабочим по поводу англо-советского разрыва, сказал: «Хотя у нас и пишут в прессе, но конечно не все и вообще, например у нас издается газета «Правда», но между прочим в ней никогда не пишут правду, а всегда ложь и обман» [14, л. 115]. Примечательно, что присутствовавшие при этом рабочие ничего не возразили, вероятно не понаслышке зная подноготную советской печати.

Недоверие существовало и к словам лидеров большевиков. Так, учитель одной из могилёвских школ Нестеров в разговоре со своими коллегами отметил, что «на каждом шагу обманывают и стараются обмануть», как пример он привел доклад А. Г. Червякова о международном положении, в котором «только слова, а от действительности они далеки и обманом думают отстоять захваченные ими теплые места, но им это не удастся, при первой тревоге с Запада крестьяне сделают свое дело и дурить им больше не удастся и т. д.» [15, л. 49].

В оценке внешнеполитических событий информаторы всегда стремились провести классовый принцип. Для них положительные оценки и одобрение международной политики советской власти всегда звучали из уст бедняцкого населения, а отрицательные – от зажиточных и кулаков. Так, в Белыничском районе последние события в Лондоне вызвали ожидания падения советской власти, а беднота и середнячество говорит: «почему наше правительство так слабо реагирует на такие выходки англичан». Делается вывод: «В общем же в большинстве середнячество и вся беднота сильно возмущаются поступками англичан» [14, л. 118]. Возмущение поведением буржуазии высказывали бедняки д. Ядреной слободы Чечевичского района на общем собрании, где делался доклад о международном положении. Беднота требовала вынесения «горячего протеста козням буржуазии». В заключение был вынесен протест по поводу убийства тов. Войкова. Составители этой сводки, делая общее заключение по Чечевичскому району и, отмечая возмущение большинства бедняцкого населения и середняков, вынуждены были признать, что «не исключается, что отдельная беднота делает выпады против власти и партии» [13, л. 253].

Отмечалось, что весь напряженный период международного положения СССР интеллигенция и совслужащие внимательно, по газетам, следили за событиями, но выражать свое мнение по поводу происходящих событий не спешили. В случае разговора на политические темы они спешили перевести его в другое русло. Вероятно, эта часть населения избрала выжидательную позицию, – ожидая чья возьмёт. Несмотря на это, многие представители интеллигенции и служащие выражали надежду на освобождение от советской власти. В частной беседе между сотрудниками ОКРФО о сокращении штата кассир Хорошавко говорил: «Придется еще немного пострадать – пока нас не освободят от вечного висящего над нашей головой обуха, но теперь уже недолго, Англия, видно, начала действовать не в шутку, а раз начала, то и доведет дело до конца». Такие ожидания были характерны и для безработных. На бирже труда говорили: «Да, война нужна, чтобы разрядить атмосферу, которая висит несколько лет» [14, л. 119–120].

Среди антисоветски настроенного населения популярны оказались взгляды на внешнюю политику, проповедуемые оппозицией. Возможно, не являясь сторонниками оппозиции, они использовали ее аргументы, чтобы донести до слушателей ошибочность политики, проводимой ВКП(б). В декабре 1927 г. в клубе Союза пищевиков, рабочий завода «Звезда» Гринблат в группе 10-ти человек рабочих пищевиков говорил: «Как видим с XIV по XV Партсъезд политика ЦК ВКП(б) в международном положении провалилась, т. е. из-за неправильного руководства ЦК произошел разрыв сношений с Англией, потерпела поражение Китайская революция и проч.» [15, л. 59]. Эти же мысли повторил рабочий Розенблат, который, в частности, прямо заявил, что «оппозиция указывала на недопустимость содружества с Гоминданом» [15, л. 57]. Примечательно, что присутствующие не возражали, но и в обсуждение не входили, вероятно, опасаясь доносов, которые были распространены во всех слоях населения. В частности, учитель одной из могилевских школ Болобрежцкий говорил своим коллегам, что «учителя ХРАПУНОВА надо не допустить в школу, он опасный для нас человек, при нем нельзя ничего говорить по душе и особенно о политике, а мало ли о чем приходится говорить. Когда его нет в кампании совсем другое дело – разберешь подробно куда и как ведут нас все эти советские главари» [15, л. 68].

Таким образом, анализ информационных сводок ОГПУ показал, что вопросы внешней политики вызывали особый интерес у населения. Власть не ограничивала возможность знакомства населения с международными событиями, создавая иллюзию соучастия населения в политических процессах. Наоборот, она стимулировала этот процесс, вовлекая массы в обсуждение наиболее актуальных международных проблем. Пытаясь создавать нужные ей образы, власть не всегда получала нужные результаты. Внешне одобряя проводимую внешнюю политику СССР, население часто оказывалось не на стороне советской власти.

Источники и литература

1. Бранденбергер, Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Д. Бранденбергер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 367 с.

2. Гудков, Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Гудков. – М. : НЛО, 2004. – 807 с.

3. Brooks, J. Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia / J. Brooks // American Historical Review. – 1992. – Vol. 97. – №5. P. 1432–1448.

4. Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (далее – ГАООМгО). – Ф. 6601. Оп. 1. Д. 148.

5. ГАООМгО. – Ф. 6601. Оп. 1. Д. 331.

6. ГАООМгО. – Ф. 6601. Оп. 1. Д. 232.

7. Голубев, А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. / А. В. Голубев. – М. : Кучково поле, 2008. – 381 с.

8. ГАООМгО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 20.

9. ГАООМгО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 410.

10. Albert, G. «Comrade Speaker!» Zapiski as Means of Political Communication and Source for Popular Moods in the 1920s / G. Albert // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. – 2015. – Vol. 8. – P. 43–54.

11. ГАООМгО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 147.

12. Брянцев, М. В. Английская Всеобщая стачка 1926 г. в оценке населения советской России / М. В. Брянцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 72–82.

13. ГАООМгО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 350.

14. ГАООМгО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 513.

15. ГАООМгО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 695.

УДК 94(476)«1920/1921»

С. А. Елизаров
Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКАЯ ГРАНИЦА 1920–1921 ГОДОВ: ПОЗИЦИИ И ПЛАНЫ СТОРОН

Рассмотрены позиции руководства ССРБ и РСФСР по вопросу межгосударственных границ в условиях завершения польско-советской войны, переговоров о мире и заключении Рижского мирного договора. Отмечается, что в 1920–1921 гг. белорусское советское руководство пришло к пониманию невозможности быстрого прямого решения вопроса о возвращении восточно-белорусских земель в состав ССРБ, но при этом предприняло попытку разработку иного варианта изменения белорусско-российской границы.

Проблема изменения границ Белорусской ССР уже имеет значительную историографию [1–4]. Она присутствует и в исследованиях белорусских исследователей, посвященных различным аспектам истории международных отношений, в том числе польско-советской войны 1919–1920 гг. и Рижского мирного договора [5–8]. В представленном материале автор попытался рассмотреть отношение советского белорусского и российского партийно-государственного руководства к вопросу определения белорусско-российской границы и возвращения восточнобелорусских земель в состав ССРБ в период проведения и завершения мирных переговоров в Риге (1920–1921 гг.)

12 октября 1920 г. в Риге был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между Польшей, РСФСР и ССРУ. Стороны обязывались признать независимость Советской Белоруссии, но подвергли ее разделу. К Польше отходили (по дореволюционному административно-территориальному делению) из состав ССРБ Брест–Литовский, Волковысский, Слонимский, Новогрудский, Дисненский, Вилейский (за исключением его части к юго-востоку от линии Илия-Радошковичи), Пинский, Сокольский, Кобринский, Пружанский уезды, западная часть Минского (к западу от линии Раков-Колосов), западная часть Слуцкого (к западу от линии Ромащи-Семешово), западная часть Борисовского (район Докшицы, Ивановщина) и западная часть Мозырского (к западу от рек Лан и Ствича) уездов [9, л.143] В свою очередь, в состав ССРБ включались из Виленской губернии Радошковичская, Хотеничская и Крайская волости со своими волостными центрами. В ССРБ оставались 6 неполных уездов быв. Минской губернии.

В условиях прекращения боевых действий и начала мирных переговоров в белорусском советском руководстве появляются надежды на расширение территории ССРБ. С целью выяснения позиции по этом вопрос в российском руководстве в Москву в начале ноября 1920 г. прибыл секретарь ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорин. Несколько раз он беседовал с секретарем ЦК РКП(б) Крестинским Н. Н., посетил все отделы ЦК РКП(б). Н. Н. Крестинский на вопрос о расширении границ ССРБ ответил однозначным отказом: «Нет смысла и не может быть речи о присоединении к Белоруссии территорий, сросшихся с РСФСР». Объяснение этому Н. Н. Крестинским было дано довольно простое, но вполне понятное – «у нас не мир, а перемирие». В. Г. Кнорин этим ответом не был удовлетворен и «потребовал… официального ответа от Политбюро или ЦК», однако, считая отрицательный ответ «предрешенным», дожидаться его не стал. На заседании ЦБ КП(б)Б 8 ноября 1920 г. доклад «приняли к сведению» [10, л. 27].

Подобную негативную позицию по вопросу о расширении территории ССРБ в условия советско-польских переговоров о мире занимал и Наркомат иностранных дел РСФСР, считавший «нежелательным присоединение к территории Белоруссии каких бы то ни было частей Витебской или Могилевской губерний. Мы еще не знаем, через какие перипетии может пройти судьба Белоруссии, и увеличивать загодя ту территорию, которая через эти перипетии будет проходить, было бы крайне неосторожно” [11, с. 205].

Столь же категорическі против возвращения белорусских земель в состав ССРБ выступил и Реввоенсовет Западного фронта: «Результат переговоров в Риге и вообще прекращение боевых действий на Западном фронте теперь еще трудно предопределить… Может сложится положение, при котором, установив восточные границы Белоруссии, мы может утратить в результате даже не боевых действий, а только мирных переговоров губернии Витебскую и Могилевскую» [11, с. 211].

Позиция и аргументы Москвы, а также обострение ситуации в Советской Белоруссии в связи с начавшимся 6 ноября 1920 г. наступлением отрядов С. Н. Булак-Балаховича (10 ноября захватившими Мозырь) привели к корректировке взглядов на проблему укрупнения ССРБ, в том числе и у одного из наиболее активных ее сторонника, председателя белорусского Военно-революционного комитета А. Г. Червякова. На заседании ЦБ КП(б)Б 11 ноября 1920 г. А. Г. Червяков, не отказываясь от идеи расширения территории Советской Белоруссии на восток, признал необходимым на время эту проблему отложить: «Ставя этот вопрос раньше, я думал, что я прав. Теперь меня кое-что навело на другие размышления. Необходимо более подробно узнать место, экономические условия края и т. д. Среди населения замечается, правда, неясно тенденции к независимости Белоруссии. Население не терпит поляков, но и особенной любви не чувствует к коммунистам…Но сейчас по-моему в вопросе территории нужно воздержаться. Население местностей, могущих быть присоединенными к Белоруссии, привыкло к РСФСР, присоединением к Белоруссии население этих местностей будет препятствовать строительству Советской власти. Кроме того, расширенная самостоятельная Республика Белоруссии разыграет аппетит у Балаховичей» [12, л.29–30].

Иную позицию в ЦБ озвучил И. А. Адамович (нарком по военным делам ССРБ). Он также видел негативные моменты вхождения восточнобелорусских земель в состав ССРБ («мы встретили бы большую оппозицию со стороны местных партийных организаций и кроме того это было бы приманкой для Балаховича»). Видно, что наступление отрядов С. Н. Булак-Балаховича вызывало крайнюю степень озабоченности у советского белорусского руководства. И. А. Адамович связывал расширение территории ССРБ в первую очередь за счет захваченных Польшей белорусских земель: «… никоим образом не нужно думать о присоединении новых мест к Белоруссии. Необходимо бить на единую Белоруссию в смысле присоединения оккупированных областей к Белоруссии. Со стороны хозяйственной ясно, что Минская и, положим, Смоленская губ. ничего общего не имеют между собой» [12, л. 30]. Вероятно, у него были определенные ожидания позитивных для ССРБ результатов российско-польских мирных переговоров

В итоге было принято компромиссное решение: «ЦБ считает необходимым существование Советской Республики Белоруссии в ее настоящих границах. Вопрос о расширении территории Белоруссии считать несвоевременным» [12, л. 30].

После этого в Москве состоялось совещание «по белорусскому вопросу», на котором присутствовали секретари ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский и другие руководители Советской России, а с белорусской стороны – секретарь ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорин и председатель Белревкома А. Г. Червяков. Совещание поддержало резолюцию ЦБ КП(б)Б от 11 ноября. Вместе с тем, выступая по итогам поездки в Москву, А. Г. Червяков подчеркнул, что «существует мнение, что при изменении ситуации вопрос должен быть пересмотрен» [12, л. 33].

На время проблема расширения территории отошла на второй план. Однако вскоре этот вопрос вновь обрел актуальность. А. Л. Бурбис (зам. наркома земледелия ССРБ и один из организаторов БСГ) направил письмо, датированное 14 января 1921 г., В. И. Ленину. В этом письме с подписью «По полномочию группы ответственных белорусских коммунистов» прежняя советская политика по белорусскому вопросу определялась как «враждебная всему белорусскому». Но центральным была идея расширения территории Советской Беларуси за счет включения в ее состав Витебской, Гомельской губерний в полном составе, а также уездов бывшей Могилевской губернии, включенных в состав Смоленской губернии, «а из Смоленской губ. безусловно уезды Краснинский и Поречский» [13, л. 15].

Следом за этим письмом последовало известное «Заявление тридцати двух» от 1 февраля 1921 г. В этом документе, наряду с обвинениями в антибелорусском характере прежней политики Советской власти (во многих случаях почти дословно повторяющих текст А.Л. Бурбиса), вновь повторяется аналогичное предложение о расширении территории ССРБ на восток [14, л.4–5]. «Бунт» был быстро подавлен. На заседании ЦБ КП(б)Б 15 февраля 1921 г. это заявление было осуждено. Резкая оценка этого документа В. Г. Кнориным («Постановка – непартийная… Считаю, что скорее это провокация не коммунистических рук») была смягчена выступлениями А. С. Славинского («Декларация плохо и неправильно составлена, но ничего контр-революционного в ней нет») и А. Г. Червякова («Полагаю, что злого умысла здесь нет, есть только необдуманное отношение»). В итоге было принято решение: «ЦБ, ознакомившись с содержанием декларации группы “белорусских коммунистов”, признает ее невыдержанной и необдуманной в коммунистическом духе» [15, л.19].

Тем не менее В. Кнорин отдал распоряжение о немедленном проведении на квартирах подписавших заявление обысков и в случае необходимости проведения и арестов. Некоторые были арестованы, но вскоре их освободили [2, с. 479].

В контексте проблемы укрупнения территории ССРБ в 1921 г. интерес представляет следующая выдержка из доклада СНК БССР на III сессии ЦИК СССР в 1927 г.: «І зараз-жа пасьля Рыжскае мірнае ўмовы, па ініцыятыве Ўраду РСФСР, Урад Савецкай Беларусі атрымаў прапанову ўзбуйніць Савецкую Беларусь за лік усіх тых тэрыторый, дзе населеньне ў сваёй большасьці беларускае». Однако, как отмечалось в докладе,

в связи с крайней степенью экономической разрухи в республике и тяжестью борьбы с антисоветскими вооруженными формированиями «Савецкі Беларускі Ўрад сам прымушаны быў адмовіцца ад прапанаванага нам ўзбуйненьня» [16, с. 79].

Каких-либо подтверждений этим словам автору найти не удалось. Вполне вероятно, что в той или иной форме (возможно и в устной) оно могло быть сделано в период переговоров в Риге в качестве своеобразной «компенсации» за отказ руководства ССРБ от участия в этих переговорах как самостоятельного субъекта и передачу части белорусских земель в состав Польши.

В то же время на практике партийно-советское руководство ССРБ вовсе не отказалось от планов изменения белорусско-российской границы. Сразу же после подписания Рижского мирного договора Минск начинает предпринимать меры по возвращению восточнобелорусских земель. Связано это с разработанным в Минске вариантом образования Западной экономической области как первого шага по расширении территории республики.

С 1919 г. руководство Советской России не страивало существовавшее административно-территориальное деление, которое не учитывало экономические изменения, проходившие в стране в связи с развитием капитализма в промышленности, крупнейшим в мире железнодорожным строительством, повышением товарности и углублением специализации сельского хозяйства. Новое территориальное устройства должно было базироваться на системе объективно существовавших экономических районах. Началом практической реализации этой идеи стал план ГОЭЛРО (1920 г.), который представлял собой попытку составления перспективного хозяйственного плана на основе принципов энергетического районирования, в дальнейшем сыгравших решающую роль в дальнейших работах по экономическому районированию.

В соответствии с планом первоначально выделялось 8 экономических районов. После заключения Рижского договора (март 1921 г.), завершения военных действий и определения советско-польской границы московским руководством было признана целесообразность образования особого экономического района – Западной области – из ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний. 11 июня 1921 г. на заседании Центрального Бюро (ЦБ) Компартии Белоруссии обсуждалось сообщение Председателя ЦИК и СНК ССРБ А. Г. Червякова «Об областном экономическом совещании» [17, л. 72–73]. А. Г. Червяков сообщил о прошедшем совещании по вопросу образования экономического района, на котором присутствовали представители ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний.

На заседании ЦБ КПБ 11 июня 1921 г. против образования особого экономического района возражений не было [17, л. 72–73]. А осенью 1921 г. по решению ЦБ КП(б)Б Совнархоз ССРБ подготовил докладную записку в Совет Труда и Обороны (СТО) РСФСР (впоследствии в доработанном виде она была опубликована в сентябре 1921 г. в «Известиях ЦБ КПБ» под названием «Экономическое объединение губерний, входивших ранее в состав Западной области») [18, л. 15–22]. Воспользовавшись тем, что СТО оставило за ССРБ свободу действий вплоть до существования в качестве отдельной экономической области, в записке был предложен свой, белорусский вариант – создать Западную область как «одну хозяйственно-экономическую область с центром в Минске» в составе ССРБ, Витебской и Гомельской области, а также Мстиславского, Красненского и Поречского уездов Смоленской губернии.

Анализ этого документа свидетельствует, что он был составлен на основе методики экономического районирования, разработанной и применявшейся Комиссией по районированию Наркомзема РСФСР. По этой методике основными экономическими признаками крупных районов (областей) служили: климат; почва; распределение земель по угодьям; плотность населения; процент промыслового населения; количество десятин посева на одно хозяйство и на 100 душ; средства восстановления естественного плодородия почвы; пропорция культур; рабочее животноводство; интенсивное животноводство; экстенсивное животноводство.

Заметно, что в белорусском проекте Западной области 1921 г. отсутствовали ссылки на этнический фактор. Вероятно, это было связано с противоречиями в руководстве ССРБ относительно «белорусского вопроса», необходимостью учета экономической детерминированности мышления значительной части московского руководства, а также противоречивостью результатов переписей населения 1897 и 1920 гг. относительно национального состава Гомельской, Витебской и Смоленской губерний. Однако можно твердо утверждать, что целью национал-коммунистической части белорусских руководителей было политическое объединение как можно больше этнических белорусских территорий в границах Советской Белоруссии. Видный белорусский политический деятель того периода, ученый-историк В. М. Игнатовский в 1924 г. оценил эти усилия таким образом: «Постановка ЦБ КП(б)Б вопроса об образовании Западной области, сконцентрированной вокруг столицы Белоруссии Минска, имела важное значение не только с экономической, но и политической стороны. Это были первые шаги по пути образования расширенной Белоруссии, что вызывалось реальными условиями жизни как экономической, так и политической» [19, с. 234].

Источники и литература

1. Борисёнок, Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю. А. Борисёнок. – Москва : ООО «Родина МЕДИА», 2013. – 304 с.

2. Круталевич, В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922) / В. А. Круталевич. – 2-е изд.доп. – Минск : ИООО «Право и экономика», 2003. – 592 с.

3. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.

4. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. – Минск : Экономпресс, 2011. – 415 с.

5. Рыжскі мірны дагавор 1921 г. у лёсах народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 26 сак. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2022. – 225 с.

6. Мязга, М. М. Пытанне граніц Беларусі ва ўмовах польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2020. – № 4 (121). – С. 50–55.

7. Мязга, М. М. Праблематыка польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. і Рыжскага мірнага дагавора ў адлюстраванні пратаколаў пасяджэнняў Палітбюро ЦК РКП(б) // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021. – № 2. – С. 7–16.

8. Стрелец, М. В. Порезали по живому: к 100-летию Рижского мирного договора 1921 года: некоторые аспекты современного осмысления /М. В. Стрелец // Беларуская думка. – 2021. – № 4. – С. 82–88.

9. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 101. Оп. 1. Д. 1420.

10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10.

11. Платонаў, Р. Так вырашаўся лёс Беларусі / Р. Платонаў, М. Сташкевіч // Маладосць – 1993. – № 5. – С. 199–214.

12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 109.

13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 252.

14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 251

15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 243.

16. Даклад Ураду БССР на III сэсіі ЦВК СССР. – Мінск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва,1927. – 123 с.

17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 425.
18. НАРБ. – Ф. 31. Оп. 1. Д. 23а.
19. Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху /пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З Жылуновіча і У. Ігнатоўскага. – Мінск : Выд. ЦВК БССР, 1924. – 322 с.

УДК 94(476.2+476.5):342.9:351.9“1922”

Е. П. Шрамук
Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАДАЧ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ РСФСР В 1922 ГОДУ

В работе прослеживаются изменения и дополнения задач Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) Западной области в 1922 году. Основные задачи инспекции были изменены в связи с новой экономической политикой и восстановительным периодом. Изменения носили как системный характер, так и ситуативный. Задачи РКИ приобрели более общий и комплексный характер, охватывая ключевые аспекты государственного и хозяйственного управления.

Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (далее – НК РКИ, РКИ) на территории Беларуси существовал с 1920 г., преобразованный из Государственного контроля. Основой его деятельности было проведение ревизий и контроль исполнения распоряжений правительства. Работа инспекции неоднократно корректировалась. В 1922 г. в связи с новой экономической политикой и голодом в ряде губерний задачи РКИ неоднократно дополнялись и стали основой для крупнейшей реорганизации 1923 г. Так как заявленный период становления РКИ на территории Советской Беларуси ранее подробно не рассматривался, освещение данного вопроса является актуальным. В работе прослеживаются изменения в задачах НК РКИ Западной области в 1922 г.

В начале 1922 г. основными задачами РКИ были: наблюдение за исполнением всех декретов и постановлений советского правительства, надзор за распоряжением госимуществом и финансовыми операциями, борьба с бюрократизмом и волокитой, выработка мер по упрощению делопроизводства, работа с трудящимися. Основой работы попрежнему оставался финансовый контроль [1]. Но восстановительный период после гражданской войны и новая экономическая политика обусловили неоднократное дополнение списка задач комиссариата.

Согласно ленинскому плану, работа РКИ должна была стать одной из функций центрального аппарата управления, поэтому важное значение придавалось моральным качествам работников РКИ. Так, в приказе по НК РКИ № 6 от 10 января 1922 г. всем инспекциям предлагалось вести строгий учет должностных преступлений и упущений с предоставлением ежемесячного отчета о них [2, л. 7].

К зиме 1922 г. хищение грузов для голодающих, как писалось в приказе НК РКИ, приобрело «эпидемический характер». В связи с этим 13 января 1922 г. Приказом № 8 по НК РКИ на всех фактических инспекторов и контролеров ж/д РКИ возлагалась задача наблюдения за проведением в жизнь всех распоряжений центральной власти по продвижению голодгрузов. Работа инспекторов заключалась в: а) поверке действительности охраны вагонов проводниками, особенно в ночное время, б) поверке знания проводниками правил охраны и сопровождения вагонов и в инструктаже их при необходимости, в) проверке своевременности доставки грузов, наличия задержек, присутствия пломб,

действий проводников, г) проверке своевременности доставки, передачи и получения грузов. Губинспекциям было приказано выяснить количество и выполнение нарядов для голодающих губерний, проверить организацию доставки грузов, установить за голодгрузами строгое наблюдение, а также наблюдать за работой местного транспорта и складами с голодгрузами и ежемесячно до 10-го числа отчитываться о работе в НК РКИ. Для контроля за доставкой голодгрузов до станции отправления надлежало использовать практикантов [3, л. 2].

В приказе по НК РКИ №13 от 25 января 1922 г. были отмечены случаи массовых хищений. Перед РКИ ставилась задача не только привлекать виновных к суду, но и «создавать такие условия работы в подотчетных учреждениях, при которых исключалась бы сама возможность злоупотреблений» [4, л. 17]. Для этого предлагалось работать в тесном соприкосновении с судебно-административными органами, вести строжайший учет, а также во всех хранилищах государственных денег и ценностей «требовать проведение мер, затрудняющих хищения, как-то: организацию комендатуры и внешней охраны, изоляцию операционных отделов и т. п.» [4, л. 17об].

16 февраля 1922 г. вышло Постановление СНК о мерах по охране семенного зерна, надзор за проведением в жизнь которого возлагался на органы РКИ [5, л. 1] из-за тех же хищений. 13 апреля 1922 г. из центрального управления делами НК РКИ было разослано письмо с рекомендацией ввести персональную ответственность вплоть до ареста для администрации ограбленного учреждения, так как ими принимаются недостаточные меры по охране имущества [6, л. 4]. С мая 1922 г. за нарушение порядка охраны складов, установленного еще в 1920 г., лица из администрации учреждения несли ответственность как за участие в хищении, администрация склада – как за пособничество [6, л. 7].

Приказом по НК РКИ № 19 от 10 февраля 1922 г. объявлялось утвержденное ВЦИК 9 января 1922 г. Положение о Народном комиссариате Рабоче-крестьянской инспекции [7, л. 28–30]. Согласно положению, РКИ объявлялась единым органом социалистического контроля, через который Советское государство, при непосредственном участии рабочих и крестьян, осуществляет надзор за деятельностью всех государственных учреждений и предприятий, а равно общественных организаций в центре и на местах. На РКИ возлагались задачи: 1) наблюдение за исполнением декретов и распоряжений власти и за целесообразным их применением, 2) проверка всех органов Советской власти с точки зрения достигнутых на деле результатов, 3) надзор по учету, распределению и хранению госимущества и за проведением хозопераций, 4) проверка финансов и смет, 5) выработка мер по упрощению делопроизводства, учета и отчетности, 6) представление конкретных предложений по улучшению и упрощению работы аппаратов управления для избежания параллелизма и бесхозяйственности, 7) наблюдение за разрешением жалоб, 8) «систематическое приучение» рабочих и крестьян к управлению (привлечение к ревизиям, выборы их в РКИ, организация ячеек содействия). К Центральным органам относились центральные инспекции республик и управление делами с центральным бюро жалоб при нем. К местным – губернские и уездные инспекции при исполкомах, инспекции экстерриториального характера (военно-морская и путей сообщения), ячейки содействия.

В приказе по НК РКИ № 23 от 1 марта 1922 г. отмечалось, что участие местных органов РКИ в печати очень слабое, тогда как в прессе нужно отражать выводы инспекционной работы. В связи с этим была поставлена задача выделить для связи с редакциями местных газет ответственного корреспондента, который будет ежемесячно направлять в печать материал под рубрикой «по сведениям РКИ» [8, л. 38].

Дополнительные задачи НК РКИ были определены Приказом НК РКИ от 10 марта 1922 г. «О дополнении задач РКИ в связи с новой экономической политикой». На первом месте стояла ревизионно-инспекторская работа в общегосударственном масштабе «с целью проверки новых только еще реализуемых мероприятий и внесенных в них соответствующих корректировок». Ревизии должны были проводиться по строгому плану, РКИ

должна была руководить деятельностью местных организаций, вырабатывать инструкции и программы, обрабатывать доставляемые с мест материалы. Общегосударственными нуждами был обоснован отказ от мелкой работы по приемкам и минимизация ревизий местного значения [9, л. 29]. С целью упрощения работы отделы РКИ были слиты с органами Совета труда и обороны. Проводилась «перестройка органов РКИ по линии образования новых хозяйственных единиц /тресты, комбинаты и т. д./, причем перестройка эта не должна пересекаться с административным делением страны» [9, л. 29об]. Особое внимание было приказано уделить повышению квалификации и материального положения сотрудников РКИ. Из-за «затянутости перестройки на новый курс» приказано было ограничиться крупными делами «с заострением их в направлении персональной ответственности и с обязательным доведением их до конца», а также ограничиться проверкой документальной отчетности. Менялась работа с массами. Ввиду сильных продовольственных затруднений было приказано «перенести центр тяжести с непосредственного привлечения путем выборов на другие методы: деловой контракт с профсоюзами, ячейками содействия» [9, л. 29об]. При этом нужно было заработную плату делегируемых сохранять в полном объеме, а количество ячеек содействия ограничить.

Приказом по НК РКИ № 35 от 27 марта 1922 г. объявлялась для исполнения выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК от 16 марта 1922 г. В ней разъяснялись задачи РКИ в связи с НЭП с целью урегулирования отношений между государством и общественными и частными учреждениями. На РКИ возлагался фактический и последующий контроль всех денежных и материальных средств, отпускаемых и кредитуемых всем без исключения государственным, общественным, частным и смешанного типа организациям, учреждениям и предприятиям или собираемые как добровольные взносы и пожертвования на государственные, общественные нужды и цели, а также наблюдение за выполнением обязательств учреждениями, получившими распоряжение от государства или по договору. Также требовалось вести учет результатов новых форм экономического развития, соответствия законодательной практики требованиям реальной жизни и интересам трудящихся [10, л. 57].

Согласно приказу по НК РКИ № 49 от 28 апреля 1922 г. Управление делами НК РКИ реорганизовывалось в Общее управление НК РКИ. На него возлагались следующие задачи: следить за исполнением приказов по наркомату, разрабатывать планы работы инспекции, инструктировать и организовывать ревизии органов РКИ, доработка всех законодательных материалов, поступающих в инспекцию, составление смет, ведение делопроизводства и др. Общее управление делилось на семь отделов: общую канцелярию и секретариат, организационно-инструкторский отдел, отдел личного состава, информационно-издательский отдел, отчетно-статистический отдел, финансово-сметный отдел, хозяйственный отдел [11, л. 9–10].

Весной 1922 г. наблюдались перебои в обмене сведениями с НК Финансов. В связи с этим Приказом Уполномоченного НКРКИ по Западной области №13 от 3 мая 1922 г. всем инспекциям и фактическим контролерам вменялось в обязанность устанавливать правильность и своевременность предоставления отчетных сведений по учреждениям. Кроме того, каждый факт в акте должен быть «характеризован с достаточной полнотой, но без фельетонных разглагольствований, особенно выражающих личные мнения фактинспекторов» [12, л. 1], из чего следует, что такие случаи в документации были не редкостью.

Приказом по НК РКИ № 51 от 10 мая 1922 г. в целях полноты сведений для судебных органов, а также для установления единообразия системы делопроизводства РКИ были установлены следующие правила. На месте ревизии должен быть составлен краткий акт с описанием повода для ревизии и переписи ревизоров. Акты подписываются как ревизорами, так и ревизуемыми. Сведения, не подтвержденные проверкой, вносить в акты запрещалось. После ревизии составлялось краткое заключение с оценкой результатов и проектом намеченных мероприятий [13, л. 87].

Циркуляром Уполномоченного НКРКИ всем губинспекциям Западной области от 17 июня 1922 г. отмечалось, что одним из тормозов экономического возрождения страны является кризис торговли. Поэтому не позже 15 июля всем инспекциям полагалось провести ревизии торговых отделов и предприятий [14, л. 35]. Согласно приложенной инструкции, следовало выяснить фонды и кредиты отделов, суммарную сводку сделок за определенный период в советских и довоенных ценах, выяснить, какие меры были предприняты Торговым отделом, чтобы госорганы могли использовать свое преимущественное право приобретения товаров, выяснить количество сделок через биржу и частных посредников, соблюдение законности. Целью работы значилось установление законности торговых операций, а также смысла и цели торговли в целом и в некоторых отдельных операциях [14, л. 37–38].

Циркуляром Общего управления НК РКИ РСФСР от 3 июля 1922 г. на РКИ возлагалась задача следить за ходом взыскания и своевременного поступления в казну всех налогов прямого и косвенного обложения [15, л. 15]. По итогам работы необходимо было дать общее заключение о налоговой системе с экономической и государственной точек зрения. Тем не менее сбор продналога в кампании 1921–1922 г. затянулся на лишних три месяца в связи с предоставлением неверных списков плательщиков. Поэтому НК РКИ циркуляром от 8 мая 1922 г. предлагал всем РКИ немедленно установить наблюдение за правильностью и своевременностью предоставления списков плательщиков и принимать на месте меры по недопущению нарушений [15, л. 31].

Приказом по НКРКИ № 86 от14 сентября 1922 г. всем органам РКИ предписывалось воздержаться от переписки с подотчетными учреждениями по вопросам денежных ревизий до момента установлением ревизионного минимума. Это было обусловлено тем, что переписка заводится «по таким ничтожным суммам, что даже в случае возмещения их в казну эти суммы не покроют тех расходов (почтовых, канцелярских и т. п.), которые на переписку затрачены» [16, л. 150].

Приказом по НКРКИ № 99 от 9 ноября 1922 г. для устранения материальной зависимости работников РКИ от подконтрольных учреждений устанавливалось: 1) не допускать участия работников в кооперативах подотчетных учреждений, 2) образовать кооперативы для работников РКИ при Губисполкомах, 3) обязать сотрудников, уже состоящих в посторонних кооперативах, выйти из них [17, л. 174].

В Приказе по НКРКИ № 110 от 6 декабря 1922 г. отмечалось, что счетоводство местных учреждений ведется не по однообразной схеме. В связи с этим была издана инструкция по ведению отчетности [18, л. 189]. А Приказом по НК РКИ № 111 от 13 декабря 1922 г. была унифицирована и упрощена система счетоводства во всех РКИ и установлена по бухгалтерским правилам для распорядительных учреждений [19, л. 91]. Отчетность состояла из годового Журнала [19, л. 93], Главной книги сметных расходов [19, л. 95] и государственных расходов [19, л. 97], а также годовой Сличительной ведомости [19, л. 99].

Итак, изменения задач НК РКИ в 1922 г. можно разделить на общие и ситуативные. К общим относились изменения, сделанные в феврале 1922 г. и касающиеся всей структуры комиссариата и его задач (наблюдение за исполнением декретов советской власти, контроль финансов и имущества, упрощение государственного аппарата, работа с массами, дача заключений и рекомендаций о работе всей системы управления и т. д.). Сюда же можно отнести идеалистическую задачу: искоренить возможности злоупотреблений в учреждениях. Ситуативные изменения следовали за происходящими в государстве событиями: дополнительные задачи по надзору на железных дорогах и складах из-за частых краж, отказ от мелких и местных ревизий из-за проведения НЭП, наблюдение за законностью торговых операций из-за кризиса торговли. Таким образом задачи РКИ в 1922 г. приобрели более общий и широкий характер, касаясь как хозяйственных вопросов, так и вопросов государственного управления.

Источники и литература

1. Шрамук, Е. П. Становление Рабоче-крестьянской инспекции Советской Беларуси как органа партийного контроля в 1919–1923 гг. (по декретам советского правительства) / Е. П. Шрамук // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, Гомель, 16 кастр. 2025 г. / А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2025. – С. 195–198.

2. Приказ по НК РКИ № 6 от 10 января 1922 г. // Государственный архив Витебской области (далее – ГАВтО). – Ф. 9. Оп. 1. Д. 336.

3. Приказ по НК РКИ № 8 от 13 января 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 335.

4. Приказ по НК РКИ №13 от 25 января 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 336.

5. О мерах по охране семенного зерна : постановление СНК РСФСР от 16 февраля 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 335.

6. Циркуляр Управления делами НК РКИ РСФСР от 13 апреля 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 335.

7. Приказ по НК РКИ № 19 от 10 февраля 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 337.

8. Приказ по НК РКИ № 23 от 1 марта 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 336.

9. О дополнении задач РКИ в связи с новой экономической политикой : приказ по НК РКИ РСФСР от 10 марта 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 334.

10. Приказ по НК РКИ № 35 от 27 марта 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 336.

11. Приказ по НК РКИ № 49 от 28 апреля 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 339.

12. Приказ Уполномоченного НК РКИ по Западной области № 13 от 3 мая 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 347.

13. Приказ по НК РКИ № 51 от 10 мая 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 336.

14. Циркуляр Уполномоченного НКРКИ всем губинспекциям Западной области от 17 июня 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 335.

15. Циркуляр Общего управления НК РКИ РСФСР от 3 июля 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 335.

16. Приказ по НКРКИ № 86 от14 сентября 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 336.

17. Приказ по НКРКИ № 99 от 9 ноября 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 336.

18. Приказ по НКРКИ № 110 от 6 декабря 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 336.

19. Приказ по НК РКИ № 111 от 13 декабря 1922 г. // ГАВтО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 335.

УДК 352(476)

А. М. Вабішчэвіч
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

ВАЯВОДСКІЯ ЎПРАЎЛЕННІ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921–1939 ГАДЫ: СТРУКТУРА І ФУНКЦЫЯНАВАННЕ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА)

Аўтарам раскрыта структура Палескага ваяводскага ўпраўлення (аддзелы, аддзяленні, сектары) у 1921–1939 гг., паказана яе эвалюцыя ў 1930-я гг. (з'явіліся аддзелы сельскай гаспадаркі і аграрных рэформ, створаны грамадска-палітычныя аддзелы, замест адміністрацыйных аддзелаў пачалі дзейнічаць аддзелы агульнай і грамадскай бяспекі). Звернута ўвага на пашырэнне паўнамоцтваў польскіх адміністрацыйных органаў на ваяводскім узроўні, рэзкае звужэнне паўнамоцтваў органаў самакіравання. На прыкладзе Палескага ваяводства пацверджана накіраванасць палітыкі польскіх улад на каланізацыю заходнебеларускіх зямель і паланізацыю мясцовага насельніцтва.

У айчыннай і замежнай (найперш польскай) гістарычнай навуцы дзейнасць польскіх органаў ваяводскай улады на тэрыторыі Заходняй Беларусі (і Палескага ваяводства ў прыватнасці) у 1921–1939 гг. ужо была прадметам вывучэння [1; 2; 3; 4]. Функцыянаванне ваяводскай улады разглядалася намі ў кантэксце агульнага становішча заходнебеларускага краю ў складзе Польшчы ў адзначаны перыяд [5, с. 175–179; 6]. Аднак патрабуецца больш паглыбленае даследаванне структуры ваяводскага ўпраўлення, высвятленне функцыянальных задач яго структурных падраздзяленняў, іх стратэгічнай нацэленасці.

На тэрыторыі Заходняй Беларусі органы ўлады польскай адміністрацыі пачалі ствараццa яшчэ падчас савецка-польскай вайны. На акупаваных польскімі войскамі заходнебеларускіх землях было створана Грамадзянскае ўпраўленне ўсходніх зямель (у верасні-лістападзе 1920 г. – Упраўленне прыфрантавых і этапных тэрыторый). Распараджэннем Генеральнага камісара ўсходніх зямель ад 7 чэрвеня 1919 г. была ўтворана Брэсцкая акруга, у якую ўключылі Брэст-Літоўскі, Ваўкавыскі, Пружанскі, Слонімскі, Кобрынскі і Пінскі паветы. Па распараджэнні польскага ўрада ад 18 лістапада 1920 г. былі створаны 3 адміністрацыйныя акругі (Валынская, Навагрудская, Палеская) на чале з начальнікамі акруг.

Пасля Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. на заходнебеларускіх землях была праведзена ўніфікацыя адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення з цэнтральнымі і заходнімі рэгіёнамі Польскай дзяржавы. Тэрыторыя была падзелена на ваяводствы, якія складаліся з паветаў, паветы – з гмін, гміны – з грамад (абшчын).

Ваявода меў шырокія паўнамоцтвы: ён займаўся ўсімі справамі дзяржаўнай адміністрацыі, за выключэннем пытанняў вайсковых, судовых, казначэйскіх, школьных органаў улады, адміністрацыі чыгункі, пошты і сувязі. Ваявода забяспечваў грамадскую бяспеку, ажыццяўляў нагляд за дзейнасцю грамадскіх аб'яднанняў, супрацоўнічаў з вайсковымі ўладамі на тэрыторыі ваяводства, займаўся планаваннем бюджэту ваяводскага ўпраўлення і інш.

Пасля майскага (1926 г.) дзяржаўнага пераварота ваяводы атрымалі больш самастойнасці пры фарміраванні органаў улады. На тэрыторыі ваяводства ваяводзе падпарадкоўваліся ўсе дзяржаўныя адміністрацыйныя органы і службы, органы самакіравання. Ваяводы рэгулярна прадстаўлялі ў польскі ўрад справаздачы аб агульнай сітуацыі ў ваяводстве, дзейнасці палітычных партый і грамадскіх арганізацый, стане нацыянальных меншасцей, канфесій і інш.

Распараджэннем прэзідэнта Польшчы "Аб арганізацыі і сферы дзейнасці ўлад агульнай адміністрацыі" ад 19 студзеня 1928 г. захавалася ранейшае адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне на ваяводствы, паветы, гміны. Да ўладаў агульнай адміністрацыі адносіліся ваявода, павятовы (гарадскі) староста, камісар урада, а таксама камунальныя органы. Паводле красавіцкай (1935 г.) канстытуцыі Польшчы ваяводы атрымалі яшчэ большыя, амаль неабмежаваныя паўнамоцтвы.

Ваяводскую адміністрацыю ўзначальваў ваявода, пры ім распарадчым органам з'яўлялася ваяводскае ўпраўленне. У староствах (адміністрацыях паветаў) кіравалі старасты, якім падпарадкоўваліся кіраўнікі гмін, гарадскога самакіравання.

Структура ваяводскага ўпраўлення, куды ўваходзілі аддзелы, што пры неабходнасці дзяліліся на аддзяленні, сектары (referaty), пастаянна змянялася. Як правіла, у ваяводскае ўпраўленне ўваходзілі такія аддзелы, як прэзідыяльны (агульны), адміністрацыйны, самакіравання, якія адносіліся да кампетэнцыі МУС Польшчы, а таксама бяспекі, ваенны, фінансава-бюджэтны, дарожна-будаўнічы, прадуктовага забеспячэння, грамадскага здароўя, працы і сацыяльнай апекі, прамысловасці, сельскай гаспадаркі, акруговая дырэкцыя грамадскіх работ. У 1930-я гг. у структуры ваяводскіх упраўленняў з'явіліся аддзелы сельскай гаспадаркі і аграрных рэформ, створаны грамадска-палітычныя аддзелы. Былі скасаваны адміністрацыйныя аддзелы, а іх функцыі перададзены аддзелам агульнай і грамадскай бяспекі.

У складзе Палескага ваяводства, плошча якога ў 1930 г. складала 36,7 тыс. кв. км, дзе пражывала ў 1931 г. 1 млн. 132,2 тыс. чалавек, былі Брэсцкі, Драгічынскі, Кобрынскі, Косаўскі (з 1935 г. – Івацэвіцкі), Лунінецкі, Пінскі, Пружанскі, Столінскі, а таксама населеныя ўкраінцамі Сарненскі (да 1930 г.), Камень-Кашырскі паветы. Адміністрацыйным цэнтрам Палескага ваяводства з'яўляўся г. Брэст-Літоўск (з 1923 г. – Брэст-над-Бугам), а першапачаткова (у лютым-жніўні 1921 г.) – г. Пінск.

У межах Польскай дзяржавы Палескае ваяводства з'яўлялася адсталым аграрным рэгіёнам, дзе не была праведзена індустрыялізацыя, слабой была сетка дарог, школ, высокім заставаўся ўзровень непісьменнасці насельніцтва. Разам з беларусамі ў Палескім ваяводстве пражывалі палякі, украінцы, яўрэі, рускія і інш. У 1931 г. 707 тыс. чал. (64 % жыхароў) назвалі роднай мовай "тутэйшую". Большасць насельніцтва ваяводства складалі праваслаўныя (76,5 % у 1931 г.) [7, с. 276]. Адносна мясцовага насельніцтва польскія ўлады актыўна праводзілі палітыку паланізацыі.

Польскія адміністрацыйныя ўлады не давяралі насельніцтву Заходняй Беларусі. Кадравыя пытанні вырашаліся без яго ўдзелу. Мясцовая дзяржаўная адміністрацыя і органы самакіравання фарміраваліся з прадстаўнікоў заможных пластоў грамадства, прысланых з цэнтральных і заходніх ваяводстваў Польшчы. Адміністрацыйна-паліцэйскія ўлады перасследвалі ўсялякую грамадзянскую актыўнасць і іншадумства заходнебеларускага насельніцтва. Таксама праводзіўся кантроль і моцнае абмежаванне паўнамоцтваў выбарчых органаў самакіравання, якія сталі поўнасцю залежаць ад польскай адміністрацыі.

На пасаду ваяводаў прызначалі толькі палітычна лаяльных палякаў, пераважна каталікоў, ураджэнцаў карэнных польскіх зямель, пераважна прадстаўнікоў вайсковых колаў. Кандыдатуру на пасаду ваяводы прапаноўваў міністр унутраных спраў, зацвярджаў урад і канчаткова на пасаду ваяводы прызначаў Начальнік Польскай дзяржавы Юзаф Пілсудскі.

На працягу міжваеннага часу палескімі ваяводамі з'яўляліся Валерый Роман (1 сакавіка 1921 г. – 3 мая 1922 г.), Станіслаў Даўнаровіч (18 мая 1922 г. – 9 кастрычніка 1924 г.), Казімір Младзяноўскі (20 кастрычніка 1924 г. – 5 мая 1926 г.), Ян Крахельскі (14 ліпеня 1926 г. – 8 верасня 1932 г.), Вацлаў Костэк-Бярнацкі (8 верасня 1932 г. – верасень 1939 г.), Ежы дэ Трамекурт (выконваў абавязкі палескага ваяводы 17 лютага – 7 верасня 1937 г.).

Асобнай рэгіянальнай палітыкі, незалежнай ад польскай урадавай стратэгіі, палескія ваяводы не праводзілі. Асобныя з іх спрабавалі распрацоўваць некаторыя мерапрыемствы ў напрамку рэгіяналізацыі. Так, палескі ваявода С. Даўнаровіч у 1923 г. накіраваў у МУС Польшчы дакладную запіску "Нарыс праграмы, заданняў і дзяржаўных работ на Палессі". Прапанаваныя ім мерапрыемствы былі нацэлены на паскарэнне паланізацыі Палесся. Прапаноўвалася змяніць адміністрацыйныя межы Палескага ваяводства, стварыць згуртаваную мясцовую адміністрацыю, якая "мае высокае ўсведамленне задач і надзелена значнай уладай" і інш. Паводле С. Даўнаровіча, трэба было падбіраць у польскія органы ўлады добранадзейныя ў палітычных адносінах кандыдатуры, якія маюць высокую кваліфікацыю, выдаліць з усіх пасад у дзяржаўным апараце асоб няпольскай нацыянальнасці [8, с. 23]. Варта адзначыць, што С. Даўнаровіч бясслаўна завяршыў кар'еру ваяводы пасля таго, як падвергся нападу беларускіх партызан на цягнік на Піншчыне 24 верасня 1924 г.

Асобныя з палескіх ваявод "праславіліся" сваім стылем і метадам кіраўніцтва. Так, актыўным прыхільнікам прымянення паліцэйска-адміністрацыйных мер з'яўляўся палескі ваявода В. Костэк-Бярнацкі, які быў ля вытокаў стварэння ў 1934 г. Бяроза-Картузскага канцлагера.

Што датычыць Палескага ваяводскага ўпраўлення, то на момант утварэння Палескага ваяводства ў яго складзе былі такія аддзелы: прэзідыяльны аддзел; адміністрацыйны аддзел; фінансава-бюджэтны аддзел; аддзел грамадскага здароўя; аддзел прадуктовага забеспячэння; прамысловы аддзел; аддзел сельскай гаспадаркі і ветэрынарыі; аддзел сацыяльнага забеспячэння; акруговая дырэкцыя грамадскіх работ; з 1923 г. – аддзел самакіравання.

Аднак структура Палескага ваяводскага ўпраўлення ўвесь час змянялася. Гэта было звязана са структурнымі пераўтварэннямі ў польскім уладзе (скасаваннем міністэрстваў і ведамстваў, стварэннем новых міністэрстваў і ведамстваў, размежаваннем паўнамоцтваў паміж міністэрствамі і ведамствамі). Таксама адбываліся змены ў структуры ваяводскага ўпраўлення для ўпарадкавання і размежавання кампетэнцыі аддзелаў, для скарачэння фінансавых затрат на ўтрыманне ваяводскага ўпраўлення і падпарадкаваных яму ўстаноў, асабліва ў 1930-я гг.

У пачатку 1925 г. у структуру Палескага ваяводскага ўпраўлення ўваходзілі прэзідыяльны аддзел (з сектарамі: асабовага складу і дысцыплінарным, агульным, статыстычным, веравызнання, адміністрацыйнага інспектара, інструктара канцылярыі), аддзел адміністрацыі і прамысловасці (з сектарамі: агульным адміністрацыйным, па справах грамадзянскага стану, адміністрацыйна-крымінальным, ваенным, па барацьбе з ліхвярствам і дарагоўляй; аддзяленнем прамысловасці (з сектарамі: рэгістрацыйна-адміністрацыйным, прамысловай палітыкі, рамяства, народнага і дробных промыслаў), аддзел самакіравання, працы і сацыяльнага забеспячэння (з сектарамі: арганізацыйна-рэгістрацыйным, фінансава-камунальным, агульным, працы і фінансавай, сацыяльнай апекі, інспектарам самакіравання), бюджэтна-гаспадарчы аддзел (з сектарамі: бюджэтна-бухгалтарскім, гаспадарчым), аддзел грамадскага здароўя (з сектарамі: арганізацыйна-рэгістрацыйным, інспекцыяй), аддзел грамадскай бяспекі (з сектарамі: арганізацыйным, па злачыннасці, па грамадскаму, палітычнаму і прафесійнаму рухам), аддзел сельскай гаспадаркі і ветэрынарыі (з сектарамі: агульным, дзяржаўных маёнткаў, жывёлагадоўлі, сельскагаспадарчай асветы, рыбалоўства, агародніцтва і пчалярства; з аддзяленнямі: ветэрынарыі, аховы лясоў), а таксама акруговая дырэкцыя грамадскіх работ (з аддзяленнямі: агульным, разліковым, аднаўлення, дарожным аддзленнем (з сектарамі: дарожна-адміністрацыйным, механічным, па мастах), архітэктурна-будаўнічым аддзяленнем (з сектарамі: будаўнічай інспекцыяй, адміністрацыйна-будаўнічым, арганізацыйна-будаўнічым, па будынках дзяржаўных органаў), водна-меліярацыйным, павятовым аддзяленні (з сектарамі: водна-меліярацыйным, па размежаванні).

Пасля чарговай рэструктурызацыі ў 1927 г. Палескае ваяводскае ўпраўленне мела наступную структуру: прэзідыяльны аддзел (сектары: асабовага складу і дысцыплінарны, агульных спраў і статыстыкі, веравызнання; аддзяленні: разліку, інтэнданцкае, інспектары старостваў; адміністрацыйны аддзел (сектары: агульны адміністрацыйны, па справах грамадзянскага стану, крымінальна-адміністрацыйны, ваенны; аддзяленні: аднаўлення, прамысловае; аддзел самакіравання, працы і сацыяльнай апекі (аддзяленні: самакіравання (сектары: рэгістрацыйна-адміністрацыйны, фінансава-камунальны, ваяводскі інспектар камунальных саюзаў), аддзяленне працы і сацыяльнага забеспячэння (сектары: арганізацыйны, апекі над дарослымі і фінансавых спраў сацыяльнай апекі, апекі над непаўналетнімі, інспекцыі сацыяльнай апекі; аддзел грамадскай бяспекі (сектары: агульны, палітычны, руху насельніцтва, таварыстваў і саюзаў); аддзел грамадскага здароўя; аддзел сельскай гаспадаркі і ветэрынарыі (сектары: сельскай гаспадаркі, ветэрынарыі, аховы лясоў, дзяржаўных маёнткаў, рыбалоўства); акруговая дырэкцыя грамадскіх работ (аддзяленні: агульнае, дарожнае, архітэктурна-будаўнічае, водна-меліярацыйнае).

Згодна з арганізацыйным статутам Палескага ваяводскага ўпраўлення, выдадзенага палескім ваяводам, у 1928 г. яго структура была наступнай: прэзідыяльны аддзел (з 1929 г. – гэта агульны аддзел), у які ўваходзілі аддзяленні: агульнае (сектары: агульных спраў, асабовага складу); статыстыкі; улікова-гаспадарчае аддзяленне (сектары: ўліку, гаспадарчы); адміністрацыйны аддзел – у яго складзе аддзяленні: адміністрацыйнае (сектары: агульны адміністрацыйны, па справах грамадзянскага стану, крымінальны, ваенны); аддзяленні: прамысловае, аднаўлення); аддзел самакіравання з аддзяленнямі: арганізацыйным, інспекцыйным, адміністрацыі і камунальных фінансаў (сектары: адміністрацыі самакіравання, камунальных фінансаў), сацыяльнай апекі (сектары: агульнай

апекі, апекі над дарослымі, апекі над непаўналетнімі); аддзел грамадскай бяспекі (аддзяленні: грамадскага парадку (сектары: арганізацыйны, грамадскага парадку), бяспекі (сектары: палітычны, бяспекі, па справах прэсы); аддзел грамадскага здароўя (аддзяленні: медыцынскае (сектары: арганізацыйны, грамадскай гігіены, медыцынскіх устаноў), фармацэўтычнае аддзяленне); аддзел сельскай гаспадаркі і ветэрынарыі (аддзяленні: сельскай гаспадаркі, ветэрынарыі, аховы лясоў, дзяржаўных маёнткаў, рыбалоўства); акруговая дырэкцыя грамадскіх работ (аддзяленні: агульнатэхнічнае, будаўнічае, дарожнае).

У 1930 г. у структуру Палескага ваяводскага ўпраўлення ўваходзілі наступныя аддзелы: агульны аддзел; адміністрацыйны аддзел; аддзел самакіравання; аддзел бяспекі; ваенны аддзел; аддзел грамадскага здароўя); аддзел сельскай гаспадаркі; аддзел працы і сацыяльнага забеспячэння; дырэкцыя грамадскіх работ.

Згодна з арганізацыйным статутам Палескага ваяводскага ўпраўлення ад 8 чэрвеня 1933 г., яно складалася з наступных аддзелаў: агульнага аддзела; адміністрацыйнага аддзела; аддзела самакіравання; аддзела бяспекі; ваеннага аддзела; аддзела сельскай гаспадаркі; аддзела працы, апекі і здароўя; аддзела водных дарог; камунікацыйна-будаўнічага аддзела.

У 1933–1934 гг. замест аддзелаў сельскай гаспадаркі ў ваяводскіх упраўленнях пачалі дзейнічаць аддзелы сельскай гаспадаркі і зямельных рэформ, у 1934 г. былі скасаваны адміністрацыйныя аддзелы, а іх функцыі былі перададзены агульнаму аддзелу, аддзелу грамадскай бяспекі. У 1935 г. аддзел грамадскай бяспекі Палескага ваяводскага ўпраўлення быў перайменаваны ў грамадска-палітычны аддзел.

Пры рэжыме “санацыі” польская прысутнасць сярод чыноўнікаў і служачых на тэрыторыі Заходняй Беларусі ўзмацнілася. Па стане на 15 лютага 1932 г. у Палескім ваяводстве нацыянальны склад чыноўнікаў дзяржаўнай адміністрацыі і служачых органаў самакіравання быў наступным: з 5120 чалавек палякаў было 4508 (88 %), рускіх – 294 (5,8 %), беларусаў – 186 (3,6 %) яўрэяў – 65 (1,3 %). Як адзначалася ў лісце Палескага ваяводскага ўпраўлення ў МУС Польшчы (люты 1937 г.), “польскі элемент у гарадах і мястэчках – гэта амаль выключна чыноўнікі і дзяржаўныя служачыя” [7, с. 279; 8, с. 144]. У другой палове 1930-х гг. як на ўрадавым узроўні, так і ў ваяводскіх упраўленнях распрацоўваліся планы па далейшай паланізацыі, у рамках якіх прадугледжвалася поўнае выдаленне з дзяржапарату, органаў самакіравання асоб няпольскай нацыянальнасці.

Палітыка польскіх улад, накіраваная на каланізацыю заходнебеларускіх зямель і паланізацыю мясцовага насельніцтва, прывяла да пашырэння паўнамоцтваў адміністрацыйных органаў, рэзкага звужэння паўнамоцтваў органаў самакіравання, устанаўленне за імі ўсебаковага кантролю. Практычная рэалізацыя палітыкі польскіх улад на ваяводскім узроўні сведчыла аб эвалюцыі польскіх органаў дзяржаўнага кіравання ў бок аўтарытарызму, насуперак дэкларуемым канстытуцыйным гарантыям. Закладзеныя ў сакавіцкую (1921 г.) канстытуцыі Польшчы дэмакратычныя правы і свабоды так і не атрымалі рэальнага ўвасаблення ў жыццё, асабліва ва ўмовах узмацнення аўтарытарнага рэжыму “санацыі”.

Крыніцы і літаратура

1. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. І. Борка. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 139 с.

2. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Мн. : Бел. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.

3. Śleszyński, W. Województwo poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : AVALON, 2014. – 336 s.

4. Cichoracki, P. Województwo poleskie 1921–1939: Z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki : Wydawnictwo LTW, 2014. – 488 s.

5. Органы местного управления и самоуправления на территории Беларуси (IX век – 30-е годы XX века): пособие / Э. М. Савицкий [и др.]; под общ. ред. С. Н. Ходина. – Мн. : БГУ, 2019. – 199 с.

6. Вабищевич, А. Н. Западное Полесье в 1921–1939 гг.: воеводские и поветовые органы управления и самоуправления / А. Н. Вабищевич // Беларусь и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: сб. материалов науч.-практ. конф., Брест, 29 марта 2017 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.: Л. М. Калилец, Н. В. Самосюк. – Брест : БрГУ, 2017. – С. 37–43.

7. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко, В. В. Шейбак, А. Викт. Гурко, И. Г. Бочило, И. В. Олюнина, А. Н. Вабищевич, А. А. Крумплевская, Л. В. Ракова, И. В. Романенко, И. А. Швед, С. В. Грунтов, Т. А. Новогродский, Н. С. Бункевич, Ю. С. Прокофьева ; науч. ред. А. Викт. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус, культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Мн. : Бел. навука, 2020. – 621 с.

8. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.

УДК 94:271.2-726(476.2)«192»

Н. В. Самосюк
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

В статье раскрывается отношение православного духовенства к военно-политическим событиям первой четверти XX в. Автор отмечает, что власти Полесского воеводства в целом не доверяли православным священникам, так как рассматривали их как потенциально враждебно настроенных к польской государственности. Выявлено, что православные священники являлись сторонниками различных национально-церковных движений. Обосновано, что только участие в советско-польской войне на польской стороне являлось действительным критерием для доверия отдельным православным священникам со стороны административных властей.

Православное духовенство на белорусских землях сложилось как особое профессиональное сообщество со своими традициями, центральное место в которых занимала преемственность, где из поколения в поколение стремление священствовать позиционировалось как высшая ценность. На протяжении XIX в. сложились священнические династии, в которых получение духовного образования, а затем и рукоположение в священнический или диаконский сан очень высоко ценилось. В XX в. дети священнослужителей все чаще получают возможность выбирать свой собственный путь и получают светское образование. Революционные настроения и последовавшие события все более усиливают эту тенденцию. Тем не менее, статус православного священника на белорусских землях продолжал оставаться высоким. Кардинальные изменения произошли после официального присоединения территории Западной Беларуси к возрожденному польскому государству.

На территории Полесского воеводства доминировало православное население. Административные власти относились настороженно ко всему православному духовенству. Русская православная церковь в восприятии польских властей являлась враждебным религиозным институтом. Следует отметить, что в 1925 г. официально была провозглашена

автокефалия Православной церкви в Польше. Однако и после такого кардинального изменения ситуации, власти продолжали воспринимать православных священников как сообщество, стремящееся к возрождению монархии и восстановлению Российской империи, чьей опорой являлась Русская православная церковь.

Духовенство Полесской епархии на протяжении всего межвоенного периода пополнялось не только выходцами из священнических династий, но и в значительной степени представителями белорусского крестьянства. В семьях сельских жителей законсервировался традиционный уклад, в котором значительное место отводилось религиозной обрядности. Многие крестьянские юноши, воспитанные в религиозных традициях, мечтали о священстве, так как вера была неотъемлемой частью их жизни. В качестве примера можно привести воспоминания священника Евстафия Баслыка. В своих воспоминаниях он, анализируя свой жизненный путь, объяснял, почему выбрал священство. Для отца Евстафия был близок крестьянский труд, который он хорошо понимал и любил. Священником же Евстафий Баслык, как он сам пишет, стал потому, что рано остался без матери, болел в детстве и в храме он всегда находил утешение. В целом жизнь сельского священника была наполнена многочисленными сельскохозяйственными делами [1].

В Российской империи сложился институт военных священников. В том числе и православные священники, выходцы из Беларуси, участвовали в Первой мировой войне. Многие из них добросовестно выполняли свой священнический долг, имели награды. Однако в процессе работы с личными делами православных священников Полесской епархии не удалось найти ни одного дела православного священника, который бы участвовал в Первой мировой войне в статусе священника. Известно, что польские власти разрешали служить только тем представителям православного духовенства, которые родились на территории Западной Беларуси. Выходцы из других частей бывшей Российской империи не могли получить польское гражданство и, соответственно, выполнять священнические обязанности в приходах Полесского воеводства. В 20-е годы, когда контроль со стороны административных властей был не таким жестким, отдельные священники, бежавшие из Советской России, находили пристанище на территории Полесской епархии. Священник Питирим Бакланович прекрасно выполнял свои душпастырские обязанности, способствовал нормализации церковной жизни во многих приходах Брестского повета. Однако он не являлся выходцем из Западной Беларуси, и как ни пытался, так и не смог получить польское гражданство. В этой связи власти не разрешили ему в дальнейшем священствовать [2, л. 60].

Польские власти боролись с распространением коммунистических идей среди населения Западной Беларуси в целом и Полесского воеводства в частности. И религиозные организации также прилагали в этом направлении значительные усилия, в том числе и Православная церковь. Православные священники в большинстве своем знали о гонениях на Русскую православную церковь в Советской России [3, с. 75–77]. Вопреки тому, что административные власти видели в священниках монархистов, в действительности же, многие из них не идеализировали монархию [4, с. 20–26]. Напротив, представители старшего поколения следили за революционными и военными событиями, многие из них высказывали суждения о том, что Российскую империю могли спасти своевременные реформы в политической и социальной сферах. Священнослужители Западной Беларуси в 20-е гг. XX в. в различной степени были вовлечены в деятельность белорусского и украинского национально-церковных движений. Территория Полесского воеводства находилась в сфере влияния украинского национально-церковного движения. В этой связи епископ Александр даже издал распоряжение, которое запрещало священникам напрямую участвовать в деятельности украинского движения. После этого православное духовенство не могло принимать участие в различного рода мероприятиях, однако интерес к украинскому движению не потеряло [5].

Отдельным священникам Полесского воеводства периодически приписывали симпатии к коммунистической идеологии и советским властям. Таким образом, священников

стремились дискредитировать. Например, священника Кондратия Василюка обвиняли в том, что он во время советско-польской войны лично показал командиру советского отряда, где можно переправиться через реку Мухавец [6, л. 1]. С течением времени этот эпизод оброс многочисленными деталями. Так, будто бы священник Кондратий сорвал польскую государственную символику с гминного управления в Приборове Брестского повета, когда в деревню пришли советские войска. Кроме того, Кондратий Василюк якобы так сумел расположить к себе красноармейцев, что о нем даже вышла статья в советской газете [6, л. 29]. В западнобелорусских реалиях за подобные действия священник Кондратий был бы осужден по всей строгости военного времени. В действительности же у священника был конфликт с несколькими жителями деревни Щебрин, где он служил с 1925 г. В частности, Кирилл Савчук был осужден на 2 года в связи с коммунистической пропагандой. Апогеем жалоб на Кондратия Василюка стало письмо в министерство вероисповеданий и народного просвещения в апреле 1934 г., от имени всего прихода, а в действительности подписанное только 12 жителями [6, л. 62]. Отец Кондратий вынужден был дать официальный ответ на все изложенные в жалобе претензии, какими бы надуманными они не были. В 1920 г. через деревню Приборово, уже отступая, проходила Красная Армия. Священнический дом заняли командиры. Один из них, сказав, что он сын священника, предложил отцу Кондратию идти с Красной Армией. Позже этот командир их встречу и общение описал в статье в принципиально ином ракурсе. В этой связи было судебное дело, но Кондратий Василюк был оправдан [6, л. 61]. В действительности Кондратий Василюк служил в армии Булак-Балаховича, причем не один, а со старшим сыном. Возможно, что погребение, которое приводится в жалобе, – это на самом деле погребение убитого большевиками офицера армии Булак-Балаховича. «Офицер был кавказец, грузин, к сожалению его имени и фамилии я не помню. Правдивость моих слов может подтвердить священник, сейчас монашествующий, отец Михаил Левицкий, который сейчас находится в Люблине, на тот момент он являлся настоятелем православного прихода во Владаве, так как других присутствующих на погребении я не помню, также как и не знаю их места жительства» [6, л. 62об.].

В целом православные священники, даже если стремились проявлять лояльность по отношению к административным властям, всегда воспринимались настороженно. Исключение составляли священнослужители, участвовавшие в советско-польской войне на польской стороне. В характеристике на отца Александра поветовый камень-каширский староста в связи с его переводом в деревню Хотешово отмечает следующее: «Александр Белецкий является ополченцем Польского войска с 1920 г., служил в партизанском отряде А. Кроликовского, отмечен медалью за участие в войне 1918–1921 гг.» [7, л. 27]. Александра Белецкого благоприятно воспринимали власти и он одновременно являлся членом многих общественных организаций: гминного правления, поветового правления, а также главой Лиги противовоздушной и противогазовой обороны. Вся местная администрация отзывалась об Александре Белецком только доброжелательно. Отца Александра нередко переводили в те приходы, которые, по мнению административных властей, нуждались в оздоровлении церковной жизни. Церковные власти в характеристиках на Александра Белецкого всегда отмечали, что он честный пастырь и особо радеет о благополучии Православной церкви и польского государства. Немаловажным фактором такого отношения административных властей являлось то, что он в графе анкеты относительно национальности всегда идентифицировал себя поляком [7, л. 31].

Для священника лунинецкого повета Николая Беллюстина его поведение во время советско-польской войны стало основанием для различного рода претензий со стороны административных властей и последующего его перевода за штат. Поветовый староста писал в характеристике на Николая Беллюстина следующее: «Выступал против реквизиции возов от крестьян в помощь армии и полиции. Одним словом, как мог противодействовал Польше, вследствие чего его стоит считать скрытым врагом» [8, л. 34]. Вместе с тем, административные власти считали, что священник являлся сторонником независимой Беларуси и в этом

ключе проводил агитацию среди своих прихожан. При этом священник пользовался большим авторитетом и уважением среди своих прихожан. Активную деятельность на территории Полесского воеводства развивала русская общественность. В частности, в материалах личного дела отца Николая отмечено, что в 1928 г. он совместно с двумя другими священниками проводил агитацию за Русское народное объединение [8, л. 30]. Николай Беллюстин всегда прекрасно справлялся со своими душпастырскими обязанностями, вопреки своей инвалидности. Епископ Александр высоко ценил отца Николая как священника и после перевода за штат он выполнял обязанности викарного священника в тех приходах, где священник болел либо долгое время отсутствовал. При этом необходимо отметить, что у Николая Беллюстина была ампутирована нога. Вплоть до своей смерти в 1936 г. отец Николай регулярно писал прошения о переводе его в должность штатного священника [8, л. 5].

Таким образом, православное духовенство Полесского воеводства было вовлечено в военно-политические события первой четверти XX в. Во многом этому способствовало то, что многие священнические династии прервались и ряды духовенства пополнялись из крестьянской среды. Административные власти видели в Православной церкви важный религиозный и социокультурный институт, который оказывал весомое влияние на население. В этой связи польские власти оказывали значительное давление на церковное руководство в назначении во главе прихода того или иного священника. Многие священнослужители бежали от гонений против Церкви в Советской России, однако административные власти разрешали священствовать только тем, кто родился на территории Западной Беларуси. Даже если священник-беженец и смог обосноваться и наладить церковную жизнь в одном из приходов Полесского воеводства, то он все равно, не мог получить польского гражданства. Отсутствие гражданства было основанием для выселения за пределы Польского государства. Православная церковь в Польше получила автокефалию в 1925 г. и официально перестала быть частью Русской православной церкви. Тем не менее административные власти видели в духовенстве потенциальную угрозу, так как будто бы они занимают монархическую позицию, что не соответствовало действительности. Даже подчеркнуто лояльное отношение православного духовенства к польской государственности ставилось под сомнение. Самым важным критерием для властей в оценке православного священника являлось его участие в польско-советской войне за польскую государственность.

Источники и литература

1. Баслык, Е. Записки священника Евстафия / священник Евстафий Баслык. – Минск : Лучи Софии, 2005. – 256 с.
2. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБрО). – Ф. 1. О. 11. Д. 39. Личное дело священника Православной церкви Баклановича Питирима.
3. Самосюк, Н. В. Социокультурные связи русской православной церкви и православной церкви Западной Беларуси в межвоенный период / Н. В. Самосюк // Научный поиск в сфере современной культуры и искусства : материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, посвященной году качества (Минск, 21 ноября 2024 г.) : сборник научных статей / М-во образования Республики Беларусь, Белорусский государственный университет культуры и искусств ; [редкол.: Н. В. Карчевская (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУКиИ, 2025. – С. 73–77.
4. Самосюк, Н. В. Православное духовенство в контексте социокультурных стереотипов польского общества (1921–1939 гг.) / Н. В. Самосюк // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2025. – № 2. – С. 20–26.
5. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : монография / Н. В. Самосюк ; Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2020. – 212 с.

6. ГАБрО. – Ф. 1. О. 11. Д. 196. Личное дело священника Православной церкви Василюка Кондратия.

7. ГАБрО. – Ф. 1. О. 11. Д. 85. Личное дело священника Православной церкви Белецкого Александра.

8. ГАБрО. – Ф. 1. О. 11. Д. 91. Личное дело священника Православной церкви Беллюстина Николая.

УДК 94(438)(329)"1920-1930"

К. В. Шевченко
Филиал Российского государственного
социального университета в г. Минске

НАСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

В статье анализируется этнокультурная политика межвоенной Польши в отношении восточнославянского населения Западного Полесья. Основной вектор политики Варшавы состоял в торможении формирования у населения Полесья национальной идентичности и в поддержке региональной формы самоидентификации, выражавшейся в этнонациональной категории «полешуки», которая широко применялась польской администрацией. Польские чиновники трактовали полешуков как отдельный народ, ссылаясь на этноязыковые особенности Полесья, что было призвано ускорить полонизацию местного населения, которая являлась главной целью этнокультурной политики Варшавы в данном регионе.

Сразу после заключения Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., в соответствии с которым обширные области Западной Украины и Западной Беларуси вошли в состав Польши, польская администрация приступила к реализации широкомасштабной и системной политики этнокультурной инженерии в этнически непольских восточных воеводствах, стремясь усилить польский этнокультурный облик этих воеводств и в перспективе полностью полонизировать их население. Наиболее ярко технологии данной инженерии проявились на территории Полесского воеводства, коренное население которого отличалось неполностью сформированной национальной идентичностью и наличием региональных форм самоидентификации. Стремясь воспрепятствовать распространению среди него белорусской и украинской идентичностей, польские власти всячески поддерживали локальный уровень самоидентификации, который выражался в таких этнонациональных категориях, как «тутейшие» или «полешуки». Данные категории активно использовались польскими властями в ходе переписей населения наряду с такими этнонациональными категориями, как «белорусы», «поляки», «русские», «украинцы» и «евреи».

Так, по официальным данным Главного статистического управления Полесского воеводства за 1 января 1924 г., на территории Полесского воеводства в то время проживало 84614 поляков, 412506 белорусов, 2203 украинцев, 1810 русских, 125643 евреев и 441 702 «полешуков» [1, л. 1–2]. Примечательно, что численность полешуков – 441 702 человека – была самой большой, заметно превышая численность белорусов, которая составляла 412506 человек.

Показательно, что по официальным данным следующей переписи населения, проведённой в Польше в 1931 г., численность полешуков на территории Полесского воеводства существенно возросла, составив 710 870 человек или 63,1 % от общей численности его населения. Заметно выросла также численность поляков, достигнув 154 955 человек или около 14 % от численности населения [2, л. 40].

Впрочем, данные цифры отражали не столько этнокультурные реалии региона, сколько приоритеты и результаты этнонациональной политики польской администрации, использовавшей переписи как инструмент создания желаемой для польских властей картины этнической структуры населения Полесья путём всяческого завышения числа поляков, к которым часто относили белорусов-католиков, а также числа полешуков. Всё это можно рассматривать как пример ярко выраженного «этического предпринимательства» [3, с. 111] со стороны польского государства, которое зачастую путём административного нажима «предписывало» местному населению «нужную» этническую идентичность.

Как справедливо отмечал известный польский историк Е. Томашевский, переписи населения в межвоенной Польше были отмечены как целым рядом недостатков, так и прямых фальсификаций. По его словам, «национальную принадлежность той многочисленной части населения Полесья, которая не могла сама определить свою национальность, определяли в основном сами счётные комиссары. Частым явлением были факты, когда национальная принадлежность людей определялась не ими самими, а другими лицами. Кроме того, известны факты, когда сами счётчики были малограмотными…» [4, с. 20–21].

Однако искусственная консервация самосознания восточнославянского населения Полесья на региональном уровне для противодействия распространению у него белорусской, русской или украинской идентичностей была не самоцелью польской этнокультурной политики в данном регионе, а лишь средством для достижения более важной цели, которая заключалась в полонизации местного населения. В предложениях полесского воеводы В. Костек-Бернацкого о мерах по поднятию образовательного уровня населения Полесья, направленных 1 февраля 1937 г. в министерство внутренних дел под грифом «совершенно секретно», откровенно говорилось о том, что «главная цель заключается в пробуждении в национально несознательном полешуке чувства принадлежности к польскому народу» и указывалось, что наиболее эффективным методом достижения подобной цели является «широкое распространение польского школьного образования» [5, л. 14–15].

При этом полесский воевода открыто подчёркивал необходимость присылать на Полесье в качестве учителей исключительно поляков-католиков из внутренних областей Польши, которые, по его словам, «должны в полной мере осознавать важность своей миссии» [5, л. 14–15]. Он также предостерегал руководство министерства внутренних дел против практики использования в качестве учителей на территории Полесского воеводства русских, белорусов, украинцев или местных полешуков, поскольку «учитель-полешук православного вероисповедания чаще всего русифицируется или украинизируется и вместо того, чтобы приносить пользу государству, часто попадает под влияние окружения, настроенного враждебно по отношению к польскости» [5, л. 14–15].

Обращает на себя внимание то показательное обстоятельство, что полесский воевода, отмечая высокую степень религиозности коренного населения Полесья, подчёркивал важность полонизации местной православной церкви. В частности, он указывал на необходимость перевода преподавания Закона Божьего в школах на польский язык, полной замены церковнославянского языка на польский в церковных метриках; причём традиционные церковнославянские имена в метриках должны были указываться только по-польски [5, л. 17]. Подобные меры предусматривались и в других восточных воеводствах Польши.

В фондах Государственного архива Брестской области (ГАБО) сохранился любопытный документ для служебного пользования, подготовленный одним из сотрудников Управления Полесского воеводства в 1931 г., в котором делалась попытка научного определения полешуков как отдельного славянского народа, не имеющего ничего общего с белорусами, украинцами или русскими. Свою служебную записку, посвящённую «полесскому вопросу», польский чиновник начал с пространной критики тех украинцев, русских и белорусов, которые не хотели признавать национальной и этноязыковой обособленности полешуков и трактовали их как часть собственной национальной группы, утверждая при этом, что «местный язык является вымыслом польской администрации» [6, л. 60]. Яростно полемизируя с данной точкой зрения, чиновник старался

доказать, что восточнославянское население Полесья, «…происходящее от древлян, не имеет ничего общего с теми племенами, от которых позже произошли русский или украинский народы. Лучшим подтверждением этому служат многовековые войны, которые вели предки нынешних полешуков с киевскими князьями, начиная со времён князя Игоря и княгини Ольги, а также с князьями галицкими» [6, л. 60]. Свой тезис о национально-языковой обособленности польский чиновник стремился доказать и апелляцией к неким «…антропологическим и археологическим исследованиям, которые свидетельствуют о том, что физический тип как предков современных полешуков, так и нынешних обитателей Полесья значительно отличается от физических типов русских и украинцев. Наконец, язык современных полешуков включает многочисленные особенности, чуждые русскому, украинскому и белорусскому языкам. Поэтому, – заключал автор служебной записки, – полесский язык не может рассматриваться как диалект этих языков, а по отношению к украинскому и белорусскому языкам он может считаться равноправным с ними» [6, л. 60].

Констатировав, что полешуки образуют отдельную «этно-племенную группу, которая в массе своей ещё не до конца осознала свою национальную принадлежность» [6, л. 60–61], польский чиновник подчёркивал, что «факт проживания около одного миллиона полешуков в границах польского государства имеет колоссальное политическое значение. Вопрос состоит в том, будут ли полешуки ассимилированы и связаны с польским народом, либо же они станут объектом воздействия враждебных нам националистических движений» [6, л. 61].

Присутствие на территории Полесского воеводства белорусов и украинцев этот чиновник объяснял тем, что это в действительности «бывшие полешуки», поддались влиянию национальной пропаганды со стороны «политических и общественных украинских и белорусских организаций», которая «продолжалась несколько лет после образования независимой Польши и способствовала развитию здесь сепаратистских тенденций» [6, л. 61].

Служебная записка завершалась призывом использовать в интересах Польши этнокультурные особенности Полесья и всячески укреплять здесь польский этнический элемент, поскольку Полесье, по словам её составителя, «представляет собой естественный клин между белорусской этнической массой на севере и украинской массой на юге <…> Как можно более широкая польская колонизация полесских городов и придание им исключительно польского характера является задачей первостепенной важности для наших восточных кресов…» [6, л. 63]. Таким образом, служебная записка содержала весьма чёткий, предметный и откровенный план полонизации Полесья с учётом этнокультурных особенностей его коренного населения.

Судя по всему, данные мысли разделялись рядом высокопоставленных польских чиновников, которые по мере возможности старались претворять их в жизнь. Так, 24 апреля 1938 г. В. Костек-Бернацкий издал пространную инструкцию, адресованную всем чиновникам Полесского воеводства, в которой он строго осудил имевшую место практику отношения местной польской администрации к полешукам как к «чуждому и враждебному элементу». Воевода подчёркивал, что подобная практика является «вредной для польскости Полесья» и требовал от чиновников воеводства «считать тех полешуков, которые не относят себя к украинцам, белорусам или русским, поляками вне зависимости от их религиозной принадлежности… Необходимо, – указывал В. Костек-Бернацкий, – окружать полешуков опекой и таким образом притягивать их к польскости. Нужно понимать их диалект, однако говорить с ними необходимо только по-польски…» [7, л. 7–8].

В конце документа В. Костек-Бернацкий требовал от подчинённых довести данную информацию до сведения всех сотрудников Полесского воеводства на уровне поветов и гмин. Уже 1 мая 1938 г. староста Брестского повета разослал указание полесского воеводы подчинённым ему чиновникам гмин Брестского повета с требованием тщательно ознакомиться с данным документом, принять его к сведению и удостоверить это собственноручной подписью [7, л. 37].

Явная поддержка особой «полесской» идентичности со стороны польской администрации в противовес прочим традиционным восточнославянским идентичностям нашла своё выражение в политике польских властей в отношении местных СМИ. Так, например, 26 ноября 1926 г. львовский еженедельник «Русский голос», являвшийся печатным органом Русской Народной Организации (РНО), опубликовал статью под названием «По случаю полесизации». В ней подробно рассказывалось об издании на территории Полесского воеводства, в Пинске, газеты «на чистейшем полесском языке». По словам «Русского голоса», «уездный сеймик в Пинске – ничтоже сумняшеся – открыл «древнюю нацию – народ полесский». И не только открыл, но стал даже издавать специальную газету для этого до сих пор пребывающего в неизвестности «народа», – с иронией сообщал еженедельник. – Факт, в достаточной степени говорящий сам за себя! По-видимому, примеры Австро-Венгрии слишком ещё стоят перед глазами польского правительства» [8, с. 1]. Активно поддерживаемый местной польской администрацией «полесский проект» в виде издания газеты на местном полесском диалекте «Русский голос» расценивал как очередную попытку подорвать общерусский «национальный организм» и «вытравить в русском народе его национальное сознание, сознание его великой культуры – его русскость» [8, с. 1].

Попытки польских властей издавать прессу на местном полесском диалекте, что было призвано содействовать становлению особой местной идентичности и одновременно распространять идеи лояльности к польскому государству, имели место и позднее. В 1928 г. в Пинске при поддержке местной администрации издавался еженедельник «Наша земля», который ставил своей целью в условиях предвыборной кампании в сейм «освещать жизнь малоземельных крестьян» и разъяснять тем крестьянам, которые не могли читать по-польски, «что делается в стране» [9, с. 1]. Характерно, что статьи в данной газете печатались как на местном полесском диалекте с активным использованием польской лексики, так и на литературном русском языке; при этом наиболее важные в пропагандистском отношении материалы редакция предпочитала публиковать именно на русском литературном языке. Тем самым редакторы проправительственного издания фактически признавали широкую распространённость и органичность русской культуры и языка для местного населения. В содержательном отношении «Наша земля» выступала в качестве откровенного пропагандистского рупора пилсудчиков в полесском регионе, призванного повлиять на итоги выборов в сейм в данной части Полесья. Впрочем, особого влияния на умонастроения коренного населения Полесья данные проекты не имели.

Одновременно с попытками всячески продвигать среди населения издания на местных диалектах, польская администрация на корню блокировала любые попытки местных активистов издавать прессу на русском литературном языке. Так, только в конце 1931–1932 г. в Пинске путём административного удушения местной польской администрацией были ликвидированы газеты «Под небом Полесья» и «Пинский голос», которые, декларируя полнейшую лояльность польскому государству, издавались на литературном русском языке и пытались осторожно продвигать идеи общерусского единства. Примечательно, что данные газеты быстро приобрели популярность среди местного населения, что сразу обеспокоило польскую администрацию. Конкретные административные меры, направленные на ликвидацию данных изданий, активно обсуждались на уровне полесского воеводы В. Костек-Бернацкого и министерства внутренних дел в Варшаве [10, л. 35].

Таким образом, польская администрация Полесского воеводства в течение всего межвоенного периода активно разрабатывала и применяла на практике меры, направленные на полонизацию местного восточнославянского населения, используя в качестве инструмента его этнокультурные особенности, в первую очередь незавершённость процесса формирования национальной идентичности в Полесском регионе и локальные формы самоидентификации. От нараставшей угрозы полонизации белорусское Западное Полесье было окончательно избавлено только в результате воссоединения Западной Беларуси с БССР осенью 1939 г.

Показательно, однако, что креативные наработки польских менеджеров «полесского национального проекта» в межвоенный период оказались востребованными в конце 1980-х – начале 1990-х годов в период советской «перестройки». В это время активисты возникшего тогда в юго-западной части БССР западно-полесского этнополитического движения пытались безуспешно использовать некоторые идеи польских чиновников Полесского воеводства межвоенного периода для доказательства существования отдельного «западно-полесского» или «ятвяжского» народа [11].

Источники и литература

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 01. Оп. 01. Д. 2516.
2. ГАБО. – Ф. 01. Оп. 08. Д. 1658.
3. Тишков, В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В. В. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 544 с.
4. Tomaszewski, J. Z dzejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963. – 208 с.
5. ГАБО. – Ф. 01. Оп. 08. Д. 1656.
6. ГАБО. – Ф. 01. Оп. 08. Д. 1661.
7. ГАБО. – Ф. 01. Оп. 08. Д. 1089.
8. По случаю полесизации // Русский голос. – 1925. – 26 ноября. – С. 1.
9. Наша земля. Безпартыйна газета нидельня. – 19 стычня 1928. – № 10. – С. 1.
10. ГАБО. – Ф. 01. Оп. 08. Д. 940.
11. Казак, О. Г. Западнополесское этнополитическое движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) / О. Г. Казак, А. С. Середа. – Минск : Колорград, 2023. – 102 с.

УДК 94:327(438:430)«1934»

Л. В. Гавриловец
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1934 ГОДА

Анализируется польско-германское соглашение 1934 г. о мирном разрешении споров, подписанное 26 января в Берлине. Германское руководство добивалось подписания данного соглашения с целью нанести удар по системе союзов в Восточной Европе, созданных Францией и подготовить плацдарм для осуществления нападения на СССР. Стороны взяли на себя обязательства поддерживать взаимоотношения на принципах пакта Келлога – Бриана, не применять силу для разрешения спорных вопросов, а исключительно использовать путь мирного урегулирования.

Польско-германская декларация о неприменении силы от 26 января 1934 г. стала неожиданностью для международного сообщества, так как весной 1933 г., после прихода Гитлера к власти в Германии, высказывалась точка зрения о возможном начале вооруженного конфликта между Польшей и Третьим Рейхом, а также о готовящейся Пилсудским превентивной войне [1, с. 160]. Неожиданный поворот в напряженных отношениях между Берлином и Варшавой, вызванный соглашением 1934 г., открыл новый период во взаимоотношениях двух стран, который продолжался до весны 1939 г.

Польша могла находиться в относительной безопасности до тех пор, пока Германия была частично разоружена в соответствии с условиями Версальского договора, а рейхсвер, насчитывавший 100 000 человек и лишённый военной авиации и бронетехники, не мог представлять для неё значительной угрозы. Основой польской стратегии безопасности был союз с Францией 1921 г., предусматривавший взаимную помощь в случае германской агрессии. Однако в середине 1920-х гг. Германия получила гарантии нерушимости своих границ с Францией и Бельгией, в то время как аналогичные гарантии не были предоставлены Польше и Чехословакии, союзникам Франции. Локарнская конференция 1925 г. ослабила польско-французский союз. Примирительная политика Франции по отношению к Берлину, по мнению польского руководства, представляла собой опасную перспективу для Польши. Германия осуществляла постоянные нападки на Польшу, используя для этого вопрос о положении немецкого меньшинства на территории польского государства.

С 1929 г. польско-германские отношения продолжали ухудшаться. Так, в августе 1930 г. немецкий политик Г. Тревиранус потребовал пересмотра границы с Польшей. В январе 1931 г. в Лиге Наций министр иностранных дел Германии Ю. Куртиус также отметил, что Рейх попытается пересмотреть свою восточную границу [2, с. 51]. В сентябре 1932 г. польские дипломаты узнали от французского посла по особым поручениям Р. Массильи позицию Франции по вопросу, что произойдет, если Германия начнет перевооружение самостоятельно. Ответ Франции был следующим: «Ничего не произойдет, мы не будем объявлять войну, и все другие средства ненадежны» [3, s. 2]. Вскоре после этого, 11 декабря того же года, западные державы в специальной декларации предоставили Германии равные права в военной сфере в рамках системы, обеспечивающей безопасность.

В этой ситуации польское руководство решило проводить более активную внешнюю политику. Кроме того, польским руководством было высказано неодобрение в отношении нелояльной политики Франции к Польше и осуществлен вывод французской военной миссии из страны, а также польская делегация на конференции по разоружению в Женеве озвучила иную позицию в отличие от своего французского союзника.

В середине февраля 1933 г. немецкие власти предприняли очередную попытку ограничить права Польши в Данциге (Гданьске). В ответ Польша демонстративно направила дополнительную пехотную роту на военно-транспортный склад в Вестерплатте, высадившись там с транспортного судна «Вилья». Эти действия, формально нарушившие Вестерплаттское соглашение, сопровождались концентрацией польских войск в Померании и антигерманскими демонстрациями. Вскоре после этого, 2 мая, А. Гитлер провел беседу с польским депутатом А. Высоцким, в которой заявил, что не намеревался обострять отношения с Польшей, а напротив стремился разрядить возникшую напряженность между странами [4, s. 179].

Весной 1933 г. Польша высказала недовольство своим французским союзником, который начал переговоры по предложенному Б. Муссолини Четырехстороннему пакту. Хотя проект так и не был реализован, но позиция Польши была озвучена министром Ю. Беком в разговоре с французским послом Ж. Ларошем и иллюстрирует состояние польско-французских отношений в тот период: «Если какое-либо государство, в одиночку или совместно с другими, попытается захватить хотя бы один квадратный метр нашей территории, заговорят орудия. Берлин знает это и принял к сведению. Боюсь, что Лондон, Рим и даже Париж недостаточно осведомлены об этом…» [3, s. 3; 5, s. 3].

Выход Германии из Лиги Наций в октябре 1933 г. был использован руководством Польши как возможность предложить ей подписать пакт о ненападении. Министерство иностранных дел Германии неохотно приняло это предложение, но мнение А. Гитлера стало решающим. После нескольких недель переговоров, в ходе которых немецким дипломатам удалось лишь заменить термин «пакт о ненападении» на «декларацию ненасилия», документ был подписан рейхсминистром иностранных дел Константином фон

Нейратом и польским посланником в Берлине Юзефом Липским. Несколько недель спустя был подписан протокол, обязывающий подписавшие стороны прекратить пропагандистские выпады против другой стороны.

Правительства Польши и Германии заявили, что настало время начать новый этап в польско-германских политических отношениях посредством прямого общения между государствами, а основу для будущего развития этих отношений заложит соглашение 1934 г. В соглашении было прописано, «что правительства обеих стран исходят из того, что поддержание и укрепление прочного мира между ними является необходимым условием всеобщего мира в Европе, поэтому они будут строить свои взаимоотношения на принципах, содержащихся в Парижском соглашении от 27 августа 1928 г. Кроме того, каждое из двух правительств заявило, что международные обязательства, которые оно уже приняло в отношении другого государства, не препятствуют мирному развитию их взаимных отношений, не противоречат соглашению. В случае возникновения между ними споров, которые не могут быть урегулированы путем прямых переговоров, правительства обеих стран будут добиваться таких решений в каждом отдельном случае путем взаимного соглашения другими мирными средствами, однако ни в коем случае они не будут прибегать к применению силы для урегулирования таких споров. Гарантия мира, основанная на вышеуказанных принципах, будет способствовать выполнению важной задачи обоих правительств по поиску решений политических, экономических и культурных вопросов на основе справедливого и равноправного баланса взаимных интересов. Правительства обеих стран были убеждены, что отношения между ними будут плодотворно развиваться и приведут к укреплению добрососедских отношений, что в свою очередь окажет благотворное влияние не только на их страны, но и на другие страны Европы» [6, s. 276].

Соглашение было заключено сроком на десять лет, а если ни одно из правительств не денонсирует его за шесть месяцев до истечения этого срока, то оно оставалось в силе; однако после этого любое правительство могло денонсировать его в любое время, уведомив об этом за шесть месяцев. Результатом подписания соглашения, с одной стороны, стало прекращение дискуссии по вопросу пересмотра польско-германской границы, что укрепило позиции Польши. С другой стороны, союз с Германией отдалил Польшу от Запада, поставил под сомнение её отношения с Советским Союзом и дал Третьему Рейху возможность влиять на политику Польши.

Декларация от 26 января 1934 г. представляла собой своего рода дополнение к пакту о ненападении, подписанному Польшей в июле 1932 г. с Советским Союзом. Таким образом, Польша имела договоры о ненападении с обоими своими соседями. Начался новый этап в польской внешней политике, и особенно в отношениях между Варшавой и Берлином. Пилсудский подписал соглашение с Германией как ответ на нелояльную политику союзной Франции по отношению к Польше и её стремление к соглашению с Берлином в ущерб польским интересам. Пилсудский и Бек считали, что Гитлер отказывается от традиционной прусской политики, направленной против Польши и ориентированной на сотрудничество с Москвой, что он направит экспансию Третьего Рейха на юго-восток, в сторону Австрии, а затем Чехословакии. Однако Пилсудский считал это временным решением, что подтверждается утверждениями его подчиненных, которым весной 1934 г. он говорил следующее. Так, премьер-министр К. Свитальский утверждал, что «Пилсудский предостерегал от мысли о том, что соглашение о мирных отношениях между Польшей и обоими соседями должно длиться вечно, а хорошие отношения между Польшей и Германией могут продлиться, возможно, еще четыре года», а генерал К. Фабрици заявлял, что, по мнению Пилсудского: «С этими двумя пактами мы сидим на двух стульях – это не может продолжаться долго. Мы должны знать с какого из них падем первыми и когда» [3, s. 4].

Для Германии изменения, произошедшие в германо-польской политике, изначально носили тактический характер. А. Гитлеру был необходим мир, чтобы укрепить

национал-социалистический режим, а затем восстановить вооруженные силы, поэтому заключение временного соглашения с Польшей, с которой Германия находилась в крайне напряженном политическом конфликте, должно было стать доказательством того, что Третий Рейх питает только мирные намерения. Германская сторона также преуменьшала значение существующего спора по вопросу Померании и о транзите в Восточную Пруссию, когда заявляла польскому посланнику Ю. Липскому, что «если польско-германские отношения хорошие, то какой вред нанесет Рейху «польский коридор». Через несколько лет, при хороших отношениях, Германия забудет о «коридоре», и эта проблема перестанет быть болезненной для Польши» [7, s. 149]. Тем не менее, Германия с самого начала вела подготовку к войне, а для этого необходимо было объединить отдельные фракции немецкого населения в Польше в единый нацистский лагерь, подготовить этот лагерь к будущим диверсионным операциям, втянуть всю Польшу в предстоящую войну с СССР.

После подписания Декларации о неприменении силы 1934 г. в последующие годы немецкая сторона призывала поляков к созданию постоянного союза с Рейхом и инициированию военного сотрудничества против СССР. В начале 1935 г. Г. Геринг провел по данному вопросу беседу с Пилсудским, которая не принесла никаких результатов. В ответ Пилсудский, по словам Геринга, «возмутился и ясно дал понять, что не может вечно стоять со штыком у ног на такой длинной границе, как польско-советская» [7, s. 151]. Но другие нацистские деятели, в частности И. фон Риббентроп и Х. Франк, также присоединились к кампании по привлечению Польши в качестве союзника Третьего Рейха. Польша отнеслась к предложениям с немецкой стороны уклончиво.

Во Франции после заключения польско-германского соглашения директор по внешней политике Луи Барту предложил более тесно сотрудничать с СССР против германской агрессии, но Польша выступила против его концепции Восточного пакта, который должен был окружить Третий Рейх. Немецкая пресса утверждала, что благодаря соглашению 1934 г. Гитлер разорвал кольцо врагов, окружавших Рейх, и открыл дверь на Восток. В свете союза, заключенного в 1935 г. между СССР, Францией и Чехословакией, роль Польши как партнера в германской политике в Восточной Европе стала более четко определена. В то же время начали проявляться последствия сближения Польши с Германией в Данциге. Политика Польши в отношении вольного города основывалась на предотвращении чрезмерного укрепления его связей с Третьим Рейхом. Но на выборах в Данцигский народный совет в мае 1933 г. Национал-социалистическая партия добилась полного успеха и партийные организации, от штурмовых отрядов до гитлерюгенда, беспрепятственно обосновались в Гданьске, партии консервативных националистов и социал-демократов были распущены, а влияние Верховного комиссара Лиги Наций сведено к нулю.

Одной из проблем в польско-германских отношениях, которая оставалась нерешенной, являлся вопрос о польском меньшинстве в Германии. Польское меньшинство, проживавшее в Силезии, Мазурии и Повисле, насчитывавшее около 1 400 000 человек, не пользовалось даже малой частью тех прав, которыми обладало немецкое меньшинство в Польше. Немцы в Польше смогли сохранить свои школы, журналы и культурные учреждения. Принуждение поляков к выполнению «рейхструдовой службы» и вербовка польской молодежи в гитлерюгенд и Бундестаг создали возможность для денационализации. Декларация польского и немецкого правительств от 5 ноября 1937 г., в которой они гарантировали меньшинствам, проживающим в обеих странах, возможность свободного развития их национального языка, обычаев, экономических и культурных объединений, церковных организаций, осуществления экономической деятельности и получения образования не принесла никаких улучшений [8, s. 662]. Реализация этих принципов выглядела по-разному по обе стороны границы.

Среди относительных преимуществ подписания соглашения 1934 г. можно отметить активизацию культурных контактов, о чем свидетельствовала выставка польской живописи в Берлине в 1935 г., а также 1 ноября 1934 г. был изменен статус польских

дипломатических миссий с консульств на посольства. Были также предприняты усилия по расширению армий и военной промышленности двух стран. 7 марта 1934 г. в Варшаве был подписан протокол о прекращении таможенной войны. Окончание таможенной войны позволило установить и возобновить взаимные торговые отношения, а результатом их налаживания стало подписание 4 ноября 1935 г. экономического соглашения между Польшей и Германией, впоследствии расширенного, в частности, соглашением от 20 февраля 1937 г. Экономическое соглашение 1935 г., ратифицированное в Польше 9 января 1936 г., касалось вопросов, связанных с международной и трансграничной торговлей, а товары обеих сторон облагались более низкими таможенными пошлинами, чем товары из других стран Европы [9, s. 90–91].

В 1936–1938 гг. польская дипломатия пыталась усилить значение соглашения 1934 г. путем заключения двух договоров, направленных, во-первых, на расширение содержания Декларации о неприменении силы, во-вторых, на стабилизацию положения Данцига как свободного города без гарантий Лиги Наций. В польско-германских отношениях по вопросу взаимных обязательств друг к другу никаких изменений не произошло. Что касается Данцига, 5 ноября 1937 г. Гитлер сделал лишь одностороннее и устное публичное заявление, в котором говорилось, что права Польши в вольном городе «не должны нарушаться». Польша не смогла добиться заключения нового соглашения с Германией, равно как и Германия не смогла расширить сферу обязательств Польши в отношении защиты немецкого меньшинства [10, s. 30]. 28 апреля 1939 г. Германия в одностороннем порядке аннулировала соглашение 1934 г. Поводом послужил отказ Польши удовлетворить территориальные требования Германии, касающиеся «польского коридора» и Данцига.

Таким образом, соглашение 1934 г. инициированное А. Гитлером и Ю. Пилсудским временно нормализовало польско-германские отношения, прекратило территориальные споры и позволило Германии разрушить систему союзов Франции в Восточной Европе, а Польше – обеспечить безопасность границ и проводить политику «баланса» между Германией и СССР. Германия использовала соглашение, чтобы продемонстрировать свое «миролюбие» международному сообществу, ослабить французское влияние в Восточной Европе и избежать войны на два фронта.

Источники и литература

1. Морозов, С. В. К вопросу о несостоявшейся превентивной войне маршала Пилсудского против Германии в 1933 г. / С. В. Морозов // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 471. – С. 160–169.

2. Maciejewski, M. Stosunek Adolfa Hitlera do spraw polskich od zarania nazizmu do jego upadku / M. Maciejewski // Acta Universitatis Wratislaviensis. Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem 36. – 2014. – № 2. – S. 35–68.

3. Żerko, S. 26 stycznia 1934 r.: polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy / S. Żerko // Polska – Niemcy – Historia. – 2020. – № 17. – S. 1–6.

4. Грудаков, Ф. В. Дипломатическая подготовка подписания германо-польской декларации о неприменении силы от 26 января 1934 г. / Ф. В. Грудаков // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2012. – Вып. 1. – С. 177–186.

5. Żerko, S. Polska, Niemcy i geneza II wojny światowej / S. Żerko // Biuletyn Instytutu Zachodniego. – 2020. – № 5(425). – S. 1–11.

6. Deklaracja między Polską a Niemcami o niestosowaniu przemocy, podpisana w Berlinie dnia 26 stycznia 1934 r. // Dziennik Ustaw. – 1934. – № 16. – Poz. 124. – S. 275–277.

7. Feldman, J. Problem polsko-niemiecki w dziejach / J. Feldman. – Katowice : Wydawnićtwa Instytutu Śląskiego, 1946. – 180 s.

8. Deklaracja z 5 listopada 1937 r. o wzajemnej ochronie mniejszości narodowych // Polskie Dokumenty Dyplomatyczne 1937 ; red.: J. S. Ciechanowski. – Warszawa : PISM, 2012. – S. 662–663.

9. Koniecko, M. Polsko-niemiecki pakt o nieagresji z 1934 r. – geneza i przegląd postanowień / M. Koniecko // Miscellanea historico-iuridica. – 2021. – Tom XX. – Cz. 1. – S. 81–96.

10. Kornat, M. Czy Polska mogła uniknąć katastrofy? Pytania o stosunki polsko-niemieckie (1934–1939) / M. Kornat // Przed wielkim wybuchem. Państwa G-7 i Polska wobec kryzysów międzynarodowych w przededniu II wojny światowej ; pod redakcją M. Kornata, P. Długołęckiego. – Warszawa : PISM, 2014. – S. 25–39.

УДК 341.121"1919-1939"

С. И. Денисов
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

ЛИГА НАЦИЙ КАК ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ

В работе рассматриваются ключевые аспекты деятельности Лиги Наций, включая ее миротворческие операции, применение экономических санкций и гуманитарную деятельность. Целью исследования является комплексная оценка эффективности деятельности организации в условиях изменяющегося мирового порядка в межвоенный период. Отдельное внимание уделяется механизмам предотвращения и разрешения конфликтов, которые были заложены в уставе Лиги, а также причинам ее ограниченной эффективности и последующего роспуска. Анализируются как успехи, так и неудачи Лиги Наций в таких кризисных ситуациях, Исследование базируется на анализе исторических документов, научных трудов отечественных и зарубежных исследователей, что позволяет сформировать объективное представление о месте и значении Лиги Наций в истории международных отношений межвоенного периода. Выводы статьи способствуют углубленному пониманию эволюции международных институтов и их влияния на поддержание мира и безопасности.

XX век стал периодом беспрецедентных глобальных потрясений и трансформаций, отмеченных двумя мировыми войнами и многочисленными локальными конфликтами. В ответ на эти вызовы мировое сообщество предприняло попытки создания международных институтов, призванных предотвращать войны и поддерживать мир. Первой такой масштабной попыткой стала Лига Наций, учрежденная в 1919 году после окончания Первой мировой войны. Ее создание ознаменовало новую эру в международных отношениях, основанную на принципах коллективной безопасности и дипломатического урегулирования споров. Как отмечается в одной из современных публикаций Несмотря на то, что Лиге Наций удалось урегулировать – в той или иной степени успешно – более 40 политических конфликтов, ее усилия по разрешению основных противоречий путем использования параграфа 16 Устава Лиги о коллективной безопасности привели к ее ослаблению и прекращению деятельности [1].

Актуальность исследования роли и вклада Лиги Наций обусловлена не только историческим значением этой организации как предшественницы ООН, но и современными вызовами в сфере международной безопасности. Изучение опыта Лиги позволяет извлечь важные уроки относительно эффективности многосторонней дипломатии, применения санкций, проведения миротворческих операций и гуманитарной деятельности в условиях межгосударственных противоречий. Целью данной статьи является комплексный анализ основных направлений деятельности Лиги Наций в урегулировании конфликтов, оценка ее сильных и слабых сторон, а также выявление факторов, повлиявших на ее успех или неудачу. В работе будут рассмотрены миротворческие операции, практика применения экономических санкций, а также гуманитарная деятельность Лиги,

что позволит дать комплексную оценку ее вклада в поддержание международного мира и безопасности в первой половине XX века. Методологической основой исследования является историко-аналитический подход, позволяющий рассмотреть деятельность Лиги в контексте конкретных исторических событий и оценить ее влияние на мировую политику. Исследование опирается на широкий круг источников, включая научные публикации на русском и иностранных языках, что обеспечивает всесторонний и объективный подход к изучаемой проблеме.

Создание Лиги Наций было прямым ответом на ужасы Первой мировой войны, которая продемонстрировала разрушительный потенциал современных вооруженных конфликтов. Идея создания международной организации, способной предотвращать будущие войны, активно продвигалась президентом США Вудро Вильсоном и была закреплена в его «Четырнадцати пунктах». Помимо проекта Вильсона, как отмечают современные авторы, существовали также и проекты Англии и Франции. Однако они были отвергнуты по тем или иным соображениям.

Как отмечает в своей статье В. С. Яшенин «центральным вопросом, вокруг которого разгорелись ожесточенные дискуссии, стала возможность предоставления национальных армий в распоряжение международной организации (согласно французскому проекту). Премьер-министру Франции Ж. Клемансо не удалось убедить премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа и президента США В. Вильсона в этой необходимости. Как представляется, В. Вильсон был весьма осторожен в отношении подобных инициатив, так как ему приходилось считаться с мнением американских изоляционистов. Британцы же опасались послевоенного укрепления позиций Франции на европейском континенте. В результате предложение Парижа было отвергнуто.» [2].

Устав Лиги Наций, являвшийся частью Версальского договора 1919 года, предусматривал механизмы коллективной безопасности, арбитражного разрешения споров и разоружения. Основными целями Лиги были поддержание мира и безопасности, развитие сотрудничества между народами, а также содействие гуманитарным и социальным инициативам. Организация включала в себя Ассамблею, Совет и Секретариат, а также ряд вспомогательных органов и комиссий [3, с. 20].

Однако с самого начала Лига столкнулась с серьезными структурными и политическими ограничениями. Отсутствие США среди ее членов, а также исключение или позднее вступление других крупных держав (Германия, Советский Союз) ослабляло ее авторитет и возможности. Принцип единогласия в Совете часто блокировал принятие решений, а отсутствие собственных вооруженных сил делало Лигу зависимой от готовности государств-членов применять коллективные меры, включая санкции [4, с. 7].

В первые годы своего существования Лига Наций добилась некоторых успехов в разрешении относительно небольших территориальных споров и кризисов. Одним из наиболее ярких примеров является урегулирование конфликта вокруг Аландских островов между Швецией и Финляндией в 1921 году. Лига успешно предложила решение, гарантирующее автономию островов при сохранении суверенитета Финляндии, что предотвратило потенциальную эскалацию [5].

Роль Лиги Наций в Верхнесилезском вопросе была активной, конструктивной и в целом успешной в краткосрочной перспективе. Организация выступила в роли беспристрастного арбитра, предложив детализированное и прагматичное решение, основанное на исследовании. Этот случай показал потенциал Лиги как миротворческого инструмента. Однако он же продемонстрировал и ее главную слабость: невозможность устранить коренные причины ревизионизма и национализма, которые в конечном итоге привели ко Второй мировой войне. Другим примером является разрешение спора между Грецией и Болгарией в 1925 году, когда Лига оперативно вмешалась, потребовав прекращения огня и вывода войск, а затем провела расследование и приняла решение о компенсации.

Однако способность Лиги к миротворчеству значительно снижалась, когда в конфликт были вовлечены крупные державы или, когда агрессор игнорировал ее решения.

Отсутствие политической воли у ведущих членов Лиги для решительных действий, особенно в отношении таких государств, как Япония, Италия и Германия, подорвало ее авторитет и возможности. Например, Мукденский инцидент 1931 года, когда Япония вторглась в Маньчжурию, стал серьезным испытанием для Лиги. Несмотря на доклад Комиссии Литтона, осудивший действия Японии и признавший ее агрессором, Лига не смогла эффективно противостоять агрессии, что привело к выходу Японии из организации и демонстрации ее неэффективности в отношении крупных держав [6].

Аналогично, конфликт в Гран-Чако между Боливией и Парагваем (1932–1935 гг.) показал ограниченность возможностей Лиги без готовности ее членов к активному вмешательству. Эти неудачи подчеркнули фундаментальную проблему системы коллективной безопасности Лиги: ее зависимость от доброй воли и готовности к самопожертвованию со стороны государств-членов, особенно ведущих мировых держав.

Устав Лиги Наций предусматривал применение экономических санкций против государств, нарушающих принципы коллективной безопасности. Наиболее значимая попытка применения санкций была предпринята в 1935 году в ответ на агрессию фашистской Италии против Эфиопии. Лига оперативно осудила действия Италии и ввела экономические санкции, которые включали запрет на экспорт оружия в Италию, финансовые ограничения и эмбарго на некоторые виды импорта. Однако эти санкции оказались неполными и неэффективными [7, с. 28].

Помимо неполноты, санкции были ослаблены тем, что некоторые страны, не являвшиеся членами Лиги (например, США), не участвовали в них, а другие государства-члены соблюдали их лишь частично. В результате Италия смогла продолжить свою агрессию и оккупировать Эфиопию. Этот провал продемонстрировал фатальную слабость системы коллективной безопасности Лиги: она не могла эффективно применять санкции без полной и единодушной поддержки всех крупных держав, а также без готовности нести экономические издержки [9, p. 25].

Несмотря на свои недостатки в сфере предотвращения войн, Лига Наций добилась определенных успехов в гуманитарной и социальной сферах. Ее деятельность охватывала широкий круг вопросов, включая борьбу с торговлей людьми (особенно с рабством и торговлей женщинами и детьми), контроль над наркотиками, улучшение условий труда через Международную организацию труда (МОТ), а также содействие здравоохранению и борьбе с эпидемиями через Организацию здравоохранения Лиги Наций [10, p. 10].

Одним из достижений стало оказание помощи беженцам после Первой мировой войны и гражданской войны в России. Верховный комиссар по делам беженцев Фритьоф Нансен организовал выдачу «нансеновских паспортов», которые позволяли миллионам апатридов получить документы и свободно перемещаться, а также способствовал их переселению. Деятельность Лиги в этих областях заложила основы для будущих международных усилий в сфере защиты прав человека и гуманитарной помощи, что представляется по мнению некоторых авторов, одним из ее наиболее устойчивых и позитивных вкладов в мировую историю [11, p. 30].

В то же время современные отечественные авторы дают более сдержанную оценку вкладу Лиги Нации в решении проблем российских беженцев. В статье З. Бочаровой обращается внимание на трудности, связанные с практической реализацией мер помощи российским беженцам. Особо подчёркивается роль и значение личности Ф. Нансена как верховного комиссара по делам русских беженцев. «Однако беженскому вопросу в Лиге Наций придавалось второстепенное значение. В Пятой комиссии по социальным вопросам, наряду с беженским, решались вопросы об эсперанто, о торговле женщинами и детьми, о продаже опиума, о борьбе с порнографией и т. д. Поэтому решение проблемы целиком лежало на верховном комиссаре по делам русских беженцев – Ф. Нансене, а его авторитет в международном сообществе – безусловен.» [8, с. 61].

Оценка эффективности Лиги Наций является сложной задачей, требующей учета как ее успехов, так и неудач. С одной стороны, Лига создала прецедент для многосторонней дипломатии, заложила основы коллективной безопасности и способствовала развитию международного права. Ее успехи в разрешении небольших споров и значительный вклад в гуманитарную сферу демонстрируют ее потенциал и позитивное влияние. Она стала важной площадкой для международного диалога и обмена опытом [12, p. 5].

С другой стороны, Лига Наций не смогла выполнить свою главную миссию – предотвратить крупномасштабную войну. Её неспособность эффективно противостоять агрессии Японии в Маньчжурии, Италии в Эфиопии и, в конечном итоге, нарастающей агрессии нацистской Германии, привела к потере авторитета и доверия. Основными причинами её провала были структурные недостатки (требование единогласия), отсутствие универсальности (неучастие США), слабость механизма принуждения (отсутствие собственных вооруженных сил и нежелание стран-членов применять силу), а также нехватка политической воли у ведущих держав, которые часто ставили свои национальные интересы выше принципов коллективной безопасности [13, p. 18].

Лига Наций, будучи первой в истории универсальной международной организацией, предприняла амбициозную попытку построения системы коллективной безопасности и предотвращения войн. Её вклад в развитие международного права, дипломатии и гуманитарной деятельности неоспорим. Успешное разрешение ряда мелких конфликтов и определенные достижения в социальной сфере продемонстрировали потенциал многостороннего сотрудничества и стали важным шагом в институционализации международных отношений. Однако, сталкиваясь с агрессией крупных держав и отсутствием единогласной политической воли своих членов, Лига Наций оказалась неспособной предотвратить нарастание глобальных конфликтов, кульминацией которых стала Вторая мировая война. Ее история является поучительным примером сложности реализации принципов коллективной безопасности в условиях национальных интересов и геополитических амбиций.

Опыт Лиги Наций стал ценным уроком для последующих поколений и послужил основой для создания Организации Объединенных Наций. Были учтены многие недостатки Лиги, такие как необходимость более гибких механизмов принятия решений (например, создание Совета Безопасности с постоянными членами и правом вето, хотя это и привело к своим проблемам), возможность создания собственных миротворческих сил и более четкие механизмы применения санкций и коллективных мер.

Таким образом, несмотря на свой конечный провал в предотвращении мировой войны, Лига Наций заложила фундамент для современной системы международных отношений, продемонстрировала важность многостороннего подхода к глобальным проблемам и оставила после себя богатое наследие в области гуманитарного сотрудничества и дипломатического урегулирования споров. Её история является ярким напоминанием о сложности поддержания мира и безопасности, а также о необходимости постоянных усилий и политической воли со стороны международного сообщества для эффективного функционирования глобальных институтов.

Источники и литература

1. Шпаковский, Ю. Г. Лига Наций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. – №12 (76). – С. 249–256. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/liga-natsiy (дата обращения: 15.02.2026).

2. Яшенин. В. С. От Лиги наций к ООН: эволюция механизмов урегулирования конфликтов международными организациями // Международные отношения. 2025. – № 3. – С. 76–85. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75750 (дата обращения: 15.02.2026).

3. История дипломатии : в 5 т. / под ред. В. А. Зорина и др. – Москва : Политиздат, 1965. – Т. 3 : Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). 831 с.

4. Кеннан, Дж. Ф. Американская дипломатия, 1900–1950 / Дж. Ф. Кеннан. – Москва : Центрполиграф, 2002. –352 с.

5. Гехт, А. Б. Роль Аландского вопроса в отношениях Швеции и Финляндии в период между двумя мировыми войнами / А. Б. Гехт. // Молодой ученый. – 2014. – № 5 (64). – С. 384–387. – URL: https://moluch.ru/archive/64/10254 (дата обращения:15.02.2026).

6. Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: вокруг «Маньчжурского инцидента» / В. Э. Молодяков // Ежегодник Япония. – 2018. – № 47. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontinentalnaya-politika-yaponii-vzglyad-iz-frantsii-vokrug-manchzhurskogo-intsidenta (дата обращения:15.02.2026).

7. Шаповалов В. Л. Деятельность Лиги наций по поддержанию мира и безопасности в условиях предвоенного кризиса / В. Л. Шаповалов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. –№ 4. – С. 23–32.

8. Бочарова, З. С. Социальная помощь российским беженцам в 1920–1930-е годы / З. С. Бочарова // Русское зарубежье: история и современность : Сборник статей / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. росс. эмиграции; Ред.-сост. вып. Мухачёв Ю. В., Петрова Т. Г. Выпуск пятый. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. – С. 59–119.

9. Bell, P. M. H. The Origins of the Second World War in Europe / P. M. H. Bell. 3rd ed. – London : Routledge, 2019. – 408 p.

10. Clavin P. The League of Nations / P. Clavin. – London : Bloomsbury Academic, 2017. – 256 p.

11. Northedge, F. S. The League of Nations: Its Life and Times, 1920–1946 / F. S Northedge. – Leicester : Leicester University Press, 1986. – 343 p.

12. Scott, G. The Rise and Fall of the League of Nations / G. Scott. – London : Hutchinson, 1973. – 431 p.

13. Wilson, G. The League of Nations and the Prevention of War / G. Wilson // International Affairs. – 1935. – Vol. 14. No. 5. – P. 661–681.

УДК 94:327(4)«1919-1922»:94:327.5(437+498+497)

М. С. Довгялло
Белорусский государственный университет

РОЛЬ МАЛОЙ АНТАНТЫ В УСЛОВИЯХ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассмотрено формирование Малой Антанты в контексте становления Версальской системы международных отношений. Члены Малой Антанты Чехословакия, Королевство СХС и Румыния были заинтересованы в сохранении послеверсальского порядка в Центральной Европе и на Балканах, а Версальско-Вашингтонская система должна была гарантировать им территориальные приобретения в результате Первой мировой войны. Страны объединения нашли союзника и покровителя в лице Франции, а Малая Антанта, в свою очередь, служила ее интересам, предоставляя ей дополнительные возможности отстаивать свою гегемонию на континенте.

Парижская мирная конференция – это международная конференция, созванная державами победительницами (странами Антанты – Великобритания, Италия, Франция и США) для выработки и подписания мирных договоров с государствами, побежденными в Первой мировой войне. Она проходила с перерывами с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. В ней участвовали 27 государств. Основные проблемы послевоенного устройства мира разрешала «Великая тройка» – президент США В. Вильсон, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж и премьер-министр Франции

Ж. Клемансо, позиции других участников конференции были слабыми. Побежденные страны – Германия, Австрия, Венгрия, Турция и Болгария – в выработке условий мира не принимали участия и своих делегатов на конференции не имели. Лишь к концу конференции, когда мирные договоры уже были составлены, делегации побежденных держав были приглашены в Париж для их подписания [1, с. 7–13].

Франция рассчитывала укрепить систему собственной стратегической безопасности, а в образованных новых государствах Европы найти необходимых союзников на сдерживание германского реваншизма. Вместе с тем, как писал Г. Никольсон, входивший в состав английской делегации, самым трудным было «не только заключить мир с врагом, но и сохранить мир между союзниками» [2, с. 126].

Первоначальную основу Версальской системы международных отношений в Европе составляли соглашения, подписанные в ходе Парижской мирной конференции: международный статус и границы Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославия) были определены и зафиксированы Версальским мирным договором, подписанным в июне 1919 г.

Малая Антанта сыграла важную роль в международной политике межвоенного периода, стремясь к равноправному отношению со стороны великих держав. Структурно этот союз был сформирован на основе трех двусторонних соглашений: оборонительное соглашение между Королевстом СХС и Чехословакией, договор между Чехословакией и Румынией, который был направлен против венгерского и болгарского ревизионизма в контексте Венгерского договора и, наконец, третье – соглашение между Румынией и КСХС, также имевшее аналогичную направленность.

Подготовленные Парижской конференцией мирные договоры заложили вместе с соглашениями, принятыми на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., основы Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, которая просуществовала до начала Второй мировой войны. Новосозданные государства не обрели ни межэтнического мира внутри страны, ни стабильных внешних границ после конференции. Это таило в себе семена раздора в отношениях между молодыми государствами Юго-Восточной Европы.

Мирные договоры Сен-Жерменским с Австрией, Нёйиским с Болгарией, Трианонским с Венгрией, Версальским с Германией, а также Рапалльским договор 1920 г. между Италией и КСХС, закрепили итоги Первой мировой войны, перекроив карту Европы, наложившие репарации и ограничения на побежденные страны, включая Австрию, Болгарию, Венгрию и Германию. Так, в основу переговоров и решения территориальных вопросов легли положения «четырнадцати пунктов» президента США Вудро Вильсона: об очищении и восстановлении Сербии и Черногории, предоставление Сербии свободного выхода к морю, о создании взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств [1, с. 5]. Версальскую систему дополняли решения Вашингтонской конференции (1921–1922 гг.), которыми регулировались пусть и не все, но ряд спорных вопросов на Дальнем Востоке и в регионе Тихого океана [3, с. 9].

По условиям Версальского договора Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, в ее собственность переходили угольные копи Саарского бассейна. В целом Германия потеряла 1/8 часть территорий и 1/12 часть населения. Версальский договор предусматривал выплату Германией репараций в течение 30 лет [4, с. 29–31].

Австрия признавала независимость и границы вновь образовавшихся государств, а также соседних стран, «как их установят союзные державы». Венгрия признавала границы, установленные с Австрией, КСХС, Румынией и Чехословакией и отказывалась в пользу этих государств от ряда территорий. Австрия признавалась ответственной за мировую войну и обязывалась выплатить странам-победительницам репарации. Однако общая их сумма не была установлена. В 1922 г. Австрия получила 20-летнюю отсрочку в погашении своего так и не определенного репарационного долга, т. е. фактически полностью освобождалась от его уплаты. По Трианонскому мирному договору с Венгрией в

Королевство СХС вошла Хорватия, Бачка и западная часть Баната. Италия приобрела Триест. Венгрия отказалась от всяких прав на Риеку (Фиуме). Площадь Венгрии сократилась приблизительно втрое, а население – более чем в два с половиной раза [1, с. 21]. В результате территориальных изменений венгры стали самым многочисленным меньшинством на территории сопредельных государств. В Румынии проживало 1 млн 664 тыс. или же 17 % всех венгров, в Чехословакии – 1 млн 72 тыс. (11 %), в Югославии – 460 тыс. (5%) [5, с. 93]. Предельная численность венгерской армии определялась в 35 тыс. человек (ей запрещалось иметь авиацию, танки и тяжелую артиллерию) [6, с. 214]. Хотя правительство Венгрии и ратифицировало договор, но венгры считали его временным и подлежавшим пересмотру. Поэтому, важным фактором во внешнеполитической деятельности венгерского правительства в межвоенный период было стремление к возвращению хотя бы части территорий, утерянных в результате Трианонского договора. В Словакии и Румынии Трианонский договор был воспринят как восстановление справедливости, а в самой Венгрии – как национальная трагедия.

Учитывая обстановку, созданную Версальской системой, руководство Венгрии понимало, что собственными силами оно не добьется своей цели, ведь его намерениям противостояли объединившиеся в антивенгерском альянсе страны Малой Антанты. Следует отметить, что территориальные требования Венгрии к Румынии и Югославии сохранялись в силе весь межвоенный период. Интересно, что само название «Малая Антанта» впервые появилось в венгерских газетах в ироническом контексте, однако члены этого альянса с готовностью приняли его, видя в нем символ своей сплоченности [7, с. 45].

Потери Венгрии были столь велики, что она вошла в послевоенный мир с чувством обиды против соседей, которые выиграли от изменения границ. Румыния получила более чем щедрую компенсацию за свое участие в войне на стороне союзников, унаследовав тем самым постоянный источник разногласий с Венгрией и Советским Союзом, включила в свой состав малые народности, которые составили более четверти населения.

В ноябре 1919 г. в местечке Нейи-сюр-Сене (около Парижа) премьер-министр Болгарии А. Стамболийский подписал мирный договор. Под давлением Франции, стремившейся усилить Королевство СХС и всю будущую Малую Антанту, как свою союзницу, у Болгарии были незаконно отняты исконные болгарские земли, четыре района с городами Цариброд, Босилеград и Струмица в Македонии, а также несколько сел Кулского района. Передача сербам последних двух пунктов приближала сербскую границу к столице Болгарии. Предложения болгарской делегации, чтобы Македония в своих географических границах превратилась в «независимое государство», остались без внимания «большой тройки». Вардарская Македония осталась в составе Королевства СХС. Болгария должна была выплатить репарации в сумме 2 млрд 250 млн. золотых франков в течение 37 лет, при уплате процентов в размере 5 % в год. Болгарская армия должна была строиться и комплектоваться в будущем только путем добровольного найма [8, с. 494]. Таким образом, договор ухудшил территориальное, экономическое и международное положение Болгарии даже по сравнению с тем, которое она занимала после поражения во Второй Балканской войне. Тяжелые условия сильнее сплотили побежденных, вызвали у населения этих держав злобу и ненависть в отношении победителей.

Правительство Королевства СХС Николы Пашича поддержало союз Румынией и Чехословакией для защиты от венгерского реваншизма. В 1921 г. Королевство СХС подписало конвенцию с Румынией (Белград, июнь), завершив трилатеральный блок под французским патронажем. В соглашениях предусматривались совместные действия против агрессии. Королевство СХС обеспечивало географическое единство Малой Антанты от Адриатики до Карпат. Однако внутренние противоречия (хорватский сепаратизм) ослабили его. Франция, видя в Малой Антанте опору своей политики, обеспечивала ей военную помощь. Однако отсутствие единой армии и экономических механизмов ограничивало ее эффективность.

Таким образом, Малая Антанта была направлена против реваншистских угроз со стороны Венгрии, Германии, Болгарии и Австрии, которые были ослаблены послевоенными договорами. Данный альянс получил поддержку Франции, которая подписала военные соглашения с каждой из трех участниц Малой Антанты.

Версальско-Вашингтонская система фиксировала миропорядок в интересах Антанты, включая демилитаризацию Германии и создание Лиги Наций. Малая Антанта служила инструментом этой системы в Европе, обеспечивая территориальное статус-кво и взаимную оборону от ревизионистских держав. Союз дополнял французский двусторонний договор с Польшей о военном сотрудничестве в 1922 г., заключенный на 10 лет [9, с. 226] для обеспечения баланса сил.

Малая Антанта не только укрепила позиции своих членов на международной арене, но и стала важным элементом в системе коллективной безопасности, стремясь обеспечить стабильность в регионе, который оставался под угрозой реваншистских настроений со стороны соседних стран [10, с. 21]. Союз координировал внешнюю политику, но избегал прямого конфликта с Германией, фокусируясь на региональной стабильности.

Малая Антанта укрепляла Версальский порядок до 1930-х годов, но кризис 1929 г. и подъем нацизма подорвали ее. Члены союза, стремясь достичь единства, заключили в Женеве в феврале 1933 г. Организационный пакт. Угрозой для Малой Антанты стал «Пакт четырех», подписанный Германией, Францией Великобританией и Италией в июле 1933 г. Он предполагал пересмотр ряда версальских статей [11, с. 133–134]. Например, признание за Венгрией, Австрией и Болгарией равноправия в вооружениях, а негласно ревизию некоторых границ, в том числе между Венгрией и ее соседями. Пакт не вступил в силу [12, с. 42–43].

Малая Антанта начала распадаться с 1936–1937 гг. С 1936 г. процесс разложения ускорился из-за экономического кризиса, внутреннего разброда и сближения Югославии и Румынии с Италией и Германией. Франция утрачивает влияние, а страны блока вступили в 1934 г. в Балканскую Антанту без Чехословакии, отдавая приоритет балканским границам. В августе 1938 г. было подписано в Бледе (Югославия) соглашение между членами Малой Антанты и Венгрией, которое предоставляло последней равноправие в области вооружений и пересматривало соответствующие статьи Трианонского мирного договора. Государства Малой Антанты заявили о признании права Венгрии на создание армии [9, с. 235]. Мюнхенское соглашение 1938 г. содействовало распаду Малой Антанты. Государства распавшейся Малой Антанты в канун войны были не в силах противостоять натиску фашистской агрессии.

Основными причинами распада Малой Антанты можно отметить следующие: это внутренние противоречия. Разные геополитические приоритеты (Чехословакия против Германии, Румынии и Югославии – против Венгрии и Болгарии). Мюнхенское соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией 29–30 сентября 1938 г. повлекло потерю Чехословакией 1/5 своей территории с 5 млн человек и 40 % промышленного потенциала. Вместе с тем, следует заметить, что на территории Судетской области, занимавшей площадь в 26,9 тыс. кв. км, по данным 1919 г. проживало 3110 тыс. немцев и 170 тыс. чехов [13, с. 256]. Внешнее давление: рост нацистской Германии и фашистской Италии, и слабость Франции к 1930-м гг. Экономический кризис 1929 г. обострил конкуренцию между членами Малой Антанты.

Одной из главных слабостей Версальско-Вашингтонской системы считается неразвитая схема экономического международного взаимодействия. Новая система, сложившаяся после Первой мировой войны, полностью рвала экономические связи между Восточной и Центральной Европой. Отсутствовал единый экономический рынок, вместо него были десятки обособленных рынков. Возник экономический раскол в Европе, преодолеть который экономически развитые страны так и не смогли. Версальская система оказалась неподготовленной к эффективному сдерживанию национализма, который доминировал во внутренней и внешней политике многих государств, особенно вновь созданных.

Таким образом, в конце 1930-х гг. Чехословакия сосредоточилась на спорах с Германией, Румыния пыталась разрешить разногласия с другой державой, утверждавшейся на международной арене – СССР, а Югославия противостояла экспансионистским тенденциям Италии на Балканах. Сплоченности стран блока нанесла урон и напряженность, возникшая между ними самими, например, Польшей и Чехословакией, Румынией и Югославией. Распад Малой Антанты ознаменовал крах Версальско-Вашингтонской системы в Юго-Восточной Европе, открыв путь ко Второй мировой войне. Чехословакия пала первой, за ней последовали и ее бывшие союзники по блоку.

Источники и литература

1. Версальский мирный договор/полный перевод с французского подлинника под редакцией Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. – М. : НКИД, 1925. – 198 с.
2. Никольсон, Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон. – М. : ОГИЗ, 1945. – 298 с.
3. Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сб. ст. / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. – М. : ИВИ РАН, 2011. – 313 с.
4. Версальский мирный договор /под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. – М. : Литиздат НКИД, 1925. – 198 с.
5. Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940). [Сб. ст.] /АН СССР, Институт славяноведения и балканистики. – М. : ИСБ, 1990. – 211 с.
6. Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. Сб. документов и материалов / редкол.: В.В. Зеленин (отв. ред). – М. : Наука, 1992. – 410 с.
7. Язькова, А. А. Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925 / А. А. Язькова. – М. : Наука, 1974. – 331 с.
8. Мировые войны XX века: в 4 кн. / отв. ред. В. К. Шацилло. – М. : Наука, 2002. – Кн. 2 : Первая мировая война: Док. и материалы. – 508 с.
9. Довгялло, М. С. Политическая история зарубежных славянских стран Новейшего времени: государственные и общественные деятели, хронология событий / М. С. Довгялло. – Минск : БГУ, 2024. – 391 с.
10. с Системная история международных отношений : в 4 т. / отв. ред. А. Д. Богатуров. – М. : Аспект Пресс, 2006. – Т. 1. – 520.
11. Бошкович, Б. Малая Антанта. Социально-экономическо-политический очерк / Б. Бошкович. – М.; Л. : Соцзкгиз, 1934. – 151 с.
12. Сальков, А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.) /А. П. Сальков. – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.
13. Кретинин, С. В. Судетские немцы: Народ без родины. 1918–1945 гг. / С. В. Кретинин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 319 с.

УДК 338(476)(=411.16)

М. А. Казмерчук
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ В 1930-Е ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ ПРУЖАНСКОГО ПОВЕТА

В статье рассматривается экономическое положение еврейского населения в Пружанском повете в условиях экономической дискриминационной политики Польши, анализируются

направления экономического притеснения еврейского населения со стороны польских властей во второй половине 1930-х гг. Кроме того, в статье описываются векторы сопротивления дискримина-ционной политике со стороны еврейского меньшинства Пружанского повета.

В первые месяцы независимости Польши были сохранены правовые основы деятельности еврейских религиозных общин, оставшиеся со времен раздела и немецкой оккупации. Некоторые еврейские организации, в первую очередь сионистские, с первых дней независимости стремились создать автономные национальные органы [1, с. 85]. Когда эти усилия не дали результатов, они попытались превратить институты религиозного самоуправления в заменитель национального самоуправления, одновременно добившись единообразия их правовой основы по всей стране. Однако указ Пилсудского от 7 февраля 1919 г. [2] подчеркнул только религиозный характер гмин. Декреты от 28 октября 1925 г. и 9 марта 1927 г. [3, s. 88] распространили действие этих положений на остальные земли, ранее входившие в состав России [4, s. 39]. Это сделало возможным установление границ еврейских религиозных общин в восточных воеводствах и начало их нормальной деятельности.

Общая задача еврейской религиозной общины состояла в том, чтобы её члены могли удовлетворять свои религиозные потребности. Таким образом, в компетенцию общины входили «организация и содержание раввината, учреждение и содержание синагог, молитвенных домов, ритуальных бань и кладбищ, наблюдение за религиозным воспитанием молодежи, забота об обеспечении еврейского населения кошерным мясом, управление общинным имуществом и фондами, созданными для общины, а также всем оборудованием и учреждениями, принадлежащими общине [5, с. 106].

Отдельный Указ Президента Республики Польша от 14 октября 1927 г. предоставил еврейским религиозным гминам право собирать взносы с членов. Принятые гминами решения о бюджете и установлении взносов и сборов, а также об их сборе требовали утверждения надзорного органа [6, s. 12].

Правовым актом, детально регулирующим вопрос финансов еврейских религиозных общин, было Положение министра религиозных конфессий и народного просвещения от 9 сентября 1931 г. [7], изданное по согласованию с министром внутренних дел и министром казначейства о финансовом управлении еврейскими религиозными общинами. Согласно этому постановлению, проект бюджета, подготовленный правлением и принятый гминным советом, подлежал утверждению надзорным органом. Компетенция в этом вопросе, как в отношении больших, так и малых гминах, была возложена на воеводу (в соответствии с этим министр по делам религиозных конфессий и народного просвещения мог в некоторых гминах возложить ответственность за утверждение бюджетов на районный орган общего управления, который действовал в качестве местного надзорного органа). Контролирующий орган в процессе утверждения проекта бюджета мог исключить, занизить, увеличить или изменить его размер. Кроме того, если проект не соответствовал задачам, возложенным на гмину, он мог отказать в его утверждении. В проект бюджета могли быть включены только расходы, вытекающие из задач, возложенных положением об организации еврейских религиозных общин. Постановление обязывало гминные советы представить проекты бюджетов гмин на следующий календарный год к 1 октября (поправка к постановлению от 20 сентября 1932 г. продлила этот срок до 1 декабря) [8]. Если взнос не был уплачен в течение тридцати дней, он взыскивался принудительно, включая расходы на принудительное исполнение и штраф за несвоевременную оплату. Все остальные просроченные взносы и сборы в случае неуплаты в срок, предусмотренный платёжным поручением, взыскивались в принудительном порядке на основании положений Постановления Президента Республики Польша от 22 марта 1928 г. об обязательном производстве [9].

Гмины могли требовать взносы только от совершеннолетних членов гмины, которые проживали на территории гмины не менее одного года на дату введения в действие взноса. Обязанность по уплате взноса возлагалась только на физических лиц, т. е. «глав семей мужского или женского пола, совершеннолетних детей обоего пола, проживающих либо с родителями, либо проживающих отдельно, если они уже зарабатывают деньги самостоятельно или имеют собственное имущество, неженатых мужчин, незамужних женщин, бездетных вдовцов и бездетных вдов» (статья 14). Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или имеющие право собственности или совместной собственности на недвижимое имущество в пределах территории, на которой они не проживали, подлежали налогообложению, что освобождало их от налогообложения по месту жительства.

Размер взноса определялся на основе системы оценки, учитывающей доходы отправителя от ремесел, торговли, промышленности, недвижимого имущества, находящегося в гмине, или других источников дохода в пределах данной гмины, а также положение и семейные обязанности плательщика, и также его прежнюю благотворительность по отношению к гмине (в виде пожертвований частным лицам и пожертвований на работу гмины и гминных учреждений). Все жители гмины были в равной степени обязаны платить взнос, за исключением людей, чья бедность была подтверждена, тех, кто пользовался социальной помощью, а также раввинов и школьников. В компетенцию совета гмины входило определение размера взноса. С этой целью он мог назначить консультативный комитет, состоящий из членов общины, которые были представителями различных профессий. Правление гмины должно было уведомить плательщика об установленной сумме взноса на основании письменного платежного поручения. В течение четырнадцати дней с момента вручения платежного поручения плательщик имел право подать жалобу через правление в районный общий (публичный) административный орган. Он также мог разделить годовой взнос на полугодовые или квартальные платежи. Если страховой взнос не был уплачен в течение тридцати дней, он взыскивался принудительно, включая расходы на принудительное исполнение и штраф за несвоевременную оплату. Регламент установил минимальный взнос в размере 5 злотых в год.

Во второй половине 1930-х гг. в Польше развернулась антисемитская кампания. Это сказалось на принятии законов, ограничивавших и регламентирующих экономическую деятельность евреев. Стремление обеспечить интересы польского населения фактически перерастает в экономическую борьбу против еврейского населения. Обеспечение полякам преобладающих позиций в производстве и торговле также воспринималось как одно из обязательных условий полонизации региона [10, s. 76]. Подобные установки, одновременно включающие лозунги экономического бойкота еврейской торговли были поддержаны и на высшем уровне [11, s. 163–164]. Систематическая поддержка властями польского населения в ущерб интересам представителей других национальностей нарушала действовавшее законодательство – в частности, статьи польской Конституции 1935 г., гарантировавшей равенство всех граждан [12, s. 151].

В конце 1930-х гг. стандартной практикой стало предоставление концессий преимущественно полякам. Так, в 1936 г. в Польше значительная часть разрешений на торговлю табачными изделиями, выданных ранее евреям, была аннулирована, новые концессии предоставлялись почти исключительно полякам. В конце 1930-х гг. представители национальных меньшинств по всей стране не допускались к заключению договоров на продажу к торговле соли, алкоголя, подвергались дискриминации при выдаче концессий на пассажирские и грузовые перевозки и т. д. [13, s. 267]. Очень болезненным для еврейского населения была продажа концессий в индивидуальном порядке на убой скота, утверждённая Положением от 26 августа 1936 г. [14]. Мясо, полученное в результате убоя, осуществляемого по разрешению, можно было продавать только в местах, указанных в концессионном документе. Вопрос предоставления и отмены концессий на

торговлю мясом ритуального убоя регулировался Положением от 5 сентября 1936 г. об условиях торговли мясом ритуального убоя [15]. Концессия могла быть предоставлена только лицам, имевшим индивидуальные разрешения на занятие разделкой и убоем мяса или его переработкой (разделкой). Данный шаг был направлен на преодоление сложившейся монополии евреев на оборот крупным рогатым скотом, его убой, переработку мяса и торговлю мясными продуктами [16, s. 153].

Дискриминация поставила евреев в очень тяжелое экономическое положение. К примеру, согласно списку плательщиков еврейской религиозной гмины 1937 г. в Березе-Картузской из 553 плательщиков 225 человек (41 %) платили минимальный налог в размере 5 злотых, общий бюджет гмины составил 7906 злотых [17, л. 1–16]. В Пружанах из 968 членов религиозной общины показатель плательщиков минимального налога в 5 злотых составил 410 человек (42,3 %), а общий бюджет составил 12203 злотых [18, л. 1–22].

Так, в 1936 г. пружанский староста в связи с запросом старосты советов еврейских религиозных общин в Пружанах и Березе-Картузской о выдаче справок, которые должны служить основанием для обращения в провинциальное управление Трудового фонда за пособиями в соответствии со статьей 15 части 5 Закона от 16 марта 1933 г. «О Трудовом фонде» и, в частности, об освобождении от субсидий работодателя в размере 1 % от выплаченной заработной платы гминному служащему по пункту 4 статьи 15. Староста дал разъяснение, что ввиду того, что еврейская религиозная община не является учреждением, цели которого входят в сферу социального обеспечения согласно статье 2 Закона 16 июля 1923 г. «О социальном обеспечении», выдача таких свидетельств невозможна [19, л. 1–2].

В 1937 г. пружанские евреи снова обратились к старосте Пружанского повета. Однако вновь Бюро ответило, что положение части 5 статьи 15 Закона «О Фонде труда», освобождающее еврейские религиозные общины от субсидий работодателя в размере 1 % и часть 4 статьи 15 Закона «О Фонде труда», неприменимо, поскольку исходит из того, что цели этих общин не относятся исключительно к сфере социального обеспечения, и поэтому они не могут быть включены в категорию социальных организаций, поддерживающих институт социальной защиты или действия по оказанию помощи безработным. Как следует из толкования письма Министерства социального обеспечения от 4 января 1934 г. Nr. 2122/0.0r об освобождении от платы в пользу трудового фонда учреждений социального обеспечения, эти права не распространяются на еврейские общины [19, л. 4].

Уведомив об этом еврейские общины, староста порекомендовал подписаться на специальное периодическое сообщение под названием «Wiadomości wyznaniowo-religijne», выделив на эти цели соответствующую сумму из гминного бюджета, при условии, что все религиозные потребности общины будут должным образом удовлетворены. Тем не менее, суммы, зачисляемые в бюджеты в рамках подписки на вышеупомянутую информацию, никоим образом не могут уменьшить расходы, предназначенные для удовлетворения религиозных потребностей еврейской религиозной гмины, особенно заработную плату раввинов, мясников и других гминных служащих [19, л. 6–7].

Меры поддержки польского населения позволили снизить экономическое доминирование евреев лишь в незначительной степени. Польская писательница и видный деятель ППС Ванда Василевская в большой статье описывала свой визит в Полесское воеводство в 1937 г., в т. ч. охарактеризовав отсутствие антисемитских настроений среди жителей воеводства. Характерны приведенные ею слова еврея-владельца ресторана в Берёзе-Картузской: «На магазине вывесили табличку: «Польский магазин». Это достаточно, чтобы ни один крестьянин туда не зашёл» [20, s. 3].

Повсеместно звучали призывы к взаимопомощи и активным действиям по защите собственных экономических интересов и проявлению сплочённости. В пружанской ев-

рейской газете «Pruzaner Leben» («Пружанская жизнь») в марте 1938 г. была опубликована статья под названием «Еврейский лавочник и торговец должен быть организован». В ней утверждалось, что антисемитская борьба прежде всего направлена против мелких торговцев-евреев. Далее следовал адресованный им призыв «зубами и когтями оборонять своё место работы и не допустить ущемления себя и своих позиций» [21, л. 6].

Значительным преимуществом еврейских предпринимателей были более широкие возможности получения финансирования и более легкий доступ к финансированию. В конце 1930-х гг. в Пружанском повете активно действовала еврейская касса беспроцентного кредита «Гемилус Хесед», которая обслуживала исключительно еврейский бизнес. Отделения кассы функционировали в Пружанах, Берёзе-Картузской, 2 отделения в Шерешево, Сельце, Малече, Линово. Количество выданных ссуд составило 1517 на общую сумму 107579 злотых [22, л. 1].

В рамках готовившейся в 1939 г. акции «усиления польского характера» восточных воеводств планировался переход от мер по поддержке польского населения к прямому ограничению прав неполяков в хозяйственной сфере. На уровне центральных ведомств и также властей восточных воеводств были подготовлены многочисленные программы действий, предполагающие прямые запреты национальным меньшинствам, в первую очередь евреям, на осуществление деятельности в ключевых секторах экономики. Местные власти единогласно предлагали усилить польское влияние с помощью введения полного запрета на приобретение любого недвижимого имущества неполяками [23, л. 52] и принудительного исключения евреев из ключевых сфер экономики. Например, Полесское воеводское управление в 1939 г. отстаивало необходимость запрета на участие еврейских предпринимателей в торговле деревом, рыбой, скотом и зерном, организации пассажиро- и грузоперевозок, предлагало принудительно выкупить у них мельницы, запретить деятельность еврейских хозяйственных организаций и др. [24, л. 154–155]. Практическому осуществлению программы предложений по принудительному исключению евреев из экономической жизни помешало начало Второй мировой войны.

Источники и литература

1. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А. М. Вабішчэвіч ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : Выдавецтва БрДУ, 2008. – 319 с.
2. Dekret o zmianach w organizacji gmin wyznaniowych żydowskich na terenie b. Królestwa Kongresowego // Naczelnik Państwa. – 1919. – № 14. – Poz. 175.
3. Zieliński, K. Żyd Lubelszczyzny 1914–1928 / K. Zieliński. – Lublin : Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 1999. – 167 s.
4. Lewicka, A. Status formalnoprawny żydowskich gmin wyznaniowych w II Rzeczypospolitej / A. Lewicka // Lublin: Studia Żydowskie. Almanach. – 2012. – № 2. – S. 31–60.
5. Рудницкий, Ш. Евреи Второй Речи Посполитой: 1918–1939 / Ш. Рудницкий // Judaic-Slavic Journal. – 2020. – № 5. – С. 97–130.
6. Pietrzak, M. Prawo wyznaniowe / M. Pietrzak. – Warszawa : Wolters Kluwer Polska, 1995. – 334 s.
7. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego z dnia 9 września 1931 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Spraw Wewnętrznych i Ministrem Skarbu w sprawie gospodarki finansowej gmin wyznaniowych żydowskich // Min. Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1931. – № 89. – Poz. 698.
8. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w porozumieniu z Ministrem Spraw Wewnętrznych i Ministrem Skarbu z dnia 20 września

1932 r. o zmianach в rozporządzeniu z dnia 9 września 1931 r. w sprawie gospodarki finansowej gmin wyznaniowych żydowskich // Min. Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1932. – № 89. – Poz. 752.

9. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 22 marca 1928 r. o postępowaniu przymusowem w administracji // Prezydent Rzeczypospolitej. – 1928. – № 36. – Poz. 342.

10. Krasowski, K. Związek wyznaniowe w II Rzeczypospolitej / K. Krasowski. – Poznań: Studium historycznoprawny, 1988. – 180 s.

11. Tomaszewski, J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa : Wyd-wo Un-tu Warszawskiego, 1990. – 114 s.

12. Landau, Z. Gospodarka Polski miedzywojenej / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1971. – 457 s.

13. Landau, Z. Zarys historii gospodarczej Polski, 1918–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1981. – 321 s.

14. Rozporządzenie Ministra Rolnictwa i Reform Rolnych z dnia 26 sierpnia 1936 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministrem Spraw Wewnętrznych o sposobach i warunkach uboju rytualnego zwierząt gospodarskich // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1936. – № 70. – Poz. 504.

15. Rozporządzenie Ministra Przemysłu i Handlu z dnia 5 września 1936 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Rolnictwa i Reform Rolnych o warunkach obrotu mięsem, pochodzącym z uboju rytualnego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1936. – № 70. – Poz. 505.

16. Tomaszewski, J. Żydzi w II Rzeczypospolitej / J. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1999. – 213 s.

17. Список евреев, оплативших взносы на нужды религиозной гмины в Березе-Картузской (1937 г.) // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 368. Оп. 1. Д. 2.

18. Список плательщиков взносов еврейской религиозной гмины в Пружанах (1937 г.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2765.

19. Циркуляры полесского воеводы и переписка со староствами об освобождении членов еврейских религиозных гмин от взносов в Фонд биржи труда (1936–1937 гг.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2684.

20. Wasilewska, W. Szukam antysemityzmu / W. Wasilewska // Wiadomości Literackie. Tygodnik. – 1937. – № 40. – 225 s.

21. Донесения пружанского поветового старосты (1938 г.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 1595.

22. Сведения о еврейских кассах беспроцентного кредита в полесском воеводстве (1937 г.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 1500.

23. Месячные отчеты полесского воеводы … (1939 г.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 1437.

24. Аналитическая записка полесского воеводы… (1939 г.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574.

УДК 94:329.73(476-15)«1918-1941»

А. С. Горны
Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы

ПРАБЛЕМА АДАПТАЦЫІ/НЕАДАПТАЦЫІ АКТЫВІСТАЎ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ ДА ПАЎСЯДЗЁННАГА ЖЫЦЦЯ Ў МІЖВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

У артыкуле ўзнімаецца навуковая праблема адыходу ўдзельнікаў беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі ад актыўнай грамадскай дзейнасці,

вызначаюцца прычыны і асаблівасці гэтага працэсу. Паралельна з гэтым прыводзяцца прыклады тых актывістаў, якія нягледзячы на рэпрэсіі з боку польскіх уладаў, заставаліся ў нацыянальным руху і працягвалі сваю дзейнасць. Таксама раскрываецца такі аспект, як палітычная мімікрыя, калі легальныя польскія арганізацыі выкарыстоўваліся беларускімі актывістамі для правядзення нацыянальнай агітацыі сярод насельніцтва.

У міжваенны перыяд на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая паводле Рыжскага міра ўвайшла ў склад Польшчы, адбыўся значны ўздым беларускага нацыянальна-вызваленчага руху. Яго галоўнымі мэтамі былі барацьба за аб'яднанне беларускіх земляў у адзіную дзяржаву, а таксама абарона нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў ад праяў палітыкі паланізацыі. Удзел у гэтым руху прымалі сотні тысяч актывістаў з розных арганізацый, што дазваляе разглядаць яго як масавую сацыяльную з'яву тых часоў. Нягледзячы на важнасць гэтай з'явы для айчыннай гісторыі, на сённяшні час паўсядзённае жыццё актывістаў беларускага руху ў Заходняй Беларусі вывучана дастаткова слаба. Праблемы паўсядзённага выбару актывістаў, іх ацэнка ўласных магчымасцяў для далейшай дзейнасці ў межах руху патрабуе сёння больш грунтоўнага аналізу з выкарыстаннем сучасных метадалагічных падыходаў.

Важным элементам калектыўнай біяграфіі актывістаў беларускага руху з'яўляецца іх адаптацыя/неадаптацыя ў тагачаснае грамадства і "жыццё пасля актывізму". Рэпрэсіі з боку польскіх уладаў прыводзілі да ліквідацыі розных беларускіх легальных арганізацый, турэмнаму пераследванню тысяч актывістаў, што было значным фактарам адмовы многіх з іх у далейшым працягваць дзейнасць у нацыянальным руху. Пастаянныя расколы і цэнтрабежныя тэндэнцыі, якія праяўляліся сярод беларусаў у Заходняй Беларусі з канца 1920-х гг. не прыводзілі да значных перамог і поспехаў, што таксама не матывавала людзей быць унутры гэтага руху. У рэшце рэшт паўсядзённыя патрэбы людзей таксама накладвалі адбітак на гэтыя працэсы – актывістам руху неабходна было мець сталую працу, карміць свае сем'і, атрымліваць адукацыю, таму гэта непазбежна штурхала іх да ўзаемадзеяння з польскімі грамадскімі і дзяржаўнымі ўстановамі.

Адсутнасць жадання беларускіх актывістаў далей удзельнічаць у дзейнасці беларускіх структур у большасці выпадкаў было звязана з рэпрэсіямі з боку польскіх уладаў. Мясцовая адміністрацыя, як і варшаўскае кіраўніцтва, разглядалі любую праяву беларускага нацыянальнага руху праз прызму камуністычнай антыдзяржаўнай дзейнасці, што асабліва ўзмацнілася пасля ліквідацыі Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ) у 1927 г. Таму лакальныя беларускія дзеячы заўсёды знаходзіліся пад пільным назіраннем спецслужбаў і пры любой магчымасці маглі быць затрыманы і абвінавачаны ў падрыўной рабоце супраць Польшчы. Гэту акалічнасць пацвярджае той факт, што польскія турмы былі перапоўнены палітзняволенымі беларусамі. Так, на люты 1929 г. толькі ў Гродзенскай турме знаходзілася 175 актывістаў леварадыкальных арганізацый, большасць з якіх мела беларускае паходжанне [1, арк. 304].

Многія людзі не вытрымлівалі падобных умоваў пастаяннага пераследу і рабілі выбар не на карысць актыўнасці ў беларускім руху. Добрым адлюстраваннем такой сітуацыі з'яўляюцца жыццёвыя шляхі двух актывістаў, якія жылі ў абсалютна розных рэгіёнах Заходняй Беларусі. Першы з іх, Міхаіл Нікіфароўскі з в. Празарокі Дзісненскага павета (цяпер у Глыбоцкім раёне), з'яўляўся былым афіцэрам царскай арміі, які ў пачатку 1920-х гг. стаў актыўным беларускім дзеячам у сваёй мясцовасці. У перыяд дзейнасці БСРГ ён быў лідарам дзісненскага павятовага камітэта гэтай партыі і падчас яе ліквідацыі, зразумела, быў арыштаваны польскімі ўладамі. Пасля вызвалення ў канцы 1920-х гг., знаходзячыся ў вельмі цяжкім матэрыяльным становішчы і маючы праблемы са здароўем, Нікіфароўскі дыстанцыянаваўся ад беларускага руху і пачаў пісаць карэспандэнцыі для польскамоўнай газеты "Кур'ер віленскі", хаця беларускамоўная перыёдыка існавала на той момант [2]. Другі дзеяч – Міхаіл Васілеўскі – пражываў у Пінску, у пачатку 1920-х гг. з'яўляўся мясцовым карэспандэнтам беларускіх газет. У перыяд дзейнасці

БСРГ ён быў адным з лідараў беларускага руху ў гэтым палескім горадзе, кіраваў пінскім аддзелам Беларускага кааператыўнага банка. Пасля вызвалення з Лукішскай турмы ў канцы 1920-х гг., Васілеўскі больш не прымаў актыўнага ўдзелу ў беларускім руху, пачаўшы весці жыццё звычайнага польскага абывацеля: працаваў клеркам у крэдытным кааператыве польскіх купцоў, увайшоў у склад мясцовага аддзела польскай грамадскай арганізацыі Лігі супрацьпаветранай абароны. Пры гэтым у Пінску на той час яшчэ засталіся структуры беларускага руху, дзе мог спатрэбіцца вопыт Васілеўскага – гурток Таварыства беларускай школы (ТБШ) і сакратарыят Беларускага пасольскага клуба "Змаганне" [3, арк. 2]. Гэтыя дзве біяграфіі яскрава паказваюць, наколькі неабаснаваныя рэпрэсіі з боку польскіх уладаў звужалі магчымасці беларускага нацыянальнага праекта, не давалі разгарнуць свой грамадскі патэнцыял людзям, якія ў першую чаргу жадалі займацца культурна-асветніцкай дзейнасцю.

У тагачаснай польскай грамадскай думцы пашыралася ўспрыманне беларуса як "бальшавіка", "камуністычнага агента", што магло быць небяспечным для людзей, якія займаліся пашырэннем беларускай ідэнтычнасці ў публічнай сферы. Страх людзей апынуцца за кратамі прадвызначаў іх стаўленне да беларускага руху як да небяспечнай з'явы, якой трэба пазбягаць. Многія кіраўнікі лакальных структур беларускіх арганізацый паведамлялі цэнтральнаму кіраўніцтву, што на мясцовых дзеячаў улады аказваюць значны ціск, запужваюць іх турэмным зняволеннем, таму яны вырашаюць выходзіць са складу той ці іншай арганізацыі [4, арк. 88]. Асабліва актыўна ад палітычнага руху дыстанцыраваліся людзі сталага ўзросту, якім было што губляць у выпадку арышту ці ізаляцыі. Паказальным у гэтым плане былі адносіны мясцовых сялян да беларускіх дэпутатаў П. Крынчыка і Я. Гаўрыліка ў Карэлічах падчас мітынгу летам 1929 г. Калі праўрадавыя элементы моцна збілі дэпутатаў і іх трэба было хутка перавозіць да бліжэйшай чыгуначнай станцыі, некаторыя сяляне адмовіліся прадаставіць ім свае фурманкі, сказаўшы пры гэтым: "Добра ім (дэпутатам – А. Г.) далі за тое, што прыйшлі забраць у турму нашых астатніх дзяцей" [5, арк. 14].

З іншага боку, значная частка актывістаў, нягледзячы на польскія рэпрэсіі, працягвала займацца беларускай справай літаральна да канца 1930-х гг., змяняючы толькі формы сваёй працы ў адпаведнасці з сітуацыяй. Актывіст Петр Мышко са Скідзельскай гміны ў 1928 г. з'яўляўся агітатарам беларускіх леварадыкальных спісаў падчас выбараў у парламент. Прайшоўшы праз турму, ён не спыніў свайго ўдзелу ў беларускім руху – у 1930-я гг. дасылаў паштоўкі ў рэдакцыю беларускага часопіса "Калоссе" з мэтай набыць нумары выдання для распаўсюджвання [6, арк. 38]. У той жа самы час і ў тую ж рэдакцыю даслаў паштоўку нейкі Мікалай Селівончык з в. Лушнева Баранавіцкага павета, які адсядзеў 44 месяцы ў турме Вронкі па абвінавачванню ў "антыдзяржаўнай дзейнасці", што не перашкодзіла яму пасля вызвалення адразу звярнуцца ў рэдакцыю беларускага выдання з просьбай даслаць яго [6, арк. 48]. Польская турма не спыніла і Антона Семашкевіча, кіраўніка гуртка Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (БІГіК) у в. Малая Боркаўшчына Маладзечанскага павета: пасля вызвалення ён актыўна заняўся арганізацыяй беларускіх спектакляў і канцэртаў у сваёй мясцовасці [7, арк. 169]. Як бачна, гэтыя людзі канчаткова не парывалі сувязяў з беларускай справай, аднак змянялі сферу сваёй актыўнасці на больш памяркоўную, што сведчыла аб арганізацыйным крызісе беларускага руху ў 1930-х гг. пад уздзеяннем рэпрэсій з боку польскіх уладаў.

Безумоўна, у гісторыі беларускага руху ў Заходняй Беларусі сустракалася значная колькасць выпадкаў, калі актывісты, нягледзячы на турэмнае пераследаванне ці рэпрэсіі, працягвалі далейшую палітычную дзейнасць і з'яўляліся ўзорам адданасці сваім перакананням. Яскравым прыкладам гэтага з'яўляецца біяграфія беларускага дзеяча з-пад Навагрудка Яўгена Пронька. Ён нарадзіўся ў 1907 г. у в. Пуцэвічы Навагрудскага павета ў сям'і Вячаслава Пронькі, які ў міжваенны перыяд таксама быў ангажаваны ў беларускі рух і з'яўляўся дзеячам мясцовых структур ТБШ. Навучаючыся ў Навагрудскай беларускай

гімназіі (НБГ), Яўген у 1926 г. далучыўся да школьнай камсамольскай ячэйкі, што прадвызначыла яго далейшую сувязь з леварадыкальнай плынню. У 1927 г. ён упершыню быў арыштаваны і асуджаны на 2 гады турмы. Пасля вызвалення, у 1929 г. ён неўзабаве зноў быў арыштаваны за арганізацыю раённага камітэта Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (КПЗБ) у Навагрудку. 7 студзеня 1931 г. Навагрудскім акруговым судом асуджаны на 6 гадоў турмы. Па амністыі вызвалены з турмы ў 1936 г., пасля вяртання ў Навагрудак Пронька зноў распачаў палітычную дзейнасць, аднаўляў разгромлены раней паліцыяй акруговы камітэт КПЗБ, агітаваў не выплочваць падаткі і змагацца за адкрыццё беларускіх школ. У сакавіку 1937 г. ён быў змешчаны ў Бяроза-Картузскі канцлагер. Ёсць інфармацыя, што пасля вызвалення з Бярозы Яўген Пронька працягваў сваю леварадыкальную дзейнасць і нават не падпарадкаваўся рашэнню Камінтэрна аб роспуску КПЗБ, захоўваючы партыйныя структуры на тэрыторыі Навагрудчыны [8, с. 45; 9, арк. 2–4].

Не апошнюю ролю ў адыходзе нацыянальных дзеячаў ад палітычнай працы адыгрывалі звычайныя жыццёвыя акалічнасці – пошук заробка, вядзенне гаспадаркі, сям’я і выхаванне дзяцей. Арганізацыя грамадскага жыцця вымагала ад чалавека значных сіл і часу, дзеля чаго патрэбна была адпаведная прафесійная дзейнасць і станоўчае стаўленне блізкіх людзей. Так як у большасці сваёй, як ужо было высветлена вышэй, актывісты былі сялянамі, вядзенне сялянскіх гаспадарак прымушала іх у некаторыя моманты забываць аб сваім удзеле ў нацыянальнай дзейнасці, а пры пэўных умовах і ўвогуле яе пакідаць. У маі 1930 г. адзін з лідараў навагрудскага ТБШ Міхаіл Волька пісаў віленскаму кіраўніцтву: “Вы просіце, каб я рабіў належныя крокі дзеля хутчэйшага склікання Акружнога З’езду ТБШ. Вельмі рад быў бы дапамагчы гэтай справе, але не маю часу, дзеля таго, што сам працую на гаспадарцы, каб уратаваць яе ад катастрафічнага стану і забяспечыцца кавалкам хлеба” [10, арк. 22]. Пазней, аднак, Волька працягнуў сваю палітычную дзейнасць у рамках леварадыкальных арганізацый, за што быў арыштаваны і змешчаны ў Бярозаўскі лагер, стаўшы адным з першых беларускіх вязняў гэтага лагеру [11, арк. 1]. Сямейныя турботы і вядзенне гаспадаркі сталі адной з прычын ліквідацыі адзінага гуртка БІГіК у Бельскім павеце, які дзейнічаў ў в. Белая ў студзені 1935 г. Актывісты гуртка пісалі кіраўніцтву, што яны ўсе “жанатыя і адзіночныя гаспадары ў хаце”, а таму не могуць паўнавартасна займацца справамі гуртка. Праўда, хоць гурток і ліквідаваўся, аднак яго сябры не хацелі канчаткова выходзіць са складу БІГіК [12, арк. 188–188 адв.].

Страх перад магчымасцю аказацца ў польскай турме і звужэнне легальнага поля дзейнасці вымушалі многіх беларускіх дзеячаў займацца пэўнай мімікрыяй – далучацца да польскіх арганізацый і праз іх пашыраць беларускую самасвядомасць без негатыўных наступстваў для сябе. Так, калі ў 1928 г. у беларускім руху назіраліся крызісныя з’явы пасля рэпрэсій адносна БСРГ, многія правінцыйныя актывісты, якія раней належылі да беларускіх структур, падчас выбарчай кампаніі ў польскі парламент пачалі далучацца да дзейнасці праўрадавага Беспартыйнага блока супрацоўніцтва з урадам (ББСУ). Падобны працэс, напрыклад, меў месца ў Берштаўскай гміне Гродзенскага павета, дзе ва ўтвораны гмінны камітэт ББСУ ўвайшлі беларускія дзеячы М. Касцевіч, А. Сініла і інш. Пры гэтым, як аказалася пазней, Касцевіч, карыстаючыся легальнасцю, агітаваў зусім не за ББСУ, а за беларускі леварадыкальны спіс [13, с. 238–239]. У вёсцы Дакудава Лідскага павета ў студзені 1928 г. адбыўся перадвыбарчы сход ББСУ, пасля якога ў вёсцы ўтварыўся гмінны камітэт гэтай праўрадавай арганізацыі. Сакратаром камітэта стаў Сяргей Кудзі, які, як сцвярджалася ў рапарце мясцовай паліцыі, раней з’яўляўся старшынёй дакудаўскага гуртка БСРГ [14, арк. 37 адв.]. Аднак у снежні 1928 г. гэты дзеяч фігураваў у спісе небяспечных беларускіх актывістаў Лідскага павета, якіх у выпадку ваенных дзеянняў трэба было затрымаць [15, арк. 224].

Найбольш актыўна грамадскай мімікрыяй карысталася правінцыйная беларуская моладзь у 1930-х гг. У гэты перыяд ва ўмовах адсутнасці на правінцыі разгалінаванай

сеткі легальных структур беларускага руху, якая была фактычна знішчана польскімі ўладамі, мясцовыя актывісты пачалі выкарыстоўваць магчымасці легальных моладзевых польскіх арганізацый для пашырэння беларускай свядомасці. Напрыклад, многія маладыя людзі ў вёсках Заходняй Беларусі належалі да гурткоў польскага моладзевага аб'яднання "Саюза вясковай моладзі", у рамках якіх яны ладзілі сцэнічныя аматарскія пастаноўкі на беларускай мове па творах беларускіх пісьменнікаў. Як сцвярджаў адзін з карэспандэнтаў віленскага часопіса "Шлях моладзі", беларусы мелі жаданне і чакалі спрыяльных умоў, каб ператварыць гурткі польскага "Саюза вясковай моладзі" ў беларускую культурна-асветніцкую арганізацыю [16]. Паказальна, што ў некаторых мясцовасцях нават прадстаўнікі нелегальнай КПЗБ заклікалі сваіх аднапартыйцаў пранікаць у польскія грамадскія ці дзяржаўныя ўстановы, мець прыязныя стасункі з чыноўнікамі, каб уплываць на працэсы ўнутры польскага грамадскага арганізма [17, арк. 87]. У канцы 1930-х гг. у некаторых польскіх навучальных установах існавалі канспіратыўныя беларускія вучнёўскія суполкі, якія рыхтавалі тэатральныя прадстаўленні, распаўсюджвалі лістоўкі і інш. [18, с. 27].

Такім чынам, у 1930-я гг. беларускі нацыянальны рух у Заходняй Беларусі сутыкнуўся з праблемамі, характэрнымі для ўсіх грамадскіх рухаў падобнага тыпу. Частка дзеячаў руху вымушана была адысці ад актыўнай грамадскай дзейнасці і адаптавацца да жыцця ў польскай дзяржавы. Гэта, у першую чаргу, было выклікана рэпрэсіямі з боку польскіх уладаў, якія закранулі практычна ўсіх, хто быў так ці інакш звязаны з нацыянальным рухам. Немалаважнымі прычынамі адыходу ад актыўнасці былі сямейнае становішча, вядзенне гаспадаркі, пошукі сродкаў для жыцця і інш. У той жа час, многія беларускія актывісты не парывалі сувязяў з нацыянальнай дзейнасцю, а наадварот паказвалі прыклады стойкасці і адвагі ў барацьбе за захаванне беларускай ідэнтычнасці ва ўмовах асіміляцыі. Яны імкнуліся ажыццяўляць сваю працу, выкарыстоўваючы легальныя формы дзейнасці, у тым ліку ў рамках польскага грамадскага жыцця. Дадзеныя працэсы сведчылі пра тое, што польскім уладам на тэрыторыі Заходняй Беларусі не ўдалося цалкам знішчыць нацыянальную актыўнасць беларускага насельніцтва на канец 1930-х гг., якая набывала новыя формы і агітацыйныя накірункі развіцця.

Крыніцы і літаратура

1. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далей – ДАГВ). – Ф. 55. Воп. 1. Спр. 101.
2. J. N. Ś. P. Michał Nikiforowski / J. N // Kurjer Wileński. – 1930. – Nr. 182. – S. 3.
3. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далей – ДАБВ). – Ф.1. Воп. 2. Спр. 2860.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 880. Воп. 1. Спр. 5.
5. ДАБВ. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 1235.
6. Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа НАН Беларусі (далей – ЦНБ НАНБ). – Ф. 23. Воп. 1. Спр. 442.
7. НАРБ. – Ф. 880. Воп. 1. Спр. 10.
8. Чэмер, А. Наваградзкая беларуская гімназія / А. Чэмер. – Вільнюс : Saverenas, 1997. – 133 с.
9. ДАБВ. – Ф. 98. Воп. 1. Спр. 1866.
10. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (далей – LCVA). – F. 361. Ap. 1. B. 14.
11. ДАБВ. – Ф. 98. Воп. 1. Спр. 411.
12. НАРБ. – Ф. 880. Воп. 1. Спр. 15.
13. Токць, С. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў: другая палова XIX – першая траціна XX ст. : манагр. / С. Токць. – Мінск : Тэхналогія, 2007. – 308 с.
14. ДАГВ. – Ф. 200. Воп. 2. Спр. 14.
15. ДАГВ. – Ф. 200. Воп. 2. Спр. 3.
16. Госьць. Польскія "Колы" ладзяць беларускія прадстаўленьні / Госьць // Шлях моладзі. – 1934. – № 6. – С. 19.

17. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. – Ф. 10. Воп. 1. Спр. 77.
18. Чыгрын, С. Іншых шляхоў не было: гісторыка-краязнаўчыя і літаратуразнаўчыя артыкулы, гутаркі / С. Чыгрын. – Мінск : Кнігазбор, 2013. – 240 с.

УДК 930(476):94:327:82(476:430)«1919-1933»

С. Н. Рожкова
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И ГЕРМАНИЕЙ В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматриваются литературные связи между Беларусью и Веймарской Германией. Обсуждаются направления взаимодействия, включая научные контакты и культурные обмены. Автор показывает предпосылки развития литературных связей между БССР и Германией. Отмечается значение Веймарского периода в развитии белорусско-немецких литературных связей. Автор приходит к выводу, что исторические условия и политические мотивы играют существенную, а порой и решающую роль в развитии литературных связей, способствуя их ускорению (как в Веймарский период), приостановке (с приходом фашизма) или полному прекращению (в годы войны).

В современной белорусской историографии значительное внимание уделяется изучению культурного сотрудничества между БССР и Германией в период Веймарской республики. Веймарский период стал значимым для белорусско-немецких литературных связей.

В. Л. Соколовский выделил ключевые предпосылки для развития белорусско-немецких литературных связей в веймарский период: политика СССР, ориентированная на равноправный культурный обмен; добрососедские отношения между Веймарской республикой и СССР, политические и экономические контакты БССР с Германией, общий духовный подъем белорусского народа и расцвет его культуры. В начале 1920-х годов в Германии наблюдалась активизация движения в поддержку Советской России, охватившего пролетариат, левую интеллигенцию и часть буржуазии, заинтересованной в экономических связях. Это движение способствовало возникновению в Германии многочисленных организаций и печатных изданий, направленных на популяризацию Советской России. Важную роль в распространении белорусской литературы сыграла и активно развивавшаяся немецкая славистика. Во второй половине 1920-х годов славистические издания регулярно публиковали материалы о белорусской литературе. Видные белорусские ученые, включая Е. Карского, В. Пичету, И. Замотина, А. Вознесенского, Е. Боричевского, П. Расторгуева, Н. Дурново, вместе с западнобелорусским критиком В. Самойло, активно сотрудничали с немецкими славистическими журналами. Их публикации – статьи, рецензии и, в особенности, обзорные материалы – предоставляли немецкому читателю исчерпывающую информацию о значимых изданиях и исследованиях в области белорусской литературы, языка, искусства и истории. Таким образом, к концу 1920-х годов немецкая интеллигенция обладала богатой базой знаний о культурном развитии Беларуси. Хотя немецкая прогрессивная общественность проявляла существенный интерес к белорусскому художественному творчеству, этот интерес не был полностью удовлетворен. В отличие от русской литературы, широко представленной в Германии, белорусская литература воспринималась в основном через призму научных и критических публикаций. Наиболее значительным достижением немецкой славистики в этой области стало издание в 1926 году на немецком языке книги Е. Карского «История

белорусского устного народного творчества и литературы», представляющей собой адаптированную версию его монографии «Белорусы», резюмирует В. Л. Соколовский, отмечает В. Л. Соколовский [1, с. 6].

Просвещение Германии в вопросах белорусской культуры и литературы осуществлялось при активном участии ряда прогрессивных немецких представителей культуры. Писатель А. Цвейг, поэт О. Вёрле, журналист В. Егер, искусствовед А. Иппель, этнограф Ф. Куршманн и славист Р. Абихт стали проводниками белорусской культуры в Германии. Их деятельность включала публикацию более двухсот статей в немецких периодических изданиях, а также выпуск нескольких книг и сборников. Среди наиболее значимых работ – исследования В. Егера («Белоруссия», 1915–1919), Р. Абихта («Из старой и новой истории Белоруссии»), статьи Ф. Куршманна («Белорусы») и А. Иппеля о белорусском искусстве. Помимо аналитических материалов, немецкая публикация увидела переводы произведений белорусского устного народного творчества (сказки, легенды) и художественной литературы (стихотворения и рассказы Я. Купалы, Я. Коласа и других, выполненные Р. Абихтом), а также песни (в переводах О. Вёрле). Эти разнообразные публикации существенно обогатили информационное поле Германии относительно белорусской культуры, констатирует В. Л. Соколовский [1, с. 7].

Белорусская литература получила выход на немецкий рынок в период Веймарской республики благодаря двум основным факторам: стремлению самой Беларуси активно распространять свою культуру за рубежом и проявленному Германией интересу к белорусскому культурному наследию. Непосредственным толчком послужила поездка белорусских писателей Я. Купалы, Т. Гартного, М. Чарота в Германию в 1925 году. Ее результатом стало осознание искаженного представления о Беларуси в Германии и начало дискуссии о необходимости выхода белорусской литературы на международную арену, инициированной статьей Т. Гартного. Это привело к созданию 7 апреля 1926 года Белорусского общества культурной связи с заграницей (БОКС), которое возглавил Т. Гартный. Он сыграл ключевую роль в укреплении белорусско-немецких связей, начиная с 1922 года, когда организовал печатание белорусских учебников и литературы в Германии. Будучи председателем БОКСа, Т. Гартный способствовал зарубежным поездкам белорусских деятелей культуры, налаживал личные контакты с немецкими литераторами (И. Бехер, Ф. Вайсскопф, Г. Поль и др.), публиковал статьи о распространении белорусской культуры. На посту редактора журнала «Полымя» он содействовал публикации произведений немецких писателей и освещению жизни Германии. В качестве председателя Белорусского государственного издательства Т. Гартный наладил сотрудничество с немецким издательством «Ульштеин», способствуя изданию первой на белорусском языке книги немецкого писателя А. Абуша, отмечают В. Л. Соколовский и В. А. Космач [1, с. 8; 2, с. 114].

Во второй половине 1920-х годов БОКС, совместно с Наркоматом просвещения и Инбелкультом, активно способствовал международным культурным связям Беларуси. Это проявлялось в организации зарубежных командировок, обмене научной и литературной информацией, а также взаимопосещениях деятелей культуры. Белорусь активно представляла свою культуру на крупных немецких книжных выставках в Лейпциге (1927) и Кёльне (1928, 1929), а также участвовала в Неделе истории в Берлине (1928). Для налаживания контактов с немецкими славистами в 1925 году Инбелкульт пригласил на конференцию по белорусскому правописанию филологов М. Фасмера и Е. Бернекера, что положительно сказалось на литературных связях. Деятельность БОКСа привела к распространению организационных контактов между культурными учреждениями, издательствами и отдельными деятелями обеих стран. Примером служит широкий книжный обмен между Белорусской государственной библиотекой и немецкими библиотеками, а также контакты Инбелкульта, БГУ и Славянского института Берлинского университета. Особо плодотворными были личные связи между Т. Гартным и И. Бехером,

Е. Карским и М. Фасмером. Укрепление связей между белорусской литературой и Германией времен Веймарской республики было обусловлено как стремлением Беларуси к международному признанию собственной культуры, так и искренним интересом к ней со стороны немцев. Росту этих связей способствовали политические и экономические контакты БССР с Германией, а также внутреннее развитие белорусской культуры и литературы. Важной вехой стала поездка белорусских писателей в Германию в 1925 году, которая выявила неточное представление о Беларуси и стала толчком к обсуждению необходимости международной экспансии белорусской литературы. Эта дискуссия, начавшаяся в газете «Савецкая Беларусь», привела к учреждению 7 апреля 1926 года Белорусского общества культурной связи с заграницей (БОКС), призванного развивать международные культурные контакты. Исключительная роль в этом процессе принадлежала Т. Гартному – писателю, публицисту и активному стороннику белорусской культуры. Еще в 1922 году, будучи в Германии, Гартный, при поддержке российского издательства, организовал издание белорусской литературы, заложив тем самым основы будущих культурных связей. Его произведения, в свою очередь, отражали социальные реалии Германии. Став председателем БОКСа, Гартный способствовал участию белорусских деятелей культуры в зарубежных поездках, устанавливал личные контакты с немецкими писателями, такими как И. Бехер и Ф. Вайскопф. Он также активно публиковался, освещая вопросы белорусской культуры за рубежом и жизнь Германии. Будучи редактором журнала «Полымя» и главой Белгосиздата, Гартный способствовал переводам немецких авторов на белорусский язык и налаживал сотрудничество с немецкими издательствами, пишет В. А. Космач [2, с. 116; 3, с. 248].

Вторая половина 1920-х годов стала периодом активного международного сотрудничества Беларуси, в частности, с Германией. Наряду с Наркоматом просвещения и Инбелкультом, Белорусское общество культурной связи с заграницей развернуло работу по организации зарубежных поездок, обмену научной и литературной информацией, а также взаимным визитам деятелей культуры. В 1927–1929 годах Беларусь продемонстрировала свое присутствие на трех значимых книжных выставках в Германии: в Лейпциге (1927), а также в Кельне (1928, 1929). Была также отмечена своим участием в Неделе истории в Берлине (1928). Для налаживания прямых контактов с немецкими специалистами в области славистики, в 1925 году Инбелкульт пригласил на конференцию по реформе белорусского правописания ведущих филологов – М. Фасмера и Е. Бернекера. Их участие и общение с белорусскими учеными способствовало плодотворному развитию литературных связей. Деятельность БОКСа привела к интенсификации организационных контактов, достигших пика к концу 20-х годов. Были установлены связи между культурными учреждениями, издательствами и журналами, а также между отдельными деятелями культуры. Белорусская государственная библиотека начала масштабный книжный обмен с Библиотечным комитетом Германии и крупнейшими университетскими библиотеками. Налажены партнерские отношения между Инбелкультом, Белорусским госуниверситетом и Славянским институтом Берлинского университета. Отдельно стоит отметить плодотворные личные контакты, установленные между Т. Гартным и И. Бехером, Е. Карским и М. Фасмером. В 1920-х годах немецкая публика получила возможность познакомиться с художественными достижениями белорусского народа. Важным событием стало издание в 1926 году в Лейпциге сборника «Народные песни славян», содержащего 42 белорусские народные песни. В 1927 году вышла антология «Современная европейская лирика 1900–1925», где были представлены произведения белорусских поэтов Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича и З. Бядули. Этот журнал также публиковал рассказы Т. Гартного и М. Чарота, отмечают В. Л. Соколовский и В.А. Космач [1, с. 9; 2, с. 124].

Несмотря на расширение белорусско-немецких связей в 1920-е годы, белорусская литература не смогла достичь широкой аудитории в Германии по ряду причин. Прежде всего, основными каналами ее распространения оставались, как и прежде, славистика,

ориентированная в основном на специалистов, и рецензии, которые, к тому же, как правило, писались белорусскими литературоведами. Существовало также несоответствие в развитии литератур: в то время как белорусская литература только осваивала мировой опыт, а немецкая литература уже обладала высоким уровнем и богатыми традициями. Значительным барьером стало восприятие частью немецкой интеллигенции Беларуси исключительно как объекта этнографического интереса. Кроме того, отсутствие среди немецкой творческой элиты владеющих белорусским языком стало серьезным препятствием для распространения художественной литературы. К этому добавились и политические факторы: реакционные круги Германии активно противодействовали распространению советской, включая белорусскую, культуры. Совокупность этих факторов помешала белорусской литературе занять достойное место в культурной жизни Германии.

Во второй половине 1920-х годов в Беларуси началось знакомство с немецкой пролетарской литературой, сначала в виде малых форм, таких как стихи, баллады и рассказы. К концу 1920-х – началу 1930-х годов белорусские читатели получили доступ к более масштабным произведениям, в том числе к таким социальным романам, как «Люизит» И. Бехера, «Штурм Эссена» Г. Мархвицы, «Розенгофская улица» В. Бределя и «Пролетарий рассказывает» В. Турека. Значительный объем переводов, их жанровое разнообразие и сам факт их появления свидетельствовали о большом интересе белорусской общественности к этому литературному направлению. Белорусская периодическая печать активно освещала достижения немецкой пролетарской литературы.

Ключевую роль в ознакомлении белорусского читателя с немецкой пролетарской литературой сыграл И. Бехер. Поддерживая тесные связи с журналом «Полымя» и его редактором Т. Гартным, он направлял туда свои произведения для перевода, публиковал статьи и способствовал печати наиболее показательных работ видных представителей этого направления. Благодаря И. Бехеру, в Беларуси стали известны имена таких немецких писателей, как Б. Ласк, Ф. Вайскопф, А. Абуш, Г. Поль и другие.

В целом, воздействие немецкой литературы было плодотворным для Беларуси. В тот период белорусская литература стремительно развивалась и активно впитывала родственные ей по духу демократические и революционные традиции других народов. Произведения немецких пролетарских писателей находили отклик в Беларуси, поднимая острые политические, социальные и моральные вопросы, актуальные не только для Германии, но и для всего прогрессивного человечества. Благоприятная почва для восприятия немецкой пролетарской литературы была подготовлена как внутренним развитием белорусской литературы, так и типологическим сходством между обеими литературами. Это объясняет успех немецкой пролетарской литературы в Беларуси, интенсивность ее переводов и плодотворное влияние на развитие публицистики, гражданственности и интернациональной тематики в белорусской поэзии конца 1920-х – начала 1930-х годов, резюмируют В. Л. Соколовский и В. А. Космач, Д. А. Мигун [1, с. 10; 2, с. 141; 3, с. 17; 4, с. 145].

Белорусская писательская общественность проявляла значительный интерес к революционным событиям в Германии и судьбе немецкого народа. Прогрессивная буржуазная литература Германии периода Веймарской республики была известна белорусскому читателю в значительно меньшей степени. За исключением нескольких рассказов Г. Поля, М. Кальтофена и Б. Келльмана, единственным значимым произведением этого направления стал роман Э. Ремарка «На Западном фронте без перемен». Роман, вышедший в Германии в 1929 году, уже через год был переведен на белорусский язык и издан. Благодаря своей актуальной тематике, пацифистскому духу и масштабной рекламной кампании, произведение Ремарка стало одним из самых популярных тогда в БССР, отмечает В. Л. Соколовский [1, с. 11].

Таким образом, белорусские историки пришли к выводу, что литературное взаимодействие между БССР и Веймарской Германией было двусторонним и принесло значительные творческие результаты. Успешное развитие белорусско-немецких литературных

контактов напрямую зависело от политической атмосферы между СССР и Германией. Исторические условия и политические мотивы играют существенную, а порой и решающую роль в развитии литературных связей, способствуя их ускорению (как в Веймарский период), приостановке (с приходом фашизма) или полному прекращению (в годы войны).

Источники и литература

1. Соколовский, В. Л. Белорусско-немецкие литературные взаимосвязи периода Веймарской республики (1919–1933) : автореф. дис. … канд. ист. наук / В. Л. Соколовский. – Минск, 1997. – 21 с.

2. Космач, В. А. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932 гг.) : монография / В. А. Космач. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2006. – 390 с.

3. Космач, В. А. Обмен выставками между СССР и Германией в 1922–1932 годы (из истории советско-германских культурных связей в период Рапалло) / В. А. Космач // Россия и Германия / отв. ред. Б. М. Туполев. – М.: Наука, 2004. – Вып. 3. – С. 248–259.

4. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.

УДК 272(476.7-37Пинск)-9

С. Ф. Веремеев
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ВИЗАНТИЙСКИЙ ОБРЯД В ПИНСКОМ ДИОЦЕЗЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В данной статье рассматривается история общин византийского обряда католической церкви на территории Пинского римско-католического диоцеза, образованного в 1925 г. Приводятся сведения о территориальной локализации общин, затрагивается вопрос об их количестве и численности верующих в 20–30-е гг. XX в. и на современном этапе. Отдельное внимание уделено памятникам истории и культуры, связанным с греко-католической церковью и сохранившимся в границах Пинского диоцеза до настоящего времени.

Пинский римско-католический диоцез (или Пинская епархия) был создан 28 октября 1925 г., когда Папа Римский Пий XI своей буллой "*Vixdum Poloniae unitas*" реорганизовал административную структуру католической церкви в Польском государстве, в состав которого в тот период входили земли Западной Беларуси. После Великой Отечественной войны территория Пинского диоцеза почти полностью вошла в состав БССР. В 1991 г. Ватикан расширил его границы за счёт включения в его состав Гомельщины [1]. В настоящее время диоцез с центром в Пинске является одним из четырёх диоцезов в структуре католической церкви в Беларуси и охватывает территории Гомельской и Брестской областей.

Столетний юбилей Пинской римско-католической епархии, отмечаемый в 2025 г., актуализировал обращение к её истории. Малоисследованным сюжетом её прошлого является история византийского или восточного обряда в её пределах. Здесь следует пояснить, что католическая церковь наряду с латинским (римским) допускает и другие литургические обряды: амвросианский, брагский, сирийский, армянский, маронитский, халдейский и др. В этом списке также есть византийский (восточный) обряд, который является одним из самых распространённых католических богослужебных обрядов и практикуется в греко-католической (униатской) церкви.

Уже к моменту образования Пинского диоцеза в 1925 г. на его территории существовали приходы и общины греко-католиков. Они образовались в ходе так называемой неоунии – возрождения униатской церкви в межвоенной Польской Республике. Обряд, который в них практиковался, получил название «ritus byzantino-slavicus» («византийско-славянский обряд»). По сути, это был тот же обряд, что и в Российской православной церкви («синодальный»), за исключением признания Папы Римского главой церкви, молитвы за него и за местного епископа во время литургии и запрета разводов. С течением времени в него вошли и другие элементы, свойственные латинской церковной традиции (добавление Filioque в Символ веры, празднование Непорочного Зачатия Девы Марии и др.), но сам обряд кардинально никогда не изменялся [2, с. 68].

У неоуниатских приходов на территории Пинского диоцеза была длительная предыстория. Брест в определённом смысле являлся колыбелью церковной унии. Именно там в октябре 1596 г. состоялся собор с участием большинства епископата Киевской митрополии, духовенства и представителей светских властей, на котором была утверждена уния с Римской церковью. В Бресте появилась в 1597 г. и первая на территории Беларуси и в Великом княжестве Литовском униатская школа, в XVII–XVIII вв. действовала иконописная мастерская [3, с. 157]. Брест являлся также одним из центров (наряду с Владимиром на Волыни) униатской Владимиро-Брестской епархии, а первым её главой был Ипатий Потей, «отец унии», принимавший активное участие в её распространении.

В целом, те земли, которые впоследствии войдут в состав Пинского римско-католического диоцеза в его современных границах (т.е. Брестчина и Гомельщина), на протяжении XVII–XVIII вв. относились к трём униатским епархиям: Владимиро-Брестской, Турово-Пинской и Полоцкой. Отдельные приходы, как, к примеру, в деревнях Маковичи (современный Речицкий район), Евтушковичи (ныне деревня Просвет Светлогорского района), входили в Киево-Виленскую митрополичью епархию.

В отличие от Брестчины, на территории Турово-Пинской епархии положение униатской церкви было менее прочным. Туровщина до середины XVIII в. оставалась преимущественно православным регионом. Более устойчивые позиции занимали униаты на Пинщине [4].

Слабо изучена история униатской церкви на территории восточной Гомельщины, относившейся к Полоцкой епархии. Условной датой начала истории унии в Гомеле можно считать июнь 1621 г., когда полоцкий униатский архиепископ Иосафат Кунцевич передал местным униатам замковую православную церковь Св. Николая (Васьков, с. 221). В последующий период при поддержке властей положение униатов в Гомеле и окрестностях постепенно укреплялось. Известно, что во второй половине 1730-х гг. униатскими стали православные церкви в Бартоломеевке, Новосёлках, Радуге, Шерстине, Хальче. В конечном итоге с 1749 г. и на протяжении нескольких последующих лет на востоке Гомельщины не было ни одного действующего православного храма. Гомель являлся центром греко-католического деканата, здесь действовала иконописная мастерская. Существовал также Рогачёвский униатский деканат [5, с. 221–223].

Богослужебным обрядом униатской церкви являлся византийский обряд, который, однако, в период XVII – первой четверти XIX вв. вобрал в себя ряд элементов латинского обряда (органы, внешний вид духовенства и др.). Вместе с тем о необходимости сохранения византийского обряда в ней заявляли церковные соборы [6, s. 145]. На землях Брестчины и Гомельщины действовали униатские монашеские обители василиан: Брест, Вольно, Кобрин, Лещинский монастырь в Пинске, где находилась резиденция местного епископа, василианский монастырь в Гомеле (до 1804 г.) и др. Отметим также, что в среде униатов некоторые иконы почитались как чудотворные. К числу таковых на Гомельщине, к примеру, относилась Белосороцкая икона святого Николая, находившаяся в монастыре в деревне Белая Сорока [7, с. 74] (деревня не сохранилась, ныне это зона отчуждения в Наровлянском районе, судьба иконы нам неизвестна). В деревне

Ванюжичи (теперь Петриковский район) в главном алтаре местного униатского храма в 1770-е гг. находилась икона Богородицы, официально признанная униатскими церковными властями чудотворной [8, с. 88].

В 1839 г. все храмы и приходы униатской церкви на белорусских землях были присоединены к православной церкви. Но в последующие десятилетия в среде православных, часть из которых являлась бывшими униатами или их потомками, сохранялись иконы униатского письма, другие предметы культа, некоторые религиозные практики, присущие этой традиции [9, с. 125]. Следует отметить, что ещё до 1839 г. неоднократно имели место случаи перехода униатов в латинский обряд.

В результате Российской революции 1917 г. возникло окно возможностей для возрождения униатской церкви на белорусских землях. Однако если в Могилеве и Витебске были предприняты соответствующие попытки [10, с. 47], то относительно Гомельщины таких сведений нет. Несколько позднее, с 1924 г., униатские общины начали появляться в Западной Беларуси. Точное их число, равно как и численность верующих, определить невозможно по причине неполноты имеющихся статистических данных, часть из которых носит фрагментарный характер, а также в силу того, что как приходы, так и верующие могли в тот период по нескольку раз переходить в неоунию и возвращаться обратно в православие [2, с. 121–123].

По нашим подсчётам, выполненным на основании исследования А. Н. Свирида [2, с. 127–170], в 1920–1930-е гг. на территории Брестчины униатские приходы, общины и небольшие группы верующих были в следующих населённых пунктах: Бобровичи (ныне Ивацевичский район), Брест, Бытень (ныне Ивацевичский район), Вядо (уничтожена немцами в сентябре 1942 г., теперь это территория Ивацевичского района), Глинная (теперь Ивацевичский район), Городная (теперь Столинский район), Давид-Городок, Дарево (теперь Ляховичский район), Дрогичин, Жуки (теперь Кобринский район), Замшаны (теперь Малоритский район), Збураж (ныне Малоритский район), Краи (теперь Ивацевичский район), Кривичи (Пинский район), Кобрин, Лемешевичи (теперь Пинский район), Любищицы (теперь Ивацевичский район), Малорита, Мерлинские хутора (теперь Столинский район), Молочки (теперь Пружанский район), Оброво (теперь Ивацевичский район), Оздамичи (теперь Столинский район), Олтуш (теперь Малоритский район), вероятно Пинск, Пружаны, Снитово (ныне Ивановский район), Таракани (ныне Именин, Дрогичинский район), Телеханы (в настоящее время Ивацевичский район), Теребень (ныне Пинский район), Толково (сейчас Дрогичинский район), Тупчицы (ныне Пинский район), Хойно (ныне Пинский район), Яглевичи (сейчас Ивацевичский район), Янов (ныне г. Иваново).

Все они находились в юрисдикции пинского римо-католического епископа. В 1925–1932 гг. это был Зигмунд Лозинский (почитаемый в современной католической церкви как Слуга Божий), затем Казимир Букраба.

На территории Пинской римско-католической епархии в межвоенный период несли служение униатские священники, являвшиеся большими патриотами Беларуси. Так, в 1926 г. настоятелем прихода в местечке Ольпень вблизи Давыд-Городка (ныне Столинский район) был назначен священник Вацлав Оношко. В этом приходе он прослужил около девяти лет, позже, в 1935–1944 гг. продолжал своё служение в Делятичах (в настоящее время Новогрудский район). Деятельность В. Оношко в Ольпени была весьма плодотворной, этот приход стал одним из наиболее крупных и динамично развивающихся. Усилиями В. Оношко был построен униатский храм, также клуб, где ставились пьесы белорусских писателей, были организованы духовой оркестр, драматический, сельскохозяйственный и молодёжный кружки, школа кройки, добровольная пожарная охрана и оркестр пожарной охраны. Сам В. Оношко отличался жертвенностью и личным аскетизмом. Однажды он снял и отдал свою обувь местному парню, которому не во что было обуться. По рекомендации Оношко более 10 человек из его прихода поступили в духовные семинарии. Священник являлся сторонником белорусизации

церковной жизни на территории Западной Беларуси и со своими прихожанами общался на белорусском языке [2, с. 108, 158–159]. Примечательно, что в 1931 г., во время проведения переписи населения, 1050 жителей Ольпени назвали себя белорусами, тогда как в 1921 г. они относили себя к «тутэйшим» [11, с. 86].

В Бобровичах настоятелем являлся Болеслав Пачопка. Он известен тем, что являлся составителем и издателем первого белорусского молитвенника «Boh z nami» (1915), редактором первой белорусской католической еженедельной газеты «Biełarus», автором первой грамматики белорусского языка (1918 г.). Б. Пачопка печатался в белорусской и польской прессе, был первым биографом З. Лозинского, принимал участие в Пинских униатских конференциях (о них ниже).

В 1937 г. начал своё священническое служение на Полесье священник Лев Горошко. Он служил в приходах Любешово, Угриничи, Городная (Столинский район), затем в Столбцах, Збураже (Малоритский район). Как признавался сам священник, он «*намагаўся рабіць усё магчымае, каб забяспечыць рэлігійныя патрэбы беларускага народа*». Его деятельность встретила противодействие польских властей, он находился под надзором польской полиции [12].

Пинск – столица римско-католического диоцеза – в 1930–1937 гг. стал местом проведения униатских конференций. Всего их состоялось шесть, участие в них принимали католические иерархи, представители римо-католического и униатского духовенства, семинаристы Пинской семинарии. В ходе конференций обсуждались методы распространения неоунии и достижения в этом направлении, обрядовые аспекты, положение православия в разных странах, прежде всего в СССР и Польше. В частности, было решено в проповеди использовать тот язык, на котором разговаривают верующие (т.е. для белорусов – белорусский язык); особое внимание уделять практике исповеди, являющейся мощным стимулом духовной жизни; возрождать и распространять культ Евхаристии [13]. Вероятно, пинские конференции повлияли и на решение Папы Римского Пия XI в 1931 г. назначить для византийско-славянского обряда в Польше отдельного епископа.

После воссоединения Западной Беларуси с БССР в сентябре 1939 г. положение греко-католиков на территории Пинского диоцеза значительно осложнилось в силу того, что политика советской власти была направлена на создание нового, безрелигиозного общества.

В годы Великой Отечественной войны некоторые греко-католические общины и верующие были физически уничтожены нацистами. Так, в сентябре 1942 г. во время карательной операции «Болотная лихорадка» нацисты сожгли все четыре деревни, принадлежавшие к униатскому приходу с центром в Бобровичах, уничтожив при этом более тысячи человек [14, с. 247–248; 15, с. 6]. В послевоенный период условия для существования структур униатской церкви в Советской Беларуси отсутствовали. Тем не менее в БССР проживали отдельные верующие, которые считали себя униатами. Таковые были в уже упоминавшейся деревне Ольпень на Столинщине. В Пинске до 1980-х гг. жила греко-католическая монахиня из числа сестёр-миссионерок «Дети Марии» [10, с. 54].

Греко-католицизм стал возрождаться на территории Беларуси на закате перестройки. В частности, в 1990–1991 гг. появились общины греко-католиков в Бресте, Ивацевичах, Барановичах, несколько позже – в Березе, Каменце, Новогрудке, Свислочи и др. В октябре 1990 г. (по другим данным – в 1991 г.) был официально зарегистрирован приход в честь Трёх святителей (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста) в Гомеле. В греко-католической церкви практикуется византийский обряд, языком богослужения и проповеди является белорусский язык. В административном плане они подчиняются не пинскому римо-католическому епископу, как это было во времена неоунии, а апостольскому администратору для греко-католиков Беларуси, назначаемому Папой Римским. Все общины греко-католиков на территории Пинского диоцеза немногочисленны (точная статистика отсутствует), предпосылок для количественного их роста, по крайней мере, в ближайшей перспективе не просматривается.

Необходимо упомянуть и про историко-культурное наследие, связанное с униатской церковью и находящееся в границах Пинского диоцеза. В Брестской области к настоящему времени сохранилось 34 храма – памятника униатского зодчества XVII – первой половины XIX вв. Ряд деревянных церквей оказались утраченными: в Брестской области – 60 храмов, в Гомельской области – 4 храма (населенные пункты Белая Сорока Наровлянского района, Люденевичи Житковичского района, Мозырь, Михалки Мозырского района) [3, с. 117–127].

В деревне Збироги Брестского района находится православная церковь св. Параскевы Пятницы – старейший из числа сохранившихся на территории Беларуси памятников униатской архитектуры (1610 г.). Большой интерес представляет бывшая униатская церковь Св. Николая в Кожан-Городке Лунинецкого района Брестской области (в настоящее время православная). Она была построена в 1814–1818 гг. в «полесском стиле» с элементами барокко. Из-за крена в народе данную церковь называют «Пизанской башней». В храме сохранились две иконы XVIII в.: «Троица» и «Архистратиг Михаил» [3, с. 127–128]. Памятниками виленского барокко являются бывший униатский храм Св. Троицы в деревне Вольно Барановичского района, возведённый в 1768 г., а также храм Св. Петра и Павла в Ружанах Пружанского района, построенный зодчим из Саксонии Я. С. Беккером в 1778 г. (оба храма с 1839 г. являются православными). Оригинальностью отличается иконостас из бывшей униатской церкви Рождества Богородицы в Шерешево (Пружанский район), созданный во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. В настоящее время он находится в Национальном художественном музее Республики Беларусь. Сохранились весьма необычные «Царские врата», изготовленные из соломы, из деревень Вавуличи Дрогичинского района, Лемешевичи Пинского района, Лясковичи Ивановского района Брестской области.

Самобытными чертами отличается униатская традиция иконописи, которая сформировалась в западном Полесье в XVIII в. Примером её могут служить иконы Варвары Мученицы работы Я. Василевича из Кобрина, Трёх святителей (Свв. Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст), и Благовещения из Шерешевского иконостаса и др. [3, с. 152–153, 184].

Таким образом, можно констатировать, что византийский обряд является важной составляющей истории Пинского римо-католического диоцеза, охватывающего территории Брестчины и Гомельщины. Присутствуют греко-католики на данных территориях и в настоящее время.

Источники и литература

1. Гісторыя дыяцэзіі. Сайт Пінскай дыяцэзіі Рымска-каталіцкага Касцёла ў Рэспублікі Беларусь – URL: https://pinskdiocese.by/page63128929.html (дата обращения: 13.03.2026).

2.Свирид, А. Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / А. Н. Свирид. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2012. – 218 с.

3. Марозава, С. В. Культурная спадчына Уніяцкай Царквы Беларусі (1596–1839 гг.) / С. В. Марозава, С. П. Марозаў. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2023. – 297 с.

4. Лісейчыкаў, Д. В. Уніяцкія парафіі «Тураўскай епархіі» ў XVI–XVIII стст. / Д. В. Лісейчыкаў. – URL: https://niab.by/wp/4862#_ednref5 (дата обращения:10.03.2026).

5. Васькоў, У. Католікі на абшарах Панізоўя і Севершчыны : гісторыя Гомельскага дэканата / У. Васькоў. – Мінск : Про Хрысто, 2011. – 360 с.

6. Statuty Synodu Zamojskiego 1720 roku / Red. naukowa P. Nowakowski CM. – Krakow : Wydawnictwo Avalon Sp. z o.o., 2020. – 432 s.

7. Историко-статистическое описание Минской епархии, сост. ректором Минской духовной семинарии, архимандритом Николаем. – Санкт-Петербург : тип. духовного журн. «Странник», 1864. – 315 с.

8. Флікоп, Г. А. Упамінанні пра спісы малавядомых цудадзейных абразоў у апісаннях уніяцкіх храмаў XVIII – пачатку XIX ст. / Г. А. Флікоп // Весці НАН Беларусі. Сер. гум. навук. – 2015. – № 2. – С. 84–89.

9. Извеков, Н. Д. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. / Н. Д. Извеков. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1899. – 522 с.

10. Веремеев, С. Ф. История Греко-католической церкви в Беларуси в биографиях её иерархов / С. Ф. Веремеев. – Минск : Альфа-книга, 2024. – 336 с.

11. Даугяла, Н. В. Вацлаў Аношка: жыцці і дзейнасць / Н. В. Даугяла // Асветніцтва і гуманістычныя каштоўнасці Беларусі ў рэтраспектыве часу: да 900-годдзя з дня нараджэння Еўфрасінні Полацкай. Матэрыялы міжнар. навук.канф. 30–31 мая 2002 г. Наваполацк. – Мінск : "Дэполіс", 2002. – С. 83–87.

12. 110-гадоў з дня нараджэння айца Льва Гарошкі. – URL: https://www.vaticannews.va/be/kaciol/news/2021-03/110-gadou-z-dnya-naradzhennya-ajcza-lva-garoshki.html/ (дата обращения: 13.03.2026).

13. Колб, Н. М. Релігійність та національність: актуальні питання Пінських унійних конференцій 1930–1937 рр. / Н.М. Колб, І. В. Орлевич // Науковий щорічник "Історія релігій в Україні". – 2022. – Вип. 32. – С. 74–100.

14. Веремеев, С. Ф. Греко-католическая церковь в Беларуси в годы Второй мировой войны / С. Ф. Веремеев // Векапомныя дні вызвалення : материалы Республиканской научн.-практ. конф., посвящ. 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Гомель, 2 мая 2019 г.). – Гомель : БелГУТ, 2019. – С. 244–249.

15. Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: Документы и материалы / Сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев и др.; Редкол. В. И. Адамушко и др. – М. : Фонд «Историческая память», 2011. – 536 с.

УДК 94:327(438:4)«193»

Л. П. Никитенкова
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина

РОЛЬ И МЕСТО ПОЛЬШИ В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКИХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье рассмотрены векторы внешней политики европейских государств через призму взаимоотношений с Польшей накануне Второй мировой войны. Геополитическое положение Польши определило это государство в зону повышенного внимания крупных европейских игроков – Франции и Великобритании. В своей внешней политике Польша балансировала между Москвой и Берлином. Но серия просчетов польской дипломатии (преувеличение роли и места Польши в системе государств европейского региона со стороны собственного руководства, нереальная оценка в Варшаве международной ситуации) предрешила судьбу государства.

Межвоенное двадцатилетие в европейской внешней политике является одним из сложных и дискуссионных периодов. С окончанием Первой мировой войны в общественном мнении растет убеждение, что другого подобного конфликта в истории не будет. Человеческие потери слишком велики, экономический ущерб огромен. Война в качестве основного инструмента для достижения своих национальных интересов оказалась морально и материально очень затратным фактором. Поэтому в политическом мышлении 1920-х гг. стало активно распространяться мнение, что общество можно и нужно

усовершенствовать путем законодательной деятельности, что, используя международное право, можно положить конец войнам. Однако, Версальско-Вашингтонская система, установившаяся после окончания Первой мировой войны, не несла в себе цели сохранения мира в Европе, а, наоборот, предполагала неизбежность военных конфликтов, так как породила территориальные и приграничные споры на европейском континенте. И это отчетливо стало видно в конце 1930-х годов. Сильные в экономическом плане европейские державы в лице Великобритании и Франции оказались перед выбором: начинать войну за сохранение остатков прежнего миропорядка или продолжать примиренческую политику относительно гитлеровских территориальных требований и захватов. Второй вариант для Европы оказался предпочтительнее. Соотношение сил между мировыми центрами поменялось в пользу милитаристских держав.

История Польши в межвоенный период – одна из сложных и болезненных тем европейской истории. Польская Республика в системе европейских международных отношений играла значимую роль по причине, прежде всего, своего геополитического положения. Польша проводила политику балансирования между СССР и Германией. Польское правительство в 1938–1939 гг. устами своего министра иностранных дел Ю Бека неоднократно заявляло, что мир может быть обеспечен политикой балансирования Польши между СССР и Германией и сохранением формального нейтралитета в спорных международных вопросах. Политика государства была основана на принципе так называемой «равноудаленной дистанции» от Германии и СССР. Но постепенно Польша отходила от этого принципа. Дистанция по отношению к Москве увеличивалась, а к Берлину – сокращалась. Ю. Бек слепо верил в поддержку Франции и Великобритании. Ему казалось, что хорошие отношения с Третьим Рейхом принесут больше выгоды, а добрососедских отношений с Москвой достичь трудно. Такая внешняя политика вызывала протесты польского общества. Но Ю. Бек не желал изменить проводимую линию и не верил в возможность войны с Германией.

В советской дипломатической переписке конца 1930-х годов звучала мысль: «Германия толкает Польшу на конфликт с СССР. Гитлер уверен, что немецкие войска одержат над Польшей победу. Когда мы займем некоторую часть Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически, реализуя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и потерю национальной независимости» [1].

Сильные игроки Европы позволяли себе одновременно критиковать политический курс Польши и в то же время стремились к контролю над его правительством и территориями.

В истории дипломатии 1939 год является годом политического кризиса, приведшим к отказу крупнейших европейских государств действовать совместно в борьбе с фашистской агрессией. Западные державы до весны-лета этого года предпринимали попытки экономического умиротворения Германии, не забывая и о политических соглашениях. Малым странам в этой большой политике отводилась роль пешек, которыми можно было жертвовать, не особо задумываясь о последствиях.

Польский вопрос в дипломатический игре ключевых держав Версальской системы вышел на первый план к концу 1938 – началу 1939 гг. Самой серьезной ошибкой Польши была политическая игра против Чехословакии, что и привело к окончательному германскому доминированию в Восточной Европе. Ещё при подготовке Мюнхенского договора 1938 г. Польша и Венгрия выдвинули свои территориальные претензии к Чехословакии. И как позже писал У. Черчилль: «Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства» [2, с. 156]. Министр иностранных дел Польши этого времени Юзеф Бек всячески старался придерживаться той политики, которая была выстроена ещё при Пилсудском. Однако, как отмечают исследователи: «Главная проблема польской дипломатии и государственности в целом состояла в том, что при очевидном стремлении к великодержавности Варшава не обладала

необходимыми для этого информационными ресурсами. Информация о двух самых опасных соседях Польши – Германии и СССР – была совершенно неудовлетворительной для принятия серьёзных внешнеполитических решений, способных хотя бы тактически скорректировать доставшийся Беку в наследство от Пилсудского курс» [3, с. 191].

Незадолго до начала войны министр иностранных дел Германии Риббентроп предлагал польскому правительству проводить общую политику в отношении России [4, с. 63]. После отказа поляков действовать совместно, Германия решила расправиться с нею военным путем. Несогласие Польши на немецкие территориальные требования ускорило принятие этого решения. Нацистское руководство наметило эту страну в качестве первой жертвы.

Активная подготовка военного похода на Польшу развернулась в Германии с начала 1939 года. По плану «Вайс» предусматривалось нанесение неожиданных сильных и успешных ударов с началом осени. Одной из главных задач немецкого руководства до начала военных действий – «по возможности изолировать Польшу» [5, с. 64]. А для этого необходимо было не допустить вмешательства в польские дела Советского Союза, Англии и Франции. В конце апреля 1939 г. была расторгнута польско-германская декларация о неприменении силы 1934 г. и англо-германское соглашение 1935 г. [6, с. 223]. В мае того же года Гитлер провел совещание руководящего состава вооруженных сил, где им было отмечено: «Польский вопрос обойти невозможно; остается лишь одно решение – при первой подходящей возможности напасть на Польшу» [5, с. 98].

31 марта правительство Чемберлена провозгласило, что в случае нападения на Польшу Германии Англия выступит в ее защиту. Вскоре была подписана польско-британская договоренность о взаимной помощи на случай любой угрозы. «Однако к моменту нападения Германии на Польшу Англия не располагала сколько-нибудь достаточными сухопутными силами и имела весьма ограниченный военно-воздушный потенциал. Следовательно, даже при желании британская сторона была не в состоянии выполнить обязательства по договору с Польшей о взаимной помощи» [6, с. 326].

Предполагаемая позиция Англии в условиях все возрастающего напряжения в германо-польских отношениях имела большое значение. Но, тем не менее, в записке посла Германии в Великобритании Дирксена от 18 августа 1939 г. отмечалось: «Необходимо предпослать общее замечание, что Великобритания не связала себя на 100 % данным заранее обязательством выступить на стороне Польши в случае всякого конфликта. Это противоречило бы психологии англичан, всегда оставляющих для себя открытой возможность уклониться от принятых обязательств… Чем дальше идет Англия по запутанным тропам восточной политики, тем больше у нее является сомнений и опасений. Неутолимая потребность Польши в деньгах привела уже финансовые переговоры к частичному срыву. Бесстыдный тон польских газет хотя и замалчивается старательно в английской печати, но в руководящих кругах возбуждает недовольство. Военная сила Польши при ближайшем рассмотрении оказывается проблематичной. Постепенно убеждаются, что особые трудности в польско-русских отношениях снижают ценность Польши как союзника» [5, с. 312].

Вообще, нацистская Германия летом 1939 г. важнейшим моментом своей дипломатической деятельности считала недопущение эффективного сотрудничества между западными державами и Москвой. Гитлер тогда надеялся разбить Польшу без опасности конфликта с Западом. Именно двойная политика Англии и Франции на переговорах в Москве в начале августа не позволила найти компромисс. Плюс негибкая политика Польши не способствовала движению в этом направлении. Варшава упорно отклоняла все предложения, делавшиеся ей представителями Англии и Франции, о возможности использования ее территории. Юзеф Бек постоянно ссылался на заветы Ю. Пилсудского, согласно которым ни в коем случае нельзя допустить появления чужих солдат на польской территории. Он говорил послу Франции об ослабленности Красной Армии в результате репрессий командного состава, что положиться на нее нельзя. В такой обстановке позиция министра оказалась трагичной и недальновидной для судеб Польши [7, с. 275].

Провал переговоров многие исследователи связывают с нежеланием Лондона заключать какие-либо договоренности с Россией. А это означало, что последняя возможность остановить общими усилиями готовившееся нападение вермахта на Польшу, а значит и войну в Европе, была утрачена.

Немецкая дипломатия обвинила британскую пропаганду в кризисе германо-польских отношений и посчитала желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. Рекомендовано было руководителям обоих государств не пускать события на самотек, а действовать. В рекомендациях германскому послу в Москве в начале августа говорилось о необходимости убеждать русских в том, что на Балтике Германии и СССР хватит места. За событиями в Польше они следят внимательно и хладнокровно. В случае провокации со стороны Польши урегулируют вопрос в течение недели [8, с. 28].

Неоднозначно характеризуются обстоятельства, связанные с подписанием советско-германского договора от 23 августа 1939 г. и последующим ходом событий. Несомненно, что подписание было вынужденным и трудным решением, следствием международных отношений конца тридцатых годов. Вместе с тем, эта политика деформирована была культом личности Сталина, что сказалось даже во внешнеполитической сфере. В секретном дополнительном протоколе относительно Польши говорилось: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития» [8, с. 62].

Грандиозные цели Германии по разрушению Версальской системы и завоеванию мирового господства требовали сложных и рискованных решений. Одним из них являлся вольный город Данциг. Экономика послеверсальской Польши ориентирована была на Запад. Более половины ее торгового оборота проходила через Гданьск и Гдыню. Захватив устье Вислы, гитлеровцы поставили бы под свой контроль экономику Польши. Главный инструмент, который использовала Германия для продвижения своих экономических интересов – сильный политический нажим на соперника. Согласно условиям Версальского мирного договора (1919 г.) Данциг получил статус вольного города и находился под юрисдикцией Лиги Наций. По договору предусматривалась передача Польше территорий, которые обеспечивали ей доступ к Данцигу, так называемый «Польский коридор», который отделял Восточную Пруссию от Германии. Хотя большинство населения в городе составляли немцы, но поляки имели право на собственные учреждения, школы, больницы. Данциг входил в таможенную зону Польши. В международных отношениях национальный интерес является одним из спорных и болезненных. «В 1939 г. Германия потребовала от Польской Республики возвратить город, а также предоставить Германии пути в обход Данцигского коридора для связи с Восточной Пруссией. Отказ Польши стал формальным поводом к началу Второй мировой войны» [9, с. 103].

Нападение Германии на Польшу повело отсчёт новой мировой войны. По свидетельству рейхсминистра А. Шпеера: «…все тревоги развеялись в первые же дни сентября, когда польский поход принёс неожиданный успех немецким войскам. Гитлер обрёл, судя по всему, обычную уверенность, и потом уже в разгар войны, я даже неоднократно слышал от него, что поход против Польши непременно требовал крови. Впрочем, очень возможно, что за подобными рассуждениями он просто желал скрыть дипломатические просчёты августа 1939 года» [10, с. 220].

После первого сентября 1939 г. пошла информация о налётах немецких самолётов и на территории, населённые белорусами и украинцами. В сообщении брестского поветового старосты полесскому воеводе от 3 сентября 1939 г. говорилось: «Около 17 час. 7 немецких самолётов совершили налёт на крепость в Бресте-над-Бугом, сбросив около 10 бомб.

В результате повреждены: железнодорожное полотно на Варшавском пути, склад обмундирования, Белый дворец…» [11, с. 228]. Принятие решения о вступлении частей Красной Армии в пределы Западной Украины и Западной Белоруссии было для советского руководства совсем непростым. 3, 5, 10 сентября дипломаты оговаривали такую возможность. В. М. Молотов сообщал немецкому послу в СССР, что советские войска, если и когда они выступят, будут задействованы с политической, а не с военной мотивировкой [6, с. 348].

События 17 сентября объяснились советской стороной тем, что польское правительство бездействует, и Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу СССР. Говорилось о прекращении действия ранее заключенных договоров и о том, что не могла советская сторона безучастно относиться к судьбе украинских и белорусских братьев, должна обеспечить им условия для мирной жизни. До этого, правда, Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше. А теперь Советское правительство не видело какого-либо другого благовидного предлога, чтобы оправдать за границей свое вмешательство [8, с. 94].

Таким образом, серия просчетов польской дипломатии предрешила судьбу государства. Трагедией для межвоенной государственности Польши стало то, что Ю. Бек, как министр, придал своей внешней политике отчетливый прогерманский курс, достигший своего максимума во время мюнхенского кризиса 1938 г. и обернувшейся осенью 1939 г. гитлеровской агрессией и крахом государства, удерживавшегося на карте Европы чуть больше двадцати лет.

В целом, Варшава в лице своих лидеров ошибочно оценила международную ситуацию из-за преувеличения роли и места Польши в системе межгосударственных европейских отношений, а политика уступок Германии со стороны ряда сильных мировых государств поставили мир перед неизбежностью войны.

Источники и литература

1. Самоделкин, П. А. Польша в системе международных отношений на европейском континенте в конце 1930-х гг. / П. А. Самоделкин. – URL: http://cyberleninka.ru > artcle |n| polsha-v-sisteme (дата обращения: 10.03.2026).

2. Черчилль, У. Вторая мировая война: в 3 т. / У. Черчилль. – М. : Воениздат, 1991. – Т. 1. – 394 с.

3. Борисёнок, Ю. А. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек / Ю. А. Борисёнок, А. Е. Кузьмичёва // Новая и новейшая история. – 2018. – № 2. – С.179–196.

4. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. – М. : Политиздат, 1971. – 736 с.

5. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг.: в 2 т. – Т.2. Январь-август 1939 г. – М. : Политиздат, 1981. – 415 с.

6. 1939 год: уроки истории. / Отв. ред. О. А. Ржешевский. – М. : Мысль, 1990. – 508 с.

7. Ковалев, Ф. Так начиналась война / Ф. Ковалёв, О. Ржешевский // Урок дает история. – М. : Политиздат, 1989. – С. 268 – 284.

8. СССР Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. – Вильнюс : Мокслас, 1989. – 128 с.

9. Чернышев, С. А. Железнодорожная и транспортная инфраструктура Восточной Пруссии, Северо-Восточной Польши и Западной Белоруссии в 1939–1945 гг. / С. А. Чернышев // Вопросы истории. – 2025. – № 10. – С. 98–109.

10. Шпеер, А. Воспоминания / А. Шпеер. – М. : Захаров, 2010. –528 с.

11. Брест в 1919–1939 гг. : документы и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.

УДК 94(47).084:930.2:321.01

В. И. Меньковский
Белорусский государственный университет

СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ 1930-Х ГОДОВ В ТРАКТОВКЕ И. ДОЙЧЕРА И Р. ДЭНИЕЛСА[1]

Исаак Дойчер рассматривал советскую модернизацию 1930-х гг. через призму марксистской теории «первоначального социалистического накопления» и концепцию «прерванной революции». И. Дойчер трактует сталинскую индустриализацию и коллективизацию как грубый, но исторически необходимый аналог капиталистического «первоначального накопления» по теории К. Маркса. Для И. Дойчера советская модернизация 1930-х была противоречивым и трагическим процессом, который решал задачи индустриального скачка методами, подрывавшими социалистическую перспективу. Роберт Дэниелс видел советскую модернизацию 1930-х гг. как стабилизацию и институционализацию революции в рамках авторитарного государства-партии. Сравнительное рассмотрение позиций И. Дойчера и Р. Дэниелса позволяет получить объемную картину, выходящую за рамки простых оценок «успех» или «провал». Их подходы не отменяют, а дополняют друг друга, помогая понять, почему эта модернизация была одновременно и мощным рывком вперед, и процессом, заложившим основы будущих кризисов.

Возникновение теории модернизации лишь частично было связано с советской историей. Прежде всего она явилась отражением процессов, происходивших в государствах третьего мира. Антиколониальное движение привело к возникновению целого ряда новых государств, которые столкнулись с проблемами экономической отсталости, крайне низкого жизненного уровня населения, слабостью политических институтов. Советская модернизация трактовалась как процесс догоняющего развития, как ответ на вызов западной цивилизации модерности.

Влияние концепции модернизации заметно в работах Б. Мура [1], А. Инкелеса [2], З. Бжезинского и С. Хантингтона [3]. Авторы подчеркивали общее влияние индустриализации и модернизации на общество и ее воздействие на социальную и политическую мобильность. Сторонники теории модернизации считали, что историко-культурные и идеологические факторы постепенно теряют свое значение по мере индустриально-технического развития. С их точки зрения, собственная политика режима, направленная на урбанизацию и индустриализацию, заставляет советских лидеров отходить от «социальной утопии» и принимать во внимание реальные интересы и требования общества [4]. Таким образом, концепция модернизации вступала в противоречие с попытками объяснить динамику советского общества лишь идеологическими мотивами, которые были чрезвычайно важны для тоталитарной теории.

Идея рассмотрения сталинизма как исторического феномена принадлежала в англо-американской историографии левой – марксистской школе, хотя марксистское направление и не получило широкого распространения. Однако полностью отрицать влияние марксизма на англо-американских исследователей было бы ошибкой.

Среди исследователей была достаточно влиятельна точка зрения Л. Троцкого и других марксистских критиков сталинизма, обративших внимание на возникновение новой социальной иерархии в 1930-е гг. Они считали, что на вершине иерархической

[1] Благодарность: Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и постсоветской Евразии» выполняемом кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 годы «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности»

пирамиды находилась бюрократия, которая контролировала средства производства (но не владела ими), обладала материальными привилегиями и тем самым была отделена от остального общества. Однако сама бюрократия была иерархичной, общественное положение и классовые интересы низов и верхушки значительно отличались, возможно, иногда даже противостояли.

Среди тех, кто в наибольшей степени был близок к марксистскому, но не ортодоксальному советскому, анализу сталинизма, следует выделить, прежде всего, И. Дойчера. В его работах, ставших классикой западной историографии, троцкистское влияние наиболее заметно. Р. Арон считал, что его книги не только могут служить примером неомарксистской позиции, но и называл Троцкого героем И. Дойчера. При этом Р. Арон указывал на существование оптимистической и пессимистической версий неомарксизма. И. Дойчером была выдвинута оптимистическая версия. Он связывал наличие негативных сторон советского режима со спецификой экономического развития Советского Союза, окруженного врагами и находившегося под угрозой нападения. Идеологическую ортодоксальность, террор, эксцессы однопартийности И. Дойчер объяснял необходимостью индустриализации. «Когда этот этап пройдет, все, что нам, на Западе, не нравится в советском режиме, будет постепенно отмирать, коль скоро его патологические черты объяснялись либо особенностями личности Сталина, либо требованиями индустриализации» [5, с. 254]. Пессимистический неомарксизм, с точки зрения Р. Арона, руководствовался концепцией азиатского способа производства, объясняя советский режим полным обюрокрачиванием жизни и утверждая, что явления, расцениваемые оптимистами как патологические, изначально присущи режиму бюрократического абсолютизма, однопартийности и идеологической ортодоксальности [5, с. 258].

Рассматривая сталинизм в ряду других революционных деспотий и отмечая его взаимосвязь с большевистским якобизмом, И. Дойчер оценивал сталинизм как варварский, но необходимый метод вывода страны из состояния отсталости. Он был убежден, что в своих основных чертах сталинизм был продолжением ленинизма. Но если для буржуазных критиков подобная убежденность служила подтверждением опасности социализма, а для правых социалистов – опасности революционного социализма, то для И. Дойчера, признававшего законность российской революции, это являлось историческим оправданием сталинизма. Он считал, что особые обстоятельства, сложившиеся после революции – культурная и экономическая отсталость, унаследованная от царизма; разруха, оставленная мировой и гражданской войнами; поражение революции на Западе – делали необходимым ограничение пролетарской демократии для сохранения основных завоеваний революции. В этом И. Дойчер видел позитивную функцию сталинизма, хотя и выполненную с излишней жестокостью. Более того, он считал, что установление диктатуры элиты над массами является неизбежным законом всякой революции. Оно завершает ее героический период и дает возможность довести до конца разрушение старого строя и реализовать долговременные революционные цели.

Сталинизм был для И. Дойчера болезненной формой социализма в отсталой стране. Как и большинство марксистов, он признавал, что только определенные материальные и культурные предпосылки могут сохранить социалистические идеалы. Но он не отвергал большевистскую революцию как преждевременный и случайный феномен. То, что последовало после 1917 г., в соответствии с историческим анализом И. Дойчера, было не разрывом между высокими революционными идеалами и низким культурным и материальным уровнем, но их взаимосвязью – процессом, который дал рост сталинизму.

Важнейшие элементы причин генезиса сталинизма у И. Дойчера совпадают с анализом Троцкого в «Преданной революции». Во-первых, это слабость российского рабочего класса, который не смог стать ни широкой и стабильной социальной базой советской власти, ни источником руководящих кадров для большевистской партии. Во-вторых, влияние

материальной отсталости на социалистические институты и социалистическое сознание. Сочетание слабости рабочего класса и материального дефицита, по мнению Троцкого, стало основой бюрократизации советского государства и вырождения революции.

Троцкий видел в Сталине представителя консервативной бюрократии, которая оказалась способна установить контроль над революционным процессом и исказить его реальные цели. Бюрократия смогла сделать это, главным образом, из-за международной изоляции революции и низкого уровня социально-экономического развития России. Анализ взаимосвязи Сталина и бюрократии вызывал возражения ряда англо-американских исследователей. Например, Г. Гилл считал, что, пытаясь принизить роль личности в истории и подчеркнуть значимость социальных сил, Троцкий характеризовал Сталина просто как представителя или инструмент бюрократии. Учитывая ту независимую роль, которую играл Сталин, и значительную поддержку, которую он имел вне бюрократических кругов, с этим было сложно согласиться. Оставался необъясненным и вопрос о «чистках»: если бюрократия реально управляла, а Сталин был лишь ее инструментом, почему «чистки» 1930-х гг. нанесли такой удар по бюрократической структуре? [6, p. 58].

И. Дойчер, в основном соглашаясь с выводами Троцкого, расширил их. Троцкий отвергал любое объяснение вырождения революции, которое подчеркивало национальные характеристики и культурную отсталость России, признавая лишь материальные и классовые факторы. В интерпретации И. Дойчера сталинизм становился не столько социальной, сколько культурной системой, использовавшей традиции старой России. «Нужно иметь в виду противоречие между сталинским конструктивным и деструктивным влиянием. В то время как он беспощадно раздавил духовную жизнь интеллигенции, он сохранил… основные элементы в широких массах нецивилизованного населения. Под его властью русская культура была в упадке, но сохранила дыхание… Возможно, в будущем будет сказано, что сталинский стиль был адаптирован к задачам правителя, который, будучи сам не слишком образованным, выдавливал из «мужика» и бюрократии, происходившей от «мужика», их анархическую бедность и темноту» [7, p. 367–368].

Сталин и Иван Грозный, Сталин и Петр I, «ориентализация» марксизма, сплав русского варварства и марксизма, мужицкий социализм – такими образами пользовался И. Дойчер для подчеркивания взаимосвязи русской и советской истории, которая для него не была прервана в 1917 г., несмотря на всю значимость разрыва. «Новый советский человек» сталинского периода не был ни официально описываемым социалистическим человеком, ни термидорианским узурпатором, ни старым русским крестьянином-индивидуалистом. Скорее, он включал в себя элементы каждого. Его социализм был определен и ограничен его прошлым и тем, что его окружало в настоящем. Для И. Дойчера «социализм в одной стране» был грубой подменой настоящего, демократического социализма, но он не был полным вырождением, это был социальный миф по форме, но по содержанию это был прагматичный, полный террора этап на пути к коммунистической России.

Сталинизм, писал И. Дойчер, был, прежде всего «продуктом изоляции русского большевизма в капиталистическом мире и взаимной ассимиляции изолированной революции и российских традиций». Позже он оценивал сталинский режим с его культом, автократией, дисциплиной и ритуалом как политическую надстройку, воздвигнутую на базе примитивного первоначального социалистического накопления [8, p. 155–156; 9, p. 466].

Теоретические труды Троцкого стали отправной точкой исследований и Р. Дэниелса, который в своих работах опирался также на сравнительный анализ американской, французской и российской революций, данный К. Бринтоном в «Анатомии революции», но развивал и уточнял его. С точки зрения Р. Дэниелса революционный процесс не завершался термидорианской реакцией, а перерастал в новую фазу, синтезирующую элементы революции и старого режима. Эта фаза характеризовалась многими авторами, в том числе Троцким, как бонапартизм. Р. Дэниелс предпочитал использовать термин, менее связанный с отдельными странами или личностями. Он назвал ее «постреволюционной диктатурой» и считал сталинизм ее очевидным проявлением в советской истории. Как

любой другой обобщенный исторический феномен, постреволюционная диктатура характеризовалась широкой вариативностью в деталях, могла проявляться под «левым» знаменем революции или «правым» контрреволюции. В обоих случаях идеология лишь маскировала реальные интеграционные функции постреволюционного режима [10, p. 123].

Постреволюционная диктатура становится характерной чертой революционного процесса, когда народное желание возвращения к порядку и власти перевешивает преданность ценностям революции, а утопический энтузиазм растрачивается в терроре или гражданской войне, оставляя общество опустошенным и циничным. Эти обстоятельства создавали возможность для сильной личности, контролирующей наиболее эффективную организацию, оставленную в наследство революцией, превратить себя в диктатора.

Сталинское правление часто описывается как «революция сверху». С точки зрения Р. Дэниелса, термин не совсем точен, поскольку революция означает насильственное ниспровержение существующей системы. Тем не менее, он считал, что термин можно принять, если понимать его как радикальное насильственное изменение системы, проведенное правящим лидером. В этом смысле годы первой пятилетки были периодом «революции сверху» и составили первую фазу постреволюционной диктатуры. В работе «Сталинская революция: Основы тоталитарной эры», опубликованной под редакцией Р. Дэниелса, отмечаются такие характерные для этой фазы процессы, как тотальная социализация и милитаризация экономики, подчинение прав рабочих и профсоюзов интересам государства, усиление бюрократического аппарата [11]. Контроль сверху был распространен также и на все другие социальные институты, культурную и интеллектуальную жизнь.

Основным фактором, вызвавшим эти шаги, была необходимость модернизации. Однако нельзя сказать, что сталинские методы были наиболее эффективными и рациональными. Существует много свидетельств того, что он принял ключевые решения, не имея глубокой концепции, ограничиваясь серией краткосрочных политических маневров. Серьезным вопросом остается, действительно ли сталинские методы были лучшими для подготовки страны к отражению внешней агрессии. Например, коллективизация, хотя и была негуманным процессом, имела рациональную цель, связанную с усилением финансирования промышленности. Но сталинские методы, превратившие борьбу в самоцель и приведшие к уничтожению миллионов подозреваемых «врагов», были иррациональными и контрпродуктивными.

Второй период сталинской постреволюционной диктатуры, по мнению Р. Дэниелса, достаточно сложно отделить от первого. К концу первой пятилетки Сталин пользовался своей властью для того, чтобы радикально изменить социальную, культурную и интеллектуальную политику. Накопленные в 1932–1936 гг., эти изменения свидетельствовали о серьезной закономерности – отвержении радикальных экспериментов в социальной и культурной жизни и возвращении традиционных ценностей и норм в одну сферу за другой. Проводимые изменения, тем не менее, камуфлировались словарем марксистско-ленинской терминологии. Старые идеи, провозглашавшиеся также от имени марксизма, отвергались как буржуазные и контрреволюционные. Таким образом, вслед за «революцией сверху» 1929–1931 гг., период 1932–1936 гг. стал «контрреволюцией сверху». Для большинства сталинских изменений в консервативном направлении существовали прагматические причины, которые отражали нужды и возможности общества, все еще находившегося перед вызовом модернизации.

Подобную точку зрения поддерживал Р. Конквест, писавший в работе «Сталин: Разрушитель наций», что весь период сталинского пребывания у власти можно рассматривать как череду попыток привести реальный мир в соответствие с идеологическими фантазиями, а затем, когда это не удавалось, попыток навязать убеждение, что фантастический мир все-таки стал реальностью [12, p. 323].

В англо-американской историографии было много гипотез, объяснявших генезис сталинизма, периодизацию сталинского этапа советской истории, взаимодействие общества и государства в 1930-е гг., взаимовлияние политики, экономики и идеологии.

В течение длительного периода времени они не были и не могли быть соответствующим образом документированы. Однако и после открытия архивов, несмотря на введение в научный оборот новых материалов, остаются нерешенные вопросы, связанные со Сталиным и сталинизмом. Поле деятельности исследователей остается огромным.

Источники и литература

1. Moore, B. Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship / B. Moore. – Cambridge : Harvard University Press, 1954. – 261 p.

2. Inkeles, A. Models and Issues in the Analysis of Soviet Society / A. Inkeles // Survey. – 1966. – July. – P. 3–17.

3. Brzezinski, Z. Political Power, USA/USSR / Z. Brzezinski, S. Huntington. – New York : Viking Press, 1965. – 461 p.

4. Lowenthal, R. Developments vs. Utopia in Communist Policy / R. Lowenthal // Change in Communist Policy. – Stanford : Stanford University Press, 1970. – P. 108–116.

5. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. – Москва : Издательство «Текст», 1993. – 304 с.

6. Gill, G. J. Stalinism. Basingstoke (Hants.) / G. J. Gill. – London : Macmillan press, 1990. – 83 p.

7. Deutscher, I. Stalin, a Political Biography / I. Deutscher. – London, New York : Oxford University Press, 1949. – 600 p.

8. Deutscher, I. Russia in Transition and Other Essays / I. Deutscher. – New York : Coward-McCann, 1957. – 245 p.

9. Deutscher, I. The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929 / I. Deutscher. – London; New York : Oxford University Press, 1959. – 490 p.

10. Daniels, R. Trotsky, Stalin and Socialism / R. Daniels. – Boulder : Westview Press, 1991. – 208 p.

11. The Stalin Revolution: Foundation of Soviet Totalitarianism. – Lexington : Heath, 1972. – 233 p.

12. Conquest, R. Stalin: Breaker of Nations / R. Conques. – New York : Viking, 1991. – 384 p.

УДК 94:338.43-048.35(476.2)«193»

С. М. Романовский
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛЕССКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1930-Х ГОДАХ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕССКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ

В статье расскрывается тема реформ в сельском хозяйстве Полесского воеводства в 1930-х годах. Проводятся причины, по которым Польское государство позволило развитие сельского самоуправления. В контексте возникновения и усовершенствования работы Полесской сельскохозяйственной палаты, организации самоуправления в сельском хозяйстве, рассматриваются примеры развития деревенских занятий, улучшений в крестьянском хозяйстве, быту и направления по общественному просвещению.

В период между мировыми войнами в каждом воеводстве Польской Республики, в том числе на землях Западной Беларуси, действовали сельскохозяйственные палаты – организации самоуправления, объединявшие различные направления и разных представителей сельского труда. Палаты создавались для улучшения качества сельскохозяйственной работы как физических, так и юридических лиц, а также в целом для поддержки сельского хозяйства в курируемых регионах.

Данные организации создавались для упрощения руководства сельским хозяйством в государствах без командно-административной системы управления. По мере укрупнения национальных экономик возникала потребность в организации, которая могла бы выступать для государства в качестве партнёра. Добровольные сельскохозяйственные организации, такие как кооперативы, ассоциации или союзы, не могли выполнять эту роль, поскольку их решения были обязательными только для собственных членов, а не для всего сельскохозяйственного сообщества. Следовательно, возникла необходимость в создании профессиональных организаций самоуправления, которые объединили бы отдельные инициативы и направили их в нужном государству направлении.

В европейских странах сельскохозяйственные палаты создавались постепенно, как правило, путём преобразования различных добровольных ассоциаций, союзов и объединений в общественные учреждения. Франция считается родиной идеи сельскохозяйственного самоуправления, где первые наброски организации сельскохозяйственных палат были разработаны в проекте 1840 года. Позже французский парламент принял два законопроекта, которые вступили в силу только в 1924 году. В Пруссии первый закон о сельскохозяйственных палатах был опубликован 30 июня 1894 года и впоследствии стал примером для польского законодательства по вопросу сельскохозяйственного самоуправления.

С 1918 по 1928 год в Польше действовали только три сельскохозяйственные палаты: в Великой Польше, Померании и Силезии – все на основании прусского Акта о сельскохозяйственных палатах 1894 года. Первые две палаты были созданы ещё в бытность Польши немецкой провинцией, и только силезская – воеводой Силезии в силу автономного характера воеводства [1].

В 1928 г., в рамках постепенного решения проблем в сельском хозяйстве, было издано постановление Президента Польской Республики о сельскохозяйственных палатах. Создание сельскохозяйственных палат основывалось на постановлении Совета министров. При декларируемой автономности палат, устав каждой палате предоставлял министр сельского хозяйства. Устав содержал подробные правила функционирования самоуправления, а также определял избирательные округа и количество членов совета конкретной палаты.

Но, что характеризует неспешность правительства и малую мотивированность к реальному проведению реформ, поначалу организация самоуправления была создана дополнительно только в Варшавском воеводстве. Однако, рост кризисных явлений в сельском хозяйстве, тяжёлое положение из-за мирового финансового кризиса потребовали от польского государства более активного вмешательства в сельское хозяйство. В 1932 году министр сельского хозяйства опубликовал новую версию постановления о сельскохозяйственных палатах. На основании этого постановления сельскохозяйственные палаты были созданы в большинстве остальных воеводств.

Полесская сельскохозяйственная палата была утверждена в 1933 г. Управляющими органами сельскохозяйственной палаты были типичные для автономных организаций совет, правление и директор [2]. Совет палаты состоял частично из избранных советников, частично из назначаемых министром сельского хозяйства. Совет Полесской палаты состоял из 20 членов, 10 из которых были представителями общественных сельскохозяйственных организаций региона.

Цель деятельности палаты, которая была провозглашена в законе 1932 г., заключалась в организации фермерского труда в сотрудничестве с органами государственного управления в области сельского хозяйства [2].

К основным задачам сельскохозяйственной палаты относились:

1. Представление и защита интересов сельского хозяйства.

2. Самостоятельное принятие мер по всесторонней поддержке сельского хозяйства.

3. Сотрудничество с центральными и местными органами власти по всем вопросам, касающимся сельского хозяйства.

4. Надзор за деятельностью районных органов местного самоуправления в области сельского хозяйства.

При выполнении задачи по защите сельского хозяйства сельскохозяйственная палата имела различные права. Она могла направлять в центральные и местные органы власти заявления относительно общих потребностей сельского хозяйства своего округа. Также она имела полномочия выносить заключения по вопросам, касающимся сельского хозяйства, в частности, заключения по проектам законов и нормативных актов, касающихся сельского хозяйства и других областей, имеющих отношение к сельскому хозяйству. Палата имела возможность направлять своих представителей в существующие консультативные органы в рамках органов власти; назначать экспертов по запросу компетентных органов или заинтересованных сторон для вынесения заключений, установления фактов и выполнения других действий, требующих авторитета и знаний в вопросах сельского хозяйства.

Для осуществления практической деятельности на территории курируемого региона в рамках палаты организовывались различные комиссии, отделы и филиалы. В отчёте Полесской сельскохозяйственной палаты за 1934/1935 финансовый год упоминались финансовая, ревизионная, мелиоративная комиссии, в крупном отделе животноводческой продукции были выделены филиалы крупного рогатого скота, коневодства, овцеводства, пчеловодства и рыбного промысла. Существовали также отделы растительной продукции и сельскохозяйственного обучения, в рамках которого действовали филиалы, занимавшиеся различными общественными организациями [3, л. 1].

Датой открытия Полесской сельскохозяйственной палаты в её годовом отчёте называется 28 апреля 1934 г. [3, л. 1]. Разницу с датой официального утверждения можно объяснить организационными мероприятиями, затянувшимися до начала финансового года. Но не все процессы были продуманы до официального открытия палаты. В отчёте зафиксированы проблемы, решавшиеся в процессе работы. Главной проблемой была нехватка персонала, вынуждавшая работников совмещать даже руководящие посты. Например, руководитель отдела растительной продукции параллельно управлял работой экономического отдела и исполнял обязанности главы всей сельскохозяйственной палаты. Должность инспектора по сельскому хозяйству была вакантна до 1 декабря 1934 г. [3, л. 1], а место инспектора рыбного промысла не пустовало только в период с 26 июня по 19 октября 1934 г. [3, л. 11].

Несмотря на нехватку кадров, палата смогла развернуть активную деятельность во всех сферах сельской жизни. На объёмы проделанной работы может указать оборот финансов: с 28 апреля 1934 г. по 31 марта 1935 г. доходы организации составили 210 106 злотых, а расходы – 207 810 злотых. Большая часть расходов приходилась на организацию деятельности работников палаты, в том числе на командировки и инспекции – почти 86 тысяч злотых. Второе место занимали расходы на развитие животноводства – более 35 тысяч злотых. Третье место было за тратами на сельскохозяйственное обучение (проведение конкурсов, курсов, помощь в организации хозяйства для кружков сельской молодёжи и деревенских хозяек) – более 19 тысяч злотых [3, л. 1].

Как видно из распределения расходов, активную деятельность развернул отдел животноводческой продукции. Каждый филиал отдела провёл обширную работу, которая была зафиксирована в годовом отчёте. Филиал крупного рогатого скота проводил в деревнях выставки инвентаря, необходимого для ведения современного на тот момент хозяйства, а также показы образцовых пород различных животных. Кроме этого, на территории шести гмин брестского повета была проведена инспекция молочной продукции. Инструкторы отдела посетили 27 населённых пунктов, в которых проверили 3 крупных и 145 малых хозяйств, за которыми числилось 627 коров [3, л. 3].

Наибольший объём работы в отделе животноводства был проделан филиалом коневодства. Его работники тесно сотрудничали с военным министерством, на средства которого проводили конкурсы ухода за жеребятами и взрослыми особями. Например, конкурсом ухода за жеребятами в 1934 г. было охвачено 122 жеребёнка, 54 из которых

были отмечены наградами из фонда в 1 100 злотых [3, л. 4]. Инструкторы филиала посещали лошадиные аукционы, контролировали группы здоровья закупленных для армии животных, их последующее распределение по ролям. При взаимодействии с коневодами проводилось инспекции их деятельности, курсы и мероприятия по разведению образцовых пород [3, л. 5].

Обратимся к примерам общественной и просветительской работы полесской сельскохозяйственной палаты. Для обучения и вовлечения в работу сельской молодёжи проводились курсы и конкурсы с наградами. На конец 1394/1935 бюджетного года были завершены 293 курса, на которых присутствовали 1 634 слушателя. Для конкурса высадки яблонь через местное самоуправление палата добилась временного уменьшения цены на саженцы, в результате чего в конкурсе приняли участие 165 кружков сельской молодёжи. Хорошие результаты конкурса позволили провести показы высаженных для примера садов, и заинтересовать несколько тысяч зрителей [3, л. 12].

Филиал кружков деревенских хозяек занимался несколькими направлениями работы: воспитательным, культурно-просветительским, промыслами, садоводством, организацией домашнего хозяйства и здоровьем. В направлении здоровья, например, были организованы 11 курсов с 617 слушательницами. Самый малый по охвату курс, на 40 слушателей, прошёл в д. Наги Лунинецкого повета, а самый крупный, на 120 слушателей, в д. Пугачёво недалеко от Бреста [3, л. 13]. В рамках этого направления в д. Лыщицы Брестского повета была организованная временная амбулатория, куда раз в неделю выезжала врач из Бреста. Посещаемость в дни работы амбулатории составляла до 35 человек [3, л. 14]. Интерес представляет работа, проведённая в направлении воспитания. В рамках его организовывались летние лагеря с дневным пребыванием детей. Летом 1934 г. были организованы 9 лагерей на 396 воспитанников. Эта инициатива оказалась настолько успешной, что на лето 1935 г. было запланировано организовать уже 40 детских лагерей [3, л. 14]. Важная задача стояла в направлении организации домашнего хозяйства. В отчёте признавалась проблема плохого питания сельских жителей, для преодоления чего проводились курсы поварского дела и пропагандировалось использование сои для повышения питательности рациона. Однако, курсы соевых изделий популярными не стали, самый посещаемый в д. Ситница Лунинецкого повета охватил всего 27 слушательниц [3, л. 14].

Кроме просветительской работы, свои общественные функции палата выполняла, организуя конференции для производителей конкретной продукции, на которых обсуждались вопросы, стоявшие перед производителями. Например, 13 сентября 1934 г. была созвана конференция, на которой собрались представители сельских общин, организаций и армии. Служащие интендантского отдела армейского корпуса, размещённого на Полесье, жаловались на слабую вовлечённость крестьянства в торговлю с армией, из-за чего пшеницу и овёс приходится закупать в других воеводствах. Военные рассказали про преимущества торговли армией и требования к продукции, мотивируя к сотрудничеству более высокими закупочными ценами, чем были на рынке. Поясняя позицию крестьян, мнение на конференции высказал руководитель Полесской сельскохозяйственной палаты. Он заявил, что, учитывая требования военных к качеству продукции, производителям легче продать овёс по рыночной, пусть и меньшей цене, но не тратить время на очистку овса до эталонного качества [4, л. 2].

В своей деятельности палата должна была опираться на уже существовавшую на Полесье сеть местного деревенского самоуправления – многочисленные кружки, занимавшиеся различными течениями общественной, экономической и просветительской деятельности. Однако, учитывая проблему с кадрами в начале работы воеводской палаты, для удобства управления сельским хозяйством создавалась определённая иерархия общественных организаций. Например, 24 мая 1934 г. датируется регистрация устава повето-вого сельскохозяйственного союза в Бресте-над-Бугом. Членами союза провозглашались гмины Брестского повета [5, л. 1], которые приравнивались к юридическим лицам и при

вступлении должны были уплатить членский взнос в 100 злотых. Органами управления союза объявлялись совет, правление и ревизионная комиссия. В рамках правления организовывались секции, которые должны были на практике выполнять задачи поветового союза. Это были секции общественного просвещения, сельскохозяйственная и общественно-экономическая [5, л. 2]. В инструкции для сельскохозяйственной секции указывалось, что она должна была реализовывать программу Полесской сельскохозяйственной палаты [5, л. 3]. Это подтверждает, что союз был организован как часть иерархии между воеводской палатой и отдельными сельскохозяйственными организациями.

Секции правления поветового союза состояли из трёх человек – руководителя и двух членов. Работники должны были инструктировать нуждающихся в помощи, а также проверять как физические и юридические лица используют финансовую и организационную помощь союза. Задачи перед секциями стояли следующие. Секция общественного просвещения должна была помогать организовывать и проверять библиотеки, дискуссионные клубы, драматические кружки, печатные издания, оркестры, праздничные и другие общественные мероприятия. Сельскохозяйственная секция помогала при организации конкурсов между отдельными хозяйствами, проводила специальное обучение деревенской молодёжи, организовывала хранение семенного фонда, поддерживала производство растительной и животноводческой продукции, участвовала в мероприятиях по мелиорации. Общественно-экономическая секция отвечала за торговую политику. Она инструктировала крестьян по вопросам хранения и сбыта продукции, надзирала за сбором зерна и сохранением запаса для сева, помогала кооперативам пищевой и торговой сферы, могла оказать консультации по вопросам кредитования [5, л. 3].

Понять особенности низовой работы воеводской сельскохозяйственной палаты помогают протоколы ревизии сельских кружков. В документах за 1935 г. упоминается, что к «президентам» низовых деревенских союзов могли быть приравнены старосты, даже если в деревне не было официально зарегистрировано сельского кружка [6, л. 4]. Учитывая такую практику, в протоколах ревизий в открытую признавались проблемы с управлением отдельными кружками и необходимость создать конкретную иерархию, но при этом организовать её так, чтобы не ликвидировать автономность деревенских кружков [6, л. 4].

Но кроме проблем подчинения, в протоколах перечисляется конкретная деятельность поветовых крестьянских союзов при работе с сельскими поселениями. Например, уже к весне 1935 г. были организованы специальные магазины-склады, через которые перед посевной кампанией среди населения были распространены овёс, пшеница, ячмень, лён, картошка и семена клевера [6, л. 3]. Вместе с тем признавалось, что не везде эти инвестиции могут окупиться, поскольку организованная работа сельских кружков проводится в Столинском и Брестском поветах, а в других местах низовая автономность используется минимально из-за непопулярности общественных организаций. Упоминается, что в экономически пассивных поветах крестьяне не могут вернуть ссуженные им 6 000 злотых [6, л. 3].

Малая низовая активность и нерешённые проблемы с иерархией в итоге привели к проблемам у среднего звена сельскохозяйственного самоуправления, и с 1935/1936 бюджетного года начались ликвидации поветовых союзов. Например, в дневнике инструктора по мелиорации Яна Хмелевского за август 1936 г. указывается его участие в ликвидации брестского поветового сельскохозяйственного союза по причине малой пользы от организации [7, л. 72], хотя в прошлом году Брестский повет указывался как один из хорошо развивающихся.

Как следует из протокола открытого совещания членов торгового кооператива в г. Пружаны, состоявшегося 11 октября 1936 г., закрытие поветовых союзов было воспринято населением неоднозначно. Выступающие на совещании признавали необходимость в некоем организующем всех местном органе, а представитель Полесской сельскохозяйственной палаты Майковский заверял, что в поветах вскоре будет создана замена закрытым ранее сельскохозяйственным союзам [8, л. 4].

Судя по годовому отчёту за 1935/1936 бюджетный год, временным решением для управления сельским хозяйством для воеводской палаты стали отраслевые объединения. Например, союзы коневодов, овцеводов и др. общественные организации уже имели свою собственную, организованную иерархию, которую не надо было устанавливать и навязывать населению. Через готовую систему можно было управлять конкретными направлениями хозяйственной деятельности на всех уровнях: на воеводском, на поветовом и на уровне отдельных деревенских кружков [9, л. 5].

В целом, увеличение количественного состава своего персонала и решение проблем с контролем со временем позволили Полесской сельскохозяйственной палате расширять свою деятельность в уже знакомых направлениях, а также находить новые области для работы, что дало исторической науке разнообразные данные по крестьянским хозяйствам. Например, инспекции в 1935/1936 году не только проверили организацию молочных хозяйств, но и провели анализ продукции, выделили самые продуктивные породы коров по параметрам общего надоя и жирности молока [9, л. 15].

Источники и литература

1. Ustawa z dnia 24 czerwca 1925 roku o Śląskiej Izbie Rolniczej. Dziennik Ustaw Śląskich. – 1925, Rocznik 4. – Nr. 10.

2. Obwieszczenie Ministra Rolnictwa i Reform Rolnych z dnia 22 listopada 1932 r. w sprawie ogłoszenia jednolitego tekstu rozporządzenia Prezydenta Rzeczypospolitej o izbach rolniczych. – URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19330020016 (data dostępu: 15.03.2026).

3. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБрО). – Ф. 383. Оп. 1. Д. 16.

4. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 4.

5. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 2.

6. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 7.

7. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 10.

8. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 8.

9. ГАБрО. – Ф. 383. Оп. 1. Д. 17.

УДК 930(48+59):94(476)«1939»

Д. М. Толочко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ПОЛЬШИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В работе исследуется беженская проблематика на территории Беларуси осенью 1939 г. в советской и современной отечественной историографии. Автор приходит к выводу, что проблема беженцев из Польши на территории БССР длительное время не являлась самостоятельным объектом научного исследования. Только с начала 1990-х гг. в изучении данной проблемы произошёл заметный поворот, связанный с расширением источниковой базы и введением в научный оборот ранее закрытых архивных материалов.

Советская историография подходила к исследованию вопроса о беженцах из Польши в БССР весьма поверхностно, не заостряя на нём достаточного внимания. Наибольший интерес для советских историков представляли, прежде всего, вопросы борьбы населения Западной Беларуси за своё освобождение и воссоединение с БССР,

социально-экономические преобразования, партийное строительство в регионе в сентябре 1939 – июне 1941 гг. Проблема беженцев рассматривалась в работах советских историков только в связи с мероприятиями по ликвидации в крае безработицы. Например, И. О. Царюк в своей монографии «В братском союзе: социалистические преобразования экономики в западных областях БССР, сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.» всего лишь упомянула, что «в западных областях в наследство от буржуазно-помещичьей Польши осталась огромная армия безработных, число беженцев превышало 60 тыс. Обкомы партии ставили задачи по размещению и трудоустройству беженцев и созданию в этих целях областных комиссий по размещению беженцев и предоставлению им работы» [1].

Подобную констатацию фактов относительно мероприятий советского руководства по трудоустройству и размещению беженцев и местных безработных можно встретить и в других работах изучаемого периода. Общей составляющей указанных публикаций является тот факт, что в них подчёркивается успешный характер проведённых мероприятий. Например, в 3 томе издания «История рабочего класса Белорусской ССР» было отмечено: «Трудоустройству беженцев и безработных способствовало начавшееся активное строительство и благоустройство сёл и городов западных областей, восстановление и строительство новых промышленных предприятий. Кроме того, в течение месяца специально созданная комиссия трудоустроила около 22 тыс. беженцев на предприятиях Минска, Витебска, Гомеля и других городов. Принятые меры позволили временным органам власти в течение 2–3 месяцев ликвидировать безработицу» [2]. Однако, согласно современным исследованиям, проблема безработицы среди беженцев в западном регионе Беларуси сохраняла свою актуальность вплоть до июня 1941 г.

Условным рубежом в изучении проблемы беженцев из Польши в БССР стало начало 90-х гг. Это было связано с тем, что отечественные исследователи получили возможность изучить ранее недоступные архивные материалы бывших партийных органов России, Беларуси и органов госбезопасности и др.

В публикациях М. Ф. Шумейко, А. Ф. Хацкевича, А. А. Ковалени и других исследователей, подготовленных на основе тщательного анализа документов Национального архива Республики Беларусь, значительное внимание уделено проблеме переселения беженцев вглубь Советского Союза летом 1940 г. В научный оборот были введены ранее малоизученные источники, прежде всего спецдонесения НКВД БССР, направлявшиеся высшим партийным органам республики и отражавшие как официальную позицию властей, так и реальную ситуацию на местах.

Авторы подробно рассмотрели причины принятия решения о переселении, связывая его с обострением международной обстановки, усилением контроля над приграничными территориями и стремлением советского руководства минимизировать потенциальные угрозы в условиях нарастающей военно-политической напряжённости. В их работах прослеживаются основные этапы переселенческой кампании: подготовительный период, формирование списков подлежащих высылке, организационные мероприятия по транспортировке и размещению беженцев в восточных регионах СССР.

Особое внимание уделено численному и социальному составу переселяемых, включая анализ их профессиональной принадлежности, имущественного положения, национального и возрастного состава. Исследователи также затронули вопросы правового оформления переселения, роли местных органов власти и структур государственной безопасности. Тем самым данные публикации существенно расширили представления о масштабах и характере переселенческих процессов 1940 г., способствовав более комплексному осмыслению политики советского государства в отношении беженцев в предвоенный период [3; 4].

Вопросы, связанные с деятельностью советских органов власти по размещению и трудоустройству беженцев из Польши на территории БССР, а также проблемы их социальной, экономической и правовой адаптации в условиях советской политической системы

получили отражение в публикациях Э. Г. Иоффе, А. М. Кротова, Д. М. Толочко [5; 6; 7]. Исследователи рассматривают данные процессы в контексте трансформации западнобелорусских земель после их включения в состав СССР, уделяя внимание как нормативно-правовой базе принимаемых решений, так и практическим механизмам их реализации на местах.

В работах анализируются меры, предпринимаемые республиканскими и местными органами власти по распределению прибывших беженцев, их учёту, направлению на промышленные предприятия, в колхозы и совхозы, а также сложности, возникавшие при обеспечении их жильём и продовольствием. Отдельное внимание уделяется проблемам интеграции беженцев в советское общество: вопросам получения гражданства, включения в систему трудовых отношений, взаимодействия с партийными и административными структурами. Авторы также подчёркивают противоречивый характер адаптационных процессов, обусловленный различиями в социальном опыте, правовой культуре и политических установках беженцев, сформированных в довоенной Польше, и требованиями советской системы.

Размещение и трудоустройство беженцев в западных областях республики, изучение их количественного, национального и социального состава получили освещение в работах Э. Г. Иоффе, Е. А. Розенблата, М. С. Бодак [8; 9; 10]. Исследователи, опираясь на широкий круг архивных источников, рассматривают механизмы распределения прибывших беженцев по районам, особенности их вовлечения в промышленное производство, сельское хозяйство и сферу обслуживания. В научных публикациях подробно анализируется численность беженцев, динамика её изменения, территориальные особенности расселения, а также национальный состав данной группы населения. Особое внимание уделяется социальным характеристикам, профессиональной структуре, уровню образования, имущественному положению, что позволяет выявить степень их адаптации к новым условиям и определить роль беженцев в социально-экономической жизни западных областей. Кроме того, авторы затрагивают вопросы взаимодействия беженцев с местными органами власти, проблемы материально-бытового обеспечения, сложности трудоустройства и интеграции в советскую систему хозяйствования.

Влияние беженской проблематики на советско-германские отношения в период с сентября 1939 г. по июнь 1940 гг. рассматривается в публикациях С. В. Талеронка, А. Ф. Великого, В. Е Снапковского [11; 12; 13]. Авторы рассматривают данный вопрос в контексте трансформации международной обстановки после подписания договора о ненападении. Беженская проблема выступала не только гуманитарным, но и важным дипломатическим фактором, оказывавшим непосредственное влияние на характер взаимодействия между СССР и Германией. Значительное внимание исследователи уделяют переговорам по беженской проблематике, проходившим в Москве в октябре 1939 г., в ходе которых обсуждался порядок переселения различных категорий населения. Итогом переговорного процесса стало создание советско-германской комиссии по переселению, призванной координировать практическую реализацию достигнутых договорённостей. В публикациях подробно рассматриваются основные этапы деятельности советско-германской комиссии: организационный период, формирование списков и проверка переселенцев, переселение населения.

Таким образом, анализ историографии показывает, что в советский период проблема беженцев из Польши на территории БССР не являлась самостоятельным объектом научного исследования и рассматривалась преимущественно фрагментарно – в контексте социально-экономических преобразований, ликвидации безработицы и процессов интеграции региона в состав БССР. Существенные изменения в изучении данной темы произошли в начале 1990-х гг., когда открытие ранее закрытых архивных фондов позволило исследователям значительно расширить источниковую базу. Современные работы характеризуются более комплексным подходом к проблеме, включающим анализ механизмов размещения и трудоустройства беженцев, их социально-демографических характеристик

и особенностей адаптации в условиях советской системы. Кроме того, в новейших исследованиях беженская проблематика рассматривается не только в социально- экономическом, но и в международно-политическом контексте, в частности в связи с советско-германскими отношениями 1939–1940 гг.

Источники и литература

1. Царюк, И. О. В братском союзе: социалистические преобразования экономики в западных областях БССР, сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. / И. О. Царюк. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 104 с.

2. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4 т. / редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1984–1986. –Т. 3 : Рабочий класс БССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1960). – 1985. – 485 с.

3. Шумейка, М. Зранку была вайна (пярэдадзень і пачатак Вялікай Айчыннай вайны ў святле малавывучанных дакументаў) / М. Шумейка // Звязда. – 1990. – 24 чэрвеня. – С. 3. ; Шумейка, М. Уз'яднанне: верасень 1939 г. у лёсе беларускага народа / М. Шумейка // Актуальныя пытанні па гісторыі БССР (сав. перыяд): дапам. для настаўнікаў і вучняў ст. кл. / В. М. Фамін [и др.]; пад. рэд. У. Н. Сідарцова. – Мінск, 1991. – С. 104–110.

4. Коваленя, А. А. Национально-демографические процессы в Беларуси (1939–1941 гг.) / А. А. Коваленя, А. Н. Мацко // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі: зб. навук. арт. / Бел. дзярж. пед. ун– т імя М. Танка, Фонд фундам. даслед. Рэсп. Беларусь; навук. рэд. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1998. – С. 30–56.

5. Іофе, Э. Яўрэйскія бежанцы з Польшчы на тэрыторыі Беларусі ў 1939–1941 гг. / Э. Іофе // Беларусь у XX стагоддзі: зб. навук. прац / Міжнар. гум. ін-т; навук. рэд. В.П. Андреев. – Минск; Томск: «Водолей», 2003. – С. 106–111.

6. Кротаў, А. М. «Подых навальніцы»: Польскія бежанцы на Гомельшчыне восенню 1939 г. / А. М. Кротаў // Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне: матэрыялы рэспуб. навук.-практыч. канф., прысвеч. 60-годдзю Вялікай Перамогі, Гомель, 7–8 красавіка 2005 г. / Гомельскі дзярж. ун-т; рэдкал.: В. А. Міхедзька [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2005. – С. 242–248.

7. Толочко, Д. М. Проблема адаптации беженцев из Польши в БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) / Д. М. Толочко // Научные труды Республиканского института высшей школы – 2013. – Вып. 13, ч. 1. – С. 333–340.

8. Иоффе, Э. Еврейские беженцы из Польши в начальный период войны (1939–1940 гг.) / Э. Иоффе // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў: матэрыялы Міжнар. навук. семінара, Мінск, 1 верасня 2003 г. / адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск : НАРБ, 2004. – С. 27–31.

9. Розенблат, Е. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Е. А. Розенблат, И. Еленская // Диаспоры. – 2002. – № 4. – С. 27–52.

10. Бодак, М. С. Деятельность Временного управления г. Кобрина и Кобринского уезда в сентябре – октябре 1939 г. / М. С. Бодак // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіена Беларусі: матэрыялы Міжнар. навук. – практ. канф., Брэст, 23– 24 красавіка 1998 г.: у 2 ч. / Брэсцкі дзярж. ун– т; рэдкал.: С.В. Арцёменка [і інш.]. – Брэст, 1998. – Ч. 2. – С. 185–190.

11. Вялікі, А. Ф. Савецка-германскі пратакол аб перасяленні насельніцтва ад 28 верасня 1939 г. і яго выкананне ў Беларусі ў 1939–1940 гг. / А. Ф. Вялікі // Весці БДПУ. – 2006. – №3. – Сер. 2. – С. 15–18.

12. Таляронак, С. Да пытання аб перасяленні заходніх беларусаў з акупаванай нацыстамі Польшчы ў кантэксце савецка – германскіх адносін (восень 1939 г.) / С. Таляронак // Беларусіка = ALBARUTHENICA. Беларуска – нямецкае грамадска – культурнае

ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Мінск, 29–30 кастр. 1996 г. / Цэнтр імя Ф.Скарыны.; рэд. Л. Кулажанка, А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Цэнтр імя Ф. Скарыны, 1996. – С. 50–52.

13. Снапкоўскі, У. Е. Беларусь у геапалітыцы і дыпламатыі перыяду Другой сусветнай вайны / У. Е. Снапкоўскі // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 2. – С. 45–54.

УДК 94:327(520)«193-1941»

С. Н. Рожкова, С. Н. Старосотников
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПОДГОТОВКА ЯПОНИИ К ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

В данной статье рассматриваются причины вступления Японии в войну на Тихом океане, а также подготовительные мероприятия японских вооруженных сил накануне конфликта. Освещены: влияние милитаристской идеологии; последствия нефтяного эмбарго США (август 1941 г.); стратегическое планирование захвата Юго-Восточной Азии. Особое внимание уделено роли адмирала Ямамото и подготовке нападения на Перл-Харбор, а также анализу боевого потенциала и системных недостатков японской армии накануне декабря 1941 года.

В первой половине XX века, вплоть до поражения во Второй мировой войне, Японская империя была очень милитаризированной державой, которая активно развивала вооруженные силы. Японские войска имели богатый боевой опыт, полученный в ходе русско-японской войны и затянувшейся японо-китайской войны, а также в результате столкновении с советскими войсками в так называемых советско-японских пограничных конфликтах. Эти конфликты инициировались влиятельной военной верхушкой, окружавшей императора. Они продвигали шовинистические идеи, как например Хакко Итию (восемь углов мира под одной крышей) – идею о захвате Восточной Азии и создании сферы сопроцветания под лидерством Японии.

В японских вооруженных силах существовало заметное разделение на сухопутные войска и военно-морской флот. Эти структуры имели отдельные командные центры и часто соперничали между собой.

Японский флот был ограничен Вашингтонским морским соглашением 1922 года. Однако японцы нашли выход из этой ситуации и стали развивать новый тип кораблей, который не был прописан в соглашении – авианосцы. Империя приступила к строительству авианосцев типа «Секаку» водоизмещением 30 000 т и скоростью хода до 30 узлов, а также начала испытания подходящих типов самолетов для действий с них. Крупные державы того времени считали авианосцы лишь вспомогательными кораблями, в отличии от японцев, которые сделали авианосные группы костяком флота.

После начальных побед Германского рейха в Европе союзная Япония провела оккупацию французского Индокитая с целью усиления давления на Китай. Этот шаг Японии сильно осложнил и без того непростые переговоры с США. После публикации 26 июля текста соглашения о совместной обороне между Японией и французскими колониальными властями в Индокитае, Великобритания и США заявили о замораживании японских капиталов. Одновременно Великобритания денонсировала англо-японский торговый договор 1911 г., японо-индийский торговый договор 1934 г. и японо-бирманский торговый договор 1937 г. 1 августа Соединенные Штаты ввели запрет на экспорт в Японию всех товаров, прежде всего нефти, за исключением хлопка и продовольствия. Япония оказалась в очень трудном положении. Командование флотом заявило, что если не удастся обеспечить Японию нефтью, то менее, чем через два года военно-морской флот будет парализован [1, с. 397].

Экономическое давление на Японию предопределило будущие военные действия. Японская верхушка рассматривала Голландскую Ост-Индию, подконтрольные США Филиппины, а также Таиланд, Британские Бирму и Сингапур своими приоритетными стратегическими целями из-за столь необходимых ей энергетических ресурсов, коими были богаты эти регионы.

5 ноября 1941 г. на императорском совещании были приняты «Принципы осуществления государственной политики империи». Суть этого документа сводилась к тому, что Япония, продолжая переговоры с Соединенными Штатами, одновременно приняла решение начать против них, а также против Великобритании и Голландии войну, как только будут закончены приготовления. Был установлен срок окончания переговоров – 25 ноября. На совещании командование флота и армии заявило, что проведение переговоров никак не помешает подготовке к военным действиям. Таким образом были расставлены все точки. Война стала неизбежной [1, с. 399].

Тогда же, после принятия императорским совещанием решения начать войну в декабре 1941 г., император Хирохито утвердил планы операций, представленные начальником генерального штаба армии маршалом Сугияма Хадзимэ и начальником генерального штаба флота адмиралом Нагано Осами [1, с. 400].

План операции был разработан командующим Объединенным флотом адмиралом Ямамото Исороку. Ямамото, несомненно, был талантливым флотоводцем. В 1930-е гг. он одним из первых оценил огромные перспективы использования авиации в войне на море. Во многом благодаря его усилиям Япония располагала первоклассным авианосным флотом, в значительной степени способствовавшим завоеванию ею господства на море на первом этапе войны. Ямамото также хорошо разбирался в вопросах стратегии и понимал роль экономики в современной войне. Он несколько раз бывал в служебных командировках в Америке, индустриальная мощь которой произвела на него неизгладимое впечатление [2, с. 174].

В своем строго конфиденциальном оперативном приказе № 1, выданном 1 ноября 1941 года для Объединенного флота, адмирал Ямамото выразил намерение Японии «вытеснить Британию и Америку из Великой Восточной Азии и ускорить разрешение китайского конфликта». План заключался в изгнании Великобритании и Америки из Голландской Ост-Индии и Филиппинских островов, после чего Япония должна была создать независимую и сильную экономику. Осознавая несоразмерность военно-экономических потенциалов двух стран, он выступал против войны с США. Но когда она стала неизбежной, адмирал, верный присяге, сделал все, чтобы его страна добилась успеха [2, с. 175].

Стратегические планы японского главного командования сводились к следующему: молниеносным ударом захватить Филиппины с тем, чтобы ликвидировать англо-американские «ворота» в Южно-Китайское море и обеспечить себе прочный тыл и нерушимые коммуникации; высадить японские войска в Малайе с целью захвата не только всей Малайи, но и Сингапура с суши и обеспечить возможность развертывания своих вооруженных сил против Голландской Индии. Захват Голландской Индии занимал в стратегических планах японского командования одно из главных мест. Помимо того, в стратегических планах японского командования немаловажное место занимало овладение Бирмой, в результате чего Бирмано-Китайская дорога – важнейший канал англо-американского снабжения Китая оружием – попадала в руки японцев. Кроме того, овладев Бирмой, японцы выходили на рубеж Индийского океана. Располагая таким важнейшим плацдармом, как Индокитай, японцы сосредоточили на нем десантные армии для операций против Малайи, для вторжения в Бирму и Голландскую Индию. Кроме того, они сосредоточили на о. Формоза десантные армии для операций против Филиппинских островов. Японское командование, готовя высадку армий в Малайе, Бирме, Голландской Индии, могло опереться на поддержку «пятой колонны» – многочисленных японских поселенцев, резидентов, шпионов, которые в этих странах подготовили японским вооруженным силам почву для успешных

наступательных операций. Воды Южных морей давно уже были тщательно изучены японскими «рыболовными» траулерами. Японским военно-морским силам предстояло действовать в хорошо освоенной морской зоне [3, с. 42].

Для осуществления указанных операций в состав Южной группы армий в качестве основных сил выделяются одиннадцать дивизий и два авиационных соединения. По направлениям силы распределяются следующим образом: Филиппинское направление – 14-я армия, ядро которой составляют 16-я и 48-я дивизии и 65-я бригада. Им придается 5-е авиационное соединение; Малайское направление – 25-я армия, ядро которой составляют гвардейская, 5-я, 18-я (без отдельного отряда Кавагути) и 56-я дивизии. 3-е авиационное соединение находится в непосредственном подчинении Южной группы армий, имея главной задачей уничтожение авиации противника и взаимодействие с наземными войсками на малайском направлении. На таиландском и бирманском направлениях действует 15-я армия, ядро которой составляют 33-я и 55-я дивизии. Если позволит обстановка на Филиппинах, сюда будет переброшено 5-е авиационное соединение. На направлении Французского Индокитая общественный порядок поддерживает 21-я дивизия, особо обеспечивая безопасность от вторжения армии Чунцинского правительства; на направление Голландской Индии выделяется 16-я армия, ядро которой составляют 2, 38, 48-я дивизии, 56-я смешанная пехотная группа. Одновременно 16-я армия продолжает действовать на малайском направлении совместно с 3-м авиационным соединением. 38-я и 48-я дивизии перебрасываются на данное направление после захвата соответственно Гонконга и Филиппин [4, с. 65]. Также важным элементом планирования стала подготовка атаки на Перл-Харбор.

В январе 1941 г. адмирал Ямамото приказал своему штабу и контр-адмиралу Ониси, начальнику штаба 11-й воздушной эскадры, изучить возможность внезапного нападения авианосной авиации на Перл-Харбор и разработать детальный план этой операции. До конца августа никто не был посвящен в этот секрет, пока Ямамото не созвал в Токио всех командиров и старших офицеров их штабов для проведения ряда тактических игр, в которых приняли участие сотрудники Генерального морского штаба. Адмирал Нагано, начальник Морского генерального штаба, лишь тогда впервые узнал об этом плане. Военные игры происходили в военно-морской академии в Токио. После того как во время этих игр нападающая сторона потеряла два из шести авианосцев, несколько офицеров штаба сочли эту операцию слишком рискованной и подлежащей обсуждению. Они не находили смысла в войне с США. Япония должна была сконцентрировать свои силы для захвата богатств южных островов, а если Америка помешает этому, выполнить свой старый план – перехватить Тихоокеанский флот и потопить его корабли в водах, омывающих Японию [5, с. 106–107].

Несмотря на большие риски, атака на Пёрл-Харбор была утверждена. Специальное обучение команд авианосцев и летного состава для участия в операции против Перл-Харбора началось в сентябре. На одном из необитаемых островов был построен макет острова Оаху. Особенное внимание было уделено сбрасыванию торпед в мелководных районах, подобных гавани Перл-Харбора. На авиационных торпедах были установлены специальные плавники – для того, чтобы они не уходили глубоко под воду. Торпеды предназначались для главного смертельного удара. Бомбардировщики были предназначены для высотного бомбометания, а пикирующие бомбардировщики – для нанесения первого удара, в то время как истребители осуществляли прикрытие своих бомбардировщиков и уничтожали самолеты противника и их экипажи на земле [5, с. 109].

Для этой амбициозной атаки были подготовлены внушительные по тем временам силы. 450 самолетов на шести авианосцах было значительным достижением. Из этих 450 самолетов, 50 использовались для боевой воздушной разведки своего флота, 40 находились в резерве и не принимали участия в атаке, а 360 самолетов были задействованы в атаке на Оаху. Среди них около 100 самолетов типа «Кейт» были предназначены для

высотного бомбардирования, а 40 из них были специально оборудованы для сбрасывания торпед. Также в наличии было 130 пикирующих бомбардировщиков типа «Вэл» и 90 истребителей типа «Рэйсэн (Zero)». Кроме того, на крейсерах и линкорах было дополнительно размещено 12 самолетов для выполнения разведывательных и патрульных задач.

По итогам атаки тихоокеанская группировка флота США должна быть уничтожена или сильно пострадать. Таким образом Япония вывела бы США из войны как минимум на 6 месяцев.

К декабрю 1941 г. Япония располагала мощными, хорошо подготовленными вооруженными силами. Общая численность личного состава армии и флота превышала 2,4 млн человек. Сухопутные войска состояли из 51 пехотной дивизии и 58 бригад, однако главные силы армии были сосредоточены в Китае. Для удара в южном направлении были выделены уже упомянутые 11 дивизий (220 тыс. солдат и офицеров). Военно-морской флот по численности корабельного состава занимал третье место в мире (после Англии и США) и насчитывал 10 авианосцев, 10 линейных кораблей, 38 крейсеров, 112 эскадренных миноносцев и 65 подводных лодок. Главной ударной силой флота были авианосцы с отлично подготовленными экипажами палубной авиации (570 самолетов). Помимо этого, в армейской авиации и базовой авиации флота насчитывалось еще более 1700 самолетов [2, с. 175].

В 1940–1941 гг. для военных перевозок было мобилизовано более 500 торговых судов общим водоизмещением 1,15 млн тонн. Сильными сторонами японских вооруженных сил были наступательный боевой дух, стойкость, неприхотливость, способность вести боевые действия в самых сложных условиях, высокий уровень подготовки личного состава, особенно во флоте. Слабой стороной императорской армии была слишком жесткая субординация, подавлявшая инициативу и препятствовавшая тактической гибкости. Армия была недостаточно оснащена современным стрелковым оружием (не было автоматов) и средствами связи, имела слабые бронетанковые войска. Подводные силы ВМФ в качественном плане заметно отставали от сил будущих противников, надводные корабли были слабо оснащены радиолокационной и гидроакустической аппаратурой. Мало внимания уделялось противолодочной борьбе и защите морских коммуникаций, что с учетом зависимости Японии от привозного сырья было одним из крупнейших просчетов [2, с. 175].

Экономика страны была отмобилизована, но даже при этом уступала экономической мощи США и Англии. В связи с относительно малой площадью метрополии промышленные центры располагались скученно, что вместе с невысоким уровнем организации противовоздушной обороны делало их уязвимыми. Стратегически слабым местом Японии было и то, что она могла атаковать только колонии и отдаленные базы своих противников, не будучи в состоянии нейтрализовать их главные экономические и политические центры [2, с. 175–176]. У японцев было значительное превосходство на море и в воздухе, в то время как их союзники обладали лишь небольшим преимуществом в сухопутных войсках. Однако у союзников была проблема: их сухопутные силы были разбросаны на больших территориях и обладали невысокой боеспособностью. Отсутствие единого командования стало серьезным препятствием для эффективного сотрудничества между вооруженными силами трех стран. Расчет делался на серию внезапных, мощных, деморализующих ударов, после которых у Вашингтона должно было пропасть желание воевать дальше. Примерно таков же был и расчет в отношении Англии – японцы полагали, что у нее, связанной войной в Европе, не хватит сил и желания для борьбы еще и на Тихом океане [2, с. 177]. Даже если бы союзники продолжали воевать, японцы планировали создать на захваченных территория оборонительный периметр. Отвоёвывать мелкие укрепленные острова для союзников было бы невыгодно из-за больших потерь, и таким образом по расчётам союзники все равно бы согласились на мир.

Таким образом подготовка Японии к войне на Тихом океане представляла собой сложный процесс, обусловленный как амбициями военной верхушки, так и внешними

факторами. Решающим катализатором стало нефтяное эмбарго со стороны США и их союзников в августе 1941 года. Лишенная доступа к стратегическому сырью, Японская империя оказалась перед выбором: уступка или стремительный захват ресурсных баз Юго-Восточной Азии.

Анализ подготовительных мероприятий демонстрирует парадоксальное сочетание дальновидности и фатальных просчетов. С одной стороны, японское командование совершило технологический прорыв, сделав ставку на авианосцы и разработав дерзкий план нападения на союзников. Была проведена масштабная работа по десантным операциям, разведке и созданию внушительной группировки войск для захвата обширных территорий. С другой стороны, тщательная проработка тактических деталей контрастировала с игнорированием системных стратегических слабостей. Жесткая субординация, недостаток современных средств связи и ПВО, недооценка роли противолодочной обороны и, самое главное, трезвая оценка индустриального превосходства США – все это указывало на то, что даже блестящая первоначальная победа не может гарантировать итогового успеха в затяжной войне на истощение.

К декабрю 1941 года Япония создала мощный, хорошо обученный и мотивированный военный кулак, способный на сокрушительный первый удар. Однако стратегический фундамент этого удара был зыбким: он базировался на авантюрной надежде на капитуляцию противника после серии эффектных побед, а не на способности выдержать долгосрочное экономическое и промышленное противостояние.

Источники и литература

1. Жуков, А. История Японии. Том II. 1868–1998. – М. : Институт востоковедения РАН, 1998. – 542 с.

2. Молодяков, В. Э. История Японии. XX век / Молодяков В. Э., Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян. – М. : ИВ РАН ; Крафт+, 2007. – 528 с.

3. Дубинский, А. Война на Тихом океане / А. Дубинский. – Саратов : Сарат. обл. гос. изд-во, 1942. – 63 с.

4. Хаттори, Т. Япония в войне 1941–1945 гг. / Т. Хаттори. – СПб. : ООО «Издательство Полигон», 2000. – 880 с.

5. Морисон, С. Э. Американский ВМФ во Второй мировой войне: Восходящее солнце над Тихим океаном, декабрь 1941 – апрель 1942 / С. Э. Морисон. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. – 640 с.

УДК 94(437.1/.3)"1939/1945":329.13(=162.3):323.269.6

Н. Н. Приступа
Филиал Российского государственного
социального университета в г. Минске

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ НА ПУТИ К ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1939–1945)

В статье раскрыта роль Чехословацкой национально-социалистической партии в трансформации политической системы страны после Второй мировой войны. Показаны ключевые этапы ее взаимодействия с руководством чехословацких коммунистов и президентом Бенешем. Особое внимание уделено дискуссиям о послевоенном устройстве государства, компетенции национальных комитетов, характере Национального фронта и путях достижения социалистических идеалов.

Сделан вывод, что, несмотря на попытки предложить альтернативную программу в ходе переговоров 1943–1945 гг., партия фактически приняла коммунистический проект, что стало важной предпосылкой последующих политических изменений 1948 г.

После Мюнхенского соглашения 1938 г. последовала первая волна эмиграции из Чехословакии, следующая – после немецкой оккупации Чехии и Моравии, а также провозглашения протектората на этой территории в середине марта 1939 г. Сначала это была, преимущественно, Франция. Здесь, несмотря на трудности и разногласия между ведущими чехословацкими политиками в изгнании, начали формироваться первые эмигрантские структуры. Был создан Чехословацкий национальный комитет с местопребыванием в Париже, задачей которого было представлять чехословацкий народ за границей и руководить чехословацкими воинскими частями. Председателем был избран Эдвард Бенеш, его заместителем стал монсеньор Ян Шрамек. Комитет постепенно добился ограниченного международного признания со стороны Франции, Великобритании и британских доминионов, и приступил к созданию своего рода эмигрантских квази-министерств [1, с. 48].

После поражения Франции в июне 1940 г. чехословацкое представительство в изгнании переместилось в Лондон, где 21 июля 1940 г. было признано Великобританией в качестве чехословацкого временного правительства. Это признание, несмотря на то, что в нем подчеркивался лишь временный характер правительства, имело большое значение. По его толкованию, в юридическом смысле оно подтверждало преемственность государственного устройства Чехословацкой Республики (ЧСР) со времени до сентября 1938 г. [2, с. 476]. Более того, в рамках признанной британцами системы чехословацких эмигрантских органов – обозначенной как временное государственное устройство ЧСР в эмиграции – Бенеш занял должность президента республики, хотя как с международной точки зрения, так и внутри чехословацкого эмигрантского движения утверждение его притязаний на преемственность президентской функции и всей теории правовой и политической преемственности ЧСР не обошлось без осложнений [1, с. 52].

Еще осенью 1938 г. представителями Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) был создан свой руководящий орган в Москве во главе с Клементом Готвальдом. Преимущественно из числа чешских и моравских коммунистов. Словацкая коммунистическая партия работала отдельно, с собственной нелегальной сетью в Словакии и собственными контактами с Москвой. За внезапный отъезд из страны многие подвергли их критике. Бывшая член КПЧ Милена Есенская так отозвалась о московских эмигрантах: «Нет людей более мужественных – у микрофонов и за 3000 км отсюда – чем чиновники Коминтерна. Несколько раз в неделю на разных европейских языках они вливают оптимизм и мужество в жилы народов европейских государств, которые пережили многое … Пока у нас было “Руде Право” [газета КПЧ – Н. П.], наш народ мог быть вполне спокоен: после каждого поражения, которое он терпел, он мог прочитать крупные заголовки: “Рабочие не позволят! Рабочие не уступят ни на йоту! Трудящиеся заявляют!” <…> Коминтерн создал по всему миру и во всех государствах предреволюционные органы, укомплектовал их чиновниками и создал таким образом новый тип человека: коминтерновских чиновников с месячным окладом 1200 крон <…> “Руде Право” прекратило свое существование <…> меня охватывает печаль, когда я слышу в своей комнате, как Москва говорит по-чешски – печаль от того, что человек, находящийся за 3 000 км отсюда, обращается к нам такими бумажными фразами, такими нереальными словами, такими напыщенными клише, явно не имея ни малейшего представления о реальной правде в Чехословакии, получая информацию от кого-то, кто “ведет работу”, и бродя по сложным лабиринтам общественной жизни, как слон в фарфоровой лавке. К нам обращается не живой чешский ученый, а чиновник Коминтерна. Его не касаются наши заботы…» [3, с. 151]. Тем не менее, призывы КПЧ к упорной борьбе и мужеству находили поддержку у определенных кругов населения. А само Заграничное бюро активно включилось в выработку концепции послевоенного устройства Чехословакии.

И уже в декабре 1943 г. в Москве состоялось шесть встреч Бенеша с эмигрантским партийным руководством КПЧ. В ходе переговоров президент ЧСР пообещал, что лондонское правительство вернется в страну, предварительно уйдя в отставку. Он также признал претензии коммунистов на пост председателя правительства, так как предполагалось, что после войны коммунисты будут самой сильной партией [4, с. 53]. По мысли Бенеша, в основе нового правительства должен был лежать блок трех партий – КПЧ, Чехословацкая социал-демократической (ЧСДП) и Чехословацкой национально-социалистической (ЧНСП). Наряду с этим он предполагал присутствие в правительстве представителей центра и консерваторов – лидовцев (Народная партия Чехословакии (НП) – Н. П.) и аграрией (Аграрная партия (с 1922 г. – Республиканская партия земледельческого и мелкокрестьянского населения) – Н. П.), но заметил, что лучше было бы употреблять термин «представители крестьянства» нежели «аграрии» [4, с. 53]. Коммунисты выразили согласие с президентским проектом, заявив, что правительство должно носить характер Национального фронта (НФ). Коммунисты предложили название для этого блока социалистических партий – «Национальный блок трудящихся города и деревни». В то время президент высказался и по поводу и дальнейшей судьбы ЧНСП. Он выступил против возобновления ее деятельности на родине, умолчав о том, к какой партии должны были присоединиться ее члены. Бенеш дал согласие и на создание национальных комитетов в два этапа. Первый этап был связан с продолжением борьбы с немецкими оккупантами и формированием национальных комитетов в нелегальных условиях. Второй этап предполагал создание национальных комитетов на широкой демократической основе путем выборов. Однако он высказался против их обширных полномочий, подчеркнув, что в своей деятельности они должны контролироваться правительством, выступать в качестве вспомогательных органов управления. С другой стороны, для него был неприемлем декоративный характер их деятельности [5, с. 310–322]. Президент подчеркнул, что он выступал за создание национальных комитетов на всех уровнях [4, с. 43]. Такое позитивное отношение Бенеша к позиции коммунистов свидетельствовало о том, что он в который раз здраво оценил общественно-политические настроения в чехословацком обществе. Он прекрасно осознавал, что править без коммунистов после войны будет невозможно, а открыто враждебная антикоммунистическая позиция привела бы лишь к изоляции лондонского центра движения Сопротивления. Более того, как он отмечал в разговоре с руководителем своего аппарата Ярославом Смутным, соглашение с коммунистами было необходимо для «сохранения единства народа, предотвращения гражданской войны» и для избежания партийных споров, которые «единственное к чему могли привести, это к установлению диктатуры коммунистической партии» [6, с. 16].

Реакцией на московские переговоры явилось возобновление деятельности довоенных политических партий. Как таковой национально-социалистической организации в годы войны не существовало. Только небольшая группа депутатов Государственного Совета выступала от имени партии. В эту группу входили Ярослав Странский, Гуперт Рипка, Йозеф Давид, Франтишек Углирж, Владимир Клеканда, Юлиус Фирт и Прокоп Маха (председатель Государственного Совета). Затем к ним присоединились несколько аграриев и представитель ремесленной партии Александр Видо. И только в самом конце войны на квартире Рипки состоялось собрание значительного числа сторонников партии. 22 января 1944 г. национальные социалисты на учредительном собрании заявили о решении организационно оформить партию, сотрудничать «со всеми честными людьми» независимо от их партийной ориентации, дабы «выполнить великие национальные и государственно-политические задачи» [5, с. 355–356]. Во главе чешских национальных социалистов встал Странский. Начался процесс выработки послевоенной программы.

24 января 1944 г. Странский в ответ на коммунистический проект заявил о согласии ЧНСП на продолжение деятельности НФ и после войны. Было принято решение о создании специального органа для выработки программы совместных действий.

По взаимной договоренности каждая партия делегировала в него по четыре человека. В этом объединении, кратко называемом «блок», ЧНСП представляли Странский, Рипка, Давид и Углирж [5, с. 334]. Первое заседание блока состоялось 4 марта 1944 г. Он собирался на квартире Рипки в Лондоне либо в Чехословацко-британском клубе дружбы. Национальные социалисты рассматривали «блок» как ступень для создания НФ, в котором ему предстояло раствориться [4, с. 135]. Они выступали против механического объединения социалистических партий, так как это могло лишь привести коммунистов к власти. ЧНСП вместе с Бенешем призывали коммунистов к сотрудничеству в правительстве, чтобы добиться синтеза двух «идей либо тенденций: идеи марксистского материализма и идеи масариковского гуманизма» [5, с. 360].

Существенное отличие позиции ЧНСП от позиции КПЧ имелось в вопросе компетенции национальных комитетов. Национальные социалисты считали, что с момента освобождения Чехословакии и до выборов в Национальное собрание эти органы власти должны были создаваться на основе прямого, тайного и всеобщего голосования. Они не соглашались с тем, что национальные комитеты сами возложат на себя функции управления. Требования коммунистов они оценивали как «советизацию», так как компетенция национальных комитетов была скопирована с советских органов власти. Однако ситуация в Чехословакии 1944 г. сильно отличалась от ситуации в России на момент создания там советской власти. Маха на заседании ЧНСП 7 июня 1944 г. отмечал: «Мы не ликвидируем государство, а лишь реконструируем его», в Чехословакии действовала конституция и существовало правительство. Советский опыт, по его мнению, был не применим. Странский утверждал, что своим проектом коммунисты хотели разбить народ [5, с. 141].

Однако в Лондоне чешские национальные социалисты так и не выработали программу действий. 31 января 1945 г. они предложили Бенешу лишь наброски, которые и стали руководством для делегации чешских национальных социалистов на переговорах в Москве в 1945 г. В этом программном наброске выдвигался ряд требований. Во-первых, о программе и составе правительства следовало договориться еще до возвращения на родину. Новое правительство должно было представлять НФ, созданный из руководства ЧНСП, КПЧ, ЧСДП, НП и также представителей крестьянства. Во-вторых, предполагался принцип солидарной ответственности всего правительства. В-третьих, предусматривалось паритетное представительство в первом правительстве социалистических партий и коммунистов. В крайнем случае квота коммунистов не могла быть больше на одного человека. В-четвертых, социалисты получали бы министерства иностранных и внутренних дел, финансов, сельского хозяйства и обороны. Чехословакия рассматривалась в этом программном наброске как национальное государство чехов, словаков и Подкарпатской Украины на правах автономии. Однако при сохранении гражданских свобод национальные социалисты не предполагали наделять национальные меньшинства политическими правами. Во внешней политике Чехословакия должна была опираться на союзный договор с СССР. Экономические преобразования ограничивали лондонским декретом Бенеша о немедленной национализации шахт, сбыта угля, тяжелой промышленности, металлургических заводов, всех лечебных и грязевых источников, финансов. В наброске также предусматривалось завершение аграрной реформы на основе сохранения мелкой земельной собственности, опоры на высокоразвитую кооперацию [4, с. 340–341].

Первоначально национальные социалисты полагали, что переговоры состоятся в Лондоне. Однако этот план не удалось реализовать, и переговоры о послевоенном устройстве прошли в Москве. По соглашению лондонского и московского центров эмиграции было принято решение, что все партии на них будут представлены двумя делегатами. От национальных социалистов это были Странский и Давид. А накануне отъезда в Москву стало известно, что туда едет не правительственная, а политическая делегация. Это вызвало поток писем Бенешу со стороны, прежде всего, аграриев с просьбой включить их в делегацию как представителей крестьян. 15 февраля Бенеш получил совместное заявление представителей КПЧ, НП и ЧСНП, в котором они отказывались вести

переговоры с представителями республиканской партии, так как та своими действиями исключила саму возможность участия в НФ. Социалистические партии были готовы вести переговоры только лишь с представителями крестьян, отрекшимися от своего аграрного прошлого [5, с. 483]. Чешская исследовательница Эва Броклова считает, что запрет политических партий, ограничение политических субъектов, принявших участие в выборах 1946 г., стали прецедентом для единого списка голосования 1948 г. и заложили основы однопартийной системы в стране [7, с. 79–80].

По приезду в Москву оказалось, что все партии представлены большим числом делегатов, чем было ранее договорено. ЧНСП представляли Странский, Рипка, Дртина, Углирж. Однако чешские национальные социалисты, равно как и другие партии за исключением КПЧ, не представили конкретную программу, кроме общих представлений о том, чему бы они хотели воспрепятствовать. В этой связи в основу переговоров была положена коммунистическая программа. Сам Странский отмечал, что они «привыкли вести переговоры на основе проектов коммунистической партии еще в годы лондонской эмиграции» [5, с. 499]. Переговоры начались 22 марта 1945 г. А 24 марта проект программы первого правительства был утвержден. В ходе развернувшейся дискуссии национальные социалисты не имели значительных нареканий к проекту коммунистов. Самая ожесточенная борьба развернулась в ходе обсуждения VI главы, касавшейся чешско-словацких взаимоотношений. Однако, замечания ЧНСП, равно как и других партий, за редкими исключениями, носили характер стилистических правок [5, с. 496–529]. 28 марта был утвержден состав нового правительства во главе с Зденка Фирлингером. Чешские национальные социалисты были представлены Давидом (президиум), Рипкой (министр внешней торговли), Странским (министр юстиции). Официально о создании нового правительства было объявлено 4 апреля 1945 г., а 5 апреля была принята так называемая Кошицкая программа. Уже в эмиграции после февральского переворота 1948 г. послевоенный лидер ЧНСП Петр Зенкл отмечал, что состав правительства, утвержденный в Москве, был ничем иным как «капитуляцией большинства перед меньшинством, либо точнее говоря: это было признание того, что власть будет не в руках большинства, а коммунистического меньшинства» [8, с. 48]. Во время переговоров в Москве некоммунистические лидеры боялись, что в случае их сильного сопротивления переговоры могли бы вестись как с другими представителями их партий, так и, вообще, без их участия. С другой стороны, как отмечает чешский историк Карел Каплан, главная причина согласия участников дискуссии с проектом коммунистов коренилась не столько в тактических соображениях, сколько в их искренней убежденности в необходимости глубоких структурных изменений послевоенного чехословацкого общества [9, с. 20]. Готвальд, выступая на конференции коммунистических областных и региональных функционеров 9 июля 1945 г., не без причин хвастался, что «основные пункты правительственной программы были сформулированы и предложены нами уже во время переговоров с президентом в конце 1943 г.» [10, с. 647].

За ходом переговоров в Москве внимательно следило лондонское бюро ЧНСП, посылая ежедневно директивы, главным образом Странскому. Они советовали держаться до последнего на концепции чехословакизма и выступать против дуализма в чешско-словацких отношениях; предлагали не забывать о необходимости присутствия в правительстве представителей крестьянства из чешских земель и т. д. Кандидатура Готвальда на посту председателя правительства была для них также более приемлема, чем Фирлингера [4, с. 441]. Дртина позднее вспоминал, что тогда национальные социалисты расценивали Готвальда как «позитивного и готового к демократическому сотрудничеству», в отличие от других лидеров КПЧ. Поэтому-то они до определенной степени были готовы «поддерживать его культ» и рассчитывали на его сотрудничество в рамках коалиции вплоть до 1947 г. [11, с. 83].

Характерно, что сразу после окончания Второй мировой войны с более последовательными социалистическими требованиями выступали не сами коммунисты, а национальные социалисты и социал-демократы. Национальные социалисты, выступая за

сотрудничество партий в рамках НФ, предлагали называть его не национальным, а социалистическим. В ответ на заявление коммунистов, что общественно-политическая ситуация в стране давала им право выступать от имени народа, национальные социалисты возразили тем, что в таком случае у народа могло закрасться подозрение, что тем самым социалистические партии хотели, чтобы «социализм стал обязательным народным кредо». В ходе возникшей дискуссии Странский констатировал, что национальные социалисты не боялись ни правых, ни центра и хотели, чтобы социалистические партии были независимы в своих действиях. Более того, он заявил, что они не могли «отнять у крестьян право создавать организации, аналогичные другим» [5, с. 577]. Сам же период 1945–1947 гг. представители ЧНСП и НП определяли как социалистический («наша республика стоит на пороге быстрого осуществления социалистических идеалов» [11, с. 71]), в то время как КПЧ подчеркивала, что чехословацкое общество «на пути к социализму сделало значительный шаг вперед» [12, с. 36].

Таким образом, Вторая мировая война стала переломным моментов в истории Чехословакии, поставив вопрос не только о восстановлении государственности, но и о ее будущем облике. С оккупацией политическая жизнь переместилась в эмиграцию, где сформировались два центра (лондонский – во главе с Эдвардом Бенешем и московский – с Клементом Готвальдом). В этой ситуации национальные социалисты, будучи одной из самых влиятельных довоенных политических партий, должны были не только бороться за независимость Родины, но и выработать альтернативную коммунистам программу организации власти после освобождения. Однако вместо того, чтобы непреклонно отстаивать свою точку зрения в дискуссиях о будущем республики, они склонялись к уступкам и компромиссам, что позволило им сохранить влияние партии на послевоенный процесс, но со стратегической точки зрения это вскрыло слабые стороны поведения ее лидеров и открыло путь коммунистов к единоличной власти.

Источники и литература

1. Kuklík, J. Londýnský exil a obnova československého státu 1938–1945: právní a politické aspekty obnovy Československa z hlediska prozatímního státního zřízení ČSR v emigraci / J. Kuklík. – Praha : Karolinum, 1998. – 605 s.

2. Sovilj, M. Počátky československé a jugoslávské exilové vlády v Londýně za druhé světové války. Očekávání, možnosti a realita / M. Sovilj // Soudobé dějiny. – 2019. – Roč. 26, Č. 4. – S. 472–493.

3. Jesenská, M. Dobrá rada nad zlato / M. Jesenská // Přítomnost. – 1939. – Roč. 16. – Č. 10 (8 března). – S. 151.

4. Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu ; ed. M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá. – Praha : Nakladatelství Československé Akademie věd, 1965. – Díl 1. – S. 1–454.

5. Laštovička, B. V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR. 1938–1945 / B. Laštovička. – Praha : Státní nakladatelství politické literatury, 1962. – 612 s.

6. Smutný, J. Svědectví prezidentova kanceláře / J. Smutný. – Praha : Mladá fronta, 1996. – 344 s.

7. Broklová, E. Volební zákony pro parlamentní volby 1946 v Československu / E. Broklová // Stránkami soudobých dějin. Sborník statí k pětašedesátinám historika Karla Kaplana. – Praha : Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 1993. – S. 76–92.

8. Pejskar, J. Pražský primátor. Památce dr. Petra Zenkla, bývalého několikanásobného primátora hlavního města Prahy / J. Pejskar. – Praha : [s. n.], 1993. – 203 s.

9. Kaplan, K. Nekravavá revoluce / K. Kaplan. – Praha : Mladá fronta, 1993. – Sv. 68. – 448 s. – (Edice Archiv).

10. Zinner, P. E. Marxism in action. The seizure of power in Czechoslovakia / P. E. Zinner // Foreign Affairs. An American Quarterly Review. – Vol. 28. – № 4. – July 1950. – P. 644–658.

11. Brod, T. Operace velký Podvod: Cesta československých komunistů k moci v letech 1945–1948 / T. Brod. – Praha : Magnet-press, 1990. – Č. 1. – 128 s.

12. Belda, J. Na rozhraní dvou epoch / J. Belda, M. Bouček, Zd. Deyl, M. Klimeš. – Praha : Svoboda, 1968. – 322 s.

УДК 94(476.2)«1941/1945:159.9.016.1

Л. С. Скрябина
Белорусский государственный
университет транспорта

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: О НАСТРОЕНИЯХ И ПОВЕДЕНИИ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ ВЕРМАХТА

В статье предпринята попытка анализа письменных источников, которые дают возможность проследить состояние морально-боевого духа немецких солдат, их отношение к войне. Показано, что по мере затягивания войны и ухудшения положения вермахта на Восточном фронте боевой дух немецких солдат значительно снижался. Если в начале войны армия отличалась уверенностью и высокой мотивацией, то уже летом 1941 г. из-за упорного сопротивления Красной Армии начались разочарование, усталость и сомнения в победе.

В последние годы значительно возрос интерес к так называемой психологической истории. Исключительно важной, в этой связи, является многогранная тема «Человек и война». Научный интерес к этой теме обусловлен, прежде всего тем, что она связана с проблемой морального выбора человека на войне, главного участника той великой трагедии. Западные исследователи уже несколько десятилетий активно работают в этой области, используя при этом документы личного характера и, в первую очередь, эпистолярные источники. В отечественной истории фундаментальные труды такой проблематики почти отсутствуют. Особую роль следует отвести таким письменным источникам, как личные письма, дневниковые записи, показания военнопленных. Значение этих важных первоисточников обусловлено тем, что их событийная информативность сочетается, как правило, с психологической достоверностью.

Прежде всего, необходимо отметить, что изменения в настроениях и поведении немецких солдат и офицеров происходило по мере ухудшения положения немецкой армии и успехов Красной Армии на Восточном фронте. В самом начале войны германской армии, вооружённой новейшей техникой, обученной новым приёмам войны, обретшей большой опыт, был характерен высокий боевой дух. Однако летом 1941 г. немцы встретили отчаянное сопротивление войск Красной Армии. Двухмесячные оборонительные бои советских войск в Беларуси не позволили противнику реализовать план «молниеносной войны» в намеченные сроки. Генерал Э. фон Бутлар признавал: «В результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боёв немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных нам по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника … были совсем не похожи на те, с которыми немцы встретились в предыдущих «молниеносных войнах» [1, с. 163].

Эти обстоятельства сказались на боевом духе немецкой армии. Подтверждением тому является свидетельство захваченного в плен капитана артиллерии 152-го артполка 52-й пехотной дивизии вермахта Эрнста Карловича Гадермана на допросе 27 июля 1941 г.: «Когда немецкая армия встретила сильное сопротивление русских, то это очень отрицательно сказалось на боевом духе немецких солдат. Если война продлится дальше

августа, тем более сентября, моральное состояние немецкой армии будет подорвано… Вообще солдаты германской армии войны не желают, ибо они уже утомлены, и эта утомлённость будет расти, а дух армии всё более падать с продолжением войны…» [2, л. 8].

Анализируя отношение командного состава к войне с СССР и политике Гитлера, стоит обратить внимание на их неоднозначность. В этой связи, их можно разделить на 4 группы: молодые – кадровые и резервисты, старые – кадровые и резервисты.

«Молодые кадровые и резервисты, – как сообщает капитан Э. К. Гадерман, – полностью разделяют политику Гитлера, т. к. они воспитаны в духе национал-социализма и проникнуты его духом. Они верят Гитлеру и верят победе Германии над Россией. Молодые кадровые офицеры в войне против СССР видят для себя широкие возможности для обогащения и большие возможности для повышения своей карьеры. Кадровые старые офицеры, прошедшие старую школу выучки демократической Германии, не проникнуты духом нацизма и для современной гитлеровской политики являются попутчиками. Эта группа офицеров к войне против СССР отнеслась критически. Мне пришлось слышать старых кадровых офицеров, которые высказывали сомнения в том, что Германия выиграет войну против СССР. Старые офицеры-резервисты по своему составу многообразны. Много среди них настроено демократически, прогрессивно и не разделяют политики Гитлера. Среди большей части их война против СССР не популярна и затяжная война очень обременительна» [2, л. 9–10].

В то время как кадровые офицеры, воспитанные в духе национал-социализма, полностью разделяли политику Гитлера, «многие немецкие солдаты, – как свидетельствовал военнопленный Голид Адольф, – настроены против войны. Солдаты находятся под строгим надзором офицеров и унтер-офицеров и боятся, что в случае отказа от выполнения приказаний будут расстреляны на месте. Некоторые солдаты между собой говорят, что находятся в таких условиях: воевать с русскими – будешь убит, откажешься воевать – также будешь убит. И там смерть, и здесь смерть. Однако стоит только некоторым солдатам оторваться от своих подразделений и выйти из-под контроля офицеров, как каждый стремится сдаться в плен» [3, л. 86–87]. Это же следует из показания унтер-офицера А. В. Бернарда: «Боевой дух командного состава выше, нежели солдат. Солдаты же войны не хотят и часто говорят о быстром возвращении на родину – домой» [2, л. 16–17].

В целом, знакомство с архивными документами показывает, что самым характерным явлением, которое отмечалось в настроениях личного состава всех частей и подразделений германской армии, являлось стремление солдат вырваться из «восточного ада» хотя бы в отпуск. Особенно усилилось отчаяние солдат после битвы под Москвой, когда был развеян миф о непобедимости германской армии. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой подорвал морально-боевой дух вермахта. Это нашло отражение в наиболее типичных показаниях военнопленных и содержании писем германских солдат. В них чётко прослеживается нарастающая угроза краха, а также растерянность и панический ужас перед русскими. Косвенным подтверждением упаднических настроений, господствовавших в то время среди военнослужащих вермахта, являются показания перебежчиков из дивизии СС, ст. ефрейтора Михайлиса и ефрейтора Курта Фаля. 9.XII.41 Михайлис заявил: «Войны для солдат хватит. Довольно терпеть гитлеровский обман о скорой победе. В победу солдаты не верят, не верят, что русские расстреливают пленных. Да лучше умереть в плену, чем гибнуть мучительной смертью от холода, голода и вшей. Разгром гитлеровской армии уже начался». Приведём выдержку из показаний Курта Фаля: «Мы не смогли сдержать наступление русских, так как солдаты стали другими. Все хотят домой. Приказ на отступление вызвал у солдат растерянность и когда солдаты узнали, что офицеры ночью уехали, поднялась паника. Орудия и машины взрывались, некоторые тащили за собой на санках награбленное, но никто не знал, куда бежать…» [4, л. 77].

Информация, касающаяся рассматриваемой проблемы, содержится в разведывательной сводке НКВД БССР за июль-август 1941 г. «В настоящее время, несмотря на

широкую пропаганду немецкого командования об успехах на фронте и непобедимости немецкой армии, рядовые солдаты начинают выражать недовольство затяжной войной и недоверие к заверениям командования… Наличие такой военной обстановки создаёт у части немецких солдат нежелание воевать, и только жесткие меры расправы обязывают повиноваться приказам командования. Так, вблизи д. Ведчина Житковичского района немецкое командование расстреляло трёх немецких солдат за то, что они отказались идти в бой. Аналогичный случай произошел вблизи д. Червоное Озеро, где командование расстреляло четырёх немецких солдат» [3, л. 120–121]. «Вблизи Жлобина на кладбище штурмовики расстреляли восемь своих солдат за прямой отказ идти в бой» [5, л. 67].

Характеризуя поведение и настроение солдат немецкой армии, необходимо подчеркнуть, что ради спасения своей жизни солдаты предпринимали различные меры, в т. ч. и симулировали. Так, военнопленный Э. Фридрис свидетельствовал, что «один солдат из нашей роты, обморозивший ноги, обратился к врачу за помощью. Командир роты запретил солдату впредь обращаться к врачу, т. к. в роте участились случаи симуляции» [4, л. 77].

Среди немецких солдат наблюдались неоднократные случаи членовредительства. Об этом свидетельствует специальное донесение трибунала 52-й пехотной дивизии, в котором констатировалось, что «за последнее время в дивизии отмечены неоднократные случаи членовредительства. Такие подлые преступления должны безотлагательно рассматриваться, а виновные нести суровые наказания. Следует довести до сведения части, что членовредительство карается смертной казнью и только в отдельных случаях виновный приговаривается к тюремному заключению» [3, л. 76]. К этому донесению был приложен список 10 унтер-офицеров, которые были приговорены к тюремному сроку за членовредительство с отбыванием наказания после службы в армии.

А теперь обратимся к одному из самых многофункциональных видов исторических источников – письмам солдат с фронта в Германию. Внимательный анализ этих документов личного характера даёт возможность более объективно представить картину фронтовой обстановки и нарисовать обобщённый портрет немецкого солдата. Вот некоторые из них. Ефрейтор Иогас Финс 21 декабря 1941 г. писал домой: «Всего нельзя описать, что здесь приходится переносить, да и вы сочли бы всё это за неправду. Но поверьте, что наши солдаты сейчас коченеют на страшном холоде, они стали крайне опустившимися, грязными, завшивели и обмотались в тряпки здешних жителей» [4, л. 78]. 28 декабря 1941 г. неизвестный автор писал в Германию: «О господи, почему ты оставил нас? Мы начали отступать. Знаете ли вы, что такое отступление в русскую зиму. Только Наполеон это знает. Мы отступали в бурю и снег с 35º мороза. Я не знаю, почему я пишу. Мне тяжело и у меня всё болит. Сейчас ветер сердито воет, а ноги и руки ноют так, что я больше держаться не могу… Русские наступают. Да, дорогие, я много видел разных боёв и сражений, но то, что делается здесь – я ещё никогда не видел. Вы даже себе представить не можете, какие у русских силы. Ад, который был под Ельней, кажется детской игрой, в сравнении с тем, что здесь делается» [4, л. 78].

Солдаты 35-й пехотной дивизии в качестве новогодних приветствий 1 января 1942 г. писали домой: «Русские захватили наши машины со всем добром, и мы обеднели, как церковные крысы. Кроме морозов, нас заедают вши, каждый день мы их уничтожаем, но их количество всё увеличивается. Мы отказываемся от борьбы с ними. Это бесполезно. Мы пережили ужаснейшие времена» [4, л. 79].

«Дорогая Агнесса, – писал солдат Герберт Штаубер своей сестре в г. Шнеберг, – рождество у нас проходит, а я не заметил. К рождеству мы не получили ни почты, ни папирос, ни хлеба. С такой тоской я никогда не проводил рождество. Нам всё говорили, что завтра мы получим рождественские подарки, но я перестал этому верить. Сколько раз нам всё обещали отпуск. Что мы пережили за последние три недели – словами передать нельзя. Как могло бы быть всё прекрасно, если бы не было этой проклятой войны, но от этого можно впасть в отчаяние» [4, л. 79].

29 декабря 1941 г. ефрейтор Вилли Гартунг писал сестре: «Рождество мы еле пережили. За неделю погибло 17 моих товарищей и очень много раненых. Меня направили в пехоту, откуда вернулся только я один. Здесь холодно, 40º. Мы были артиллеристами, сапёрами, строителями – понесли большие потери и все стали пехотинцами. То, что мы пережили – не поддаётся описанию» [4, л. 79].

В письмах и других документах прослеживается вся гамма чувств немецкого солдата: усталость, отчаяние, страх, безнадёжность, обречённость. Характерно, что в них нет ни одной патриотической строчки, зато главная личная цель сформулирована очень точно – скорее вернуться домой. Так, капитан Гадэрман показывал, что «уже сейчас солдаты очень часто думают о быстрейшем возвращении домой и, в частности, крестьяне не перестают думать о своём хозяйстве, жаждут поскорее вернуться к нему» [2, л. 5].

Среди писем есть послание немецкого офицера 18-й танковой дивизии П. Горбаха своему директору, в котором он высказывает своё впечатление о русских солдатах как стойких бойцах, поведение которых являлось непостижимым для него, т. к. находилось в поразительном контрасте с поведением немецких солдат и солдат западных союзников. «Вы спрашиваете, какого я мнения о красных. Я могу только сказать, что их поведение во время боя непостижимо. Не говоря о настойчивости, хитрости и их солдатских методах боя, о чем у Вас уже, вероятно, известно, самое примечательное у них – это немыслимое, тупое упорство. Я лично видел довольно часто своими глазами, когда они во время атаки нашей пехоты, несмотря на сильнейший и сосредоточенный артиллерийский огонь, не считали нужным ложиться. Людская брешь, возникшая в результате взрыва снарядов, тотчас же заполнялась вслед идущими рядами. Это продолжалось до тех пор, пока груды трупов русских делали невозможным их дальнейшее продвижение. Это звучит неправдоподобно, но я это довольно часто видел сам». В конце письма он пытается объяснить причины такого поведения русских солдат, которое не соответствовало голосу природного инстинкта. «Это поведение объясняется, по-моему, не только действием стоящих за ними комиссаров и комиссарш, а, в первую очередь, – это продукт большевистского воспитания и выражения большевистского мировоззрения, где единичная жизнь – ничто и для каждого не составляет в действительности никакой цены» [6, л. 12].

Таким образом, процитированные выше строки, достаточно убедительно раскрывают нравственные проблемы темы «Человек и война». Выбор между инстинктом самосохранения и верностью долгу многим русским солдатам, сражавшимся за Родину в годы Великой Отечественной войны, стоил жизни. Почти беспрерывно, на протяжении войны человек должен был решать для себя проблему морального выбора. Нередко этот выбор не соответствовал голосу природного инстинкта. И всё же военные обстоятельства, связанные с ними ежедневный риск, постоянное балансирование между жизнью и смертью, решали проблему солдатского выбора в пользу спасения своей жизни. Главная личная цель преимущественного большинства немецких солдат, сформулированная в рассмотренных нами письмах и других документах, – скорее закончить войну и вернуться домой.

Источники и литература

1. Бутлар фон, Э. Война в России // Мировая война 1939–1945 годы : сб. статей / пер. с нем. А. А. Высоковского и А. И. Дьяконова. – М.. : изд-во иностранной литературы, 1957. – 538 с.

2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4. Оп. 33а. Д. 41.

3. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 33а. Д. 22

4. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 33а. Д. 639

5. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 33а. Д. 6.

6. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 33а. Д. 27.

УДК 94:327((47+57):73«1941-1945»:929*А.А.Громыко

Е. Н. Дубровко, А. С. Лапицкий
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. ГРОМЫКО И ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОГРАММЫ ЛЕНД-ЛИЗА НА СССР

В статье рассматривается деятельность А. А. Громыко в США в контексте распространения программы лend-лиза на Советский Союз. Особое внимание уделяется анализу двух писем А. Громыко наркому В. М. Молотову, содержащих подробные данные о состоянии экономики США в 1939–1940 годах и статистику по производству стали, автомобилей, военной техники, занятости и торговым ограничениям, что позволило советской стороне объективно оценить промышленный потенциал США. Статья освещает политические и экономические препятствия в советско-американских отношениях в начальный период войны.

22 июня 1941 года Советский Союз становится новым участником Второй мировой войны. Несмотря на некоторое осложнение отношений между СССР и США в 1941 году, после вступления СССР в войну отношения меняются. 23 июня 1941 года, а по некоторым данным 24 июля на пресс-конференции президент Ф. Д. Рузвельт подчеркнул, что правительство США готово оказать помощь СССР. Под помощью подразумевалось конечно помощь военными материалами. Но самое важное Рузвельт в этом выступлении подчеркнул, что советская тихоокеанская зона и советские тихоокеанские порты не будут попадать под действие Закона о нейтралитете. А это означало что через эту зону в советский порт Владивосток будут идти американские корабли с грузами. Но в целом выстраивание союзнических отношений осложнялось тем, что в США никто не верил, что СССР сможет противостоять агрессии Германии. Американские военные круги делали ставку на то, что к 1 августу Германия сможет захватить СССР. Ф. Д. Рузвельт очень часто прислушивался к мнению бывшего посла в СССР Дж. Дэвиса. Он считал, что даже если немцы и захватят Украину и Москву, СССР продолжит борьбу из-за Урала. Но опасение вызывала вероятность подписания сепаратного мира между СССР и Германией. Участие СССР в войне было выгодно для США, но в то же время возможный выход из войны таил опасность. Постепенно сторонников веры Дэвиса в СССР становилось больше, а это означало, что поставки могу начаться и в СССР. Веру укрепили и 3 телеграммы из Москвы от посла в СССР Л. Штейнгардта, в которых говорилось, что Сталин на сепаратный мир не пойдёт [1, с. 23–24].

24 июля 1941 года в США прибыла военная миссия генерал-лейтенанта Голикова. В её состав входил также генерал от ВВС А. К. Репин, а также посол Уманский. Встреча проходил с генералом Маршаллом – начальником штаба Армии США. Советская миссия настаивала на срочной помощи, при этом и Голиков и Репин уверяли Маршалла, что советская армия не будет разбита летом и перехватит инициативу, когда начнётся зима. Генерал Маршалл пытался убедить советскую делегацию в том, что производственные мощности США пока не готовы обеспечивать все нужды советской стороны. Но советская делегация на эти заявления смотрела скептически. В монографии Э. Стеттиниуса говорилось, что советская делегация знала об огромных промышленных возможностях США. В подтверждении этих слов в монографии Э. Стеттиниуса приводятся такие строки: «Перед генералом Маршаллом стояла трудная задача убедить советскую сторону в том, что у американцев нет достаточного количества кораблей, самолётов, танков, пушек бомб, станков, сырья, чтобы сразу организовать помощь России. Поначалу им было трудно поверить в это: они знали о наших огромных промышленных возможностях и были очень высокого мнения о нашей технике» [2, с. 87].

Откуда советская сторона могла знать о таких данных? И при чём здесь советник полномочного представительства СССР в США А. А. Громыко? Тут следует обратиться к 2 письмам А. А. Громыко от 24 января 1940 года и от 9 апреля 1941 года. В этих письмах к наркому иностранных дел В. Молотову были представлены данные о состоянии экономики США в 1939 и 1940 годах.

В письме от 24 января 1940 года характеризовалось состояние экономики США за 1939 год. А. Громыко писал, что 1939 год стал годом значительного оживления американской экономики. Акцентировалось внимание на уровне производства стали, автомобилей, а также на изменениях в объёмах железнодорожных перевозок. Далее была представлена таблица 1, в которой приводились данные по этим отраслям с 1937 по 1939 год.

Таблица 1 – Некоторые экономические показатели США в 1937–1939 гг.

Годы	Производство стали(тонн)	Производство автомобилей (единиц)	Железнодорожные погрузки (число вагонов)
1937	50 568 701	5 016 437	37 670 464
1938	28 349 991	2 655 171	30 468 544
1939	47 000 000	3 700 000	35 000 000

Как видно из таблицы, после спада уровня производства в 1938 году, наблюдался действительно крупный рост производства в 1939 году. Особое внимание в документе было уделено развитию экономики в сентября 1939 года, как писал Громыко, это был переломный момент, так как началась война Германии с Польшей, а затем Франции и Англии с Германией. В документе была отражена динамика производства по месяцам в тех же категориях: после спада производства стали, автомобилей и железнодорожных погрузчиков в августе 1939 года, наблюдался скачок производства уже в сентябре, при чем производство железнодорожных погрузчиков возросло в разы больше, чем по другим категориям. В целом в документе Громыко дал довольно ёмкую оценку состоянию экономики США со своей оценкой и с объяснением причин развития экономики США в этот период [3].

В письме от 9 апреля 1941 года описывалось состояние экономики США в 1940 году. В этом отчёте Громыко писал о том, что экономика США в 1940 году быстро перестраивалась на военные рельсы. В течение последних месяцев 1939 г. происходило значительное оживление в ряде отраслей промышленности. Особенно это было видно в отраслях, которые работали на оборону. Так по наблюдениям Громыко выделялись: самолетостроение, станкостроение, производство стали, химическая промышленность. И все же настоящего подъема в конце 1939 г. не было. Громыко писал, что американскую промышленность лихорадило и в течение последнего квартала 1939 г., и первого квартала 1940 г. Настоящий подъём экономики произошел с апреля 1940 года, когда Германия активизировала свою агрессию против малых стран Европы, а затем против Франции и Великобритании. И с усилением агрессии Германии против Великобритании и Франции происходит увеличение военных заказов в США, а после разгрома Франции эти заказы перешли к Великобритании. Но это были внешнее военные заказы, однако и внутренние военные заказы также увеличились. В отчёте А. Громыко приводил и сумму бюджета, который тратился на вооружение армии и флота. По Громыко эта цифра составила 17 миллиардов долларов США. Привёл Громыко и военную программу Рузвельта 1940 года. Так число самолётов должно было дойти до 50 тыс. единиц, флота до 650 кораблей, танков до 10 тыс., артиллерийских орудий до 42 тыс. и до 300 тыс. пулемётов. На основе данных Нью-Йорского Федерального Резервного банка Громыко составил таблицу по хозяйственной активности в различных отраслях. Далее в отчёте Громыко писал,

что экономика США развивалась неравномерно. Представлял отчёт и по данным о производстве чугуна и стали, как ведущих отраслей США. Он отмечал, что производство стали и чугуна выросло значительно, по сравнению с 1939 годом.

Интерес вызывал и отчёт о росте прибыли сталелитейных компаний США. Прежде всего он выделил 8 крупнейших компаний: U. S. Steel Corp., Bethlehem Steel, Republic, Jones Laughlin, National, Youngstown, Ynland и Wheeling Steel. Все данные были занесены в таблицу, и Громыко отмечал, что они показывают, как американская буржуазия наживается на военных поставках. Как долларовый империализм пожинает плоды бушующей второй империалистической войны.

Составлен был отчёт и по занятости населения США. На основе данных Департамента труда Громыко писал что, занятость в станкостроительной промышленности за 1940 г. была на 54 % выше занятости за 1939 г. И он отмечал что, данные за 1940 г. показывают, что занятость в станкостроительной отрасли промышленности увеличивалась систематически из месяца в месяц.

Особое внимание уделил данным по выпуску самолётов с 1932 года. Причём данные были собраны как по гражданским, так и по военным самолётам. Стоит выделить выпуск военной авиации: так выпуск военных самолётов составил 593 единицы в 1932 году, а на момент 1940 года было выпущено 5250 самолётов. В таблицы был показа и рост ассигнований в эту область промышленности. Громыко отмечал, что для авиационной промышленности США 1940 г. был годом исключительно быстрого ее развития. Ни одна отрасль промышленности США так бурно не развивалась. Громыко приводит данные и о развитии судостроения. Он пишет о развитии торгового судостроения в 1940 г. и приводит следующие цифры: на 1.1.1941 г. в процессе постройки находилось 283 судна с тоннажем в 1 551 878 тонн. В то время как на 1.1.1940 в постройке находилось 238 судов с общим тоннажем в 1 167 390 тонн. В то время как в 1939 г. было построено 28 судов с тоннажем в 241 052 тонн, в 1940 г. было построено 52 судна с общим тоннажем в 444 703 тонн. Интересные данные приводил и по ВМФ США: 15 линкоров, 6 авианосцев, 18 тяжелых крейсеров, 19 легких крейсеров, 236 миноносцев, 101 подлодок. В общей сложности США имели крупных 395 военных судов.

Данные были приведены и по таким сферам экономики, как сельское хозяйство. Так в отчёте он писал, что 1940 год был тяжёлым для сельского хозяйства. К обычным трудностям, росту задолженности, низким ценам на сбываемые фермерами сельскохозяйственные продукты, финансовой зависимости от банков и пр. добавились новые трудности, вызванные военной обстановкой. Ряд сельскохозяйственных продуктов (пшеница, мясо, фрукты, табак и ряд других) оказались лишенными или почти лишенными европейского рынка. Англия предпочитала ввозить эти продукты из своих колоний и доминионов, приберегая средства, в частности находившиеся и находящиеся в США, для закупки вооружения. Громыко привёл данные об экспорте сельскохозяйственной продукции, по которым видно было, что шёл упадок экспорта США в этой области.

А. А. Громыко писал и о торговле между СССР и США. Он отмечал, что торговля с США протекала в 1940 г. при чрезвычайно неблагоприятных для СССР условиях. Эти условия в 1940 г. были гораздо хуже, чем в 1939 г. Развертывание Правительством США военной программы и перевод промышленности на военные рельсы привели к тому, что экспорт ряда товаров был совершенно запрещен. На ряд товаров, в том числе на станки и прочее промышленное оборудование, была введена лицензионная система. В результате этих мероприятий явно дискриминационного характера закупка некоторых товаров прекратилась, а некоторых значительно сократилась. Совершенно отпали такие товары, как алюминий, молибден. Закупка авиационного оборудования сократилась с 2904,9 тыс. долл., в 1939 г. до 270,7 тыс. долл., в 1940 г. Выпали из экспорта США крекинговое оборудование и ряд важнейших типов станков. И хотя экспорт США в СССР возрос в 1940 г. на 30 млн долл., но он в значительной степени был обескровлен ввиду выпадения важнейших для СССР товаров, главным образом некоторых видов промышленного оборудования. Кроме того, в 1940 г.

были исключительно неблагоприятными для СССР условия как в отношении платежа, так и в отношении сроков выполнения заказов и поставки того оборудования, которое было вывезено. Политика Правительства США в отношении советско-американской торговли была на протяжении 1940 г. составной частью общей политики, направленной на всемерную помощь Англии при одновременном экономическом нажиме на СССР, продиктованном иллюзиями о возможности повлиять на внешнюю политику СССР в отношении других стран, и прежде всего Германии [4].

Эти отчеты и стали тем фундаментом, на котором строилась настойчивость миссии генерала Голикова. Эти данные позволяли укрепить уверенность в том, что США смогут оказать помощь поставками в СССР в тяжелейший период войны. По итогам миссии был создан Межправительственный комитет помощи СССР. В комитет вошли представители США (Гопкинс), СССР (Уманский) и Великобритании (Пэрвис). Комитет и решал вопросы по будущим поставкам в СССР и другие страны.

Источники и литература

1. Джонс, Р. Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй Мировой войне.1941–1945 / Р. Х. Джонс. – М. : Центрполиграф, 1969. – 430 с.

2. Стеттиниус, Э. Ленд-лиз – оружие победы / Э. Стеттиниус – М. : Вече, 2000. – 400 с.

3. Письмо советника полномочного представительства СССР в США А. А. Громыко народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову о состоянии экономики США. 24 января 1940 г. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/197908-pismo-sovetnika-polnomochnogo-predstavitelstva-sssr-v-ssha-a-a-gromyko-narodnomu-komissaru-inostrannyh-del-sssr-v-m-molotovu-o-sostoyanii-ekonomiki-ssha-24-yanvarya-1940-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 06.03.2026).

4. Политическое письмо советника полномочного представительства СССР в США А. А. Громыко народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову об экономическом положении и внешней торговле США в 1940 г. 9 апреля 1941 г. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/197943-politicheskoe-pismo-sovetnika-polnomochnogo-predstavitelstva-sssr-v-ssha-a-a-gromyko-narodnomu-komissaru-inostrannyh-del-sssr-v-m-molotovu-ob-ekonomicheskom-polozhenii-i-vneshney-torgovle-ssha-v-1940-g-9-aprelya-1941-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 06.03.2026).

УДК 94:327.7((47+57)+73+410)«1943»:94:327((47+57):438)

В. В. Герасименко, Н. Н. Мезга
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В КОНТЕКСТЕ МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматривается советская политика по польскому вопросу в условиях подготовки и проведения Московской конференции министров иностранных дел в 1943 г. Установлено, что усилия советского правительства были нацелены в первую очередь на обеспечение международного признания советско-польской границы, существовавшей на момент начала Великой Отечественной войны. Важнейшим инструментом при решении этой задачи стали усилия Москвы по дискредитации польского правительства в Лондоне как проводящего враждебную по отношению к СССР политику, провоцирующего противоречия в отношениях внутри Антигитлеровской коалиции. Важнейшим успехом советской дипломатии в рассматриваемый период стало то, что благодаря её усилиям проблема польско-советской границы стала предметом переговоров Москвы не с польским правительством, а с Лондоном и Вашингтоном.

Вопрос о проведении первой встречи «большой тройки» стал центральным в дипломатических контактах союзников с середины 1943 года. Но, прежде чем лидеры могли собраться за одним столом в Тегеране в конце ноября, требовалось преодолеть значительные разногласия по ряду вопросов, и среди них был вопрос о границах и статусе Польши. Для советского руководства подготовка к конференции означала не просто планирование будущих военных операций, но и дипломатическое закрепление тех перемен, которые произошли в ходе войны, особенно в Восточной Европе. Польша, как страна, через территорию которой прошла линия раздела сфер влияния по пакту Молотова-Риббентропа, являлась важнейшим участком произошедших перемен. Поэтому польский вопрос являлся ключевым элементом советской политики формирования нового международного порядка в Центрально-Восточной Европе.

Важным этапом обсуждения польского вопроса в преддверии встречи «большой тройки» стала Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. Именно здесь, за месяц до Тегерана, советская сторона изложила союзникам свою позицию относительно Польши. Еще до начала англо-американской Квебекской конференции в августе 1943 г. И. В. Сталин согласился на предложение У. Черчилля организовать встречу глав правительств СССР, Великобритании и Соединённых Штатов, если будет такая возможность [1, с. 423–424]. Вместе с тем советский лидер сообщил, что лишен возможности отлучиться от фронта и направиться в места, находящиеся на большом расстоянии от Москвы. И. В. Сталин предложил организовать встречу представителей трех государств, ведающих иностранными делами, на которой заранее договориться о месте, времени и о круге вопросов, подлежащих обсуждению главами государств [2, с. 141–142]. В более поздних посланиях И. В. Сталин продолжал настаивать на Москве как месте проведения конференции министров иностранных дел, что к началу сентября было согласовано. Встречу решили провести в начале октября [2, с. 157].

Требование советской стороны относительно конкретной повестки и чётких позиций союзников перед конференцией в Москве не нравились ни в Лондоне, ни в Вашингтоне. Союзники не желали посвящать СССР в свои замыслы. У. Черчилль и Ф. Д. Рузвельт считали нежелательным заблаговременное изложение взглядов по всем запрашиваемым Москвой вопросам. Оба лидера предпочитали, чтобы встреча имела исследовательский характер, подчёркивалось преимущество свободной дискуссии [3, с. 38]. Но советский лидер был с этим не согласен, считая, что конференция в Москве должна носить практически-подготовительный характер, чтобы можно было избежать задержки в принятии решений по важным вопросам [3, с. 38–39]. Стремление советской делегации детально проработать повестку дня объяснялось желанием заранее понять позиции союзников и тем самым обеспечить управляемый ход переговоров. Данная позиция во многом объяснялась недоверием советского руководства к намерениям Великобритании и США. В записке «К предстоящему заседанию в Москве министров иностранных дел» заместитель наркома иностранных дел В. Г. Деканозова были выдвинуты опасения, что предложенное англичанами и американцами совещание трёх министров имеет цель отвлечь внимание СССР и мировой общественности от вопроса об открытии второго фронта в Европе, а совещание будет использовано для прощупывания позиций Советского Союза по основным вопросам нынешней и послевоенной внешней политики [4, с. 263]. Он предположил перечень вопросов для обсуждения, которые могут быть поставлены англо-американской делегацией. Среди них были и вопросы по поводу польско-советских отношений: о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Польшей и о границах между СССР и Польшей. По вопросу восстановления отношений с Польшей имелся готовый проект ответа, который планировалось вручить министрам непосредственно на конференции. Что касается вопроса о государственных границах, то было сказано, что враждебная позиция польского правительства не способствует общей борьбе с гитлеровской Германией, а, напротив, ослабляет единство союзников. В связи с этим советское правительство не может доверять нынешнему польскому руководству и вынуждено пересмотреть ранее объявленную готовность к территориальным уступкам. Ранее

СССР выражал согласие установить границу на основе «линии Керзона» с небольшими отклонениями в пользу Польши. Но на данный момент Советский Союз не намерен идти на уступки и считает государственной границей линию, существовавшую на момент 22 июня 1941 года. Что касается возможного расширения Польши за счёт Восточной Пруссии, то советское правительство считает, что этот вопрос требует отдельного и дополнительного рассмотрения. Решение должно приниматься с учётом отношений Польши с союзниками по антигитлеровской коалиции, поскольку нет гарантий, что территориально усиленная Польша не сохранит враждебное отношение к СССР [4, с. 266–267]. Советская сторона стремилась максимально уяснить для себя, о чём конкретно собираются говорить союзники, и, исходя из этого, начинать прорабатывать собственную позицию по данным вопросам.

С первой половины 1943 года отношения между СССР и польским правительством в изгнании находились в состоянии глубокой взаимной враждебности. Правительство В. Сикорского считало, что вопрос о суверенитете Беларуси и Украины если и следует поднимать, то только для сдерживания территориальных притязаний СССР [5]. Отношения между советскими посольствами и польскими дипломатическими представительствами в Великобритании и США также оставались напряжёнными. Советский посол при правительствах в эмиграции ряда европейских государств в Лондоне А. Е. Богомолов сообщал об отказе поляков участвовать в советских мероприятиях, их активном обсуждении будущего Европы без учёта мнения СССР и отсутствии просоветских сил среди польской эмиграции [6]. СССР, в свою очередь, развернул пропаганду по защите границ 1941 года. В Великобритании был опубликован «Атлас СССР», где польские земли были включены в состав СССР, что вызвало протест польского правительства в эмиграции. Протесты привели к появлению Польши в довоенных границах в новой редакции атласов в 1943 году. Москва, в свою очередь, выразила протест правительству Польши в связи с выпуском в Лондоне польского календаря на 1942 год, где Вильнюс и Львов были обозначены как польские города. Советское правительство сочло оскорбительным определение территорий как вошедших в состав СССР оккупационным путём в 1939 году [7].

Советский Союз также принимал меры по поддержке польских коммунистов. Сначала, опасаясь общественного неодобрения, польские коммунисты уклонялись от конкретного определения будущей границы с СССР, ограничиваясь расплывчатыми заявлениями о праве на самоопределение для белорусов и украинцев. Однако советское руководство потребовало ясного заявления о неизменности границы по состоянию на июнь 1941 года, ссылаясь на волеизъявление украинского, белорусского и литовского народов. В ответ польские коммунисты обещали принять к сведению эти требования, но подчеркнули, что территориальные приобретения Польши на западе не должны рассматриваться как компенсация за потерю Западной Украины и Западной Беларуси. В меняющихся военно-политических обстоятельствах, под влиянием указаний из Москвы, пленум ЦК Польской рабочей партии (ППР) в январе 1943 года принял постановление, ознаменовавшее полный разрыв коммунистов с политическими силами, поддерживавшими правительство Сикорского [8]. При этом важно отметить, что даже после разрыва отношений с польским правительством в Лондоне в связи с Катынью, демонстрируя нежелание восстанавливать эти отношения, советское руководство не предпринимало шагов, которые могли создать впечатление, что оно готово сформировать и признать альтернативное польское правительство [9, с. 271].

Для подрыва легитимности польского правительства в эмиграции на мировой арене СССР активизировал усилия, направленные на углубление существующего кризиса в советско-польских отношениях. В январской ноте 1943 г. Москва заявила об аннулировании положения, содержавшегося в ноте советского правительства от 1 декабря 1941 г. Данное положение подразумевало готовность, с некоторыми оговорками, признать польское гражданство за лицами польской национальности, проживавшими на

территориях Западной Беларуси и Западной Украины до 1–2 ноября 1939 г. Это положило начало принудительной выдаче советских паспортов жителям присоединённых территорий [10, с. 342–343].

В попытке урегулировать нарастающие противоречия 20 и 26 февраля 1943 года состоялись переговоры польского посола Т. Ромера с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, на которых польский дипломат пытался заручиться поддержкой советского лидера по вопросу возобновления военного сотрудничества между двумя странами. Т. Ромер выдвинул конкретные предложения по формированию новых польских воинских частей на территории СССР, возможном возвращении армии Андерса на советско-германский фронт, организации масштабной диверсионной деятельности польского сопротивления в поддержку Красной Армии. Однако Сталин, отвергая эти предложения, мотивировал свою позицию заботой о безопасности польского населения и подпольных структур, которые могли подвергнуться жестоким репрессиям со стороны оккупантов [10, с. 369]. Это объяснение выглядело противоречивым на фоне активной советской пропаганды, призывавшей поляков к массовому сопротивлению. Такая позиция свидетельствовала о том, что СССР стремился сохранить монополию на организацию антифашистского сопротивления и не был заинтересован в военном сотрудничестве с польским эмигрантским правительством. Особую озабоченность Москвы, вероятно, вызывало то, что диверсионная деятельность могла активизироваться именно в восточных регионах бывшей Польши, которые в 1939 г. вошли в состав СССР. Как следствие, советская сторона блокировала создание в СССР польских вооружённых формирований, подконтрольных лондонскому правительству. Таким образом, СССР реализовывал стратегию вытеснения польского правительства из всех сфер военно-политического влияния. Также обсуждался вопрос границы: Т. Ромер отметил, что передача польских территорий СССР происходила без участия польского правительства, на что И. В. Сталин ответил, что легитимность границы основана на воле народа, выраженной на выборах в Западной Беларуси и Западной Украине в октябре 1939 года [10, с. 370]. Прошедшие встречи Т. Ромера с советским руководством не имели серьёзного позитивного результата. Стороны не отступили от прежде занимаемых позиций. Для поисков выхода из тупика польское правительство искало поддержки у Великобритании и США.

В марте 1943 года состоялся визит британского министра иностранных дел Э. Идена в Вашингтон. Цель визита – обсуждение вопросов, касающихся будущего Центральной и Восточной Европы после предполагаемой победы над нацистской Германией. Особое внимание уделялось судьбе Польши и определению её восточных границ. В ходе переговоров США и Великобритания фактически согласились на существенные территориальные уступки со стороны Польши в пользу СССР. Э. Иден высказался в пользу присоединения к Советскому Союзу прибалтийских стран и передачи ему территорий, входивших раннее в состав Польши. Президент Ф. Д. Рузвельт выразил мнение, что вопрос о восточных границах Польши должен решаться исключительно между США, Великобританией и СССР. При этом было оговорено, что конкретные размеры территориальных приобретений СССР будут определены позднее. Это оставляло для западных лидеров простор для манёвра в ходе дальнейших переговоров с СССР. Польская сторона была полностью исключена из процесса принятия решений, касающихся её будущих границ и территориальной целостности. Информация о результатах переговоров была передана британской стороной послу И. М. Майскому [1, с. 367–373]. Переговоры в Вашингтоне продемонстрировали, что США и Великобритания не собираются осложнять отношения с СССР поддерживая позицию Польши относительно ее границ. Секретность достигнутых в ходе британо-американских переговоров соглашений подчёркивает неоднозначный и, с точки зрения польской стороны, несправедливый характер принятых решений.

13 апреля 1943 г. германское радио объявило об обнаружении массовых захоронений польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском. НКВД напрямую обвинялось

в расстреле польских военнопленных [1, с. 394]. 17 апреля премьер-министр В. Сикорский обратился в Международный Красный Крест с просьбой расследовать расстрелы в Катыни. 20 апреля он также направил запрос в Москву относительно Катыни [11, с. 152]. Ответом стала нота советского правительства, в которой оно заявило о решении прервать отношения с польским правительством в Лондоне. В ноте советская сторона назвала поведение польского правительства нарушающим союзнические отношения. Оно обвинялось в том, что «поддержало клеветническую кампанию немцев» о расстреле польских офицеров, не обратившись к СССР за разъяснениями. Москва посчитала, что Польша использует происшествие в Катыни как средство нажима на советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счёт интересов Советской Беларуси, Советской Украины, Советской Литвы. В связи с этим советское правительство решило прервать отношения с польским правительством [1, с. 356–357]. СССР не признавал своей ответственности за катынский расстрел, т. к. это могло подорвать его международный авторитет. Советское руководство стремилось контролировать информацию о событиях в Катыни, чтобы избежать распространения антисоветских настроений, сохранить свой имидж в глазах мирового сообщества и не навредить отношениям с Великобританией и США. Признание ответственности могло привести к дезертирству и снижению боеспособности польских частей, сражавшихся на стороне СССР. Незадолго до начала конференции в Москву поступали сведения о подготовке польского правительства к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении её на территорию Польши. Польское правительство рассчитывало на поддержку США и Англии. Москвой допускалось, что они знают об указанных инструкциях польского правительства и, раз молчат, значит, одобряют их [12, с. 358].

В преддверии конференции министров иностранных дел в политике ведущих государств Антигитлеровской коалиции актуализировался и польский вопрос. Советская позиция была изложена в ноте, переданной В. М. Молотовым послам США и Великобритании 27 сентября 1943 г. В ней указывалось, что вхождение Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР является результатом волеизъявления их народов, и вопрос об их территориальном статусе уже окончательно решен. 5 октября британский Военный кабинет обсуждал меморандум А. Идена, посвященный польскому вопросу. В названном документе отмечалось, что политика Лондона не должна оппонировать советскому постулату в отношении линии Керзона как основы новой границы. Вместе с тем указывалось на необходимость предпринять усилия в пользу ее модификации. В частности, ставилась задача обеспечить польскому государству, как минимум, Львов. Позиция американской дипломатии в тот момент принципиально соответствовала направлению дискуссий, проходивших среди английских политиков [13, с. 182–183]. Таким образом, накануне Московской конференции СССР однозначно считал вопрос о включении в свой состав Западной Беларуси и Западной Украины окончательно решенным. Лондон и Вашингтон всё более прагматично смотрели на советско-польские отношения и, учитывая успехи Красной Армии, готовы были идти навстречу Советскому Союзу в вопросе его границы с Польшей. Как обосновано отмечается в 12-м издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», советская политика на польском направлении определялась прежде всего стремлением обеспечить безопасность страны с учётом уроков межвоенного периода. Решение проблемы безопасности виделось Москвой «в наращивании глубины обороны, прежде всего на западном направлении, служившем основным коридором вражеских вторжений». Для этого следовало создать пояс безопасности «из дружественных государств, которые бы шли в фарватере советской внешней политики» [9, с. 246–247]. Следует согласиться с присутствующим в историографии тезисом, что ни Черчилль, ни Рузвельт, для которых архиважной задачей был разгром вермахта силами Красной Армии, не относили к приоритетам своей политики территориальные споры польского правительства с СССР [14, с. 253].

19 октября 1943 года состоялось официальное открытие конференции в Москве. Польский вопрос не был главной темой встречи министров иностранных дел трех государств, и его обсуждение состоялось лишь на одиннадцатом заседании, 29 октября.

Э. Иден заявил, что британское правительство заинтересовано в урегулировании польского вопроса, так как оно сыграло значительную роль в заключении советско-польского соглашения в 1941 г. По мнению британской стороны, возобновление дипломатических отношений между СССР и Польшей важно для урегулирования проблемы поставок польскому движению Сопротивления оружия и военных материалов. В. М. Молотов подчеркнул, что отношения с Польшей являются для СССР, как для соседа, вопросом первостепенной важности. Советский Союз стоит за независимую Польшу и готов помогать ей, но при условии, что в Польше будет дружественное СССР правительство, чего в настоящее время не наблюдается. Что касается возможности посредничества, то, как отмечал Э. Иден, Великобритания в силу своих договоров и с Польшей, и с СССР заинтересована несколько больше и готова помочь, но не знает, чем именно. В. М. Молотов возразил: несмотря на давние заявления польской стороны о желании хороших отношений с СССР, ситуация не сдвигается с места [15, с. 234–236]. На этом обсуждение польского вопроса закончилось. По итогам Московской конференции западные дипломаты сделали однозначный вывод, что в вопросе границы с Польшей СССР не пойдет на уступки [13, с. 185–186].

С точки зрения упрочения Антигитлеровской коалиции, Московская конференция прошла конструктивно. Она продемонстрировала, что союзники окончательно перешли от разговоров о совместной борьбе с агрессорами к конкретным действиям. Встреча очертила примерный круг вопросов, которые будут затронуты на встрече лидеров в Тегеране. Но каких-то сдвигов касательно решения польского вопроса не случилось. Советский Союз в преддверии Тегеранской конференции готовил почву для закрепления своей западной границы по состоянию на 22 июня 1941 года. Этой цели были подчинены все дипломатические манёвры Москвы. Также СССР пытался использовать любую возможность, чтобы подорвать авторитет польского эмигрантского правительства и представить его как недружественное и неспособное к сотрудничеству, одновременно создавая условия для прихода к власти в будущей Польше лояльного Москве руководства. Крупным успехом Советского Союза было то, что он сумел сделать польский вопрос предметом переговоров не с польским правительством, а с лидерами США и Великобритании.

Источники и литература

1. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 1. – 542 с.

2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / под ред. А. А. Громыко – М. : Политиздат, 1989. – 403 с.

3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : в 6 т. / под ред. А. А. Громыко. – М. : Издание политической литературы, 1984. – Т. 2. – 389 с.

4. СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. : Док. из Арх. внеш. политики Российской Федерации / сост. Г. П. Кынин и И. Лауфер. – М. : Международные отношения, 1996. – 784 с.

5. Great Britain. General. 1943 [Electronic resource]. – Mode of access : http://szukajwarchiwach./800/42/0/-/48.jpg. – Date of access: 25.03.2025

6. Из письма посла СССР при союзных правительствах в Лондоне народному комиссару иностранных дел СССР. 15 октября 1942 г. – URL: http://agk.mid.ru/Data/6_4_267.jpg (дата обращения: 14.03.2025).

7. Soviet Union. Territorial dispute with Poland. Reactoin from abrode [Electronic resource]. – Mode of access : http://szukajwarchiwach.pl/800/42/0/-/58.jpg. – Date of access: 10.03.2025.

8. Лебедева, Н. С. Коминтерн и Польша. 1939–1943 гг. / Н. С. Лебедева // Международная жизнь – 1993. – № 8 – С. 147–157.

9. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в 12 т. / ред. комис. В. Г. Титов и др. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – 864 с.

10. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : в 4 т. / под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2017. – Т. 4. – 704 с.

11. Яжборовская, И. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях / И. С. Яжборовская, А. Ю. Яблоков, В. С. Парсаданова. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОС-СПЭН), 2009. – 519 с.

12. Великий перелом: 1 июля – 31 декабря 1943 г. Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов / рук. группы авт.-сост. Ямпольский В. П. – М. : Политиздат, 2008. – Т. 4. – 816 с.

13. Барабаш, В. В. Беларусь в советско-польских отношениях в период Второй мировой войны : монография / В. В. Барабаш. – Гродно : «ЮрСаПринт», 2017. – 398 с.

14. Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; МГИМО МИД России. – М. : МГИМО–Университет, 2015. – Т. 5. – 364 с.

15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: в 6 т. / под ред. А. А. Громыко. – М. : Издание политической литературы, 1984. – Т. 1. – 513 с.

УДК 327(497.2:497.1)«1945/1946»

А. П. Сальков
Белорусский государственный университет

РАЗРАБОТКА НАЧАЛЬНОЙ ИДЕИ БОЛГАРО-ЮГОСЛАВСКОГО СОЮЗНОГО ДОГОВОРА (ЯНВАРЬ 1945 – ИЮНЬ 1946 ГОДА)

Представления Югославии и Болгарии о форме федерализации были различными. Вариант Белграда предполагал немедленное вступление Болгарии в Югославию на правах субъекта. София исходила из паритетных отношений и поэтапного процесса. По совету Сталина Димитров выдвинул новую идею – заключения договора о дружбе и взаимопомощи, что вызвало возражения Тито. Англия как член СКК для Болгарии заблокировала эту возможность. Поэтому Москва приняла концепцию союзного югославско-болгарского договора как первого шага к будущей федерации. В Ялте Лондон выступил уже и против союзного договора. Так была разрушена концепция решения македонской проблемы через болгаро-югославский союзный договор. К марту 1946 г. утвердилась новая концепция договора с одновременным решением проблем Македонии и Западных покраин на основе размена. В июне 1946 г. было вновь отложено заключение союзного договора. В Болгарии развернулся процесс македонизации с фактическим отказом от традиционного непризнания македонского этноса.

В январе 1945 г. проходил визит югославской делегации в СССР. Ее глава, член ЦК КПЮ Андрия Хебранг, на встрече с И. В. Сталиным 9 января высказал территориальные претензии к Венгрии, Румынии, Греции, Италии и Австрии, сильно озадачив этим Сталина. В отношении Болгарии речь шла о принципах и сроках федерирования. Позиция Сталина исходила из путаных представлений о конфедерации, но «с перспективой дальнейшего полного объединения этих двух государств, основанного на принципе дуализма», и о создании «двуединого государства… по типу Австро-Венгрии». Сталин считал, что «к полному объединению надо стремиться – это будет эпоха в истории Европы. Но к этому надо идти этапами, начать с союза, с договора о взаимной помощи, а потом постепенно идти к объединению», предостерегая югославов от впечатления, что «болгар хотят проглотить» [1, с. 128–129]. В такую трактовку полностью укладывалась болгарская концепция федерации.

11 января, теперь уже озадаченный А. Хебранг, сообщал главе КПЮ И. Броз Тито: «Имел беседу со Стариком [Сталиным. – А. С.]. По многим политическим вопросам их мнение отличается от нашего». Для трехсторонних переговоров о судьбе федерации в Москву вскоре прибыл болгарский премьер-министр Кимон Георгиев. Как сообщал Хебранг в Белград, на первом этапе Сталин предложил краткий союзный договор, в котором о федерации вообще бы не упоминалось. На втором этапе «необходимо создать федерацию, которая в сущности будет представлять конфедерацию между Югославией и Болгарией» [2, с. 398, 405]. В январе в НКИД СССР была разработана справка о Македонии с выводами: Македония по своим параметрам может быть самостоятельной государственной единицей; необходимо требовать объединения всех трех ее исторических частей; претензии Греции даже на часть края не обоснованы; следует заставить Грецию выполнить обещание 1919 г. о возможности выхода Югославии к Эгейскому морю [3, с. 68–69].

Выбор между федерацией и конфедерацией был очень актуален и для Софии, и для Белграда. В Болгарии он стал важным аспектом внутренней борьбы. Активным публицистом выступал один из лидеров «широких социалистов» Крыстё Пастухов. 20 октября 1945 г. «Работническо дело» подвергло резкой критике его позицию по македонскому вопросу, а сам он был назван лжесоциалистом, остающимся «таким же великоболгарским шовинистом, каким был при царе Борисе», заклятым врагом свободы македонского народа. Трибуной Пастухова была газета «Свободен народ», где 1 февраля 1946 г. вышла статья «Конфедерация или федерация». Он считал, что баланс сил между балканскими государствами «наиболее успешно достигается через политику национального объединения и разграничения». Для Болгарии же возникала угроза превратиться из независимой страны в провинциальную область Югославии, разделив судьбу ее Македонской провинции. 19 февраля Пастухов разместил комментарий о национальных идеалах болгарского народа [4, с. 42, 45–46]. В том же году он был осужден на пять лет по декрету-закону о защите народной власти за две статьи о политическом контроле над армией, а в 1949 г. погиб в тюрьме.

Для Югославии выбор государственного устройства был фактором межнациональных отношений. Секретарь ЦК КПЮ Эдвард Кардель еще 5 февраля 1945 г. подчеркивал, что конфедерация с Болгарией усилила бы сепаратистские тенденции в Хорватии и Словении, где реакция выступает «как раз с лозунгом конфедерации южнославянских народов» [5, с. 137]. Первое упоминание о внутренних границах Югославии (как нечто малозначащее) состоялось 24 февраля 1945 г. на заседании Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ). Однако в случае с Сербией оговаривались и ее внешние границы, которые включали Западные покраины (Цариброд, Босилеград) и Струмицу. Македонией же считалась югославская территория к югу от линии Качаник – Ристовец [6, с. 447–448, 464–466].

На Крымской конференции (4–11 февраля 1945 г.) Англия вновь подняла вопрос о болгаро-югославских отношениях. Пакет предложений главы Форин-офиса Энтони Идена фактически содержал запрет на образование федерации двух стран. После пояснений наркома иностранных дел В. М. Молотова, что вопрос о федерации потерял актуальность, а переговоры идут лишь о заключении союзного договора, возражения Идена распространились и на этот договор. Правда, в итоге он вынужден был снять свои предложения [7, с. 197, 240, 244, 281]. После конференции Лондон продолжил давление на Москву, выступая против союзного договора. И. В. Сталин вновь вынужден был отступить. На его встрече с И. Броз Тито и главой болгарских коммунистов Георги Димитровым в Москве 12 апреля 1945 г. было обсуждено поэтапное развитие двусторонних отношений: восстановление дипломатических отношений, заключение договора о дружбе, подготовка условий для создания федерации [8, с. 247].

С апреля 1945 по июнь 1946 г. в процессе болгаро-югославского сближения наблюдался относительный застой. После нескольких консультативных встреч в сентябре 1945 г. в титовском руководстве осознали, что подобное сближение возможно

лишь с ведома Москвы и при нейтральном отношении Запада [9, с. 101–102]. Тем самым была разрушена (но не забыта) концепция решения македонской проблемы через Югославянскую федерацию или болгаро-югославский союзный договор. СССР должен был искать новые формы и принципы решения застарелой проблемы двух стран, составлявших южный фланг формирующегося советского блока [10, с. 653].

Во второй половине 1945 г. разворачивалась и чисто советская интрига о судьбе Македонии. Москва настаивала на объединении всех трех частей исторической Македонии в одном государстве, которое стало бы республикой в составе СССР. Именно этот мотив составлял смысл договора между руководством БРП(к) и КП Греции, заключенного в Петриче 20 февраля 1946 г. Его ст. 6 гласила: «Македония (греческая, болгарская и югославская) должна быть независимой автономной советской республикой в составе СССР» [3, с. 67].

Весной 1945 – весной 1946 г. в югославской НР Македонии развернулась кампания по денационализации болгар. Проведению этой политики способствовал первый глава правительства республики, секретарь ЦК КП Македонии Лазар Колишевски. Координатором выступал президиум Антифашистского собрания национального освобождения Македонии (АСНОМ), который возглавлял македонский антифашист и националист Методия Андонов-Ченто. 7 января 1945 г. в крупных городах Вардарской Македонии началась акция по деболгаризации, когда только за три колядных дня, названных «кровавым Рождеством», было убито более 1,2 тыс. македонских болгар. В марте 1945 г. АСНОМ учредил Суд по защите македонской национальной чести. Прошли процессы с жестокими приговорами. Наиболее одиозным был процесс в Скопье (28 мая – 2 июня 1945 г.), на котором были приговорены к смерти три виднейших македонских деятеля. В 1945–1946 гг. были ликвидированы болгарские общественные и культурные организации, репрессиям подверглись более 15 тыс. человек, в том числе 4,7 тыс. болгар были убиты или исчезли. Обвинения были стандартными – сотрудничество с болгарскими оккупантами и оскорбление македонской чести. Культивирование ненависти к Болгарии стало основным критерием македонского патриотизма [11, с. 134–137]. Имелась и оборотная сторона медали. Сам Ченто, боровшийся за объединенную и самостоятельную Македонию без сербского доминирования, был осужден в 1946 г., провел в лагере более девяти лет, из которых четыре – в полной изоляции [12].

Руководство БРП(к) знало о положении болгар в Македонии, но его реагирование во второй половине 1945 г. носило, скорей, информационный характер. Внушала опасение ситуация в Скопье, где члены ЦК КПМ обвиняли всю болгарскую компартию в шовинизме. В кругах болгарского руководства постоянно упоминались антиболгарские тенденции в Македонии, что не мешало ему обсуждать перспективы союзного договора. Димитрову поступали сообщения о сербизации языка, культуры и общественной жизни в НРМ, извращениях при введении новой азбуки и македонского языка и, наконец, официальной антиболгарской политике в югославской Македонии [13, с. 1238, 1242–1243, 1251–1253].

Антиболгарская, но просербская политика руководства республики по созданию македонской нации привела к территориальным потерям Македонии. Вопреки этнической границе македонцев по Южной Мораве и Пчине (левому притоку Вардара), включавшей населенный македонскими болгарами треугольник Босилеград – Враня – Крива-Паланка, сербо-македонская граница была проведена всего в 10 км севернее Куманово. Население треугольника было объявлено сербским, возражения Скопье отброшены, что нашло отражение в административно-территориальном делении НР Македонии [14, с. 76–89; 15].

В болгарском руководстве имелись осторожные противники передачи болгарской Пиринской Македонии в состав югославской Македонии и проведения македонизации в крае. Член политбюро ЦК БРП(к), главный редактор «Работническо дело» В. Поптомов подготовил проект о «поддержке культурно-национальных устремлений македонского населения Горно-Джумайской области». В проекте было использовано традиционное название края, не акцентировавшее его македонский статус. Хотя в проекте признавалось наличие там македонского населения, в нём отмечалось отсутствие его национального

угнетения. 3 августа 1945 г. проект был принят как решение политбюро ЦК. На областной Горно-Джумайской партконференции в феврале 1946 г. Поптомов ратовал за широкую федерацию южных славян [4, с. 33, 51–52]. Однако это не могло затормозить насильственную македонизацию.

К началу 1946 г. внятной концепции объединения Болгарии и Югославии еще не сложилось. Министр иностранных дел Болгарии Петко Стайнов на встрече 11 января с заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским, находившимся с визитом в Софии, не говорил о форме такого объединения. Однако уверенно заявил, что «мелкие народы сейчас не играют никакой роли и что нужно объединиться таким двум народам, как болгары и югославы, что даст внушительную цифру [населения] около 20 млн человек» [16, с. 844].

К марту 1946 г. в Белграде и Софии утвердилась новая концепция союзного договора с одновременным решением проблем Македонии и Западных покраин. Причем на этот раз СССР не допускал какого-либо влияния Запада. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 21 марта 1946 г. был утвержден проект директив о мирном договоре с Болгарией. Проект предписывал «возражать против американского предложения о небольших исправлениях болгаро-югославской границы в районе Цариброда и Македонии, поскольку ни Болгария, ни Югославия не выдвигают этих вопросов» [1, с. 389].

В ходе обмена мнениями с Димитровым о новой концепции Тито сообщил 15 апреля 1946 г., что считает пока нецелесообразным приступать к заключению союзного договора, а вопрос Западных покраин следует решать путем размена их на Пиринскую Македонию. На встрече 22 апреля советского посла в Белграде А. И. Лаврентьева с Тито последний высказался «в достаточно решительных тонах, что он сейчас не может поддержать идею федерации с Болгарией», формально монархической страной с низким влиянием коммунистов среди населения. Кроме того, Тито упомянул о своей давней встрече с болгарской делегацией в Крайове в октябре 1944 г. В его изложении тогда было условлено, что «Югославия может уступить Царибродский район взамен [Пиринской. – А. С.] Македонии. Но сейчас болгары требуют этот район, но, в свою очередь, не хотят уступить свою часть Македонии». Тито также поведал Лаврентьеву: «болгары имеют основания требовать Царибродский район, но он [как хорват. – А. С.] вынужден считаться с позицией сербов, и, исходя из внутриполитических соображений, не может пойти навстречу болгарским требованиям» [5, с. 281–282]. При этом югославы болезненно реагировали на любые попытки болгар усилить свое влияние в Царибродском и Босилеградском срезах Югославии. Белград вытеснял болгарский язык из школ края, исключил его из адресов болгарской программы оказания продовольственной помощи [17, с. 190–191].

В послевоенный период при поиске дополнительных аргументов урегулирования конфликтов советское руководство стало чаще учитывать такую субстанцию ментального и социально-политического единства, как национальное самосознание. С особой актуальностью это проявилось в ходе попыток конструирования Балканской федерации и использования идеи македонизации в рамках культурной автономии болгарской Пиринской Македонии с ее последующим обменом на югославские Западные покраины с преобладающим болгарским населением. На советско-югославско-болгарских переговорах в июне 1946 г. И.В. Сталин, как автор упомянутой идеи, особо подчеркивал необходимость развития македонского национального самосознания [13, с. 1263, 1267–1271]. Во время беседы у Сталина возник неожиданный ассоциативный сюжет. Он вдруг сослался на историческую ситуацию в Беларуси, где, на его взгляд, в период установления Советской власти национального самосознания не было, но «как выяснилось позже, белорусский народ действительно существует». Эта скандальная фраза в публицистическом формате не раз воспроизводилась в Минске в начале 1990-х гг., обычно вне контекста и всегда без ссылки на источник. Впервые фрагмент был опубликован в софийской газете «Отечествен весник» 19 июня 1991 г. и редко появлялся в документальных сборниках [14, p. 48–49].

Источники и литература

1. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Г.П. Мурашко (отв. ред.): в 2 т. – М. ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997–1998. – Т. 1 : 1944–1948 гг. – 1997. – 985 с.

2. Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945. Док. и матер. / редкол. И. Б. Бухаркин [и др.]. – М. : Терра, 1998. – 656 с.

3. Иваноски, В. Советская дипломатия о ситуации в Македонии в 1945 г. / В. Иваноски // Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура. 1944–1991 гг. / К. В. Никифоров (отв. ред.). – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2010. – С. 65–78.

4. Македонският въпрос в българо-югославските отношения (1944–1952 г.) / Веселин Ангелов (съст.). – София : УИ «Св. Климент Охридски», 2004. – 608 с.

5. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы / Т.В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]: в 2 т. – М. : РОССПЭН, 1999–2002. – Т. 1 : 1944–1948 гг. – 1999. – 687 с.

6. Гуськова, Е. Ю. Особенности национальной политики в Югославии / Е. Ю. Гуськова // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / В. В. Марьина (отв. ред.). – М. : Наука, 2004. – С. 443–481.

7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: сб. док. : в 6 т. / А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1979–1984. – Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав (4–11 февраля 1945 г.). – 1979. – 326 с.

8. Димитров, Г. Дневник, март 1933 – февруари 1949. Избрано / Г. Димитров. – София : «Изток-Запад», 2003. – 509 с.

9. Ангелов, В. Третата национална катастрофа. Съветската окупация в България (1944–1947 г.) / В. Ангелов. – София : Анико, 2005. – 354 с.

10. Сальков, А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.) / А. П. Сальков. – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.

11. Райчевски, С. Геноцидът над българите през XX век / С. Райчевски. – София : Български бестселър : Национален музей на българската книга и полиграфия, 2006. – 144 с.

12. Бунтески, Р. Методија Андонов-Ченто, македонски народен трибун / Р. Бунтески. – Скопје : Институт за национална историја, 2002. – 309 с.

13. БКП, Коминтернът и македонският въпрос (1917–1946) / Цочо Билярски, Ива Бурилкова (съст.) : в 2 т. – София : Гл. упр. на архивите, 1998–1999. – Т. 2. – 1999. – 1371 с.

14. Мичев, Д. Македонският въпрос и българо-югославските отношения: 9 септември 1944–1949 / Д. Мичев. – София : изд. «Св. Климент Охридски», 1994. – 509 с.

15. Административно-територијалната поделба во Македонија 1944–2004 / Ѓорѓи Чакарјаневски, Тодор Чепреганов, Стојан Аврамовски (избор и редакција). – Скопје : Македонска академија на науките и уметностите, 2007. – 459 с.

16. Великите сили и България 1944–1947 г. Документи: в 2 т. / Луиза Ревякина, Витка Тошкова, Татяна Волокитина (съст.). – София : акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2014–2018. – Т. 2: Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944 – декември 1947 г.). 2018. Първа част. – 931 с.

17. Волокитина, Т. В. От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт. 1948–1956 гг. / Т.В. Волокитина // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории / А. С. Аникеев (отв. ред.). – М. ; СПб : Нестор-История, 2017. – С. 105–213.

УДК 327(476)(091)

В. Е. Снапковский
Белорусский государственный университет

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ И КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕЛЕГАЦИЙ СССР, УССР И БССР В ООН

Рассматриваются взаимодействие и координация деятельности делегаций СССР, УССР и БССР в ООН, начиная с Сан-Францисской конференции 1945 г. и заканчивая 1979 г. Показывается разделение труда между тремя советскими делегациями в реализации директив Центра. Раскрываются особенности дипломатичного стиля белорусской делегации на примере выступлений в ООН и предложений в адрес МИД СССР министра иностранных дел БССР К. В. Киселева. Описан механизм руководства и координации действий делегаций СССР, УССР, БССР, других социалистических стран в ООН со стороны союзного МИД, содержащийся в директивах для советских делегаций по наиболее важным пунктам повестки дня 7 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1952 г.

Начало формированию единой внешнеполитической линии Советского Союза, которую делегации СССР, УССР и БССР проводили в ООН и других международных организациях, положила Сан-Францисская конференция. Руководитель делегации СССР, посол СССР в США А. А. Громыко вспоминал, что на конференции сложилось «руководящее ядро трех наших делегаций. Эта небольшая группа анализировала положение дел на конференции, намечала тактические и иные планы по осуществлению директив Центра» [1, с. 276]. На конференции фактически установилось разделение труда и присутствия на различных комиссиях и комитетах между тремя советскими делегациями, которого общесоюзная делегация не хотела демонстрировать, чтобы не создавать оснований для подозрений в полном контроле и диктате. Но несомненно то, что она играла руководящую и направляющую роль среди трех советских делегаций, о чем писал еще в 1982 г. польский историк В. Матерский [2, s. 341].

Как показывают воспоминания советника делегации СССР на конференции в Сан-Франциско А. А. Рощина, появление на конференции еще двух советских делегаций сначала не облегчило работы общесоюзной. По его словам, не было ничего удивительного в том, что только в ней были настоящие профессионалы, давно работавшие над проблематикой новой системы безопасности, «а не подобранные в целом довольно случайно, как в белорусской и украинской делегациях». Затем после нервного начала основная часть работы, припавшая на комитетский период, проходила по-деловому, без конфликтов [2, s. 128]. Что касается трудностей с подбором и предлагаемых «случайных и не случайных» лиц в делегации БССР, об этом автор писал в недавних публикациях [3, с. 173–174; 4, с. 72–73].

К концу 1940-х годов очертились определенные контуры дипломатичного стиля белорусской делегации, которые особенно выразительно просматривались в выступлениях министра иностранных дел К. В. Киселева. Они выражались в стремлении воздерживаться от глобальных оценок мировой политики, характеристики взаимоотношений СССР и западных государств [5]. На это, несомненно, влияло то, что БССР не участвовала в работе Совета Безопасности, в котором была представлена вместе с СССР и УССР. Среди трех советских делегаций белорусская занимала самое скромное место, и ее голос не звучал так сильно и громко, как голос украинской делегации. В отличие от Беларуси позиция Украины по международным политическим вопросам была более заметной и выразительной. Это объяснялось как большей ролью украинской дипломатии в проведения единой линии Центра, так и нахождением УССР в Совете Безопасности в 1948–1949 гг., где она выступала инициаторам постановки индонезийского вопроса, а в 1946 г. внесла предложение рассмотреть греческий вопрос [6].

Позиция БССР в ООН по вопросам, относившимся к проблематике отношений Восток-Запад (принцип единогласия великих держав, греческий, корейский, германский вопросы, прием новых членов, представительство Китая и др.), еще в большей степени, чем по другим вопросам повестки дня Генеральной Ассамблеи, диктовалась необходимостью жесткой поддержки общесоюзной внешнеполитической линии. Возможность проявления какой-либо самостоятельности или инициативы со стороны белорусской делегации по политическим вопросам, вокруг которых разворачивалась «холодная война», исключалась. Белорусские представители выполняли только ограниченные тактические задачи в рамках распределения функций между делегациями «советского блока», о чем свидетельствовали единичные предложения БССР по корейскому и китайскому вопросам [7, с. 121–124; 8, с. 179–181]. Чрезмерная старательность в изобличения «врага», проявленная К. Киселевым в отношении представителя гоминдановского режима, о чем будет сказано ниже, также не поощрялась советским внешнеполитическим руководством, которое требовало строгого следования директивам Центра.

Политический темперамент и задор К. Киселева ярко проявились на 5-й сессии в ожесточенных дебатах по корейскому вопросу. Глава делегации в своих остро полемических речах подчеркивал, что главной обязанностью ООН является мирное урегулирование конфликта и вывод всех иностранных войск из Кореи, гневно клеймил США и предложения западных стран, защищал КНР, которую обвиняли в интервенции в Корею (как известно, КНР послала свои добровольческие части в Корею). 3 октября 1950 г. Киселев в нарушение сталинских указаний выступил на заседания Политического комитета с ответом на выступление китайского представителя («гоминдановца»), в то время как директивы из Москвы предписывали «гоминдановца игнорировать». Киселев в грубой форме обругал китайского представителя и пригрозил американцам [9**,** с. 125].

Вспоминая этот эпизод в мемуарах, он писал, что в связи со злостной клеветой представителя чанкайшистской клики на Советский Союз не сдержался, попросил слово и «высказал клеветнику все, что о нем думал» [10, с. 366]. Выступление руководителя делегации БССР стало предметом разбора на совещании советских дипломатов. Руководитель делегации СССР А. Я. Вышинский расценил выступление К. Киселева как «преждевременное» и «экстремистское» и направил соответствующее донесение И. В. Сталину. К. Киселева отвезли на загородную дачу представительства СССР в Гленкове, где он три дни фактически находился под домашним арестом, ожидая решения своей участи. Но И. Сталин его помиловал и написал на донесении А. Вышинского: «Нам нужны не только дипломаты, но и экстремисты вроде Киселева» [9, с. 125–126]. На очередном совещании А. Вышинский ознакомил с телеграммой И. Сталина всех членов советской делегации и признал, что был неправ [10, с. 367]. Описанный выше эпизод показывает, в какой атмосфере работала советская дипломатия в ООН в разгар «холодной войны». Он характеризует стиль и политический темперамент белорусского министра, а также взаимоотношения между делегациями СССР и БССР. Любое несанкционированное выступление дипломата, даже руководителя делегации БССР, могло иметь для него самые тяжелые последствия.

Участие делегации БССР в обсуждения проблем обеспечения международной безопасности на первых сессиях Генеральной Ассамблеи сводилось не только к поддержке предложений делегаций СССР и критике позиций западных государств. Разумеется, белорусские дипломаты использовали аргументацию и оценки, даваемые в выступлениях руководителей общесоюзной делегации, в зависимости от ситуации чаще всего усиливая их. Главным действующим лицом в белорусской делегации при обсуждении проблем «большой политики» являлся министр иностранных дел К. В. Киселев, активно выступавший на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи, в Политическом комитете и других органах Генеральной Ассамблеи [7, с. 104–106].

Вместе с тем белорусский министр выдвигал и смелые, кардинального характера обращения к великим державам. В июне 1949 г. он направил В. М. Молотову разработанный белорусским МИДом проект резолюции «Призыв к великим державам заключить Пакт

мира» для обсуждения на 4-й сессии Генеральной Ассамблеи в котором содержалась рекомендация великим державам в кратчайший срок начать переговоры для выработки и заключения такого Пакта мира [11, л. 1–3; 12, с. 248–249]. Судьба документа неизвестна, хотя известно то, что БССР с этим предложением не выступала.

8 мая 1950 г. К. Киселев направил заместителю председателя Совета Министров СССР В. Молотову проект предложения МИД БССР о принятии Декларации об отказе от применения атомной энергии в военных целях [13, л. 67–70; 12, с. 276–277]. Однако и этот документ не был выдвинут белорусской делегацией, вместо него делегация СССР предложила собственный проект Декларации. Выскажем свою версию событий по этому поводу. К. Киселев, получив предварительное согласие В. Молотова на разработку белорусских предложений, дал поручение МИД их составить, после чего направил в Москву. Там, вероятно, посчитали, что БССР нецелесообразно и негоже выступать с призывом к великим державам, в том числе СССР, заключать Пакт мира, а лучше это сделать общесоюзной делегации. Хотя сама идея такой инициативы, исходящей от небольшого европейского «государства» и к тому же советской союзной республики, представляется довольно интересной.

Второй проект предусматривал отказ от применения атомной энергии в военных целях и заключение соответствующей конвенции, что также могло восприниматься в Москве как выход БССР за круг своих функций, которыми союзный центр не собирался делиться с БССР и УССР. Кстати, в российских и украинских архивах автору не удалось найти подобных предложений со стороны МИД УССР. Второй проект был направлен В. Молотову как заместителю председателя советского правительства, что, вероятно, могло быть не по душе действующему министру А. Вышинскому, которые решил выдвинуть его в измененном виде от имени союзной делегации.

Изучение позиций БССР в ООН по важнейшим проблемам обеспечения мира и международной безопасности показывает, что атмосфера «холодной войны» и усиление волюнтаристских проявлений сталинского режима во внешней политике и дипломатии СССР по сути дела свели на нет возможности самостоятельной деятельности делегации БССР в рассмотрении и принятии решений по этим проблемам. Делегация БССР проводила и отстаивала линию советской дипломатии. В обстоятельствах конфронтации между Советским Союзом и западным большинством в ООН БССР, как и УССР, было предназначено место последовательного проводника и твердого защитника советской внешнеполитической линии. Несмотря на внешнеполитический диктат Центра, необходимость всегда и во всем руководствоваться его директивами, было бы грубым упрощением считать МИД БССР статистом и механическим исполнителям воли кремлевских руководителей. Белорусские представители не могли целиком оторваться от национальной почвы [4, с. 89].

Механизм руководства и координации действий делегаций СССР, УССР, БССР, других социалистических стран в ООН со стороны союзного МИД довольно обстоятельно представлен в записке министра иностраных дел СССР А. Я. Вышинского генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину 21 августа 1952 г. К записке прилагались проект постановления политбюро ЦК ВКП(б) об участии делегаций СССР, УССР и БССР в 7-й сессии Генеральной Ассамблеи и проект директив для советских делегаций по наиболее важным пунктам повестки дня сессии [14, л. 138–159]. Этот документ, с которого снят долголетний гриф «Сов. Секретно», опубликован нами в сокращенном виде в двух сборниках документов [12, с. 319-323; 8, с. 198–200]. Сама по себе короткая записка состоит из двух предложений. В первом предлагалось рассмотреть проект постановления ЦК ВКП(б) по указанному вопросу и проект директив для советских делегаций. Во втором сообщалось о том, что составы делегаций УССР и БССР, включенные в прилагаемый проект постановления, утверждены соответственно ЦК КП(б)Украины и ЦК КП(б)Беларуси [12, с. 319].

Проект постановления состоял из 6 пунктов, три первых из которых утверждали составы делегаций СССР, УССР и БССР на сессию, 4-й утверждал представленный МИДом СССР проект директив для делегации, 5-й поручал союзному МИД дать указания делегации СССР по основным вопросам повестки дня сессии, 6-й поручал Министерству финансов СССР рассмотреть и утвердить дополнительно к смете МИД СССР на 1952 г. ассигнования на содержание делегаций СССР, УССР и БССР на 7-й сессии Генеральной Ассамблеи [12, с. 319–322].

Главами делегаций утверждались министры иностранных дел СССР, УССР и БССР, соответственно А. Я. Вышинский, А. М. Барановский и К. В. Киселев. По своему составу делегации состояли из полноправных членов, заместителей членов делегации и советников. Союзная делегация состояла из 4-х членов, 3-х заместителей, в том числе министра иностранных дел Узбекской ССР А. М. Кучкарова, и 3-х советников (всего 10 человек). В состав украинской делегации входили 4 члена, 3 заместителя и 1 советник (всего 8 человек) [12, с. 319–322]. В состав белорусской делегации входили 5 членов и 1 советник (всего 6 человек). Не трудно заметить, что по количественному составу три советские делегации не сильно отличались друг от друга, хотя несомненно, что объем работы для общесоюзной делегации предстоял значительно больший. Белорусская делегация была наименьшей по составу, зато превосходила общесоюзную и украинскую делегации по количеству полноправных делегатов (5 вместо 4-х у двух остальных). Однако в составе делегации БССР не было заместителей членов делегации.

Директивы ориентировали советские делегации на твердое отстаивание интересов СССР и стран «народной демократии». Следующим пунктом была установка: «Настаивать на получении Советскими республиками и странами народной демократии двух мест в Генеральном Комитете, кроме места вице-председателя Генеральной Ассамблеи для представителя СССР» [14, л. 159].

В последнем 21 пункте директив речь шла о разделении труда между делегациями социалистических стран и руководящей роли делегации СССР в организации их взаимодействия. Он нацеливал на то, чтобы выступления на Генеральной Ассамблее и в Комитетах «распределять между делегациями СССР, УССР и БССР, а также между делегациями стран народной демократии, имея в виду, что в ряде случаев Делегации СССР нецелесообразно брать на себя инициативу или проявлять особую активность». Директивы заканчивались поручениями, имевшими отношение к стилю выступлений и поведению советских дипломатов. Они должны были «сохранять выдержку, выступать в спокойном тоне, без задирчивости и излишней горячности. Делегаты должны действовать уверенно, твердо и тактично, избегая при этом обострения отношений с другими делегациями». Делегация не должна была допустить такой линии своего поведения, которая могла бы привести к ее изоляции и ослаблению тем самым ее возможного влияния на другие делегации [12, с. 323]. Последний пункт вероятно имел в виду конфронтационный, «прокурорский» стиль выступлений А. Вышинского, с которого вольно или невольно брали пример другие члены советских делегаций, а также упомянутое выше «экстремистское» выступление Киселева в 1950 г. Чтобы таких случаев не повторялось, рекомендовалось держаться спокойно, уверенно и тактично, чтобы не поставить советских дипломатов в изоляцию.

Записка А. Вышинского И. Сталину с прилагаемыми материалами представляет собой яркий и вместе с тем типичный образец директивного документа сталинской дипломатии. Он показывает подчиненную роль МИДов УССР и БССР в партийно-государственной системе управления внешнеполитической деятельностью Союза ССР, когда делегации двух республик в ООН утверждались Политбюро ЦК ВКП(б), а в своей деятельности на сессии они должны были руководствоваться директивами для делегации СССР.

О внешнеполитическом сотрудничестве социалистических стран в ООН говорилось, хотя и довольно кратко, в отчетах МИДов СССР, УССР и БССР о деятельности в ООН (1967, 1976 и 1979 гг.), в том числе в украинском отчете за 1979 г., который

обстоятельно характеризует деятельность министерства по подготовке к 34-й сессии Генеральной Ассамблеи и участию украинской делегации в ее работе [15, л. 1-15]. В нем отмечалось, что в рамках подготовки к этой сессии были разработаны и направлены в МИД СССР предложения по конкретным вопросам разоружения. На реализации этих предложений, на основе которых были составлены украинские директивы и указания (подчеркнуто авт. – В. С.) на 34-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН, акцентировано основное внимание в отчете. Отчет завершается формулированием 8 содержательных предложений в адрес МИД СССР [15, л. 1-2, 14–15]. В документе содержится дежурная фраза о «сотрудничестве делегаций Советского Союза, братских социалистических стран» в ООН, однако делегация БССР в этом контексте не упоминается. То же самое касается и неупоминания делегации УССР в отчете МИД БССР за 1976 г., где также только вскользь говорилось о сотрудничестве социалистических стран [16, с. 78, 86, 101].

Сравнение отчетов трех МИДов (СССР, УССР и БССР) показывает, что на форумах ООН между тремя советскими делегациями осуществлялось, несомненно, самое тесное дипломатическое сотрудничество под руководством делегации СССР, однако даже в секретных документах трех МИДов того времени об этом предпочитали не упоминать или не акцентировать внимания, считая это само собой разумеющимся. Это замечание в первую очередь относится к союзному МИД, который вероятно опасался обвинений и упреков (небезосновательных к тому же) в диктате, опеке, контроле над республиканскими МИДами [17, с. 57].

Открытые для исследователей с начала 1990-х гг. документы ЦК КПСС проливают новый свет на вопросы взаимодействия социалистических стран в ООН. В отчете МИД СССР о деятельности делегации Советского Союза на 22-й сессии Генеральной Ассамблеи за 1967 г., подписанном министром А. Громыко и направленном в ЦК КПСС, отмечалось, что в ходе сессии советская делегация тесно сотрудничала с делегациями других социалистических стран, регулярно поводились совещания представителей социалистических стран. «Социалистические страны выступали на сессии с единых, согласованных позиций по всем вопросам. Следует отметить позиции представителей Кубы и Румынии. Делегация Кубы вела себя весьма неактивно по всем вопросам, при голосовании резолюций по разоружению воздерживалась, в то время как остальные социалистические страны голосовали «за». Делегация Румынии по ряду политических вопросов в выступлениях делала заметный упор на самостоятельность и национальный характер политики румын» [18, л. 16].

Со второй половины 1950-х гг. деятельность БССР в ООН происходила в более благоприятных как внутренних (внутрисоюзных), так и внешних (международных) условиях. Более демократический характер приобрели взаимоотношения между тремя советскими делегациями, появились новые формы и методы взаимодействия между ними, как и между делегациями всего социалистического лагеря. Белорусский отряд советской дипломатической службы участвовал в меру сил, возможностей и полномочий, установленных федеральными конституционно-правовыми нормами и сформировавшейся практикой разделения прав и обязанностей между союзным центром и республиками, в реализации целей и задач внешней политики Союза ССР [4, с. 287–288].

Что касается вопроса об отношении А. Громыко к союзной и республиканским системам внешнеполитической деятельности, то автор писал об этом неоднократно, имея прежде всего в виду его дипломатическую деятельность в 1944 – конце 1940-х гг. Тогда формировалась и утверждалась система политико-правовых отношений между Центром и республиками в области международных отношений. Позднее на посту министра А. Громыко умело выражал интересы своей родной сверхдержавы, мастерски ведя дела с Западом в годы конфронтации и разрядки. Республикам, в том числе и в первую очередь двум членам ООН, в его большой политике места не было. Это соответствовало духу и букве времени, требовавших концентрации усилий в руках союзного Центра [19, с 154–155].

Вопрос о руководстве, согласовании и координации действий делегаций СССР, УССР, БССР, как и других социалистических стран в ООН со стороны союзного МИД касается более широкой проблемы «союзные республики и советская дипломатия», которая стала предметом исследований белорусских ученых с начала 1990-х гг. При разработке данной темы исследователи неизменно упираются в проблему зависимости и самостоятельности делегаций УССР и БССР от общесоюзной делегации. Исходя из исключительного характера советской федерации унитарного типа и присущего ей авторитаризма эта проблема разрешалась в пользу зависимости республик от союзного центра. В статье этот тезис доказывается ссылками на директивы Политбюро ЦК ВКП(б) и другие руководящие указания партийно-государственного руководства СССР и союзного МИД. В более поздние времена (с середины 1950-х гг. до начала перестройки) в закрытых, а ныне рассекреченных документах МИД СССР руководящая и координирующая роль союзного МИД не подчеркивалась и почти не озвучивалась. С другой стороны, белорусский МИД всегда отмечал руководящее начало со стороны ЦК КПСС и Советского правительства, что было менее выражено в документах украинского МИД. Это дает основание говорить об определенном и даже немалом различии в дипломатических стилях и программных дискурсах БССР и УССР [20].

Источники и литература

1. Громыко, А. А. Памятное : в 2 кн. / А. А. Громыко. Кн. 1. – М. : Политиздат, 1988. – 479 с.

2. Materski, W. Narodziny ONZ. Idea międzynarodowej organizacji bezpieczeństwa w polityce zagranicznej ZSRR 1941–1945 / W. Materski. –Warszawa : PWN, 1982. – 431 s.

3. Снапкоўскі, У. Е. Ад Думбартон-Окса да Сан-Францыска: этапы ўключэння Беларускай ССР у склад першапачатковых членаў Арганізацыі Аб’яднаных Нацый / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь в геополитических процессах XX-начала XXI в.: Сборник научных статей / редкол.: А. А. Коваленя (гл.ред) [и др.] – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 162–178.

4. Снапковский, В. Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии / В. Е. Снапковский. – Минск: Право и экономика, 2021. – 318 с.

5. Снапковский, В. Е. О дипломатическом мастерстве и стиле министра иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселева / В. Е. Снапковский // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XX Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 октября 2021 г. / редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2021. – С. 64–73.

6. Sawczuk, K. The Ukraine in the United Nations Organization. Study in Soviet Foreign Policy, 1944–1950 / K. Sawczuk. – New York and London : Columbia University Press, 1975. – 160 p.

7. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі: 1944–1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – 207 с.

8. Белорусская ССР в ООН: документы и материалы (1945–1970 гг.) / сост. В. Е. Снапковский. – Минск, БГУ, 2025. – 447 с.

9. Тихонов, О. От подручных к суверенным / О. Тихонов // Неман. – 1991. – № 10. – С. 123–132.

10. Киселев, К. В. Записки советского дипломата / К. В. Киселев. –М. : Политиздат, 1974. – 527 с.

11. РГАСПИ. – Ф. 82. Оп. 2. Д. 1079.

12. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў. У 4 т. Т. 4 (4 ліпеня 1944 г. – 25 жніўня 1991 г.) / склад: А. Ф. Вялікі, У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа; рэдкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск: Юніпак, 2015. – 448 с.

13. РГАСПИ. – Ф. 82. Оп. 2. Д. 1087.
14. РГАСПИ. – Ф. 82. Оп. 2. Д. 1082.
15. Архив МИД Украины. – Ф.1. Оп. 3. Д. 3754б.
16. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 6: 1976 г. – верасень 1991 г. / Склад.: У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа; Рэдкал.: М.М.Хвастоў (старшыня) і інш.]. – Мінск : БДУ, 2003. – 333 с.
17. Снапковській, В. Зовнішньополітична діяльність Білоруської РСР (1944-1991) в документах білоруських, російських і українських державних і дипломатичних архівів / В. Снапковській // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: Збірка наукових праць. – Київ : Інстітут історіі Україні НАН Україні, 2017. – С. 50–71.
18. РГАНИ. – Ф. 89. Оп. 19. Д. 44.
19. Снапковский, В. Е. Внешнеполитический механизм советского федеративного государства и союзные республики / В. Е. Снапковский // Международные отношения: актуальные проблемы истории и современный этап трансформации : сборник научных статей / редкол. : Ал. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – С. 147–157.
20. Снапковский, В. Е. Внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР и Украинской ССР в составе СССР: общее и особенное / В. Е. Снапковский // Советский опыт. Взгляд из XXI века: К 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик: Сб. статей. Сост. С. А. Третьяк, Н. В. Селюкина. – М., Минск : Фонд «Ист. память», 2023. – С. 173–191.

УДК 327.36:061.3(438)“1948”

Л. А. Козік
Філіял Расійскага дзяржаўнага
сацыяльнага ўніверсітэта ў г. Мінску

СУСВЕТНЫ КАНГРЭС ІНТЭЛЕКТУАЛАЎ У АБАРОНУ МІРУ 1948 ГОДА Ў ВРОЦЛАВЕ ЯК ПАЧАТАК ПАСЛЯВАЕННАГА РУХУ ПРЫХІЛЬНІКАЎ МІРУ

Ва ўмавах пачатку «халоднай вайны» ў Польшчы паўстала ідэя правесці ў г. Вроцлаве Сусветны кангрэс інтэлектуалаў у абарону міру. Арганізатары імкнуліся надаць плануемаму мерапрыемству надпартыйны характар і запрасіць да ўдзелу ў ім сусветна вядомых дзеячаў навукі і культуры. У працы кангрэса (25–28 жніўня 1948 г.) прынялі ўдзел каля 500 дэлегатаў з 45 краін. Нягледзячы на канфлікты, якія ўзніклі падчас мерапрыемства, на ім быў створаны Міжнародны камітэт сувязі інтэлектуалаў у абарону міру, які фактычна запачаткаваў міжнародны рух прыхільнікаў міру.

Пасля заканчэння Другой сусветнай вайны былыя саюзнікі па Антыгітлераўскай кааліцыі ўсё больш разыходзіліся ў пытанні пасляваеннага ладу. Напружанне ў адносінах нарастала, што ў рэшце рэшт прывяло да «халоднай вайны». Яе пачатак даследчыкі бачаць як у прамове 5 сакавіка 1946 г. брытанскага прэм’ер-міністра У. Чэрчыля ў Фултане, так і ў савецкай рэакцыі на яе, якая знайшла адлюстраванне ў інтэрв’ю І. В. Сталіна газеце «Праўда» 14 сакавіка 1946 г. Савецкі лідар фактычна інтэрпрэтаваў прамову Чэрчыля як заклік да вайны з СССР [1, с. 228]. Далейшыя падзеі сведчылі толькі аб нарастанні канфлікту. Прапанаваны амерыканцамі план Баруха па ўсталяванні міжнароднага кантроля над атамнай энергіяй (1946), а потым план Маршала (1947) па аказанні дапамогі ў аднаўленні разбуранай Еўропы выклікалі востра негатыўную рэакцыю з боку СССР.

У верасні 1947 г. у г. Шклярская Парэмба (Польшча) адбыўся сход прадстаўнікоў 9 еўрапейскіх камуністычных партый, па выніках працы якога было створана Камуністычнае

інфармацыйнае бюро (Камінфарм). На пасяджэнні, якое адбылося 25 верасня, з ацэнкай міжнароднай сітуацыі выступіў прадстаўнік УКП(б) А. А. Жданаў. Ён адзначыў, што ў пасляваенны час склаліся два лагеры: «лагер імперыялістычны і антыдэмакратычны», вядучай сілай якога выступаюць ЗША, і «лагер антыімперыялістычны і дэмакратычны» на чале з СССР. Жданаў сцвярджаў, што ЗША праводзяць экспансіянісцкую палітыку, імкнуцца закабаліць Еўропу, пра што, на яго думку, сведчаць дактрына Трумана і план Маршала. Фактычна ён праводзіў паралелі паміж Злучанымі Штатамі і нацысцкай Германіяй. Даўшы ацэнку міжнароднай сітуацыі, Жданаў заявіў, што галоўнай задачай знешняй палітыкі Савецкага Саюза з'яўляецца супрацiўленне «спробам імперыялістычнай экспансіі» і барацьба за трывалы мір, а таму ўсе кампартыі павінны праводзіць палітыку ў падтрымку савецкіх ініцыятыў [2, с. 156, 157, 158, 164, 300].

Лічыцца, што менавіта выступленне А. А. Жданава падштурхнула да з'яўлення ідэі правесці ў Польшчы сусветны кангрэс інтэлектуалаў у абарону міру, тым больш што досвед арганізацыі падобнага мерапрыемства быў з даваенных часоў (Кангрэс дзеячаў культуры ў абарону міру быў праведзены ў 1936 г. у Львове – Л. К.) [3, s. 5]. Сведкі падзей, як і польскія даследчыкі, разыходзяцца ў меркаванні, хто быў сапраўдным ініцыятарам правядзення міжнароднай сустрэчы. Адны лічаць, што сігнал прыйшоў з Масквы, іншыя пераконваюць, што вясной 1948 г. з такой ідэяй выступіў польскі камуністычны і грамадскі дзеяч Е. Барэйша [4, s. 103–104; 5, s. 158–159]. У сваю чаргу расійская даследчыца Н. І. Ягорава, абапіраючыся на архіўныя дакументы, даводзіць, што на этапе падрыхтоўкі кангрэса савецкі бок быў малаактыўны і па стане на 23 чэрвеня 1948 г. не меў цвёрдай пазіцыі ў пытанні ўдзелу сваёй дэлегацыі ў яго працы [6, с. 47]. Фактычна яна пацвярджае, што сустрэча была ініцыявана польскім бокам.

Вроцлаў як месца правядзення кангрэса быў абраны не выпадкова. Да вайны гэта быў нямецкі Брэслаў, які па рашэнні Пацдамскай канферэнцыі разам з іншымі так званымі «вернутымі землямі» апынуўся ў складзе Польшчы. Меркавалася, што на прыкладзе гэтага горада прадстаўнікі розных краін свету зразумеюць польскі характар горада і яго культуры, пабачаць поспехі ў працэсе пасляваеннага аднаўлення рэспублікі і інтэграцыі ў яе заходніх тэрыторый, што станоўча адаб'ецца на міжнароднай пазіцыі дзяржавы [5, s. 160].

Пасля вайны Польшча апынулася ў сферы ўплыву СССР, што магло стаць перашкодай на шляху шырокай міжнароднай прысутнасці на кангрэсе. Уяўляецца, што менавіта з гэтай прычыны ў кветні 1948 г. фармальным ініцыятарам правядзення з'езда выступіў Французска-польскі арганізацыйны камітэт, які быў створаны падчас сустрэчы прадстаўнікоў навукі і культуры абедзвюх краін у польскай амбасадзе ў Парыжы [5, s. 160]. Польскі даследчык Я. Слюсарчык прапануе, праўда, іншае тлумачэнне такой сітуацыі. Ён лічыць, што вызначальнымі фактарамі супрацоўніцтва Польшчы і Францыі было іх суседства з Германіяй, існаванне цесных сувязей у даваенны перыяд і супольны негатыўны гістарычны досвед, звязаны з экспансіяй мілітарызму, а потым нямецкага нацызму [2, s. 26].

У склад Французска-польскага арганізацыйнага камітэта, генеральным сакратаром якога абралі Е. Барэйшу, з французскага боку ўвайшлі вучоныя Ірэна і Пётр Жоліа-Кюры, пісьменнікі Жорж Дуамель, Жульен Бенда, Арман Салакру, архітэктар Шарль Ле Карбюз'е, мастакі Пабла Пікаса і Фернан Лежэ, акторы Жан-Луі Баро, Мадлен Рэно і іншыя. Польскую частку прадстаўлялі вучоныя Тадэвуш Катарбіньскі, Тадэвуш Лер-Сплавіньскі, Казімеж Айдукевіч, Вацлаў Сярпіньскі, скульптары Францішак Стрынкевіч, Ксаверый Дунікоўскі, рэжысёр Леон Шылер, кампазітар Раман Палестэр, пісьменнікі Яраслаў Івашкевіч, Ян Парандоўскі, Соф'я Налкоўская, Марыя Дамброўская, Леон Кручкоўскі, Антоні Слонімскі і іншыя [5, s. 161; 7, s. 137]. Заўважым, што не ўсе згаданыя дзеячы былі звязаныя з камуністычным рухам і гэта было невыпадкова. Арганізатары імкнуліся надаць кангрэсу надпартыйны характар, падкрэсліць, што яго галоўная задача – не дапусціць пачатку новай вайны. З гэтай прычыны было вырашана не запрашаць на мерапрыемства Прэзідэнта Польскай Рэспублікі Б. Берута [5, s. 161].

У ліпені 1948 г. у Польшчы пачалася падрыхтоўчая праца па арганізацыі работы кангрэса. Было вырашана, што ў мерапрыемстве прымуць удзел 500 дэлегатаў. Польскаму боку было важна запрасіць на кангрэс найбольш вядомых інтэлектуалаў. Барэйша спецыяльна ездзіў у ЗША, каб сустрэцца з А. Эйнштэйнам, У. Ліпманам, М. Шагалам, які ў той час быў у Амерыцы, і запрасіць іх у Вроцлаў. Дарэчы, яго заслугай стала і атрыманне згоды П. Пікаса на ўдзел у працы кангрэса. Характарызуючы працэс вызначэння гасцей, варта адзначыць і той факт, што камуністычныя партыі розных краін імкнуліся ўплываць на выбар кандыдатаў, каб выключыць са складу дэлегацый выразна антысавецкіх ці праамерыканскіх дзеячаў [7, s. 137–139].

Сусветны кангрэс інтэлектуалаў у абарону міру[2] праходзіў у Вроцлаве 25–28 жніўня 1948 г. У яго працы прымалі ўдзел каля 500 дэлегатаў з 45 краін. У Прэзідыум кангрэса ўвайшлі фізік, прафесар Ірэна Жоліа-Кюры (Францыя), генеральны дырэктар ЮНЕСКА Джуліан Хакслі (Вялікабрытанія), пісьменнікі Аляксандр Фадзееў (СССР) і Марцін Андэрсан Нэксё (Данія), мастак Ренато Гутуза (Італія). Генеральным сакратаром кангрэса быў абраны Е. Барэйша.

Адкрыў пасяджэнне старшыня Польскага арганізацыйнага камітэта, пісьменнік Я. Івашкевіч. На другі дзень кангрэса былі запланаваны выступленні савецкага пісьменніка А. А. Фадзеева на тэму «Навука і культура ў барацьбе за мір», брытанскага філосафа О. Стэплдона «Мір і культура», польскага сацыёлага Ю. Халасіньскага «Вайна і свабода развіцця нацыянальных культур», французскага заолага і грамадскага дзеяча М. Прэнана на тэму «Міжнароднае культурнае супрацоўніцтва» [7, s. 147].

Калі першы дзень кангрэса праходзіў у спакойнай і міралюбівай атмасферы, то на другі дзень сітуацыя змянілася. Прычынай гэтага стала выступленне А. А. Фадзеева. Справа ў тым, што перад выездам у Польшчу савецкай дэлегацыі[3] былі даведзены дырэктыўныя ўстаноўкі, вызначаныя на пасяджэнні Палітбюро ЦК УКП(б) 14 жніўня 1948 г. У іх адзначалася, што «асноўная задача савецкай дэлегацыі заключаецца ў тым, каб накіраваць работу Міжнароднага кангрэса дзеячаў культуры і яго рашэнні на мабілізацыю прагрэсіўных сіл інтэлігенцыі для барацьбы супраць агрэсіўнай палітыкі амерыканскага імперыялізму і яго планаў закабалення Еўропы» [9]. Савецкія прадстаўнікі былі абавязаны падкрэсліваць «кіруючую ролю Савецкага Саюза ў абароне міру, незалежнасці народаў, дэмакратыі і культуры…» [9].

Зыходзячы з атрыманых дырэктыў, А. А. Фадзееў адразу пачаў з крытыкі заходніх краін. Фактычна паўтараючы тэзісы А. А. Жданава на пасяджэнні Камінфарма ў верасні 1947 г., ён заявіў, што пасля вайны склаліся два лагеры: «лагер дэмакратычны, антыфашысцкі, антыімперыялістычны на чале з Савецкім Саюзам і лагер антыдэмакратычны, рэакцыйны, імперыялістычны, завадатарам якога з'яўляюцца правячыя колы ЗША» [10, с. 2]. Пры гэтым, па меркаванні Фадзеева, такая «лінія падзелу праходзіць унутры кожнай капіталістычнай краіны, кожнага горада і населенага пункта…» [10, с. 2].

Апісваючы капіталістычны лагер, выступоўца ставіў знак роўнасці паміж заходнімі краінамі і нацысцкай Германіяй, абвінавачваў улады ЗША ў правядзенні экспансіянісцкай

---

[2] У савецкай, а потым і расійскай гістарыяграфіі гэтая сустрэча атрымала назву Сусветны кангрэс дзеячаў культуры ў абарону міру. На наш погляд, такая назва з'яўляецца недакладнай, бо сярод удзельнікаў сустрэчы было шмат прадстаўнікоў навукі, грамадскіх дзеячаў, а таму аўтар свядома карыстаецца польскім і англамоўным варыянтам назвы дадзенага мерапрыемства.

[3] У яе склад увайшлі генеральны сакратар Саюза савецкіх пісьменнікаў А. А. Фадзееў (кіраўнік дэлегацыі), акадэмікі І. І. Мешчанінаў, І. П. Бардзін, Я. В. Тарле, А. У. Палладзін, пісьменнікі М. А. Шолахаў, Л. М. Лявонаў, І. Р.Эрэнбург, А. Е. Карняйчук, М. Турсун-Задэ, Самед Вургун, А. Венцлава, журналіст Д. І. Заслаўскі, кампазітар Ц. М. Хрэннікаў, кінарэжысёры У. І. Пудаўкін, М. Э. Чыяурэлі, народны мастак СССР А. М. Герасімаў [8]

палітыкі і арганізацыі новай вайны, гаварыў пра «паход рэакцыі супраць прагрэсіўнай ідэалогіі», згадваў арышты і знаходжанне ў турме некаторых амерыканскіх дзеячаў культуры [10, с. 2].

Фадзееў крытыкаваў амерыканскую культуру, мастацтва і літаратуру за тое, што яны «ўбіваюць у галовы людзей» ідэю «сусветнага панавання амерыканскіх манапалістаў», прапагандуюць мілітарызм, новую імперыялістычную вайну, накіраваную перш за ўсё супраць СССР, прапаведуюць адмаўленне грамадскай дзейнасці чалавека, робяць акцэнт на асацыяльных момантах і імкнуцца пазбавіць чалавека яго волі [10, с. 2]. У выказваннях выступоўцы выразна бачылася адсылка да сацрэалізму і яго супрацьпастаўлення літаратурным тэндэнцыям у заходнееўрапейскай і амерыканскай літаратуры.

Фадзееў не выбіраў выразы, калі абвінавачваў асобных дзеячаў культуры ў супрацоўніцтве з імперыялістычнымі ўладамі: «Гэтыя выродкі імкнуцца пазбавіць чалавека магчымасці разумна думаць. Яны выконваюць замову сваіх гаспадароў, якія толькі і мараць пра тое, каб ператварыць працоўных у робатаў» [10, с. 2]. Да здзіўлення прысутных «шакаламі» былі названыя сусветна вядомыя Ж.-П. Сартр, Т.Эліёт, Г. Мілер, А. Мальро.

Пасля такой ацэнкі пасляваеннага развіцця культуры Фадзееў адзначыў, што «ўсе перадавыя дзеячы сапраўднай, аўтэнтычнай культуры дэмакратыі, натхнёныя прыкладам краіны сацыялізму, павінны аб'яднацца і павесці непрымірымую, актыўную, дзейсную барацьбу супраць тых, каго І. В. Сталін закляймiў як выродкаў роду людскога» [10, с. 2]. Відавочна, што цэнтрам прыцяжэння такіх сіл выступаў СССР.

Для шматлікіх гасцей кангрэса выступленне ў такім тоне стала нечаканасцю і выклікала шок. Прадстаўнікі французскай дэлегацыі, калі пачулі выказванні пра Сартра, які лічыўся маральным аўтарытэтам у Францыі, знімалі навушнікі, застывалі ў нерухомасці, абменьваліся разгубленымі поглядамі. Падчас абмеркавання даклада А. А. Фадзеева найбольш востра выказаўся прафесар А. Тэйлар з Оксфардскага ўніверсітэта, які заявіў, што задачай інтэлектуалаў з'яўляецца прапаганда талерантнасці і згоды, а не нянавісці. Ён падкрэсліў, што параўнанне амерыканскай дэмакратыі з фашызмам з'яўляецца недапушчальным [4, s. 106]. Яго падтрымалі англійскі філосаф і паэт О. Стэплдон і генеральны дырэктар ЮНЕСКА Д. Хакслі.

Аднак на дыскусіі справа не спынілася. Некаторыя дэлегаты, як, напрыклад, англічане Д. Хакслі, А. Тэйлар, Р. Х'юз, француз Ф. Лежэ і іншыя, пакінулі залу кангрэса і ў той жа дзень вярнуліся на радзіму. Е. Барэйша спрабаваў уратаваць сітуацыю. Пры пасрэдніцтве французскай журналісткі Д. Дэсанці ён ажыццяўляў ціск на І. Жоліа-Кюры, якая разглядала магчымасць пакінуць кангрэс. Рашэнне застацца яна прыняла толькі пасля тэлефоннай размовы з мужам [7, s. 148]. Акрамя гэтага Барэйша звярнуўся да члена Палітбюро ППР Я. Бермана з просьбай звязацца з Масквой і паўплываць на пазіцыю савецкай дэлегацыі. Пасля тэлефоннай размовы Бермана з міністрам замежных спраў СССР В. М. Молатавым сітуацыя выправілася. З Масквы прыйшлі новыя дырэктывы [11, s. 365], пра што сведчыла выступленне І. Эрэнбурга на наступны дзень кангрэса.

Чарговым выпрабаваннем для арганізатараў стала зачытанне адозвы А. Эйнштэйна да ўдзельнікаў кангрэса. У ёй прапаноўвалася стварыць наддзяржаўную арганізацыю, якая б займалася кантролем узбраення. Ідэя вучонага ў значнай ступені супадала з планам Баруха, які яшчэ ў 1946 г. праз вета СССР быў адхілены на пасяджэнні Рады Бяспекі ААН. Зыходзячы з гэтага факта, а таксама з агульнай ацэнкі міжнароднай сітуацыі, было вырашана зачытаць толькі ліст Эйнштэйна, у якім ён дзякаваў за запрашэнне на кангрэс. У знак пратэсту супраць гэтага прадстаўнік вучонага ў Вроцлаве – Отта Натан – пакінуў мерапрыемства. Пазней Эйнштэйн апублікаваў тэкст сваёй адозвы ў «New York Times», дадаўшы крытычны каментар на тэму міжнародных сустрэч інтэлектуалаў [5, s. 167].

Па выніках работы кангрэса планавалася прыняць рэзалюцыю, праект якой быў загадзя падрыхтаваны. Па задуме Барэйшы яна павінна была стаць падмуркам для аб'яднання ідэалагічна і палітычна розных дзеячаў навукі і культуры ў барацьбе за мір. Аднак

сітуацыя пасля выступлення А. А. Фадзеева, замоўчванне адозвы А. Эйнштэйна паказала адсутнасць адзінства сярод дэлегатаў. З гэтай прычыны арганізатары мерапрыемства змякчылі тон рэзалюцыі, каб большасць прысутных станоўча прагаласавалі за яе. Нягледзячы на гэты крок, шэраг прадстаўнікоў амерыканскай, англійскай, швейцарскай дэлегацый прагаласавалі супраць [4, s. 109; 5, s. 169–171].

Падчас падрыхтоўкі кангрэса абмяркоўвалася пытанне аб стварэнні Міжнароднай узнагароды міру. Польскі даследчык Е. Красуцкі піша, што з цягам часу ў польскіх кіруючых колах з'явілася думка надаць ёй імя І. В. Сталіна, аднак Барэйша выступіў супраць гэтага, бо лічыў ідэю недарэчнай [5, s. 172]. Можна пагадзіцца з выказаным аўтарам дапушчэннем, што інфармацыя пра такое стаўленне галоўнага арганізатара мерапрыемства стала вядомая ў Маскве, бо ў дырэктыве для савецкай дэлегацыі было пазначана: «Выступіць з прапановай адкласці пытанне аб заснаванні Кангрэсам прэмій міру… у сувязі з яго непадрыхтаванасцю» [9]. Магчыма, з гэтай прычыны прэмія так і не была заснавана на кангрэсе ў Вроцлаве.

Нягледзячы на разыходжанні ў поглядах дэлегатаў, на Вроцлаўскім кангрэсе быў створаны Міжнародны камітэт сувязі інтэлектуалаў у абарону міру з сядзібай у Францыі. Перад ім ставілася задача дбаць пра рэалізацыю рашэнняў кангрэса, у тым ліку шляхам знаходжання сродкаў [3, s. 31] У склад Міжнароднага камітэта ўвайшлі французы Ф. Жоліа-Кюры і Л. Арагон, ад СССР А. А. Фадзееў і філосаф, галоўны рэдактар часопіса «Большевик» П. М. Федасееў, амерыканцы П. Робсан, Г. Фаст, А. Кан, чылійскі паэт П. Неруда, Х. Хіраль (ад рэспубліканскай Іспаніі), Я. Дэмбоўскі і Е. Барэйша ад Польшчы [6, с. 48–49; 12].

Падводзячы высновы, трэба адзначыць, што Сусветны кангрэс інтэлектуалаў у абарону міру ў Вроцлаве стаў першай маштабнай міжнароднай спробай аб'яднання прадстаўнікоў розных ідэалагічных поглядаў. Відавочна, што намаганні арганізатараў зрабіць сустрэчу апалітычнай, арыентаванай у першую чаргу на пытанне недапушчэння новай вайны, пацярпелі паразу. Ва ўмовах «халоднай вайны» і нарастання міжнароднай напружанасці, актывізацыі прапаганды рознымі палітычнымі бакамі гэта было немагчыма. Разам з тым, досвед польскага боку быў выкарыстаны савецкім кіраўніцтвам ужо ў наступным 1949 годзе, калі па ініцыятыве ў тым ліку створанага ў Вроцлаве Міжнароднага камітэта сувязі інтэлектуалаў у абарону міру быў праведзены першы Міжнародны кангрэс прыхільнікаў міру.

Крыніцы і літаратура

1. Раева, Т.В. Против огня войны: риторическое оформление советского миротворчества / Т. В. Раева // Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 : коллект. монография / [науч. ред, рук. авт. коллектива О. С. Нагорная]. – М. : Политическая энциклопедия, 2028. – С. 228–239.

2. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 800 с.

3. Ślusarczyk, J. Ruch obrońców pokoju w latach 1948–1989. Kompendium / J. Ślusarczyk. – Warszawa : ISP PAN, 1996. – 163 s.

4. Bikont, A. Lawina i kamienie. Pisarze wobec komunizmu / A. Bikont, J. Szczęsna. – Warszawa : Prószyński i S-ka, 2006. – 584 s.

5. Krasucki, J. Międzynarodowy komunista. Jerzy Borejsza – biografia polityczna / J. Krasucki. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. – 324 s.

6. Егорова, Н. И. «Народная дипломатия» ядерного века : Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы / Н. И. Егорова. – М. : Аквилон, 2016. – 320 с.

7. Woźniczka, Z. Wrocławski Kongres Intelektualistów w Obronie Pokoju / Z. Woźniczka // Kwartalnik Historyczny. – 1987. – Nr 2. – S. 131–157. – URL: https://rcin.org.pl/ihpan/dlibra/publication/25005/edition/16547?language=pl (дата обращения: 08.02.2026).

8. Конгресс деятелей науки и культуры // Литературная газета. – 25 августа 1948 г. – № 68. – С. 1. – URL: https://api.electro.nekrasovka.ru/api/books/6157496/pages/1/img/ original (дата обращения: 14.02.2026).

9. Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об участии на международном конгрессе деятелей культуры в защиту мира». – URL: https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69459 (дата обращения: 14.02.2026).

10. Наука и культура в борьбе за мир, прогресс и демократию. Доклад тов. А. Фадеева на Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве 25 августа // Литературная газета. – 29 августа 1948 г. – № 69. – С. 2–3. – URL: https://opac.nekrasovka.ru/books/NEWSPAPERS/LG/1948/LG_1948_069.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

11. Torańska, T. Oni / T. Torańska. – Warszawa : ISKRY, 2004. – 559 s.

12. Закрытие Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира // Советская Белоруссия. – 31 августа 1948 г. – № 173. – С. 4.

УДК 930(430:410:73)«1945-200»

И. И. Ковяко
Белорусский государственный университет

SIC PARVIS MAGNA: РАЗВИТИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена изучению эволюции источниковой базы исследований послевоенной Германии и германского вопроса в Великобритании и США. Определены основные виды источников, которые использовались авторами с середины 1940-х гг. до начала XXI в. Выявлены основные факторы, которые оказали влияние на постепенное увеличение объема и изменение характера данных. Сделан вывод о прямой зависимости между получением доступа к широкому кругу новых источников и пересмотром прежних оценок и выводов в англо-американской историографии.

Источниковая база имеет определяющее значение в организации и проведении исторического исследования. От полноты и разнообразия источников во многом зависит объективность полученных научных результатов. В историографии нередки случаи, когда обнаружение новых документов спустя десятилетия или даже столетия приводило к существенному пересмотру прежних оценок и выводов. Историческая германистика в Великобритании и США после Второй мировой войны в полной мере продемонстрировала этот феномен. Исследователи, которые начинали работу в условиях ограниченного и во многом однообразного источникового поля, создали платформу для дальнейшего развития исследований и формирования тематической историографии. Вместе с тем предложенные ими оценочные суждения и умозаключения оказались существенно пересмотрены в конце XX в.

Германская проблема занимала важное место в англо-американской послевоенной историографии. Принимая во внимание прагматизм и прикладной характер исследований в рамках данной научной традиции, отметим, что это было напрямую связано с высокой важностью Германии во внешней политике Вашингтона и Лондона. Исследования не только отражали борьбу мнений либо единодушие правящей элиты по определенному вопросу, но также предлагали экспертный взгляд на решение актуальных проблем. В связи с этим потребность в профессиональном анализе германского вопроса возникла в Великобритании и США уже на заключительном этапе Второй мировой войны.

Проведение тематических исследований в первое послевоенное десятилетие было сопряжено со многочисленными трудностями, не последнее место среди которых имела

ограниченная источниковая база. Анализ тематических публикаций британских и американских авторов демонстрирует преимущественное использование источников национального происхождения. В первую очередь, это отдельные материалы Контрольного совета, документы военных администраций в Германии (Управление военного правительства США OMGUS, Управление верховного комиссара американской зоны оккупации HICOG, Департамент армии США и др.), публикации Государственного департамента США, Комитета Сената США по внешней политике, Форин офис и британского парламента [1; 2; 3]. Доступ к этим источникам позволял проводить исследования в области оккупационной политики Великобритании и США в рамках закрепленных зон. Наиболее актуальными темами стали денацификация и наказание военных преступников, экономическое положение Германии, социальные преобразования. Небольшим подспорьем являлись публикации международных структур, которые работали в послевоенной Германии. К их числу следует отнести, в первую очередь, Красный Крест, материалы которого использовались при проведении исследований гуманитарной ситуации, проблем беженцев и перемещенных лиц, Международный военный трибунал, а также ООН [4; 5].

Тематическая историография на данном этапе переживала период формирования, количество монографий оставалось ограниченным [6; 7; 8; 9]. Исследователи в основном опирались на публикации коллег, а также практиков (дипломатов, военных, экономистов и др.) в сборниках и научных журналах. Большим авторитетом и влиянием пользовались издания американского Совета по международным отношениям «Форин Афферс» и британского Королевского института международных отношений «Интернэшнл Афферс». Широкое применение находили публикации на страницах СМИ, в первую очередь «Таймс», «Файнэншл Таймс», «Нью-Йорк Таймс», «Чикаго Трибьюн» и др. При проведении исследований использовались опубликованные мемуары и аналитические работы британских и американских официальных лиц: Дж. Бирнса, Л. Клея, Г. Трумэна, Г. Моргентау, Дж. Уорберга [10; 11].

После создания ФРГ (1949 г.) заметно расширилось использование источников западногерманского происхождения. Уже в начале 1950-х гг. авторы из Великобритании и США получили возможность заказывать копии архивных документов из ФРГ в местные библиотеки. В библиографических списках 1950-х–1960-х гг. можно обнаружить документы Федерального министерства по общегерманским делам, земельных правительств, ведущих политических партий ФРГ, материалы немецких СМИ [2; 12; 13]. Впоследствии стали привлекаться мемуары политических деятелей ФРГ, в первую очередь, К. Адэнауэра и В. Брандта, анализировались и включались в библиографические списки многочисленные публикации западногерманских коллег.

Однообразное происхождение источников не располагало к проведению комплексных исследований. Авторы сосредоточились на изучении политики национальных правительств в отношении Германии, не учитывая в должной мере позицию других государств четверки. Вместе с тем формулировки документов, принятых на Ялтинской и Потсдамской конференции, предусматривали решение германской проблемы исключительно на четырехсторонней основе. С этой точки зрения, экспертный анализ первого послевоенного десятилетия не способствовал выработке конструктивного решения в пользу германского единства, скорее, ориентировал на закрепление границ влияния Великобритании и США в Германии. Большое влияние на развитие исследований оказала холодная война и острое идеологическое противостояние с СССР. Это не только лишило исследователей возможности доступа к советским источникам и публикациям, но также способствовало распространению в англо-американской историографии односторонних оценок и поспешных выводов. Впоследствии, по мере расширения источниковой базы германских исследований и нормализации международной ситуации, некоторые из них подверглись пересмотру и утратили актуальность.

Развитию источниковой базы германских исследований в Великобритании и США во многом способствовала международная разрядка, дух которой стал ощутим со

второй половины 1960-х гг. На фоне потепления в отношениях сверхдержав и развития активного диалога между Востоком и Западом исследователи стали чаще обращаться к источникам советского и восточногерманского происхождения, наблюдался интерес к сравнительным исследованиям в области истории ФРГ и ГДР. Главным образом, это были публикации в советских и восточногерманских периодических изданиях «Правда», «Известия», «Нойес Дойчланд», которые содержали тексты документов, выступлений официальных лиц, а также аналитику, позволяющую лучше понять мотивы и цели СССР в Германии. Отдельными авторами использовались также материалы съездов политических партий – КПСС и СЕПГ, которые содержали официальную информацию и позиции социалистических стран в отношении международных проблем. Интерес исследователей вызывали публикации мемуарного характера авторства советских и восточногерманских официальных лиц – Н. С. Хрущева, Г. К. Жукова, Л. И. Брежнева, В. Ульбрихта. Эта тенденция не утратила своей актуальности и в 1980-х гг. несмотря на изменение международной ситуации и новый виток холодной войны [14; 15; 16]. Нельзя сказать, что источники социалистического происхождения, которые использовались западными авторами, отличались многочисленностью и разнообразием. Однако сам факт их появления в библиографических списках диссертаций и монографий свидетельствовал о стремлении авторов всесторонне проанализировать германскую тематику и изучить аргументы и позицию оппонентов «по ту сторону» Берлинской стены.

В 1970-х – 1980-х гг. в Великобритании и США стремительно возросло количество исследований, посвященных послевоенной Германии и германскому вопросу. С одной стороны, это было обусловлено повышенной актуальностью германской проблемы во внешней политике западных стран. Подписание ФРГ серии восточных соглашений с социалистическими странами в начале 1970-х гг., урегулирование берлинского вопроса, дискуссия о сближении ФРГ с СССР и ГДР на фоне разногласий внутри НАТО в начале 1980-х гг. – все это привлекало внимание как политического руководства США и Великобритании, так и академического сообщества. С другой стороны, в это время происходило открытие многочисленных документов в архивах Великобритании в связи с истечением 30-летнего срока давности. В-третьих, в данный период наблюдалась институционализация исторической германистики: в Лондоне и Вашингтоне начали свою работу Германские исторические институты, которые, в числе прочих направлений работы, предлагали гранты на проведение исследований в ФРГ. Это способствовало дальнейшему развитию тематических исследований, профессиональному общению ученых и поиску новых исторических источников. В данный период наблюдается широкое привлечение данных западногерманского происхождения – от официальных документов до мемуаров и прессы [17; 18; 19]. Расширение источниковой базы способствовало открытию новых научных направлений и развитию академической дискуссии в отношении ранее изученных вопросов. Сохранялся интерес к восточногерманским исследованиям, что сопровождалось дальнейшим расширением круга источников за счет документов и материалов социалистического происхождения [20; 21; 22]. Одновременно значительно увеличился объем тематической историографии, что позволяло учитывать опыт предыдущих поколений исследователей и разрабатывать новые перспективные направления.

Настоящий прорыв в исторической германистике Великобритании и США произошел в связи с объединением Германии и распадом СССР. Впервые западные историки получили доступ к огромному массиву ранее недоступных документов из архивов ГДР и СССР. Это позволило подготовить серию работ, посвященных истории Восточной Германии и советской политике по германскому вопросу [23; 24; 25]. О стремительном расширении источниковой базы исследований свидетельствует следующий факт: если в конце 1940-х – начале 1950-х гг. библиографический список диссертаций, представляемых к защите по исторической германистике в университетах Великобритании и США, состоял из 30–50 позиций, то в 1990-х гг. он включал в среднем 250–300 наименований.

В конце XX – начале XXI вв. начался постепенный пересмотр оценочных суждений авторов эпохи холодной войны. Образ СССР был «де-демонизирован», а анализ новых источников свидетельствовал об отсутствии у Москвы четкого плана по включению Германии в советскую зону влияния. Работа британских и американских авторов с альтернативными источниками способствовала проведению первых по-настоящему комплексных исследований и формулировке более объективных выводов. Эта тенденция сохранилась и в XXI в., когда развитие цифровых технологий предоставило исследователям новые возможности, а создание электронных архивов, библиотек, баз данных научных публикаций заметно упростило и ускорило поиск источников по всему миру.

Таким образом, развитие источниковой базы исследований послевоенной Германии и германского вопроса прошло долгий путь: от узкого круга документов и материалов преимущественно национального происхождения до огромного массива зарубежных данных. На начальном этапе расширению источниковой базы исследований способствовало получение доступа к западногерманским материалам, привлечение мемуарной литературы, данных прессы, а международная разрядка стимулировала изучение данных советского и восточногерманского происхождения. Институционализация исследований в Великобритании и США, развитие академического обмена, постепенное открытие материалов западных архивов содействовали дальнейшему росту количества источников, вводимых в научный оборот. Объединение Германии и распад СССР предоставили ученым уникальные возможности обработки и анализа огромного массива новых данных, что содействовало подготовке серии комплексных исследований по исторической германистике в конце XX–XXI вв.

Источники и литература

1. Cowan, M. The Political and Economic Aspects of American Military Government in Germany. MA Thesis / M. Cowan. – Boston : Boston University, 1948. – 168 p.

2. Cate, D. Democracy As Exemplified by the Western Powers and by the Soviet Union in the Reorientation of Youth in Occupied Germany. MA Thesis / D. Cate. – Corvallis : Oregon State University, 1951. – 185 p.

3. Friedland, D. Social Studies in Secondary Schools in Western Germany after World War II. MA Thesis / D. Friedland. – Boston : Boston University, 1957. – 39 p.

4. Dickerman, M. The International Program for Displaced Persons in Germany 1943–48. MA Thesis / M. Dickerman. – Missoula : University of Montana, 1948. – 89 p.

5. Simpson, J. International Law and the Occupation of Germany. PhD Thesis / J. Simpson. – Edinburgh : Edinburgh University, 1951. – 213 p.

6. Hill, R. Struggle for Germany / R. Hill. – New York; London : Harper&Brothers, 1947. – 260 p.

7. Middleton, D. The struggle for Germany / D. Middleton. – Indianapolis : Bobbs-Merill, 1949. – 304 p.

8. Morgenthau, H. Germany is our problem / H. Jr. Morgenthau. – New York; London : Harper&Brothers, 1945. – 239 p.

9. Warburg, J. Germany: key to peace / J. Warburg. – Cambridge, Mass. : Harvard University, 1953. – 344 p.

10. Wilson, L. A Historical Survey of American Military Government in Germany after World War II. MA Thesis / L.Wilson. – Huntsville : Sam Houston State University, 1953. – 142 p.

11. Johnson, J. Soviet Foreign Policy and the Reunification of Germany. MA Thesis / J. Johnson. – Norman : University of Oklahoma, 1957. – 142 p.

12. Fischer, C. The Refugee Problem in Western Germany 1945–1950 with Particular Emphasis on Bavaria. MA Thesis / C. Fischer. – Long Beach : California State University, 1952. – 88 p.

13. Legters, L. East Germany in Revolt, 1949–1953. MA Thesis / L. Legters. – Ann Arbor : University of Michigan, 1956. – 221 p.

14. Schadt, A. The Volkshochschule: a comparative study of adult education in the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic. PhD Thesis / A. Schadt. – Columbus : The Ohio State University, 1970. – 167 p.

15. Bowers, S. The West Berlin issue in the era of superpower detente: East Germany and the politics of West Berlin, 1968–1974. PhD Thesis / S. Bowers. – Knoxville : University of Tennessee, 1975. – 353 p.

16. Neef, G. The Failure of Quadripartite Negotiations for Economic Reform and the Blockade of Berlin: American policy, currency reform and the division of Germany, 1945–48. PhD Thesis / G. Neef. – Cambridge : Cambridge University, 1985. – 487 p.

17. Petzold, T. Conflict or consensus: East Germany, the Soviet Union and Deutschlandpolitik 1958–1984. MA Thesis / T. Petzold. – Monterey : Naval Postgraduate School, 1986. – 240 p.

18. Baldauf, G. F. Implementing flexible response: the US, Germany and NATO conventional forces. PhD Thesis / G. F. Baldauf. – Cambridge, Mass. : MIT, 1987. – 543 p.

19. Wood, L. M. Hallstein doctrine: its effect as a sanction. MA Thesis / L. M. Wood. – Denton : University of North Texas, 1989. – 131 p.

20. Steele, J. Inside East Germany: the state that came in from the cold / J. Steele. – New York : Urizen, 1977. – 256 p.

21. Stent, A. Soviet policy toward the German Democratic Republic / A. Stent // Soviet policy in Eastern Europe / Ed. by S.M. Terry. – New Haven; London : Yale University, 1984. – P. 33–60

22. Childs, D. The German Democratic Republic and the United States // Honecker's Germany / Ed. by D. Childs. – L.: Allen&Unwinn, 1985. – P. 166–191

23. Berger, S. Friendly enemies. Britain and the GDR, 1949–1990 / S. Berger, N. LaPorte. – New York : Berghahn, 2015. – 363 p.

24. Pritchard, G. The making of the GDR, 1945–53. From antifascism to Stalinism / G. Pritchard. – Manchester : Manchester University, 2000. – 244 p.

25. Sarotte, M. Dealing with the devil. East Germany, détente, and Ostpolitik, 1969–1973 / M. Sarotte. – London : University of North Carolina, 2001. – 295 p.

УДК 94:327(437)«196»:94:327.5(540:549)«196»

М. В. Королик
Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМА ИНДО-ПАКИСТАНСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГОДОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В статье на основе нового комплекса источников – опубликованных документов МИД Чехословакии – исследуется участие социалистической державы в урегулировании регионального конфликта эпохи Холодной войны. Предметом анализа является дипломатическая деятельность Праги до и в период индо-пакистанской войны 1965 г. Автор показывает, что Чехословакия, обладая статусом непостоянного члена СБ ООН и тесными связями с Индией, проводила сбалансированную политику, выступая в роли площадки для контактов. Исследование показывает, что влияние малых акторов, хотя и не было решающим, могло быть ситуативным, внося вклад в общий процесс деэскалации.

После окончания Второй мировой войны ускорился распад мировой колониальной системы. Так, Великобритания, потеряла «жемчужину британской короны» – Индию, которая обрела независимость в 1947 г. Вместе с Индией на политической карте

мира появилось и другое новое государство – Пакистан. В отношениях между молодыми независимыми государствами к моменту их образования уже существовал целый ряд острых вопросов, что обусловило неизбежность двустороннего противостояния, первым актом которого стала индо-пакистанская война 1947–1949 гг. На сегодняшний день индо-пакистанский конфликт является одним из самых острых продолжающихся региональных конфликтов. За последние 78 лет произошло три индо-пакистанские войны (1947–1949 гг., 1965 г. и 1971 г.) и несколько крупных пограничных столкновений (1965 г., 1999 г. и 2025 г.), а также множество других локальных вооруженных стычек [1, с. 3]. Поскольку данное противостояние продолжается и по сей день, сохраняется необходимость в поисках путей урегулирования и преодоления противоречий с целью достижения мира в регионе.

Важным эпизодом в рамках этого конфликта стал процесс урегулирования индо-пакистанской войны 1965 г., завершившейся благодаря посредничеству Советского Союза шесть десятилетий назад – 10 января 1966 г. в г. Ташкенте было заключено двустороннее соглашение между Индией и Пакистаном, положившее конец очередному витку эскалации между двумя странами [2]. Исследования этой темы в основном сосредотачивались на изучении хода боевых действий, роли великих держав (Советского Союза и США), участии Великобритании и КНР в данном конфликте. Вместе с тем, изучение роли «малых» акторов в индо-пакистанском урегулировании остается вне поля зрения исследователей. Так, в связи с публикацией в последние годы документов МИД Чехословакии, становится возможным основательно подойти к изучению роли второстепенных акторов мировой политики в условиях Холодной войны [3; 4]. Это позволяет оценить вклад Чехословакии как в урегулирование региональных конфликтов, так и вклад в мировую политику в целом.

Таким образом, данная статья призвана восполнить этот пробел, дополнив существующий нарратив вокруг индо-пакистанского конфликта. Цель статьи – выявить, каким образом Чехословакия участвовала в разрешении индо-пакистанского конфликта 1965 г. Для этого в статье дается краткая характеристика индо-пакистанского противостояния, выделяются ключевые проблемы, требовавшие дипломатического вмешательства, оценивается степень вовлеченности чехословацкой дипломатии в данный конфликт, рассматриваются конкретные шаги, которые предпринимала Прага в рамках этих усилий. Такой анализ призван не только конкретизировать дипломатическую историю индо-пакистанского конфликта, но и на примере Чехословакии дать обоснованную оценку степени влияния «малых» акторов по кризисным вопросам международной политики в эпоху Холодной войны.

В момент образования независимого Пакистана и Индии в 1947 г. британцы предоставили право выбора для местных княжеств, который сводился к следующему: присоединиться к одному из новообразованных государств, либо же остаться подданными Великобритании. Одним из таких княжеств в составе Британской Индии было Джамму и Кашмир. Махараджа Джамму и Кашмира, Хари Сингх, под давлением внутренних событий в княжестве, 26 октября 1947 г. принял решение войти в состав индийского государства [5, с. 97]. Пакистан не признал вхождения княжества в состав Индии главным образом потому, что около 90% жителей региона исповедовали ислам. Таким образом, события вокруг Кашмира, происходившие осенью 1947 г., положили начало затяжному региональному конфликту, который длится по настоящее время.

По результатам первой индо-пакистанской войны 1947–1949 гг., при посредничестве миротворческих сил ООН, Джамму и Кашмир был разделен на две части между Пакистаном и Индией. Однако территориальный вопрос решен не был, и обе стороны попрежнему претендовали на всю территорию княжества, что означало лишь одно – борьба за контроль над спорной территорией снова обострится и выльется в очередной виток эскалации в виде вооруженного столкновения двух держав.

К 1965 г. отношения между Индией и Пакистаном начали стремительно ухудшаться. В начале года интересы Нью-Дели и Исламабада столкнулись на территории Качского Ранна – солончаковой пустоши, расположенной на западе индо-пакистанской границы.

Несмотря на то, что вопросы демаркации западной индо-пакистанской границы были урегулированы на переговорах в 1960 г., планируемое урегулирование границ в Качском Ранне не состоялось [6, с. 658–661]. В конце марта 1965 г. в регионе прошла демонстрация силы со стороны Индии в виде проведения военных маневров. В результате, в апреле 1965 г. между пакистанскими и индийскими войсками произошел ряд вооруженных стычек, которые 24 апреля привели к серьезному боевому столкновению с привлечением значительных военных сил с обоих сторон [7, с. 455–456]. Тем самым, события, произошедшие 24 апреля 1965 г. в Качском Ранне по масштабу боевых действий, являлись наиболее интенсивными с момента прекращения огня в Кашмире в 1949 г. [7, с. 468]. В этих обстоятельствах Великобритания выступила медиатором между Индией и Пакистаном. При непосредственном посредничестве британского премьер-министра Г. Уилсона, который с целью прекращения конфликта напрямую обратился к премьер-министру Индии Л. Б. Шастри и президенту Пакистана М. А. Хану, к 30 апреля 1965 г. между сторонами было достигнуто устное соглашение о прекращении огня, которое было реализовано как мирное соглашение 30 июня 1965 г.

Однако мир между Пакистаном и Индией оказался недолговечным, в начале августа 1965 г. началось стремительное обострение ситуации вокруг спорного Кашмира. По сообщению секретаря индийского МИД, в ночь с 5 на 6 августа 1965 г. более тысячи пакистанских солдат, под видом гражданских, пересекли линию прекращения огня в Кашмире, с целью организации восстания местного населения против индийских властей. Однако, усилия пакистанцев в Кашмире не увенчались успехом: попытка организовать восстание провалилась. Эти факторы обусловили резкое ухудшение двусторонних отношений и обозначили начало нового витка эскалации, ведущего к прямому вооруженному столкновению в регионе. Опираясь на недавний успех индо-пакистанского урегулирования в Качском Ранне, Г. Вильсон 3 сентября 1965 г. обратился к лидерам Индии и Пакистана с призывами к умеренности. Однако обращение британского премьер-министра оказало довольно скромный эффект и уже 6 сентября 1965 г. индийские вооруженные силы осуществили атаку на пакистанскую территорию в направлении города Лахор. В этот же день Г. Вильсон выступил с официальным заявлением, в котором призвал стороны к прекращению огня и подверг критике удар индийской армии вглубь пакистанской территории. В Нью-Дели заявление британского премьер-министра было воспринято крайне негативно и было подвергнуто жесткой критике, что фактически исключило Великобританию из числа возможных медиаторов и сильно ухудшило индо-британские отношения [7, с. 472].

В индо-пакистанской войне 1965 г. роль Советского Союза в урегулировании стала ключевой. Как отмечает британский исследователь Дж. Колман, без одобрения Москвы или согласия Совета Безопасности ООН, было затруднительно оказать соответствующее давление на воюющие стороны и принудить их к миру. В Южной Азии СССР преследовал свои интересы: не допустить усиления роли КНР в регионе, избежать становления Пакистана как полноценного китайского союзника и сателлита, а также намерение избежать крупной войны вблизи своих государственных границ [7, с. 476]. Усилия советской дипломатии были финализированы Ташкентским соглашением, завершившим войну между Индией и Пакистаном.

Таким образом, в индо-пакистанских отношениях существовал комплекс проблем, связанных с территориальной принадлежностью Кашмира. Ситуация осложнялась наличием в регионе интересов крупных геополитических игроков: Советского Союза, КНР, Великобритании и др. Кашмирский вопрос в середине 1960-х гг. сохранял риск интернационализации конфликта и вовлечения третьих стран, например Китая, который наряду с Пакистаном имел ряд территориальных претензий к Индии. Хотя ведущая роль в урегулировании принадлежала СССР, это не исключало пространства для дипломатической активности других государств, заинтересованных в стабильности в регионе, к числу которых принадлежала и Чехословакия.

Кашмирский вопрос занимал особое место в политике Чехословакии в Южной Азии. Кашмир постоянно привлекал внимание чехословацких дипломатов со второй половины 1950-х гг., что четко прослеживается в опубликованных документах. Их анализ позволяет утверждать, что Прага рассматривала Кашмирскую проблему не только как предмет дипломатического наблюдения, но и как потенциальную площадку для демонстрации собственной политической и дипломатической субъектности в рамках социалистического блока. Так, заместитель министра иностранных дел Чехословакии Л. Шимович в своей телеграфной информации для некоторых дипломатических миссий от 2 февраля 1957 г., сообщал о ходе переговоров Дж. Неру с президентом Сирии Ш. Аль-Куатли. В ходе этих переговоров активно обсуждалась роль Пакистана, США и Великобритании в кашмирской проблеме. Чехословацкие дипломаты отмечали, что Дж. Неру удалось заручиться поддержкой Египта, Сирии, Саудовской Аравии и Иордании в ООН в случае нападения Пакистана на Кашмир [3, с. 71–72]. В циркуляре от 4 февраля 1957 г. Л. Шимович сообщал о публичных заявлениях иранских политиков, которые подвергли критике позиции Индии, Сирии и Египта по Кашмиру, что напрямую указывало на отсутствие единства среди исламских государств по данному вопросу [3, с. 73]. 5 июня того же года в Праге, посол Пакистана А. Хусаин в беседе с чехословацким посланником в Карачи Э. Бразда заявил, что позиция СССР по Кашмиру является главной причиной, по которой Пакистан отказывается от развития торговых отношений со странами социалистического лагеря [3, с. 96–97]. Вся эта информация указывает на то, что Чехословакия активно следила за обстановкой в южноазиатском регионе и стремилась отслеживать позиции как можно большего числа акторов для принятия адекватных политических решений по вопросам индо-пакистанских отношений.

Проблема индо-пакистанского урегулирования обнаруживает себя в документах чехословацкой дипломатии середины 1960-х гг. В циркуляре министра иностранных дел Чехословакии В. Давида от 10 февраля 1964 г. представлена позиция Праги в отношении Кашмирского вопроса. Согласно этой позиции, «местные беспорядки» являются внутренним делом Индии и Пакистана, а территориальные споры могут быть решены только мирным путем. Вместе с этим, В. Давид упоминает письмо президента Пакистана М. Айюб Хана первому секретарю ЦК КПЧ А. Новотному. В этом письме разъяснялась позиция Пакистана по Кашмиру и пакистанский лидер выражал надежду на то, что Чехословакия внесет свой вклад в разрешение этой проблемы, учитывая ее статус непостоянного члена Совета Безопасности ООН от государств Восточной Европы на 1964 г. [4, с. 59–60]. Этот эпизод отчетливо говорит о том, что Пакистан рассматривал Чехословакию как потенциального посредника в индо-пакистанском урегулировании, учитывая особый статус Праги в Совете Безопасности ООН в это время. Обращение М. Айюб Хана к А. Новотному также доказывает, что кашмирская проблема активно прорабатывалась в дипломатических кругах Чехословакии задолго до войны 1965 г.

Индия, в свою очередь, также рассматривала Чехословакию как один из возможных каналов урегулирования в индо-пакистанском конфликте. 11–15 июня 1965 г. состоялся визит государственного министра иностранных дел Индии Л. Н. Менон в Чехословакию [8, с. 324]. В ходе переговоров министров иностранных дел двух государств был обсужден целый спектр вопросов международной политики, в том числе индо-пакистанские отношения и проблема Кашмира. Как отмечал заместитель секретаря МИД Чехословакии Й. Тауэр, «визит индийского министра носил дружественный характер», тем самым подтверждая полезность подобных двусторонних переговоров, а также взаимную заинтересованность Индии и Чехословакии в поддержке активных двусторонних отношений [4, с. 182–183]. Подобные контакты между двумя странами также свидетельствовали о том, что Прага активно использовала доступные ей дипломатические каналы и инструменты для аккумулирования информации о состоянии индо-пакистанских отношений, что было особенно ценным накануне начала войны в Кашмире.

В ходе обострения кризиса в августе 1965 г. позиция Чехословакии в отношении этого конфликта в целом осталась неизменной. Согласно информации заместителя министра иностранных дел Чехословакии Т. Питгарта от 27 августа 1965 г., Чехословакия склонялась к поддержке индийской позиции. Вместе с тем, Прага проявляла осторожность в своих публичных высказываниях, стремясь избегать резких заявлений в отношении Пакистана, так как последним в середине 1960-х гг. предпринимались шаги «по улучшению отношений с социалистическими странами» [4, с. 201–202]. С одной стороны, демонстрация подобной аккуратности являлась стремлением сохранить потенциал для сотрудничества с Пакистаном, прежде всего в рамках экономического сотрудничества, а с другой стороны приоритетная поддержка Индии подтверждала про-индийский вектор пражской внешней политики в Южной Азии. Чехословацкая дипломатия продолжила активно следить за развитием событий в Кашмире и 9 сентября 1965 г. Т. Питгарт высказывал серьезную обеспокоенность по поводу растущей интенсивности конфликта, который может перерасти в «масштабную и длительную войну, прекратить которую будет сложно» [4, с. 211]. Подобная оценка чехословацкого дипломата совпадала с оценками коллег как в среде британской дипломатии, так и в советской, что свидетельствует о высоком уровне аналитических возможностей чехословацкой дипломатии и ее глубокой вовлеченности в региональные процессы в Южной Азии. Он также выражал надежду, что обе стороны «проявят сдержанность» и прекратят боевые действия согласно резолюции ООН №209 от 4 сентября 1965 г. [9].

Кульминацией индо-чехословацкого взаимодействия в разгар войны стал визит с 4 по 5 октября 1965 г. в Прагу (6 октября в Братиславу) президента Индии С. Радхакришнана [8, с. 324]. Следуя циркулярной телеграфной информации МИД Чехословакии, визит высокопоставленного чиновника из Индии прежде всего был направлен на получение поддержки индийской стороны в индо-пакистанском противостоянии. С. Радхакришнан подробно изложил позицию Индии в противостоянии с Пакистаном, особенно обращая внимание чехословацких дипломатов на оборонительный характер действий индийских властей. Индийский президент высоко оценивал поддержку Чехословакии в вопросе Кашмира и дал «весьма позитивную оценку» двустороннему сотрудничеству между Индией и Чехословакии. В свою очередь, А. Новотный подтвердил выполнение всех договорных обязательств между сторонами, особенно в оказании помощи в индустриализации Индии [4, с. 216–217]. Визит президента Индии является пиковым моментом использования Прагой своего «особого» статуса в ходе рассматриваемого конфликта. Сам факт прибытия С. Радхакришнана в Чехословакию в разгар боевых действий между Индией и Пакистаном, делал ее диалоговой площадкой, на которой индийские представители доносили свою точку зрения не только до официальных лиц Чехословакии, но и для СССР. Для Праги подобные мероприятия стали подтверждением ее высокого статуса во внешней политике Индии, позволяя расширять свое влияние в Южной Азии.

Таким образом, в процессе индо-пакистанского урегулирования в 1965 г. Прага заняла сбалансированную позицию, что позволило ей сохранить отношения с обеими сторонами конфликта. Однако ее роль не сводилась лишь к пассивному наблюдению или соблюдению баланса интересов. На основе анализа документов можно утверждать, что Чехословакия сыграла конкретную, хотя и вспомогательную, роль в процессе дипломатического урегулирования. В первую очередь Прага выполняла функцию доверенного диалогового канала для Индии в социалистическом лагере, предоставляя Москве дополнительный и, возможно более неформальный источник информации. Во-вторых, Чехословакия постаралась занять особую позицию по отношению к Пакистану, что подтверждается высокоуровневыми дипломатическими контактами между странами и стремлением чехословацкой дипломатии к прагматичному взаимодействию с Исламабадом в рамках существующих дружественных отношений с Нью-Дели. Чехословакии использовала свое положение «нейтрального» наблюдателя для сбора и анализа информации,

которая не могла не учитываться при выработке общей советской стратегии по кашмирскому вопросу. Ее влияние на процессы индо-пакистанского урегулирования было далеко не решающим, но создававшим благоприятный фон для основных переговоров, подтверждая тезис о том, что «малые» акторы в условиях Холодной войны могли обладать специфическим, ситуативным влиянием, опираясь на свои уникальные ресурсы и отношения.

Источники и литература

1. Татарков, Д. Б., Битва за Кашмир: пакистано-индийская война 1965 г. : Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. / Д. Б. Татарков. – М. : Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2020. – 189 с.

2. Письмо постоянного представителя Индии от 24 марта 1966 года на имя председателя Совета Безопасности // Организация Объединенных Наций. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/525864/files/S_7221-RU.pdf (дата обращения: 03.02.2026).

3. Dejmek, J. Cirkulární telegramy Československého ministerstva zahraničních věcí z let komunistického režimu (1956–1989), Díl první - Cirkulární telegramy MZV 1956–1967/68, Svazek I/1 / J. Dejmek. – Praha : Historický ústav, 2020. – 579 s.

4. Dejmek, J. Cirkulární telegramy Československého ministerstva zahraničních věcí z let komunistického režimu (1956–1989), Díl první – Cirkulární telegramy MZV 1956–1967/68, Svazek I/2 / J. Dejmek. – Praha : Historický ústav, 2020. – 640 s.

5. Яковлев, А. Ю. Кашмир, региональная безопасность и индопакистанские отношения / А. Ю. Яковлев // Ars Administrandi. – 2011. – № 4. – С. 97–107.

6. Chaudhuri, R. «Just another border incident»: The Rann of Kutch and the 1965 India-Pakistan War. / R. Chaudhuri // Journal of Strategic Studies. – 2019. – № 42(5). – P. 654–676.

7. Colman, J. Britain and the Indo-Pakistani Conflict: The Rann of Kutch and Kashmir, 1965. / J. Colman // The Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2009. – № 37(3). – P. 465–482.

8. Petruf, P. Československá zahraničná politika 1945 – 1992 / P. Petruf. – Bratislava : Historický ústav SAV, 2007. – 541 s.

9. Резолюция № 209 от 4 сентября 1965 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/210(1965) (дата обращения: 03.02.2026).

УДК 947.6+323.15(476)

О. Г. Казак
Белорусский государственный
экономический университет

ВОПРОС ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЬСКОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НОВОГРУДКЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ (1997–1998 ГОДЫ)

В статье рассматриваются общественные дискуссии относительно открытия польскоязычного класса и школы в Новогрудке Гродненской области во второй половине 1990-х гг. Подробно анализируются позиции различных участников данной локальной конфликтной ситуации (Министерство образования Республики Беларусь, Государственный комитет по делам религий и национальностей, органы местной власти, активисты Союза поляков Беларуси, дипломатические круги Польши). Основу источниковой базы статьи составили документы Национального архива Республики Беларусь.

По данным переписи населения 1989 г., в Беларуси проживало около 417 тыс. лиц польской национальности, около 300 тыс. из них – в Гродненской области. С 1988 г. в Беларуси начинается изучение польского языка в учреждениях образования. В 1996 г. была открыта отдельная польскоязычная школа в Гродно, в 1999 г. начало свое функционирование аналогичное учебное заведение в Волковыске. Школы были возведены за счет средств государственных и общественных институтов Польши, их работа обеспечивалась в основном за счет государственного бюджета Беларуси. Крупнейшим общественным объединением польской диаспоры в Беларуси был Союз поляков Беларуси (далее – СПБ), основанный в 1990 г. на базе Польского культурно-просветительского общества им. А. Мицкевича. Руководителем данной организации в 1990–2000 гг. являлся Т. Гавин. Заметное влияние на положение польского национального меньшинства в Беларуси оказывали государственные и общественные (например, «Полония», «Вспульнота польска») институты Польши.

После референдума 1996 г. в Республике Беларусь произошел перелом в белорусско-польских отношениях, который проявился в переходе от интенсивных контактов в политической, экономической, культурной сферах к малоэффективной тактике «критического диалога», которую избрала Варшава. Польская сторона безосновательно обвиняла Минск в недостаточном следовании принципам демократии, деятельность дипломатических ведомств фактически ограничивалась поддержкой польской диаспоры [1, с. 206–207]. В этой связи показательна дискуссия об организации польскоязычного образования в Новогрудке (Гродненская область) в 1997–1998 гг., актуализированная деятельностью отдельных активистов СПБ. Даже представители внешнеполитического ведомства и дипломатических структур Польши в условиях «критического диалога» признавали гиперболизированность многих требований полонийного объединения.

Суть локальной конфликтной ситуации, возникшей в 1997 г., была изложена в письме заместителя Председателя Гродненского областного исполнительного комитета М. А. Логвина в Совет Министров (23 декабря 1997 г.). Сообщалось, что в средней школе № 1 Новогрудка в 1997 / 1998 учебном году функционировало три польскоязычных класса (25 учеников), в средней школе № 6 – один класс (девять учеников). По состоянию на 1 сентября 1997 г. поступило семь заявлений от родителей, желавших организовать первый класс с польским языком обучения в средней школе № 1, однако в октябре 1997 г. родители четверых учащихся отозвали свои заявления. Новогрудский районный исполнительный комитет дважды (16 сентября и 28 октября) рассматривал вопрос открытия в средней школе № 1 первого класса с польским языком обучения. Учитывая немногочисленность лиц, желавших открытия такого класса, было принято решение предложить их детям изучение польского языка в качестве отдельного предмета. Вопрос правомерности данного решения изучался областной прокуратурой, нарушений выявлено не было [2, л. 212].

Тем временем некоторые представители руководства СПБ придавали данному вопросу излишнюю остроту. 22 ноября 1997 г. за подписью заместителя председателя данной организации было направлено письмо Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко (копия – Послу Польши в Минске Э. Спыхальской). Ситуация рассматривалась как целенаправленные дискриминационные меры, якобы допущенные местной властью «при попустительстве, а не исключено, что и по прямому указанию вышестоящих органов». Сообщалось, что родители, чьи просьбы об открытии польскоязычного класса не были удовлетворены, отказывались отпускать своих детей в школу. Т. Малевич заявлял о возможности придания вопросу широкой международной огласки, сообщал о намерении ознакомить со своей позицией членов представительных делегаций, которые должны были прибыть в Новогрудок для участия в праздничных мероприятиях, посвященных 200-летию А. Мицкевича [2, л. 201].

Позицию по ситуации в Новогрудке представило Министерство образования Республики Беларусь. В письме за подписью Министра образования В. И. Стражева в Национальную академию наук Беларуси (данной организации по поручению заместителя

Председателя Совета Министров В. П. Заметалина было необходимо обобщить мнения различных ведомств по вопросам, затрагивавшимся в многочисленных обращениях СПБ) от 24 декабря 1997 г. сообщалось о рабочей поездке в Новогрудок сотрудника Главного управления общего среднего образования Министерства образования. Состоялась встреча с руководством районного исполнительного комитета, были посещены школы, в которых велось преподавание на польском языке, состоялись встречи с родителями учеников и руководством местного отделения СПБ. Трудности с открытием отдельного класса объяснялись малым количеством заявлений (семь) и реорганизацией Новогрудских районного и городского исполнительных комитетов, которая проходила в то время. На конец октября 1997 г. большинство родителей перевели своих детей в другие учебные заведения, родители двоих детей не соглашались с принятым решением, хотя им предлагались различные пути изучения польского языка. Родителям было разъяснено, что заявления об открытии класса с польским языком обучения должны были подаваться до 1 мая соответствующего года. Если количество заявлений было меньше предусмотренных Положением об общеобразовательной школе норм, решение об открытии класса следовало принимать на заседании районного исполнительного комитета. Определенная часть родителей согласилась с позицией Министерства образования о целесообразности обучения на польском языке только в 1–4 классах и изучением в рамках базовой и средней школы на польском языке отдельных предметов (польский язык, польская литература, история и география Польши, музыка и культура польского народа). Управлению образования Новогрудского районного исполнительного комитета рекомендовалось «более целенаправленно и результативно проводить разъяснительную работу с населением по вопросам обучения на польском языке» [2, л. 112–113].

Несколько более жесткую позицию занял Государственный комитет по делам религий и национальностей. О возможности вызревания конфликтной ситуации заместитель Председателя комитета И. И. Янович сообщал в Администрацию Президента уже 6 июня 1997 г. В письме подчеркивалось, что участие общественных организаций, Министерства образования Польши в организации в Беларуси школ с польским языком обучения зачастую обостряло сферу межнациональных отношений. Так, со стороны Польши звучали обещания помощи в строительстве польских школ в Новогрудке и Волковыске. Местные власти в свое время шли навстречу инициативам СПБ, который лоббировал данный вопрос, и в принципе соглашались с возможностью строительства таких школ. Позже выяснилось, что желающих учиться в таких школах недостаточно и строительство школ нецелесообразно. Отказ от прежних позиций грозил вызвать значительное количество обращений СПБ в различные инстанции с требованием выполнить ранее принятые решения. В документе подчеркивалась необходимость разработки и утверждения порядка изучения образовательных процессов национальных меньшинств и принятия окончательных согласованных решений по их удовлетворению, в том числе с целью регулирования адресности помощи из Польши [2, л. 118–119].

В письме в Министерство образования от 22 декабря 1997 г. (копия была направлена в Национальную академию наук Беларуси) Председатель Государственного комитета по делам религий и национальностей А. Н. Билык отмечал, что органы местной власти в пределах своих возможностей способствовали удовлетворению образовательных запросов лиц польской национальности. В то же время подчеркивалось, что не всегда последовательные действия органов районного управления приводили к напряженным ситуациям, которые использовали отдельные деструктивно настроенные активисты польского этнополитического движения. Так, А. Н. Билык считал, что Новогрудский районный исполнительный комитет не проделал необходимой работы в процессе сбора заявлений родителей об обучении детей в польскоязычном классе, подготовки и проведения встреч с этими родителями по инициативе СПБ, а затем проявил неоправданную медлительность, что дало руководству СПБ повод для создания нездорового ажиотажа вокруг проблемы. Учитывая недостаточное регламентирование процесса принятия

решений по поводу открытия классов или школ с обучением на языках национальных общностей, А. Н. Билык считал необходимым участие областных и республиканских органов управления образования, Государственного комитета по делам религий и национальностей в обсуждении и принятии решений по таким вопросам на стадии их первичной постановки [2, л. 116–117].

В 1997 г. обсуждался вопрос строительства польской школы в Новогрудке за счет финансирования Польши. Председатель Новогрудского районного исполнительного комитета А. В. Лис отказался подписать договор с СПБ о строительстве учебного заведения данного типа, ссылаясь на недостаточное количество желающих изучать польский язык. Ни районный, ни Гродненский областной суд, в которые подавали иски руководители СПБ, нарушений со стороны местных властей не выявили. Примечательно, что против строительства школы в Новогрудке публично выступал Консул Польши в Гродно С. Шостак [3, с. 199–200]. В марте 1999 г. Государственный комитет по делам печати Республики Беларусь подверг критике издание СПБ «Голос над Неманом» в том числе за публикацию материалов деструктивного характера. В частности, речь шла о призывах руководителя СПБ Т. Гавина к проведению несанкционированных пикетов перед зданием Гродненского областного исполнительного комитета, Новогрудского районного исполнительного комитета (участники акций требовали открытия польской школы в Новогрудке). В декабре 2000 г. Государственный комитет по делам печати Республики Беларусь сообщил, что государственное финансирование газеты «Голос над Неманом» далее не представлялось возможным [4, с. 46–47].

30 сентября 1998 г. заместитель Министра иностранных дел Республики Беларусь Н. Н. Мазай направила заместителю Председателя Совета Министров В. П. Заметалину перевод статей польской прессы с материалами о жизни белорусов в Польше и польской диаспоры в Беларуси. В статье У. Пивовар в газете «Трибуна» (8 сентября 1998 г.) было опубликовано интервью Т. Малевича. Заместитель председателя СПБ не только критиковал белорусские власти за позицию в польском вопросе, но и обвинял элиты Польши в недостаточном внимании к проблемам диаспоры в Беларуси. В материал У. Пивовар вошел также фрагмент интервью пресс-секретаря Министерства иностранных дел Польши П. Добровольского. Чиновник заверил, что польское внешнеполитическое ведомство прекрасно ориентировалось в делах поляков в Беларуси. П. Добровольский не исключал некоторую медлительность органов местной власти в реализации национально-культурных потребностей поляков Беларуси, но при этом отметил определенную инерцию рядовых представителей польской диаспоры, которые «не реагировали на некоторые предложения» активистов польского этнополитического движения. Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Польши отрицал «какой-либо катаклизм польского обучения в Беларуси» и отметил, что официальная Варшава не поддерживала намерений активистов СПБ устраивать нелегальные митинги в Новогрудке. П. Добровольский резюмировал свое интервью следующим образом: «Мы не можем требовать от властей создания польских классов, если нет желающих их посещать» [5, л. 174–175].

Таким образом, анализ документов, раскрывающих сущность локального конфликта между руководством СПБ и представителями местной власти Новогрудского района Гродненской области, позволяет сделать ряд выводов. Данный пример демонстрирует намеренную гиперболизацию проблемы удовлетворения национально-культурных потребностей польской диаспоры в Беларуси со стороны отдельных активистов СПБ. Требования открытия польскоязычных классов и школы в Новогрудке были неадекватны ввиду небольшого количества лиц, желавших изучать все учебные дисциплины на польском языке. Данные действия могли предприниматься для искусственного продвижения тематики межнациональных отношений в актуальную общественно-политическую повестку (как внутри Беларуси, так и на международной арене). Показательно, что дипломатические круги Польши в данной ситуации дистанцировались от радикальных требований части руководства полонийной организации Беларуси, видя в них искусственную политизацию этничности.

Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Этнополитические аспекты национальной безопасности Республики Беларусь» задания «Политическая и социальная безопасность как фактор укрепления белорусской государственности» Государственной программы научных исследований «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» на 2026–2030 гг.

Источники и литература

1. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мн. : БДУ, 2017. – 287 с.

2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 7. Оп. 16. Д. 1431.

3. Казак, О. Г. Деятельность Союза поляков Беларуси / О. Г. Казак // Негосударственные акторы: на изломе эпох : монография / под науч. ред. О. С. Пустошинской. – М. : ИНФРА-М, 2023. – С. 179–240.

4. Пушкін, І. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.) / І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – 206 с.

5. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 16. Д. 1434.

Навуковае выданне

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 10

Падпісана да друку 16.04.2026. Фармат 60х84 1/8.
Папера афсетная. Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 26,97.
Ул.-выд. арк. 23,49. Тыраж 20 экз. Заказ 217.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі
“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”.
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013 г.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў у якасці:
выдаўца друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013 г.;
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 3/1452 ад 17.04.2017 г.
Вул. Савецкая, 104, 246028, Гомель.